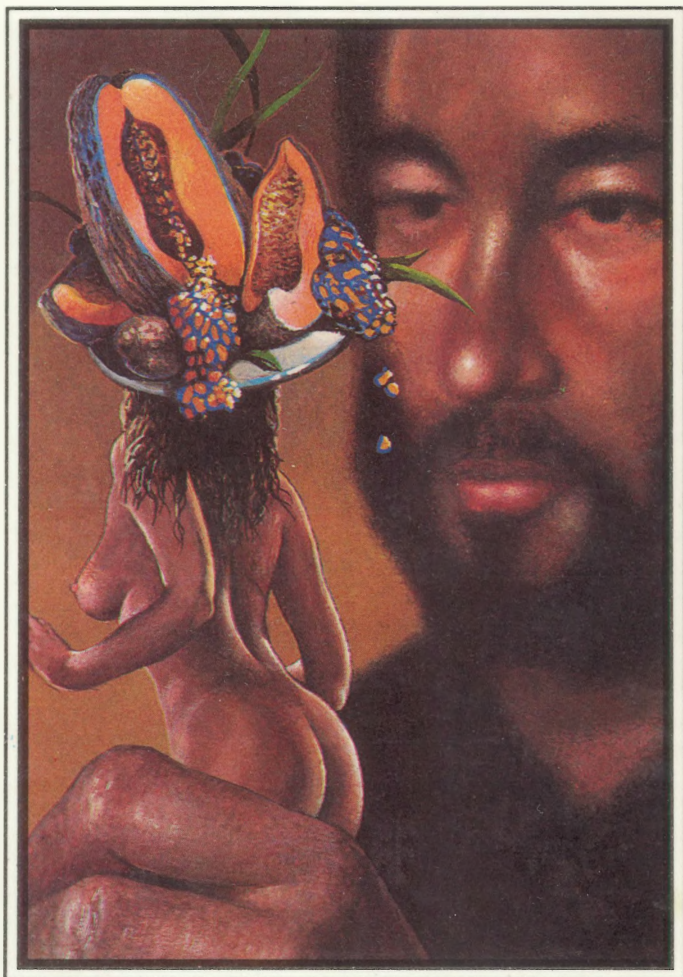

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume twenty four

SHORT STORIES

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга двадцать четвертая

РАССКАЗЫ

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

ББК 84.7США
X15

Assignment in Eternity

Copyright © 1953 by Robert A. Heinlein

The Menace from Earth

Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
*перевод на русский язык, составление,
оформление*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

X 4703040100—049 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-098-0

**НАЗНАЧЕНИЕ
В ВЕЧНОСТЬ**

БЕЗДНА

Посвящается Спрэгу и Кэтрин

Ракета, стартовавшая с базы первой лунной четверти, доставила его на станцию Пьед-а-Терра. Фамилия, под которой он путешествовал, благодаря его предусмотрительности начиналась на букву «А», так что он прошел портовую инспекцию и попал в спящий по туннелю к городу челночок до основной оравы пассажиров. Оказавшись в машине, он сразу пошел в мужской туалет, заперся там. Живо застегнул пряжки страховочного ремня, сунул его крюки в держатели на стене и неуклюже наклонился, чтобы достать из чемодана бритву. Тут его качнуло и, несмотря на ремень, он ударился головой — и выругался. Выпрямился и пустил в ход бритву. Усы исчезли; он подкоротил баки, прошелся по краям бровей; полотенцем стер масло, заставлявшее волосы лежать гладко и, расчесанные, они превратились в волнистую гриву.

Машина теперь шла ровно, достигнув трехсот миль в час; он выбрался из страховочного ремня, не вынимая крюков из держателей, молниеносно стащил с себя лунный скафандр, достал из чемодана и надел повседневный костюм из твида, пригодный для прогулок по

Земле и абсолютно неприемлемый для снабженных воздушными кондиционерами коридоров Лунной Колонии. Туфли он сменил на прогулочные башмаки, которые достал из чемодана. Джозл Абнер, коммивояжер, исчез; вместо него появился Джозеф Гилеад, исследователь, лектор и писатель. Оба эти имени использовались по необходимости, ни одно из них не было его подлинным.

Лунный скафандр он изрезал на ленточки и выкинул их в унитаз, туда же швырнул идентификационную карточку «Джозла Абнера», затем отодрал пластиковое покрытие чемодана и отправил обрывки вслед за всем остальным. Теперь чемодан стал жемчужно-зеленого цвета с грубой поверхностью, а не темно-коричневым гладким, каким был прежде. Его несколько тревожили туфли: он побаивался, как бы они не засорили канализацию. Пришлось запихнуть их в мусорный ящик.

В то время как он их запихивал туда, прозвучал сигнал, предупреждающий об изменении скорости; он едва успел влезть обратно в ремень. Зато к тому моменту, когда челнок погрузился в магнитное поле и остановился, от Джозла Абнера не осталось ничего, кроме ничем не примечательного нижнего белья, самых обычных туалетных принадлежностей, да десятков двух катушек с микропленками, которые могли принадлежать и коммивояжеру, и писателю-лектору — если их не рассматривать внимательно. А он, пока жив, намеривался не допустить, чтобы их рассматривали.

Выждав в туалете и убедившись в том, что последний пассажир покинул машину, Гилеад прошел в следующий вагон, вышел через его дверь и направился к лифту, чтобы подняться на поверхность.

— Отель «Новая Эра», сэр, — умоляюще произнес чей-то голос прямо у него над ухом. Чья-то рука ухватилась за ручку чемодана.

Он подавил рефлекс, побуждавший его отобрать чемодан, и оглядел говорившего с головы до ног. На первый взгляд тот показался коротышкой-подростком в аккуратной форме и в шапочке. При дальнейшем разглядывании у него обнаружились преждевременные морщины и черты, по крайней мере, сорокалетнего мужчины. Глаза были подернуты пеленой. «Что-то с

гипофизом, — подумал капитан, — да еще и под хмельком».

— Отель «Новая Эра», — повторил гостиничный агент. — Лучшее механическое обслуживание в городе, сэр. Тем, кто только что прилетел с Луны, положена скидка.

Капитан Гилеад, когда останавливался в городе под этим именем, всегда обосновывался в добром старом «Савое». Но идея насчет «Новой Эры» ему импонировала: в этой невероятно громадной, кишасей людьми и ультрамодерновой гостинице он сможет оставаться незамеченным, пока не выполнит то, что должен.

Очень капитану не хотелось выпускать из рук чемодан. Но, не позволив агенту нести багаж, он разрушит образ; это привлечет внимание к нему — да и к чемодану. Капитан решил, что болезненный недоросток ни почем не обогнал бы его, даже если бы он, Гилеад, передвигался на костылях; достаточно будет не спускать с чемодана глаз.

— Веди, друг! — дружелюбно ответил он, выпуская чемодан.

Не возникло ни малейшего замешательства: он отдал чемодан, как только гостиничный агент ухватился за него.

— О'кей, шеф!

Агент первым вошел в пустой лифт, продвинулся в глубину кабины и поставил чемодан рядом с собой на пол. Пока в лифт втискивались другие пассажиры, Гилеад расположился так, чтобы твердо опираться ногой о чемодан и стоять лицом к выходу. Машина тронулась.

В лифте была давка; на Гилеада нажимали со всех сторон, — но он заметил, что со спины по совершенно непонятным причинам его толкали особенно сильно.

Гилеад сделал внезапное движение правой рукой и сжал чье-то костлявое запястье. Он стоял неподвижно, и тот, кому принадлежала рука, не пытался ни вырваться, ни сопротивляться. Так оба и оставались в той же позиции, пока лифт не достиг поверхности. Когда пассажиры вышли, Гилеад левой рукой нащупал чемодан, а правой вышвырнул схваченного им человека из лифта.

Им, конечно же, оказался агент, а в кулаке у него был зажат бумажник Гилеада.

— Вы его чуть не потеряли, шеф, — объявил коротышка без малейшего смущения. — Он уже у вас из кармана вываливался.

Гилеад взял бумажник и засунул его во внутренний карман.

— Через молнию выпал, — бодро согласился он. — Что ж, сейчас отыщем фараона.

Недоросток попытался вырваться:

— Не докажете!

Гилеад продумывал оборонительную тактику. Действительно, не докажет. Бумажник — у него. Что до свидетелей, так пассажиры лифта уже разошлись, да они и не видели ничего. Лифт был автоматический. Гилеад просто оказался бы в глупой ситуации — ни с того ни с сего схватил другого гражданина за руку. Да и самому-то ему совсем не хотелось встречаться с полицией.

Он отпустил запястье:

— Ступай своей дорогой, друг. Мы квиты.

Недоросток не шевельнулся:

— А мои чаевые?

Гилеаду начинал нравиться этот негодник. Он вытащил полкредита из кармана с мелочью и швырнул монету агенту. Тот поймал ее на лету, но не уходил.

— Давайте поднесу ваш чемодан.

— Нет уж, спасибо, парень, Я найду твою восхитительную гостиницу самостоятельно. Иди своей дорогой!

— Ах, вот как? А мои коммиссионные? Мне надо нести ваш чемодан, а то как же узнают, что это я вас сюда приволок? Давайте!

Непрошибаемая настойчивость этого парня просто восхищала Гилеада. Он отыскал монету в два кредита:

— Вот тебе твои чаевые. А теперь — проваливай, пока я тебе не дал под зад коленом!

— Это вы-то?

Гилеад хмыкнул и двинулся к главному входу в отель «Новая Эра». Он заметил, что недоросток не отошел назад к лифту, как следовало ожидать, но по-прежнему не отстает от него ни на шаг. Гилеад

обдумал это обстоятельство. Агент мог быть действительно тем, кем он казался: просто городским подонком, время от времени сочетающим воровство со своим легальным занятием. С другой стороны...

Он решил разгрузиться. Свернул внезапно ко входу в драгстор и, перешагнув порог, остановился, чтобы купить газету. Пока для него отпечатавали копию, он взял с прилавка, как будто бы его вдруг осенило, три стандартных цилиндрика для пневматической почты. Заплатил за них, а резиновый штампик для отпечатки адресных наклеек незаметно зажал в ладони.

Взглянув на зеркальную стену, Гилеад убедился, что его преследователь топчется на улице и продолжает наблюдать за ним. Гилеад отступил к содовому фонтанику и проскользнул в незанятую кабину. Хотя в это время повсюду шло представление — в высшей степени соблазнительная исполнительница стриптиза разоблачалась до последней нитки бус, — он задернул занавеску.

Вскоре слабо вспыхнул сигнальный огонек над входом, он откликнулся:

— Войдите!

К нему за занавеску вошла симпатичная и очень юная официанточка. Пластиковый костюмчик прикрывал ее, не пряча ничего. Она осмотрелась.

— Вы скучаете?

— Нет, спасибо, я устал.

— А как насчет рыженькой? Такая умница...

— Я в самом деле устал. Принесите мне две бутылки пива, неоткупоренные, и два соленых кренделя.

— Как угодно, парнишка.

Она вышла.

Гилеад молниеносно открыл свой чемодан, выбрал девять кассет с микропленкой и загрузил их в три цилиндрика, каждый из которых вмещал три обычных кассеты. Затем Гилеад взял стянутую почтовую наклейку, написал адрес: «Рэймонду Кэзуну, П. О., ящик 1060, Чикаго» и начал с великим тщанием обрабатывать прямоугольничек, оставленный для электроглаза сортировщика. Адрес он составил из символов, предназначенных не для чтения, а для распознавания автоматом. Написанный от руки адрес был только предосторожно-

стью на случай, если робот-сортировщик забракует его изображенные от руки символы как неразборчивые и вручит цилиндрик почтовому клерку-человеку для переадресовки.

Работал он быстро, но с аккуратностью гравера. Официантка вернулась прежде, чем он закончил. Его предупредил о ее приходе сигнальный огонек; Гилеад прикрыл наклейку локтем.

Ставя перед ним пиво и блюдо с крендельками, она взглянула на почтовые цилиндрики:

— Хотите, чтобы я это отправила?

Какую-то долю секунды он колебался. Выходя из туннеля, он хорошенько убедился: во-первых, что на личность Джозла Абнера, коммивояжера, никто не обратил внимания; во-вторых, что превращение Абнера в Гилеада было выполнено так, что не возбудило ни в ком ни малейших подозрений. Эпизод с карманным воришкой не встревожил его, но заставил пересмотреть два пункта, которые из хорошо рассчитанных и неоспоримых превратились в недоказанные изменчивые величины. Он заново их проверил, и теперь они снова сделались постоянными величинами, но с противоположным знаком. С момента как он обнаружил своего недавнего носильщика, агента «Новой Эры», стоящим за дверью этого самого драгстора, подсознание Гилеада громко подавало сигналы тревоги, точно автомат, предупреждающий кражу со взломом.

Стало ясно не только то, что его выследили, но и то, что они действуют с таким тщанием и ловкостью, каких он не предвидел.

Но можно с математической точностью доказать, что девушка здесь ни при чем. Не могли же они предвидеть, что он выберет именно этот драгстор и свернет в него. Вообще-то они могли бы использовать ее — ведь с тех пор как он впервые вступил с ней в контакт, она какое-то время была вне поля его зрения. Но она явно не достаточно умна, несмотря на свою кошачью утонченность, и трудно поверить, что к ней подобралась, подкупили, проинструктировали за тот краткий промежуток времени, который нужен для того, чтобы принести две бутылки пива, и чтобы она сумела сообразить, как воспользоваться неожиданной

ситуацией. Нет, эта девица просто за чаевыми охотится. А потому она не опасна.

Но наряд ее не давал возможности спрятать три почтовых цилиндрика, да и небезопасно для нее будет пробираться сквозь толпу по дороге на почту. Не было у него желания, чтобы завтра утром ее нашли мертвой в канаве.

— Нет, — ответил он. — Мне все равно мимо почты идти. Но спасибо, что вы об этом подумали. Вот, — он дал ей полкредита.

— Спасибо.

Она ждала и со значением глядела на пиво. Он снова порылся в кармане для мелочи, отыскал всего несколько монеток, потянулся за бумажником и вытащил из него банкнот в пять плутонов.

— Возьмите себе отсюда.

Она вернула ему сдачи три бумажки по одному плутону и мелочь. Он подвинул к ней мелочь, потом, похолодев, стал ждать, когда она соберет ее и выйдет. Тогда только он поднес бумажник к глазам.

Это был не его бумажник.

«Мог бы заметить раньше», — упрекнул он себя. Хотя прошла всего секунда с того момента, как он вытащил бумажник из скрюченных пальцев агента гостиницы, до мгновения, когда он сунул его в свой нагрудный карман, ему нужно было это понять — понять и заставить агента вернуть настоящий бумажник, даже если для этого пришлось бы с него живого содрать шкуру.

Но почему же он так уверен, что это не его бумажник? Он точно такого же размера и формы, весит столько же и точно такой же на ощупь — настоящая страусовая кожа в эту эпоху синтетики. Вот застарелое чернильное пятно — из-за того, что Гилеад положил его в один карман с ручкой, которая текла. А здесь видна царапина в форме буквы «У» — с таких давних времен, что он не мог припомнить обстоятельств, при которых она появилась.

И все же — это не его бумажник.

Он снова открыл его. Количество денег в точности то же, его карточка Клуба Исследователей и другие его идентификационные карточки, истрепанная фотография

кобылы, когда-то ему принадлежавшей. И все же — чем больше предметов подтверждало, что бумажник принадлежит ему, тем больше он убеждался, что это не так. Вещи были поддельными, от них несло фальшью.

Был способ убедиться в этом. Гилеад щелкнул хитроумно устроенным выключателем: кабина погрузилась в темноту. Он вынул перочинный ножик и осторожно разрезал шов на задней стороне отделения для банкнотов. Засунул палец в потайной карман, скрытый таким образом, — там было пусто. За исключением этого обстоятельства, дубликат его собственного бумажника изготовлен в совершенстве; карман должен быть заполнен, но пальцы Гилеада нащупывали только грубую кожу.

Капитан снова зажег свет, убрал бумажник и возобновил прерванную работу над адресом. Досадно, что пропала карточка, которая лежала в потайном кармашке, это определенно его крупный промах, просто настоящая беда, но вряд ли есть риск, что обнаружится заключенная в карточке информация. Сама по себе она ни о чем не говорит, если только не рассматривать ее при «черном» освещении; если же она попадает на «белый» свет — например, вдруг кто-то разрежет его бумажник на части, — на такой случай она имеет приводящую кого угодно в замешательство способность неожиданно вспыхивать пламенем.

Он продолжал работать над адресом, решая тем временем более общую проблему — почему же они действовали так сложно, принимая меры, чтобы он не понял, что его бумажник все-таки украден; и еще более трудноразрешимый вопрос: зачем они обременили себя его бумажником. Закончив, он засунул остатки наклейки в щель кабины, зажал в ладони заготовленный ярлычок с адресом, взял чемодан и три почтовых цилиндрика. Он держал цилиндрики, отдавая один из них пальцем.

В драгсторе, считал он, никакого нападения не следует. Людное пространство, отделяющее его от почты, тоже можно было бы считать безопасным — но не сегодня. Он знал, что в такой большой толпе люди способны стать свидетелями не более, чем такое же количество деревьев, — в случае, если противник вос-

пользуется утяжеленными свинцом костями, то есть, прибегнет к отвлекающему маневру.

Он пересек боковую дорожку и устремился прямо к почтовому отделению, стараясь держаться как можно дальше от прохожих, и тут же заметил, что какие-то двое устремились к нему — и началось то, чего он ожидал.

Вспыхнул ослепительный свет, раздался оглушительный взрыв, сопровождаемый воем и испуганными криками. Что взорвалось — Гилеад догадывался, а вой и крики, без сомнения, совершенно непринужденно издавала публика. Придя в некоторое замешательство — не только из-за взрыва, но из-за всего сразу, — он, однако, даже не повернул головы.

Те двое поспешно приблизились, как по сигналу.

Большинство животных и почти все люди начинают драку только после того, как их толкнут, что лишает их определенного преимущества. Эти двое не сделали ни одного агрессивного жеста, только приблизились. Они не успели броситься на него.

Гилеад ударил первого из них в коленную чашечку боковой частью ступни — гораздо более ощутимый удар, чем нанесенный носком. Одновременно он обрушил на второго свой чемодан, не причинив тому особого вреда, но перехватив у него инициативу. Затем он с силой нанес этому второму удар в живот.

Тот, кому он повредил колено, лежал на мостовой, но все еще проявлял активность, он доставал что-то, пистолет или нож. Гилеад дал ему по голове и, перешагнув через него, снова устремился к почтовому отделению.

Не спешить! Не спешить! Нельзя производить впечатление, будто удираешь; надо выглядеть вполне респектабельным гражданином, который спокойно идет по своим законным делам.

Почтовое отделение уже совсем близко, и все еще никто не опустил руку ему на плечо, никакого грозного окрика, никаких торопливых шагов сзади. Он добрался до почтового отделения, вошел в него. Отвлекающие трюки противника в совершенстве сыграли свою роль — но для Гилеада, а не для них.

У адресной машины — небольшая очередь. Гилеад встал в хвост, достал ручку и написал адреса на цилиндриках. Почти тотчас еще один человек пристроился за ним; Гилеад не старался скрыть от него, что за адрес он написал: «Капитан Джозеф Гилеад, Клуб Исследователей, Нью-Йорк». Когда подошла его очередь пользоваться шифровальной печатной машиной, он опять-таки не скрываясь отпечатал адрес для автомата соответствующий тому, который был написан от руки на каждом цилиндрике.

Он работал с некоторой неловкостью, так как в левой руке у него была спрятана заранее изготовленная наклейка с адресом.

Он отошел от машины, отпечатающей адреса, к той, которая принимала почту; человек, стоящий за ним в очереди, последовал туда тоже, даже не сделав вида, что печатал что-то.

Вж-жик! — и первый цилиндрик исчез с приглушенным всхлипом сжатого воздуха. *Вж-жик!* еще раз, — и второй исчез, — и все это время Гилеад, держа в ладони последний из них, прижимал самодельную наклейку поверх того адреса, который он только что отпечатал. Не глядя, на ощупь, он убедился, что наклейка на месте, все уголки пристали плотно, и тогда — *вж-жик!* — и этот цилиндрик последовал за первыми двумя.

Гилеад стремительно обернулся и тяжело наступил на ноги человеку, который топтался сзади.

— Уу-ух ты! Извините меня, — радостно произнес он и свернул в сторону.

Ему стало весело: удалось не только вручить свой опасный груз бездумной, абсолютно надежной автоматической машине, которую нельзя ни к чему-то принудить, ни подкупить, ни одурманить наркотиками, ни развратить каким-то иным способом и в сложном устройстве которой цилиндрик будет надежно упрятан, пока не достигнет места своего назначения, известного только Гилеаду, — но еще и наступить на мозоли одному из своих противников.

На крыльце почтового отделения он задержался возле полисмена, который ковырял в зубах, не сводя глаз с кучки народа и машины «скорой помощи» посреди улицы.

— Что случилось? — спросил Гилеад.

Фараон переместил зубочистку.

— Сначала какой-то распроклятый идиот запускает фейерверк, — ответил он, — а потом двое парней начинают драться и чуть не приканчивают друг друга.

— Бог ты мой! — откомментировал это сообщение Гилеад и направился через улицу к отелю «Новая Эра».

В вестибюле он как следует огляделся в поисках «друга», сидевшего у него на хвосте, но не обнаружил того. Гилеад сомневался, что этот недоросток числится в гостиничном штате. Он зарегистрировался под именем капитана Гилеада, заказал номер из нескольких комнат, подобающий той персоне, которую изображал, и позволил проводить себя к лифту.

Агента, который только что опустиллся, он заметил, когда сам со служителем собирался подниматься.

— Эй, коротышка, — окликнул он его, одновременно принимая решение ничего не есть в этом отеле. — Как дела?

Недоросток, кажется, вздрогнул, потом прошел мимо, не отвечая, с ничего не выражающим взглядом. Вряд ли, размышлял Гилеад, этого недоростка стали бы еще использовать после того, как его выследили, следовательно, какой-то связующий почтовый ящик, или явка, или штаб-квартира его врагов должна быть прямо здесь, в отеле. Прекрасно, это избавит от необходимости лишней езды туда-сюда — и всем будет приятно!

Между тем нужно принять ванну.

Оказавшись в номере, Гилеад сунул чаевые сопровождающему, который медлил уходить.

— Вам нужна компания?

— Нет уж, благодарю. Я отшельник.

— Тогда попробуйте это.

Служащий вставил ключ от комнаты Гилеада в стереопанель, поманипулировал клавишами, вся стена осветилась и исчезла. Разгоряченная блондинка, за спиной у которой виднелся целый хор, стоящий в ряд, казалось, сейчас так и выпрыгнет прямо на колени Гилеаду.

— Это не запись, — похвастался служащий, — это живая передача прямо из Тиволи. У нас лучшее оборудование в городе.

— Да уж, — согласился Гилеад и вытащил ключ. Картинка побледнела и исчезла, музыка умолкла. — Но я хочу принять ванну, так что испарись — теперь, когда ты израсходовал четыре кредита из моих денег.

Служащий пожал плечами и удалился. Гилеад сбросил одежду и пошел в ванную. Через двадцать минут, как следует выбритый, насыщенный влагой, освеженный душем, бодрый от бивших в него струй, оттертый от грязи от ушей до кончиков пальцев ног, надушенный, напудренный и чувствующий себя на десять лет моложе, он вышел оттуда. Его одежда исчезла. Чемодан стоял на прежнем месте, Гилеад осмотрел его. Кажется, и сам чемодан, и его содержимое были в порядке. Количество кассет с микропленками — то же что и было, вообще-то это не имело значения. Важны были только три кассеты, а они уже передаются по почте. Куча остальных — записи его собственных публичных лекций. Тем не менее, он стал изучать одну из них, вытащив пленку на несколько кадров.

Да, это действительно была его лекция — но вовсе не та, которую он захватил с собой, а одна из записей, какую можно раздобыть в любом большом книжном магазине.

— Чудеса какие-то, — буркнул он и сунул пленку обратно. Такое внимание к деталям было просто восхитительно.

— Местное обслуживание!

Панель обслуживания осветилась:

— Да, сэр!

— У меня пропала одежда. Верните ее мне.

— Ее взял лакей, сэр.

— Я не просил лакея меня обслуживать. Верните одежду.

После некоторой паузы девушку на экране сменил мужчина:

— Нет необходимости просить лакея обслужить вас, сэр. Гость «Новой Эры» получает все самое лучшее.

— О'кей, верните мне все — да пошевеливайтесь! У меня свидание с царицей Савской.

— Прекрасно, сэр. — Изображение растаяло.

Криво усмехаясь, Гилеад обдумывал ситуацию. Он уже сделал самую роковую ошибку, какую только мог —

теперь это понятно, — недооценив противника, воплотившегося в неприметной личности недоростка. Он допустил, чтобы его провели: да ему следовало остановиться где угодно, только не в «Новой Эре», даже в добром старом «Савое», хотя уж тот-то отель известен как постоянное прибежище капитана Гилеада, и вероятнее всего, там сейчас устроена такая же прочная ловушка, как и в этом великолепном притоне.

Можно не сомневаться, что жить ему осталось недолго. И он должен использовать оставшиеся минуты, чтобы сообщить боссу куда отправлены те важные кассеты с микрофильмами. Затем, если он все-таки останется в живых, ему необходимо пополнить кошелек, чтобы иметь возможность действовать — денег в его бумажнике, даже если бы оный и вернули, было недостаточно для какого-то крупного акта. В-третьих, он должен послать донесение, завершить настоящее задание, и пусть тогда враги рассматривают его как отдельный случай, не связанный с микрофильмами.

Он вовсе не собирался бросать Недоростка и Компанию, даже если бы это не имело значения для выполнения задания. Ничего себе артисты — хотят его поймать на таком простом трюке, как похищение штанов! Этим они ему понравились, и захотелось увидеть еще кого-нибудь из компании, чтобы схватиться с ним по-серьезнее.

Когда изображение на панели комнатного обслуживания погасло, Гилеад начал колотить по клавишам на доске комнатного коммуникатора. Возможно — определенно возможно, — что тот код, который он использует, будет передан по всему отелю и предполагаемая интимность, достигаемая его употреблением, таким образом нарушится. Неважно: он добьется того, что босс разъединится и вызовет его другим шифром с противоположного конца. Вообще-то, конечно, та станция, к которой он прорывается, таким образом будет раскрыта, но стоит пожертвовать одной станцией связи ради того, чтобы передать сообщение.

Он стал вызывать — не Новый Вашингтон, но ту самую станцию связи, которую он выбрал. На экране возникло лицо девушки.

— Служба «Новой Эры», сэр. Вы пытались с кем-то связаться?

— Да.

— О-очень извиня-аюсь, сэр. Линия зашифрованной связи ремонтируется. Я могу передать сообщение по главному каналу.

— Нет, благодарю вас. Я позвоню, открытым кодом.

— О-очень извиня-аюсь, сэр...

Существовал только один открытый код, которым он мог воспользоваться — только в случае полного провала. Это и был полный провал. Ладно...

Он набрал открытый код, подождал. Через некоторое время появилось лицо той же самой девицы:

— О-очень сожалею, сэр, номер не отвечает. Могу я вам помочь?

— Вы могли бы отправить почтового голубя.

Он отключил экран.

Теперь ощущение холода на загривке у Гилеада усилилось; он решил, что сделает все, что, в его силах, чтобы пока помешать убить себя. Порывшись в памяти, он попытался вызвать «Звездные времена».

Никакого ответа.

Он попробовал «Горн» — снова не получил ответа.

Нет смысла биться головой об стенку; ему не дадут поговорить ни с кем за пределами отеля. Гилеад нажал кнопку вызова лакея, уселся в кресло, включил его на «легкий массаж» и блаженно наслаждался нежными прикосновениями. Да, вне всякого сомнения, в «Новой Эре» действительно лучшее механическое обслуживание в городе — ванная была великолепна, это кресло — одно удовольствие. Недавний аскетизм Лунной Колонии и сознание того, что это, возможно, последний массаж в его жизни, усиливали наслаждение.

Дверь распахнулась, вошел служащий, — Гилеад отметил, что он примерно его роста. Брови вошедшего приподнялись почти на дюйм, когда он увидел, что Гилеад обнажен, точно устрица, лишенная раковины.

— Вам нужна компания?

Гилеад вскочил и двинулся к нему.

— Нет, милый, — ответил он, улыбаясь. — Мне нужен ты, — и с этими словами ткнул его тремя вытянутыми пальцами в солнечное сплетение.

Когда человек со стоном рухнул на пол, Гилеад стукнул его по шее ребром ладони.

Пиджак оказался узковат в плечах, а ботинки великоваты, тем не менее, через две минуты «капитан Гилеад» последовал за «Джозелом Абнером» по тропе забвения, а из номера бодро вышел человек свободной профессии временно работающий в гостинице, Джо, сожалеющий о том, что не смог оставить чаевые своему предшественнику.

Он неторопливо прошел мимо пассажирских лифтов, уверенно направил по ложному пути какого-то постояльца, которой его остановил, и отыскал грузовой лифт. Рядом была дверь с надписью: «Быстрый спуск». Он открыл ее, потянулся и ухватился за ремень блока, висевший наготове; не задерживаясь для того, чтобы пристегнуться, он удовольствовался тем, что повис на нем, и ступил на край. Прошло куда меньше времени, чем потребовалось бы для спуска в шахту на парашюте, а он уже поднимался с мягкого амортизатора в подвале отеля, размышляя о том, что лунная гравитация черт-те что творит с мускулами ног.

Он покинул помещение, в котором приземлился, и двинулся в произвольном направлении, но при этом шел с таким видом, будто идет по делу и находится именно там, где ему следует быть — любой выход для него сгодится, а уж какой-нибудь он со временем отыщет.

Так он и бродил взад и вперед по громадному подсобному помещению, а потом нашел дверь, через которую в кладовую подавались продукты.

Когда же он подошел на тридцать футов к двери, она захлопнулась и раздался сигнал тревоги. Пришлось повернуть назад.

В одном из многих коридоров под гигантским отелем он натолкнулся на двух полисменов и попытался проскользнуть мимо них. Один из них вылупил на него, потом вдруг схватил его за руку:

— Капитан Гилеад...

Гилеад попытался улизнуть, но попытка не удалась.

— В чем дело?

— Вы капитан Гилеад.

— А ты моя тетушка Сэди. Отпусти мою руку, фараон.

Полисмен пошарил в кармане свободной рукой, вытащил записную книжку. Гилеад заметил, что другой офицер отодвинулся на безопасное расстояние в десять футов и нацелил на него пистолет Маркхейма.

— Капитан Гилеад, — прогудел первый офицер, — вы обвиняетесь на основании жалобы свидетеля в том, что воспользовались фальшивым пятиплатоновым банкнотом около тринадцати часов сегодня в драгсторе Главной улицы этого города. Мы предупреждаем вас — не оказывайте сопротивления, и советуем все это время не произносить ни слова. Следуйте за нами.

Обвинение может быть основательным или безосновательным, подумал Гилеад, он же не проверил как следует, что за деньги были в подменном бумажнике. Он не возражал, чтобы его зацапали, поскольку микрофильма при нем нет; что ж, обыкновенный полицейский участок, где не будет ничего более зловещего, чем жуликоватые фараоны и молчаливые дежурные сержанты, все-таки меньшее зло по сравнению со встречами с Недоростком и Компанией.

С другой стороны, ситуация вполне благоприятна только в том случае, если полиция, выслеживая его, не обнаружила раздетого служащего гостиницы, не услышала его рассказа и не начала розыск.

Второй полисмен не приблизился ни на шаг и не опустил пистолет. Это обстоятельство делало все рассуждения чисто теоретическими.

— О'кей, пойду. — Он запротестовал: — Нечего мне руку выкручивать.

Они поднялись на уровень земли и вышли на улицу — и второй полисмен ни на секунду не опустил пистолет. Гилеад расслабился и выжидал. У поребрика стояла полицейская машина.

— Я прогуляюсь, — заявил Гилеад. — Ближайшее отделение за углом. Хочу, чтобы мне предъявили обвинение в моем участке.

Он ощутил ломящий зубы холод, когда его стукнули рукояткой «маркхейма», покачнулся и упал лицом вниз.

Он начал приходить в себя, но еще не мог координировать движения. В этот момент его вытаскивали из

машины. Пока его наполовину вели, а наполовину несли по длинному коридору, Гилеад почти пришел в себя, но в памяти был провал. Его впихнули в какую-то комнату, дверь захлопнулась за ним. Он выпрямился и огляделся.

— Привет, дружище, — обратился к нему звучный голос. — Подвинь-ка свое кресло к огню.

Гилеад моргнул, неторопливо опустился на стул и глубоко вздохнул. Его здоровое тело перебороло удар «маркхейма», он опять стал самим собой.

Комната оказалась камерой — старомодной, почти примитивной. Передняя стена и дверь из стальной сетки, остальные стены — бетонные. Единственную мебель, длинную деревянную скамью, занимал человек, который с ним разговаривал. Ему было лет пятьдесят, сложение массивное, тяжелые черты лица застыли в пронизательном доброжелательном выражении. Он лежал на спине на скамье, подложив под голову вместо подушки руки, с непринужденностью отдыхающего животного. Гилеад видел его раньше.

— Привет, доктор Болдуин.

Человек уселся с крайней экономией движений, так чтобы как можно меньше двигать туловище.

— Я не доктор Болдуин — я вообще не доктор, хотя мое имя — Болдуин. — Он уставился на Гилеада. — Но я вас знаю — видел кое-какие из ваших лекций.

Гилеад поднял бровь:

— Человек, появившийся в обществе Теоретической Физики без докторской степени, показался бы голым, а вы присутствовали на последнем собрании.

Болдуин радостно хмыкнул:

— Все понятно — должно быть, там присутствовал мой кузен с отцовской стороны, Хартли М. — надутый гражданин Хартли. Попытаюсь оправдать свою фамилию теперь, когда я с вами познакомился, капитан. — Он протянул громадную руку: — Грегори Болдуин, для друзей Котелок Болдуин. Новые марки вертолетов и их использование — вот единственное, что меня сближает с теоретической физикой. Котелок Болдуин, Король Геликоптеров — вы, должно быть, видели мои афиши.

— Теперь, когда вы об этом сказали, припоминаю, что видел.

Болдуин вытащил визитную карточку.

— Вот. Если понадобится, я тебе сделаю десятипроцентную скидку за то, что ты знаком со стариной Хартли. В самом деле я могу тебе устроить «кертисс», всего только прошлого года, семейная машина без единой царапины.

Гилеад взял карточку и снова сел.

— Не сейчас, спасибо. Странная же у вас контора, мистер Болдуин.

Тот снова хмыкнул:

— В течение долгой жизни подобные вещи случаются, капитан. Я же тебя не спрашиваю, почему ты здесь или что ты делаешь в этом обезьяньем костюмчике. Называй меня Котелком.

— О'кей.

Гилеад поднялся и подошел к двери. Напротив камеры — голая стена без окон и дверей, поблизости ничего не было видно. Он посвистел, потом покричал — никакого ответа.

— Что тебя гложет, капитан? — мягко спросил Болдуин.

Гилеад повернулся. Его сокамерник спокойно раскладывал на скамье пасьянс.

— Хочу вызвать надзирателя и потребовать адвоката.

— Не трудись понапрасну. Давай-ка сыграем в картишки. — Он пошарил в кармане. — У меня еще вторая колода есть — как насчет русского банка?

— Нет уж, спасибо. Мне нужно отсюда выбраться.

Гилеад снова закричал — и опять никакого ответа.

— Да не трать ты даром свои легкие, капитан, — посоветовал Болдуин. — Они придут тогда, когда им заблагорассудится, и ни секундой раньше. Я-то знаю. Давай, сыграем, так время быстрее идет.

Болдуин, кажется, смешал обе колоды вместе. Гилеад видел, как он начал их перетасовывать. Эта хитрость его заинтересовала, он решил сыграть — поскольку очевидна была правота Болдуина.

— Если тебе русский банк не по нраву, — продолжал Котелок, — вот тебе игра, я научился ей, когда

пацаненком был. — Он сделал паузу и уставился прямо в глаза Гилеаду. — Она и поучительна, и развлекательна, и при этом достаточно проста, если только ухватишь суть. — Он начал сдавать карты. — Двумя колодами лучше играть, потому что черные масти значения не имеют. Считаются только двадцать шесть красных карт из каждой колоды, вперед идут черви. Каждая карта соответствует своему положению в колоде следующим образом: туз червей — единица, а король червей — тринадцать, туз бубен — четырнадцать, и так далее. Усек?

— Да.

— А черные не считаются. Просто пустые места... промежутки. Сыграем?

— А правила-то какие?

— Первый кон просто так сыграем, ты все моментально поймешь. А после, как усечешь, на полставки сыграем, по десять монет на ставку. — Он перетасовал карты и быстро стал выкладывать их рядом, по пять карт в каждом. Помолчал, закончив: — Вот моя сдача, а ты соображай. Гляди, что получается.

Было очевидно, что подобная сдача расположила красные карты в определенные группы, но не было пока видно смысла данных комбинаций, а ставка была ни достаточно высокой, ни низкой. Гилеад воззрился на карты, пытаясь угадать, в чем тут дело. Жульничество казалось слишком явным, чтобы Болдуин мог что-то из него извлечь.

Вдруг Гилеада осенило, карты отчетливо заговорили с ним. Он прочел:

ХОНИХ
МОГУТ
ХНАСХ
ВИДЕТ
ХСЛЫШ

То обстоятельство, что в ряду было всего пять красных карт, влияло на правописание, но смысл был ясен. Гилеад потянулся к картам.

— Попробую. Я могу их побить. — Он достал мелочь, принадлежавшую владельцу костюма. — Вот десять монет.

Болдуин смешал карты. Гилеад перетасовал, еще меньше прикидываясь, чем Болдуин. Он выложил:

ВХЧЕМ
ХХХХХ
ХТВОЯ
ИГРАХ
ХХХХХ

Болдуин протянул ему деньги и сделал новую ставку.
— О'кей, моя очередь отыгрываться.
Он выложил:

ЯХХХХ
ХНАХХ
ТВОЕЙ
СТРНЕ
ХХХХХ

— Опять я в выигрыше, — весело объявил Гилеад. —
Делай ставку.

Он сгреб карты и повозился с ними:

ХХХХХ
ХТЫХХ
ДОКЖИ
ХХЭТО
ХХХХХ

Болдуин прочел и сказал:

— Слишком уж ты для меня проворный. Давай карты.

Он положил еще одну мелкую монетку и снова разложил карты:

ХХЯХХ
ПОМГУ
ХТЕБЕ
ВЫЙТИ
ОТСДА

— Надо было мне сначала снять, — посетовал Гилеад, подталкивая монетку. — Давай-ка ставки удвоим.

Болдуин хмыкнул. Гилеад разложил:

ЧЕПХА
ХХМНЕ
ТЮРМЕ
ЛУЧШЕ
ХХХХХ

— Ну, больше тебе не везет! — выдохнул Болдуин. —
Давай еще ставки удвоим!

ХЭТОХ
ВОВСЕ
ХХХНЕ
ТЮРМА
ХХХХХ

Следующая сдача:

ХХХХХ
ТРЕПЛ
ЕШЬСЯ
ДРУГХ
ХХХХХ

Болдуин ответил:

ХХЭТО
ОТЕЛЬ
НОВАЯ
ХХЭРА
ХХХХХ

Пока он снова перетасовывал карты, Гилеад обдумывал эту новую информацию. Он готов был поверить в то, что его прячут где-то в отеле «Новая Эра». В самом деле, предположение, что его противники допустили, чтобы два обыкновенных фараона убрали его в нормальную городскую каталажку, было совершенно неправдоподобным, если только эта каталажка у них не под контролем, как и весь отель, вероятно. Тем не менее, этот факт пока не доказан. Что до Болдуина, то он вполне мог держать сторону Гилеада; но наиболее вероятно, что его подсадили как агента-provокатора, а может, он просто работает сам на себя.

Перестановки создавали шесть ситуаций, только одна из которых делала приемлемой помощь Болдуина в побеге из заключения, причем как раз эта ситуация была наименее вероятна.

Тем не менее, хотя он считал Болдуина лжецом и опасался ловушки, он решил в порядке эксперимента согласиться. Статичная ситуация не давала ему никаких возможностей, динамичная же — любая динамичная ситуация — может повернуться так, что он будет в выигрыше. Но нужны еще факты.

— Эти карты прилипчивые, как леденцы, — пожаловался он. — Ты дашь еще своим денежкам побегать туда-сюда?

— Идет.

Снова выложил карты Гилеад:

XXXXX
ПОЧМУ
ХХЯХХ
ХТУТХ
XXXXX

— Чертовски тебе везет, — покачал головой Болдуин и ответил:

ФИЛМЫ
УШЛИХ
ХДОХХ
КАКТЫ
ПАЛСЯ

Гилеад собрал карты и был готов «сдавать», когда Болдуин сказал:

— Ну, ну, урок окончен. — В коридоре слышались шаги. — Удачи тебе, парень, — добавил Болдуин.

Болдуин знает о микрофильмах, но не использовал ни одного из десятков способов дать понять, что он принадлежит к организации Гилеада. Стало быть, он посажен сюда противником или же относится к какой-то третьей стороне.

Что еще важнее, тот факт, что Болдуину известно о фильмах, доказывает истинность его утверждения: тут не тюрьма. А это, как ни горько осознавать, означало, что у него нет шанса уйти отсюда живым. Шаги, приближающиеся к камере, могут отстукивать последние секунды его жизни.

Он понял теперь, что необходимо было найти способ сообщить, куда отправлены filmy, прежде чем войти в «Новую Эру». Но Шалтай-Болтай уже свалился со стены, энтропия всегда увеличивается — а пленки должны быть доставлены.

Шаги звучат уже совсем рядом.

Болдуин, возможно, выйдет отсюда живым.

Но кто такой Болдуин?

Тем временем Гилеад «перетасовал» карты. Все это — еще не конец; он должен найти такой ход, который будет содержать в себе сообщение. С потолка спустился паук и уселся на руку Болдуину. Вместо того чтобы смахнуть и раздавить его, тот с крайней осторожностью протянул руку к стене, дотронулся до нее и заставил паука спуститься на пол.

— Уйди-ка ты лучше с дороги, коротышка, — сказал он ласково, — а то еще один из больших мальчиков на тебя наступит.

Этот инцидент, казалось бы, мелкий, укрепил решение Гилеада и изменил судьбу планеты. Он встал и вручил колоду Болдуину.

— Я тебе должен десять шестьдесят, — заявил он. — Запомни хорошенько — а я погляжу, кто такие наши посетители.

Шаги остановились у самой двери камеры.

Их было двое, одетых не полицейскими и не стражниками: маскарад закончился. Один благоразумно стоял позади, прикрывая маневр «маркхеймом», второй отпер дверь.

— К стене, Жирный, — приказал он. — Гилеад, выходи. И чтоб без шуток у меня, не то после того, как мы тебя заморозим, я тебе зубы вышибу — просто для забавы.

Болдуин прижался к стене, Гилеад медленно вышел. Он готов был воспользоваться малейшей возможностью, но тот, который командовал, сразу отступил, чтобы стоять между пленником и человеком с «маркхеймом».

— Пойдешь вперед — и медленно, — приказал он.

Гилеад подчинился, беспомощный при всех этих предосторожностях; нельзя было ни бежать, ни драться.

Когда все ушли, Болдуин вернулся на скамью. Он начал сдавать карты, как если бы собирался играть в одиночку. Вскоре он снова собрал их точно в том же порядке, в каком оставил их Гилеад, и положил в карман.

Он прочитал:

СОБЩИХХФБСБХ * ХХДОЛГУХХЧИК

* ФБСБ — федеральное бюро службы безопасности.

Двое охранников привели Гилеада в какую-то комнату и заперли за ним дверь, а сами остались снаружи. Он оказался у большого окна, выходящего в город, и ему видна была река; симметрично этому пейзажу, слева на стене, висело изображение лунной местности. Перед Гилеадом стоял богатый, рассчитанный на то, чтобы произвести впечатление, начальственный письменный стол.

Эти детали он воспринимал краешком своего сознания; его внимание сконцентрировалось исключительно на той особе, которая сидела за столом. Она была старая, но не дряхлая, хрупкая, но не беспомощная. Глаза — крайне живые, выражение лица — безмятежное. Полупрозрачные, хорошо ухоженные руки заняты вышиванием на пальцах.

На столе перед ней лежали два цилиндрика для пневматической почты, пара туфель и остатки одежды и пластика от чемодана.

Она подняла голову и спросила высоким приятным сопрано, подходящим для пения гимнов:

— Как поживаете, капитан Гилеад?

Гилеад поклонился:

— Хорошо, благодарю вас. А вы, миссис Кейтли?

— Я вижу, вы меня знаете.

— Мадам могла бы прославиться уже одними благотворительными делами.

— Вы так любезны! Капитан, я не стану отнимать у вас много времени. Я надеялась, что мы освободим вас, не поднимая шума, но... — Она показала на два цилиндрика, лежащих перед ней. — ...Вы сами видите, что мы должны еще получить от вас кое-какие сведения.

— Ах так?

— Полно, полно, капитан. Вы же отправили три кассеты. Эти две — только для отвода глаз, а третья еще не дошла до места назначения. Возможно, адрес был написан небрежно, и ее забраковали сортировочные машины. Если так, мы ее получим через должное время. Но более вероятным кажется предположение, что вы нашли какой-то способ изменить адрес — практически, мы в этом убеждены.

— Или, возможно, я подкупил вашего служителя.

Она слегка покачала головой:

— Мы его тщательно проверили прежде чем...

— Прежде чем он умер?

— Пожалуйста, капитан, не будем отвлекаться от темы. Я должна знать, куда вы отправили третью кассету. Вас нельзя загипнотизировать обычными средствами: у вас благоприобретенный иммунитет к гипнотизирующим наркотикам. Ваша терпимость к боли простирается за порог бессознательного состояния. Все это на вас уже испытывалось раньше, иначе вы не выполняли бы той работы, которую вам поручают; и я не стану затруднять никого из нас, обращаясь к этим методам снова. И все же — мне нужна та кассета. Какова ваша цена?

— Вы допускаете, что у меня есть цена?

Она улыбнулась:

— Если старая поговорка в иных случаях неверна, история их не регистрирует. Будьте же разумны, капитан. Несмотря на ваш признанный иммунитет к обычным формам допроса, есть способы разрушить — или изменить — человеческий характер настолько, что человек станет сговорчивым; способы, которым мы научились у комиссаров. Но они требуют времени, а женщина моего возраста не может долго ждать.

Гилеад с убежденным видом солгал:

— Дело вовсе не в вашем возрасте, мадам, а в факте: вы же знаете, что должны иметь эту кассету немедленно или вы не получите ее никогда.

Он надеялся — более того, он страстно желал, — чтобы у Болдуина хватило соображения посмотреть в карты и обнаружить его записку... и действовать согласно ей. Если у Болдуина ничего не получится и он, Гилеад, умрет, кассета застрянет в отделе невостребованных писем на почте и в свое время будет уничтожена.

— Вероятно, вы правы. Тем не менее, капитан, я прибегну к действующей на сознание технике, если вы на этом настаиваете. Что вы скажете на десять миллионов плутонов?

Гилеад поверил ей насчет техники. Он перебрал в уме те средства, при помощи которых связанный по рукам и ногам человек может без посторонней помощи покончить с собой.

— Десять миллионов плутонов — и нож мне в спину? — ответил он вопросом. — Будем же практичными.

— Вам будут даны убедительные гарантии до того, как вы заговорите.

— Даже если так, это не моя цена. В конце концов, вы-то стоите, по крайней мере, пятьсот миллионов плутонов.

Она наклонилась вперед:

— Вы мне нравитесь, капитан. Вы человек силы. Я старая женщина, наследников у меня нет. А что, если вам стать моим партнером — моим преемником?

— Журавль в небе!

— Нет, нет! Я в самом деле имею это в виду. Мой возраст и пол не позволяют мне активно обслуживать себя самой, я должна полагаться на других. Капитан, я так устала от неэффективных инструментов, от людей, которые допускают, что нужное ускользает у них из-под самого носа! Вообразите только! — Она сделала короткий злобный жест, сжав руку, как бы захватывая что-то когтями. — Мы с вами вместе могли бы многого добиться, капитан. Вы мне нужны!

— Но вы-то мне не нужны, мадам. И я ваше предложение не принимаю.

Она ничего не ответила и нажала кнопку у себя на столе. Дверь слева открылась, вошли двое мужчин и девушка. Гилеад узнал официанточку из драгстора на Главной улице. Ее раздели догола, что показалось ему излишним: ведь под ее рабочей формой совершенно невозможно было спрятать оружие.

Как только девушка оказалась в комнате, она начала энергично выражать протест на самых доступных ей высоких нотах, употребляя лексикон, не свойственный ни ее возрасту, ни ее полу — это было истерическое стихийное извержение, подобное вулканическому.

— Тихо, детка!

Взглянув на миссис Кейтли, девушка прервала поток ругани, застыла на месте, стала выглядеть еще более юной и задним числом вдруг осознала свою наготу. Она покрылась гусиной кожей, слезинка покатилась, оставляя белый след на ее перепачканном лице, и остановилась на губе. Девушка слизнула ее и всхлипнула.

— Однажды вы оказались вне нашего наблюдения, — обратилась к Гилеаду миссис Кейтли, — и в течение

короткого промежутка времени эта особа дважды с вами виделась. Поэтому мы допросим ее.

— Она знает не больше, чем птичка небесная, — покачал головой Гилеад. — Но действуйте — пять минут гипноза вас убедят.

— Ну уж нет, капитан! Гипноз не всегда бывает надежным: если она член вашей группы, гипноз безусловно не подействует. — Она сделала знак одному из мужчин, сопровождающих девушку, он подошел к шкафу и открыл его. — Я старомодна, — продолжала пожилая женщина, — и больше доверяю простым механическим способам, чем этим новейшим клиническим процедурам.

Гилеад увидел приспособления, которые мужчина доставал из шкафа, и кинулся к нему.

— Прекратите! — потребовал он. — Вы же не можете...

Он только сильно расшиб нос.

Мужчина не обратил на него никакого внимания. Миссис Кейтли сказала:

— Простите меня, капитан. Я должна была вас предупредить, что тут не одна комната, а две. Она разделена всего-навсего стеклом, но это особое стекло, и я пользуюсь этими комнатами для трудных переговоров. Нет нужды наносить себе повреждения, пытаюсь пробиться к нам.

— Минутку!

— Да, капитан?

— Ваше время истекает. Освободите эту девушку и меня сейчас же. Вы не понимаете, что город уже обшаривают несколько сот человек, разыскивая меня, и они не остановятся, пока не разберут на части панель за панелью!

— Не думаю. Человек, отвечающий описанию вашей внешности до последней подробности, занял место в ракете, отлетающей в Южную Африку, через двадцать минут после того, как вы зарегистрировались в отеле «Новая Эра». У него были все ваши удостоверения. Он не прибудет в Южную Африку, но обстоятельства его исчезновения будут указывать скорее на дезертирство, чем на несчастный случай или самоубийство.

Гилеад оставил эту тему.

— Чего вы собираетесь достичь надругательствами над этим ребенком? У вас есть все известные ей сведения; безусловно, вы не можете считать, будто мы способны доверять таким, как она!

Миссис Кейтли поджала губы.

— Если откровенно, то я и не собираюсь ничего узнавать у нее. Я хочу узнать кое-что у вас.

— Понятно.

Старший из мужчин вопросительно взглянул на начальницу, она сделала ему знак начинать. Девушка вылилась на него бессмысленно, совершенно не понимая того оборудования, которое он устанавливал. Он со своим партнером приступил к делу.

Вскоре девушка вскрикнула и продолжала кричать в течение нескольких мгновений. Затем все прекратилось, потому что она потеряла сознание.

Ее привели в чувство: снова поставили на ноги. Она стояла, покачиваясь и тупо уставившись на свои бедные руки, навсегда изуродованные, непригодные более для выполнения даже тех ничтожных дел, которыми они привыкли заниматься. Кровь струилась с ее запястий и стекала на пластиковый брезент, который предусмотрительно постелил на пол второй мужчина.

Гилеад ничего не делал и ничего не говорил. Он хорошо понимал, что та кассета, которую он отставивал, содержит материалы, касающиеся миллионов человеческих жизней, и по сравнению с этим вопрос о данной девушке даже не стоял. Он тревожил глубинную часть его сознания, но Гилеад почти машинально отключил эту часть и некоторое время жил передними долями мозга.

Он намеренно запоминал лица, строение черепов и фигуры мужчин и классифицировал эти данные как «для личного пользования», затем перенес внимание на пейзаж за окном. Он уже отметил его во время интервью, но ему хотелось совершенно точно определить этот вид из окна. Гилеад откорректировал то, что видел, представив себе, что он смотрит прямо из окна, и решил, что находится на девяносто первом этаже отеля «Новая Эра» приблизительно в ста тридцати метрах от северной его оконечности. Это он классифицировал как «для служебного пользования».

Когда девушка скончалась, миссис Кейтли покинула комнату, не сказав Гилеаду ни слова. Мужчины собрали все, что осталось на брезенте, и последовали за ней. Вскоре двое охранников вернулись и, пользуясь прежним безотказным методом, отвели его в камеру.

Как только они ушли и Котелок Болдуин смог оставить свою позицию спиной к стене, он подошел и потрепал Гилеада по плечу.

— Эй, друг! Уж как я рад тебя видеть — я-то уже струхнул, считал — с тобой все. Как оно было? Тяжко?

— Нет, мне ничего не сделали, только задали несколько вопросов.

— Ты счастливчик. Иные из этих чокнутых фараонов в такие жуткие игры начинают играть, когда остаются с тобой наедине в задней комнате. А разрешили они тебе пригласить адвоката?

— Нет.

— Значит, они с тобой еще не закончили. Вот увидишь, парень.

Гилеад сел на скамью.

— А ну их к дьяволу! Хочешь, еще перекинемся в картишки?

— Не возражаю. Чувствую, что мне повезет.

Болдуин вытащил двойную колоду, провел пальцем по обреза. Гилеад взял карты и сделал то же самое. Отлично! Они лежали в том же порядке, в каком он их оставил. Он снова провел большим пальцем по обреза — так и есть, даже черные, в той же последовательности; очевидно, Котелок просто сунул их в карман, не глядя, не подозревая, что там написано последнее пожелание Гилеада. Он был убежден, что Болдуин не оставил бы записку в том же виде, если бы он ее прочел. Так как Гилеад остался в живых, он с большим облегчением позволил себе так считать.

Перетасовав карты, он разложил их.

Первая комбинация гласила:

XXXXX
БЕЖАТ
СЕЧАС
XXXXX
ХЖЕХХ

— Вот это да! — воскликнул Болдуин. — Делай ставку.

ХХТЫХ
ХХЧТО
ХХХХХ
РАСКО
ЛОЛСЯ

— Проедем, — объявил Гилеад и выложил:

ХХНЕТ
ХХНОХ
ХХХХХ
ДАВАЙ
БЕЖИМ

— Слишком уж тебе везет, — досадовал Болдуин. — Слушай — давай-ка удвоим ставки и назначим двойной выигрыш. Надо же мне получить шанс вернуть мои денежки.

Затем он выложил:

ХХХХХ
ТОГДА
ХХТЫХ
ХХХХХ
ХХИМХ
НУЖЕН
ЖИВЫМ
ДЕРЖС

— Не очень-то это тебе прибавило, да? — откомментировал Гилеад и начал собирать карты.

— Есть что-то ужасно забавное в человеке, который все время выигрывает, — проворчал Болдуин. Он пристально разглядывал Гилеада. И вдруг схватил его за запястье. — Так я и знал! — заорал он. — Ах ты дошлый картежник...

Гилеад вырвал руку:

— Ты что, бесстыжая ты жирная скотина!

— Поймал тебя! Поймал! — Котелок схватил его снова, они начали бороться, покатались по полу.

Гилеад обнаружил две вещи: этот неуклюжий нескладный человек был чрезвычайно искусен в любом виде нечестной борьбы и при этом умел убедительно симулировать борьбу, ничуть не вредя своему партнеру. Когда он захватывал нерв, рука его сжимала плоть

в дюйме от нервного сплетения; его удары коленом приходились в мышцы бедра, а не в пах.

Болдуин сделал вид, что душит противника. Гилеад дал ему это изобразить. Великан ударил его открытой ладонью в подбородок, а не в адамово яблоко, и продолжал «душить».

В коридоре слышались быстрые шаги.

Гилеад бросил взгляд на охранников, когда они подбежали к двери. Они остановились: ствол «маркхейма» был слишком велик, чтобы пользоваться им сквозь стальные ячейки сетки; пуля не пройдет через отверстие. Очевидно, умиротворяющих бомб при них не было, потому что они колебались. Затем старший быстро отпер дверь, в то время как вооруженный «маркхеймом» отступил назад, чтобы занять позицию прикрытия.

Болдуин игнорировал их и не прекращал потока ругательств и оскорблений по адресу Гилеада. Он дал первому охраннику подойти к ним чуть ли не вплотную и внезапно шепнул Гилеаду на ухо:

— Глаза закрой!

После чего так же неожиданно замолчал.

Даже сквозь веки Гилеад ощутил невероятно ослепительную вспышку света. И почти тут же, послышался глухой треск; он открыл глаза и увидел, что первый охранник лежит на полу, а голова его повернута под невероятным углом к телу.

Человек с «маркхеймом» тряс головой; дуло его пистолета тоже подрагивало. Болдуин, пригнувшись, двинулся к нему. Ослепленный охранник слышал его и выпустил заряд в сторону шума, — тот пролетел над головой у Болдуина.

Великан кинулся на него, оба упали. Снова послышался треск ломаемых костей, и появился еще один труп. Болдуин встал, сжимая «маркхейм», нацелив его в сторону коридора.

— Как твои глаза, парнишка? — спросил он заботливо.

— В порядке.

— Тогда подойди, возьми этот охладитель.

Гилеад подошел, взял «маркхейм». Болдуин побежал к тупиковому концу коридора, где было окно, выходившее в город. Окно не открывалось: за ним не было

ступеньки, предназначенной для того, чтобы спуститься в вертолет. Он помчался назад.

Гилеад в эти секунды перетасовывал в уме открывшиеся возможности. События развернулись по плану Болдуина, не по его. В результате визита в «комнату для интервью» миссис Кейтли он ориентировался в пространстве. Коридор и поворот налево приведут его к скоростному лифту. Очутившись в подвале, вооруженный «маркхеймом», он, конечно же, сможет пробиться наружу — с Болдуином позади, если тот пойдет за ним. Если же нет — что ж, слишком многое поставлено на карту.

Болдуин уже был в камере.

— Пошли! — прикрикнул на него Гилеад.

Из-за поворота коридора выглянула чья-то голова, он кинулся к ней, и владелец головы полетел на пол.

— Уйди с дороги, парнишка! — прокричал ему Болдуин.

Он вытащил тяжелую скамью, на которой они «играли» в карты, и двинулся с ней по коридору прямо к запечатанному окну, набирая скорость с каждым шагом.

Самодельный таран тяжело ударился в окно. Пластик выпятился и лопнул, точно мыльный пузырь. Скамейка прошла насквозь и исчезла из виду, а Болдуин тем временем опустился на четвереньки, под его подбородком было сто футов пустоты.

— Парнишка! — завопил он. — Давай сюда! Живо!

Гилеад бросился к нему, по пути выстрелив раза два. Он все еще не понимал, как Болдуин собирается отсюда выйти, но великан уже доказал, что обладал находчивостью и изобретательностью.

Болдуин засвистел сквозь пальцы и помахивал рукой. Грубо нарушая все городские правила уличного движения, какой-то вертолет отделился от вечерней толпы, снизился над переулком и приблизился к окну. Он парил в воздухе на достаточном расстоянии, чтобы не повредить крылья-лопасти. Летчик отворил дверцу, в воздухе зазмеилась веревка, и Котелок поймал ее. С невероятной скоростью он привязал ее к узлу оконного поляризатора, затем схватил «маркхейм».

— Ты первый, — приказал он. — Быстрее!

Гилеад опустился на колени и ухватился за веревку; летчик немедленно увеличил обороты пропеллера и наклонил корпус вертолета: веревка натянулась. Гилеад обрушился на нее всем своим весом и пополз к вертолету. Летчик подал ему руку, другой рукой продолжал управлять машиной, как высококлассный наездник лошадью.

Вертолет дернулся, Гилеад повернул голову и увидел, как к нему подбирается Болдуин, точно жирный паук, движущийся по паутине. Пока он помогал великану, летчик перерезал веревку. Машина снова дернулась — и скользнула прочь.

В разбитом окне уже стояли люди.

— Удирай, Стив! — приказал Болдуин.

Летчик дал верхним пропеллером другое направление и еще больше наклонил машину; вертолет, покачиваясь, помчался прочь. Летчик приноровил скорость к уличному движению и спросил:

— Куда?

— Веди его домой — и другим ребятам скажи, чтоб тоже домой возвращались. Да нет, ты и так занят — я сам им скажу.

Болдуин взгромоздился на второе пилотское сиденье и занялся рацией. Летчик встроил машину в уличный поток, дал задание автопилоту и раскрыл иллюстрированный журнал.

Вскоре Болдуин оставил рацию и вернулся в пассажирское отделение.

— Нужно иметь много вертолетов, чтобы быть уверенным, что поблизости всегда найдется хоть один, когда это тебе потребуется, — сказал он небрежно. — К счастью, у меня их целая куча. Да, кстати, это Стив Хэллидей. Стив, познакомься с Джо — Джо, как твоя фамилия?

— Грин, — ответил Гилеад.

— Здравссьте, — бросил пилот и опять углубился в журнал.

Гилеад обдумывал ситуацию. Он не был убежден, что она для него улучшилась. Котелок, кто бы он ни был, конечно же, больше чем просто знаток вертолетов, и ему известно о пленках. Этот паренек, Стив, выглядит как безобидный юный экстрасверт, но ведь и

сам Котелок с виду хороший болван. Гилеад подумал, сможет ли он одолеть их обоих, припомнил виртуозность Котелка в борьбе не по правилам и отказался от этой мысли. Может, Котелок и вправду на его стороне, целиком и полностью. До него доходили слухи, что Департамент пользовался более чем одним корпусом оперативников, и у него не имелось никаких доказательств того, что он сам находится на высшем уровне.

— Котелок, — продолжал он, — а ты не мог бы опустить меня на аэродром? Я чертовски спешу.

Болдуин оглядел его с головы до пят.

— Как скажешь. Но я думал, ты захочешь сменить эти шмотки. В них ты заметный, что твой проповедник на вечеринке. А с монетой у тебя как?

Гилеад на ощупь пересчитал ту мелочь, которая лежала в кармане пиджака. Человек без денег выглядит подозрительно.

— Добираться будем долго?

— Может, еще минут десять.

Гилеад подумал об умении Котелка драться и решил, что рыба, плавающая в воде, не может стать более мокрой.

— О'кей.

Он откинулся назад и полностью расслабился. Через некоторое время снова повернулся к Болдуину:

— Кстати, а как ты ухитрился пронести туда эту ослепляющую бомбу?

Котелок хмыкнул:

— Я такой большой, Джо, такое громадное пространство приходится на мне обыскивать. — Он расхохотался. — Тебе будет смешно, если я тебе скажу, где она у меня была спрятана.

Гилеад сменил тему разговора:

— А вообще-то, как тебя угораздило туда попасть?

Болдуин сделался серьезным:

— Это длинная и сложная история. Вернись сюда как-нибудь, когда не будешь так дико спешить, и я тебе расскажу.

— Я так и сделаю — скоро.

— Отлично. Может быть, тогда я тебе и продам этот подержанный «кертисс».

Прозвучал сигнал автопилота, летчик опустил машину и посадил ее на крышу жилища Болдуина.

Болдуин сдержал слово. Он отвел Гилеада в свою комнату, послал за одеждой — которую доставили крайне быстро — и вручил Гилеаду такую пачку банкнотов, что хватило бы набить подушку.

— Можешь вернуть по почте, — сказал он.

— Верну лично, — пообещал Гилеад.

— Прекрасно. Будь осторожен на улицах. Иные из наших друзей могут там шастать.

— Буду.

Гилеад тронулся в путь небрежной походкой, будто он заходил к Болдуину по делу, но чувствовал себя куда менее уверенно, чем обычно. Болдуин продолжал оставаться для него загадкой, а в своих профессиональных делах Гилеад терпеть не мог загадок.

В вестибюле дома была будка с телефоном. Гилеад вошел, позвонил, потом воспользовался кодом другой станции связи, а не той, с которой хотел связаться сначала. Он дал номер будки и попросил оператора перезвонить ему. Через несколько минут он уже разговаривал со своим начальником в Новом Вашингтоне.

— Джо! Какого черта, где ты был?

— Потом, босс — выслушайте.

Из предосторожности пользуясь устным разговорным кодом, он сообщил начальнику, что пленки в почтовом ящике 1060, в Чикаго, и настаивал, что нужно сейчас же их выручить.

Начальник отошел от экрана, потом вернулся.

— О'кей, уже сделано. Ну так что с тобой случилось?

— Потом, босс, потом. Тут снаружи наготове мои друзья, которым не терпится меня прикончить. Задержите меня чуть-чуть — и я получу дыру в голове.

— О'кей — доставь свою голову сюда. Мне нужен полный рапорт, жду тебя.

— Есть, — он отключился.

Гилеад вышел из будки, на душе у него полегчало, он ощущал удовлетворение, какое наступает после того, как успешно закончишь тяжелую работу. Он даже

надеялся на то, что кто-то из его «друзей» покажется: ему хотелось дать пинка тем, кто этого пинка заслужил.

Но они его разочаровали. Он занял место в трансконтинентальной ракете без всяких тревог и проспал весь путь до Нового Вашингтона.

До Федерального бюро службы безопасности Гилеад добрался одним из многих секретных маршрутов и явился в кабинет босса. После беглого осмотра и контрольной проверки голоса его впустили. Бонн поднял голову и нахмурился.

Гилеад игнорировал недовольное выражение его лица: для босса хмуриться было обычным делом.

— Агент Джозеф Бриггз, три-четыре-ноль-девять-семь-два, явился для рапорта после выполнения задания, сэр, — сказал он ровным голосом.

Бонн повернул рычажок у себя на столе на «запись», другой — на «секретно».

— Ах, ты явился, вот как? Идиот ты безмозглый! Да как ты осмелился тут показаться?

— Полегче, босс — в чем дело-то?

Некоторое время спустя Бонн молча курил, потом сказал:

— Бриггз, двенадцать звездных агентов отправились туда — а ящик был пуст. Почтовый ящик номер десять-шестьдесят, Чикаго, ишь ты! Где эти пленки? Это что, камуфляж? Они при тебе?

Гилеад-Бриггз оправился от удивления.

— Нет. Я их отправил из почтового отделения на Главной улице по адресу, который вы только что назвали. — Подумав, он добавил: — Машина могла их отбраковать. Мне пришлось от руки писать машинные символы.

Бонн внезапно подобрел, как будто у него появилась надежда. Он тронул кнопку на столе и сказал:

— Каррутерс! По делу Бриггза: проверьте-ка отбраковку по этому маршруту. — Подумал и добавил: — А потом попробуй еще узнать, возможно, первый символ машина приняла, но он был ошибочным. И точно так же все остальные символы; проверь их одновременно, пройдишь по всем агентам и конторам. После этого попробуй комбинации символов, по два одновременно, потом по три, и так далее. — Он отключился.

— Это значит проверить все почтовые адреса континента, — мягко сказал Бриггз. — Это же невозможно.

— Это необходимо сделать! Слушай, есть ли у тебя хоть небольшое представление о том, как важны пленки, которые были в твоём распоряжении?

— Есть. Директор на Лунной Базе мне объяснил, когда я их брал.

— Ты действовал так, как будто тебе это непонятно. Ты потерял самое важное из всего, что может иметь правительство — абсолютное оружие. И все-таки — стоишь тут и моргаешь глазами, как будто просто положил не на место пачку сигарет.

— Оружие? — не согласился Бриггз. — Я бы не стал так называть эффект новой звезды, разве что вы относите самоубийство к разряду оружия. И я вовсе не считаю, что я его потерял. Как агент, действующий в одиночку и получивший задание не допустить, чтобы предмет попал в чужие руки, я употребил все средства, какие мне были доступны в условиях крайней спешки, чтобы его сохранить. Все, что только было мне подвластно. Меня выследили какие-то негодяи...

— Ты не должен был допустить, чтобы тебя выследили!

— Согласен. Но это случилось. Я был без прикрытия и так оценивал ситуацию, что не видел возможности остаться в живых. А потому мне пришлось защитить мой груз способом, который не был связан с тем, останусь ли я живым.

— Но ты остался жив — ты же тут стоишь!

— Не своими силами — и не вашими, уверяю вас. Следовало бы меня прикрыть. Если припомните, это был ваш приказ, чтобы я действовал в одиночку.

Бонн стал мрачным.

— Так было необходимо.

— Ах вот как? В любом случае, не понимаю, почему такая суматоха. Или пленки найдутся, или они потеряны — и будут уничтожены, как невостребованная почта. Тогда я отправлюсь на Луну и получу там другие отпечатки.

Бонн закусил губу:

— Этого ты сделать не можешь.

— Почему же нет?

Бонн долгое время колебался.

— Было всего два комплекта. Ты получил оригиналы, и их надлежало поместить в сейф архива, а второй экземпляр следовало уничтожить сейчас же после того, как станет известно, что первый невредим.

— Ну? И в чем же просчет?

— Ты не понимаешь важности всей процедуры. Каждая бумажка, каждый рабочий черновик, каждая звукозапись были уничтожены, когда изготовили эти пленки. Каждого техника и ассистента загипнотизировали. Целью было не только скрыть результаты исследований, но стереть все упоминания о самом факте такого исследования. Во всей системе не найдется и десятка людей, которые вообще слышали о существовании звездного эффекта.

— У Бриггза было иное мнение по этому поводу, основанное на недавнем опыте, но он о нем помалкивал. Бонн продолжал:

— Секретарь не оставлял меня в покое и требовал сообщить ему, когда оригиналы будут упрятаны. Он так настаивал, так сердился! Когда ты позвонил, я сказал ему, что фильмы в порядке и что он мог бы их получить через несколько минут.

— Ну, так что?

— Ты что, не понимаешь, дурень, — он же моментально отдал приказ уничтожить копии.

Бриггз присвистнул:

— Так он до времени спустил курок, да?

— Он-то это совсем не так сформулирует. Не забудь, что на него все время нажимал президент. Он скажет, что это я спустил курок раньше времени.

— А вы так и сделали.

— Нет, это ты спустил курок. Ты сказал мне, что пленки в том ящике.

— Вот уж нет. Я сказал, что я их туда отправил.

— Нет, ты сказал не так.

— Возьмите ту запись и прокрутите ее опять.

— Да нет никакой записи — по приказу президента нельзя вести никаких записей, касающихся этой операции.

— Вот как? Почему же вы записываете сейчас?

— Потому, — резко ответил Бонн, — что кто-то будет за это расплачиваться и я не хочу быть этим человеком.

— Вы хотите сказать, — медленно произнес Бриггз, — что это буду я?

— Я этого не говорил. Может, это будет секретарь.

— Если покатится его голова, то и ваша тоже. Нет, вы оба воображаете, что подставите меня. Но прежде чем это планировать, вам следовало бы выслушать мой рапорт. Он может воздействовать на ваши планы. У меня для вас новости, босс.

Бонн забарабанил по столу.

— Валяй. Лучше бы они были хорошими.

Бесстрастным монотонным голосом Бриггз пересказал все события, как они отпечатались в его цепкой памяти, от получения фильмов на Луне до настоящего момента. Бонн слушал нетерпеливо.

Закончив, Бриггз ждал. Бонн поднялся и заходил взад-вперед по комнате. Наконец он остановился и сказал:

— Бриггз, никогда в жизни я не слышал такого фантастического обилия лжи. Жирный мужчина, который играет в карты! Бумажник, который оказался не твоим бумажником... А как украли твою одежду! И миссис Кейтли — миссис Кейтли! Ты что, не знаешь, что она одна из самых ярых приверженцев нашей администрации?

Бриггз ничего не ответил. Бонн продолжал:

— Теперь я тебе скажу, что случилось на самом деле. До того момента как ты приземлился в Пьед-а-Терра, твой рапорт соответствует действительности...

— Откуда вы знаете?

— Естественно, что ты был под прикрытием. Ты же не думаешь, что в таком деле я положусь на одного человека, правда?

— Почему же вы мне не сказали? Я бы мог обратиться за помощью и избежал бы всего этого.

Бонн оставил его слова без ответа.

— Ты нанял агента, отставил его, вошел в тот драгстор, вышел и направился к почтовому отделению. На улице не было никакой драки по той простой причине, что никто тебя не преследовал. На почте ты послал три

цилиндрика, один из которых мог — или не мог — содержать те пленки. Оттуда ты направился в отель «Новая Эра», оставил его двадцать минут спустя и сел в ракету, следующую в Кейптаун. Ты...

— Минутку, — перебил Бриггз. — Как же я мог это сделать — и все-таки оказаться теперь тут?

— А-а? — Бонн на минутку, кажется, смешался. — Это просто детали, тебя ведь опознали. Для тебя было бы гораздо, гораздо лучше, если бы ты остался в той ракете. В самом деле... — начальник бюро внимательно посмотрел в голубую даль, — ...к настоящей минуте все было бы куда лучше, если бы мы официально признали, что ты остался в той ракете. Не повезло тебе, Бриггз, очень не повезло. Ты не провалил свое задание — ты проданся!

Бриггз смотрел на него хладнокровно:

— Так вы предпочитаете такое объяснение?

— Пока нет. Вот почему лучше признать, что ты остался в этой ракете — пока все не уладится, не выяснится...

Бриггзу не нужно было делать сложные расчеты, чтобы понять, что произойдет и какое будет принято решение, когда «все выяснится». Он вытащил из кармана блокнот, что-то поспешно в нем нацарапал, оторвал листок и вручил его Бонну. Там было написано:

«Немедленно слагаю с себя мои обязанности». Далее следовала подпись, отпечаток большого пальца, дата и час.

— Пока, босс, — попрощался он.

И легко повернулся, как бы для того, чтобы уйти. Бонн взревел:

— Стой! Бриггз, ты арестован.

Он направился к столу. Бриггз нанес ему удар по дыхательному горлу, потом еще один — в живот. Убедился, что Бонн вырубился надолго. Осмотрев стол, он нашел препарат для отключающих сознание инъекций и сделал Бонну подкожное впрыскивание, действующее два часа, выбрав местечко около родинки, маскирующей место укола на спине, вытер иглу, уложил все на место, стер магнитофонные записи, касающиеся его, включая скрип двери, оставил сигнал включенным на

«секретно» и «не беспокоить» и вышел из Бюро другим потайным ходом.

Он отправился на ракетодром, купил билет до Чикаго. Ждать надо было двадцать минут. Бриггз сделал ряд мелких покупок, предпочитая живых клерков машинам, чтобы они видели его лицо. Когда была объявлена посадка на корабль до Чикаго, он прошел туда вместе с остальными.

У внутренних ворот, чуть не доходя до платформы с весами, он стал частью той толпы, которая состояла из провожающих, помахал кому-то, кто отошел от весов, и оказался за воротами, улыбнулся, покричал: «До свидания!», покорно дал толпе увлечь себя назад от ворот, когда те закрывались, выбрался из толпы и направился в мужской туалет. Когда он оттуда вышел, в его внешности появились заметные перемены. Что еще важнее, изменились его повадки.

Небольшая незаконная сделка в салоне рядом с залом, где выдавали вещи напрокат, обеспечила его нужной рабочей карточкой, еще через пятьдесят пять минут он отправлялся в путь по стране как Джек Гиллспай, грузчик и помощник водителя дизель-грузовика.

Неужели он действительно настолько скверно адресовал цилиндр, что почтовый автомат его забраковал? Он заставил наклейку, которую тогда сделал, возникнуть в его мозгу, и добился, чтобы она стала такой же отчетливой, как пробегающий мимо пейзаж. Нет, буквы его символов были четкими и правильными, машина должна была их принять.

Не могла ли машина отбросить цилиндр по другой причине, скажем, из-за того, что ярлычок приклеился вверх ногами? Да, но надпись, сделанная от руки, заставила бы почтового клерка вернуть цилиндрик назад в желобок. Одна такая задержка не составит больше десяти минут, даже в час пик. Даже при пяти подобных задержках цилиндрик должен был попасть в Чикаго больше чем за час до того, как он позвонил Бонну.

Предположим, наклейка совсем отвалилась, в таком случае цилиндрик пришел бы туда, куда отправились камуфляжные кассеты.

А в таком случае миссис Кейтли получила бы его, раз уж она смогла перехватить или получить два остальных.

Стало быть, тот цилиндрик прибыл в почтовый ящик в Чикаго.

Стало быть, Котелок Болдуин прочел его записку в колоде карт и дал инструкции кому-то в Чикаго, а сделал он это по радио, пока находился в вертолете. После того как событие произошло, «возможно» и «истинно» становятся синонимами, в то время как «вероятно» становится мерилom чьего-то незнания. Называть результат «невероятным» после того, как событие совершилось — значит просто заниматься самообманом.

Стало быть, пленки у Котелка Болдуина — вывод, к которому Бриттз пришел в кабинете Бонна.

За двести миль от Нового Вашингтона он затеял ссору с шофером и его высадили. Из местной телефонной будки того городка, где он очутился, он позвонил в контору Болдуина.

— Скажите ему, что я тот человек, который должен ему деньги.

Вскоре экран загромозило широкое лицо великана.

— Привет, парнишка! Что за проблемы? Как делишки?

— Меня выставили.

— Так я и думал.

— Хуже — за мной охотятся.

— Естественно.

— Я бы хотел с тобой потолковать.

— Чудненько. Ты где?

Гилеад объяснил.

— За кормой чисто?

— Ну, по крайней мере, еще на несколько часов.

— Отправляйся в местный аэропорт. Стив тебя подберет.

Стив так и сделал, кивнул в знак приветствия, поднял вертолет в воздух, настроил автопилот и вернулся к своему чтению. Когда машина взяла определенный курс, Гилеад отметил его и спросил:

— Куда это мы направляемся?

— На ранчо босса. Он что, вам не говорил?

— Нет.

Гилеад понимал — возможно, его поездка будет только в одну сторону. Правда, Болдуин устроил ему побег от верной смерти — совершенно ясно, что миссис Кейтли не собиралась оставлять его в живых дольше, чем это соответствовало ее целям, иначе она бы не допустила, чтобы девушку убили в его присутствии. Пока он не прибыл в кабинет Бонна, он допускал, что Болдуин спас его потому, что он, Гилеад, знает нечто такое, что Болдуин настоятельно желает узнать, — но теперь-то было похоже, что Котелок его спас из чистого альтруизма.

Гилеад допускал существование в этом мире альтруизма, но был склонен относиться к нему как к «наименее вероятной гипотезе». У Болдуина могли найтись другие причины желать Гилеаду долгой жизни — до того момента, как он сделает рапорт в Новом Вашингтоне, он вполне может с удовольствием убрать его с дороги сейчас, когда гибель Гилеада не вызовет никаких комментариев.

Возможно, что даже Болдуин союзник миссис Кейтли в этих темных делишках. В таком допущении содержалось простейшее объяснение всему, хотя некоторые факторы все-таки оставались непонятными. Как бы то ни было, ясно, что Болдуин — важная фигура и фильмы у него. Необходимо рискнуть.

Гилеад не стал попусту беспокоиться. Известные ему факторы четко отпечатались в его мозгу, словно сделанная мелом надпись на черной классной доске, и они останутся там, пока переменные величины не станут достаточно постоянными, чтобы можно было найти решение при помощи логики. Полет был весьма приятным.

Стив опустил его на лужайку возле большого несуряжного загородного дома, представил его по-матерински уютной особе миссис Гарвер и улетел.

— Чувствуйте себя как дома, Джо, — сказала она. — Ваша комната — последняя в восточном крыле, напротив есть душ. Через десять минут ужин.

Гилеад поблагодарил ее и отправился в указанном направлении. В гостиную он вошел минуты за две-три до начала ужина. Там уже собрались представители обоих полов, всего около десятка или немного больше.

Место это казалось щегольским ранчо, хотя он заметил недалеко откормленных мясных коров, когда они со Стивом приземлились.

Остальные гости, кажется, принимали его появление как нечто само собой разумеющееся. Никто его не спросил, зачем он сюда прибыл. Одна из женщин представлялась как Талиа Вагнер и познакомила его с остальными. Когда это происходило, вошла миссис Гарвер, звоня в колокольчик, и все проследовали в длинную столовую с низким потолком. Гилеад не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь более изысканно угощался, да еще в столь забавной компании.

Проспав одиннадцать часов — это был его первый настоящий отдых за несколько дней — Гилеад внезапно и полностью пробудился от каких-то звуков, которые его подсознание не смогло распознать, но отказывалось не принять во внимание. Он открыл глаза, обвел взглядом комнату, тотчас вскочил с постели, крадучись подошел к двери и притаился за ней.

Кто-то торопливо шел мимо его комнаты. Слышны были два голоса, один мужской, другой женский. Он сразу узнал Талию Вагнер, а мужчина был ему неизвестен.

Мужчина: «tsumaeg?»

Женщина: «no!»

Мужчина: «zulntsi»

Женщина: «ipbit' Нью-Джерси».

Здесь переданы не в точности те самые звуки, которые услышал Гилеад, во-первых, из-за ограниченных возможностей фонетических символов, во-вторых, из-за того, что его слух, не привычный к подобным звукам, не все точно уловил. Слух — функция мозга, а не ушей; мозг же Гилеада при всей его изощренности, был приспособлен для того, чтобы относить услышанные звуки к привычным для него группам. А эти звуки были ни на что не похожи.

Узнав голос Талии Вагнер, он почувствовал облегчение. Талиа была частью неизвестной ситуации, которую он принял, явившись сюда; незнакомца, известного ей, он тоже должен принять. Все непонятные новые факты, включая этот странный язык, он отнес к «находяще-

муся на рассмотрении» и временно выкинул их из головы.

Одежда, в которой он прибыл сюда, исчезла, но все его деньги — вернее, деньги Болдуина, — лежали на том месте, где он разделся, там же он нашел карточку на имя Джека Гиллспая и немногие принадлежавшие ему лично предметы. Кто-то приготовил для него прогулочные шорты и пару тапочек на резиновой подошве, как раз его размера.

С удивлением и почти с испугом Гилеад отметил, что кто-то сумел услужить ему, не разбудив.

Он надел шорты и тапочки и вышел из комнаты. За это время Талиа и ее спутник исчезли. Поблизости никого не оказалось, столовую Гилеад нашел пустой, но стол был накрыт на три прибора, один прибор стоял на том месте, где он сидел за ужином, а горячие блюда и закуски ждали на буфете. Он выбрал запеченную ветчину, горячие булочки, яичницу из четырех яиц, налил кофе. Двадцать минут спустя, как следует наевшись, все еще в одиночестве, Гилеад вышел на веранду.

День выдался великолепный. Гилеад наслаждался им и с дружеским интересом наблюдал за одиноким жаворонком, когда из-за угла дома вышла молодая женщина. Одета она была примерно так же, как и он, только соответственно своему полу. Она была хорошенькая, хотя и не чересчур.

— Доброе утро, — поздоровался он.

Она остановилась, уперлась руками в бедра и оглядела его с головы до ног.

— Ничего себе! — сказала она. — Почему это мне о таких вещах не сообщают? — Потом поинтересовалась: — Вы женаты?

— Нет.

— А я тут слоняюсь. С матримониальной целью. Давайте, познакомимся!

— Не очень-то я подходящий человек для брака. Много лет его избегаю.

— Все они не очень подходят для брака, — горько сказала она. — В загоне новый жеребенок. Пойдем.

Они пошли. Жеребенка звали Военный Победитель Болдуина, женщину — Гэйл. После тщательного осмотра кобылы и ее сына они вышли из загона.

— Если вы не одобряете помолвок, — сказала Гэйл, — сейчас как раз благоприятное время для купанья.

— Если ваше «благоприятное» означает то самое, что я под этим подразумеваю, я согласен.

Берег был тенистый, дно — песчаное. Гилеад на время снова почувствовал себя мальчишкой, такие вещи как эффект новой звезды, насилие и смерть отошли в какое-то другое далекое измерение. Долгое время спустя он выбрался на берег и спросил:

— Гэйл, что значит — «tsumaeg»?

— Повтори, — попросила она, — у меня в ухо вода попала.

Он повторил весь разговор, который слышал. Она смотрела на него недоверчиво, потом рассмеялась:

— Ты не слышал этого, Джо, просто не слышал — и все. — И добавила: — Вот «Нью-Джерси» ты правильно расслышал.

— Но я слышал!

— Повтори-ка снова.

Он повторил более тщательно, старательно имитируя произношение говоривших. Гэйл фыркнула:

— Теперь я уловила суть. Ох уж эта Талиа, в один прекрасный день какой-нибудь сильный мужчина свернет ей шею.

— Но что это значит?

Гэйл искоса окинула его долгим взглядом:

— Если ты когда-нибудь об этом догадаешься, я и в самом деле выйду за тебя замуж, несмотря на твои протесты.

Кто-то засвистел с вершины холма.

— Джо! Джо Грин, босс тебя требует!

— Надо идти, — сказал он Гэйл. — До свидания.

— Пока, — поправила она его.

Болдуин ждал его в удобном, располагающем, как и он сам, кабинете.

— Приветик, Джо, — поздоровался он. — Садись. Тебя хорошо приняли?

— Да, конечно. У вас тут всегда такой прекрасный стол, каким я наслаждаюсь?

Болдуин похлопал себя по животу:

— А чем же, ты думаешь, я заслужил свое прозвище?

— Котелок, мне нужно довольно много объяснений.

— Джо, я сожалею, что ты потерял работу. Был бы у меня выбор, такого не случилось бы.

— Ты что, работаешь с миссис Кейтли?

— Нет, я против нее.

— Хотел бы я поверить, но у меня нет тому доказательств — пока что. Что ты делал, когда я с тобой познакомился?

— Они меня зацапали — миссис Кейтли и ее ребята.

— Просто случайно зацапали тебя и просто случайно засунули в ту же самую камеру, куда и меня, и ты просто случайно узнал об этих пленках, и у тебя просто случайно оказались в кармане две колоды карт? Ну а на самом деле?

— Не было бы у меня карт — мы бы нашли какой-то другой способ потолковать, — мягко сказал Котелок. — Разве нет?

— Да, несомненно.

— Не буду врать, что все это было случайно. Мы за тобой следили с Лунной Базы; когда тебя подцепили на крючок, вернее, когда ты дал им затащить себя в отель «Новая Эра», я устроил так, что меня зацапали тоже, я предвидел, что найду возможность протянуть тебе руку помощи, если окажусь внутри. — Он добавил: — Я сблефовал, когда они считали, будто я тоже человек ФБСБ.

— Понятно. Значит, просто повезло, что они засадили нас вместе.

— Не повезло, — возразил Котелок. — Везение — это награда, которая достигается в результате тщательного планирования, оно никогда не возникает само по себе. Была хорошо вычисленная вероятность, что нас посадят вместе в надежде узнать то, что им нужно. Мы попали в точку, потому что заплатили за такую возможность. Если бы получилось по-другому, мне пришлось бы выбраться из той камеры и поискать тебя, но, чтобы я мог это сделать, мне необходимо было находиться внутри.

— Кто такая миссис Кейтли?

— Не то, что она есть официально, это точно. Она матка-пчела — или же паучиха «черная вдова» — в банде. «Банда» — не точное выражение. Может быть, группа сил. Одна из нескольких подобных групп, более или менее связанных друг с другом там, где их интересы не пересекаются. Они делают между собой страну ради всего, чего хотят, как две кошки, которые делают между собой крысу.

Гилеад кивнул: он понял, что имеет в виду Болдуин, хотя не подозревал, что величественная и пользующаяся уважением миссис Кейтли замешана в подобных делах, пока его носом не ткнули в этот факт.

— А ты кто такой, Котелок?

— Ну, Джо, ты мне нравишься, и я сожалею, что ты попал в передрагу. Ты пару раз зарвался, и я вынужден был затоптать слишком высокое пламя. Слушай, я чувствую себя твоим должником; поэтому вот мое предложение: мы сделаем из тебя совершенно новую личность, и начнешь все с нуля, даже отпечатки будут новые, если захочешь. Выбери себе любую точку на шарике, какая понравится, и любой род занятий; мы обеспечим тебе деньгами, какие понадобятся для начала, или ты получишь денег, чтобы уйти в отставку и до конца жизни забавляться с красотками. Что скажешь на это?

— Нет. — Он ни минуты не колебался.

— У тебя нет близких родственников, нет настоящих друзей. Подумай о моем предложении. Я не в силах вернуть тебя обратно на твою работу. Так что мое предложение — это лучшее, что я могу сделать.

— Уже подумал. Дьявол с ней, с работой, я хочу завершить мое дело! А ты — ключ к нему.

— Подумай и взвесь еще раз. Это твой шанс выкарабкаться из государственных дел и начать вести нормальную счастливую жизнь.

— Ах, он говорит — «счастливую»!

— Ну, во всяком случае, безопасную. Если ты настаиваешь на том, чтобы идти дальше, твое будущее становится крайне проблематичным.

— Что-то я не припомню, чтобы когда-нибудь играл в безопасные игры.

— Ты доктор наук, Джо. В этом случае...

Селектор на столе Болдуина произнес: — oenie twg gu!p.

Болдуин ответил:

— ну, — и быстро подскочил к камину.

Там все еще дымилось утреннее пламя. Болдуин ухватился за каминную полочку и потянул ее в свою сторону. Все сооружение — сам очаг, полка и решетка сдвинулись, оставив в стене арку.

— Вниз по ступенькам, Джо, — приказал он. — Облава.

— Вот это да! Настоящий тайник!

— Ага, здорово, правда? В этом доме больше секретных дыр, чем в кроличьей норе, и всяких тайных ловушек тоже хватает, слишком даже много всяких технических приспособлений, по моему мнению.

Он вернулся к своему столу, выдвинул один из ящиков, достал три кассеты с пленками и положил их в карман.

Гилеад уже готов был спускаться по лестнице, увидев же эти кассеты, он остановился.

— Давай двигай, Джо, — настойчиво скомандовал Болдуин. — Тебя вычислили. Пришли за тобой. Мы не располагаем временем, чтобы валандаться, а то нам придется просто убить тебя.

Они остановились в комнате, хорошо упрятанной в подполье, это был кабинет, очень похожий на верхний, не хватало только солнечного освещения и вида из окон. Болдуин сказал что-то на непонятном языке в микрофон у себя на столе, ему ответили. Гилеад, который уже начал обкатывать гипотезу, что язык этот — искаженный английский, отбросил ее.

— Как я говорил, — продолжал Болдуин, — если ты так уж смертельно хочешь получить ответы...

— Минутку, что это за налет?

— Просто ребятишки, которые работают на правительство. Они не будут действовать грубо и не станут искать тщательно. Мама Гарвер умеет с ними управляться. Мы постараемся никому не повредить, если только они не воспользуются проникающим радаром.

Гилеад криво улыбнулся, слыша такую пренебрежительную оценку службы.

— А если воспользуются?

— Одно приспособление там, наверху, визжит, точно свиньи, если его коснется частота проникающего радара... Мы недоступны ничему, кроме атомной бомбы. А на это они не пойдут: им фильмы нужны, а не дырка в земле. Кстати — вот, лови!

И внезапно у Гилеада в руках оказались те самые пленки, из-за которых весь сыр-бор разгорелся. Он вытащил несколько кадров из кассеты и убедился, что микрофильмы действительно те самые.

Он молча сидел и раздумывал, как бы ему выбраться невредимым из этой передраги, оказаться вновь на поверхности земли и ничего не испортить. В динамике опять раздалось какие-то слова, Болдуин не ответил, но сообщил Гилеаду:

— Долго мы тут не просидим.

— Бонн, кажется, решил проверить мой рапорт.

Наверху кто-то из его товарищей — бывших товарищей. Если он прикончит Болдуина, сможет ли управиться с дверью?

— Бонн — беден. Он меня проверит, но не особенно тщательно: я слишком богат. А миссис Кейтли он вообще не сможет контролировать: она очень богата. Он мыслит не мозгами, а своими политическими амбициями. Его последний предшественник был куда лучше: он был из наших.

Планы, которые начал строить Гилеад, подверглись внезапному пересмотру. Он присягал на верность правительству, а личная его лояльность была отдана бывшему боссу.

— Докажи-ка последнее, мне это очень интересно.

— Нет, ты сам дойдешь до того, чтобы понять, что это правда — если ты все еще хочешь получить ответы на вопросы. Убедился, что это те самые фильмы? Давай их сюда.

Гилеад не шевельнулся.

— Думаю, уж во всяком случае ты несколько копий снял?

— Не было необходимости: я их посмотрел. Не изобретай ты никаких идей, Джо; ты подмочил свою репутацию в ФБСБ, тебе не помогло бы, даже если бы ты принес им на блюде эти фильмы и мою голову. Ты же на своего босса напал — забыл?

Гилеад припомнил, что он вовсе не говорил этого Болдуину. Он тут же поверил, что у Болдуина есть свои люди в ФБСБ, независимо от того, был ли таковым последний начальник его отдела.

— Я мог бы, по крайней мере, уйти в отставку чистым. Я же знаю Бонна — он рад бы забыть это.

Гилеад просто тянул время, ожидая, что Болдуин предложит ему какой-то выход.

— Брось ты их, Джо. Не хочу я ссориться. Один из нас может оказаться убитым, — оба, если ты выиграешь первый раунд. Но ты ничего не сможешь доказать, а вот я докажу, что сидел дома и играл с кошкой. Или продавал вертолеты двум очень важным горожанам в то самое время, когда, по твоему утверждению, я был совсем в другом месте.

Он опять послушал динамик, потом ответил на той же тарабарщине.

Гилеад в уме оценивал свою ситуацию именно в тех же словах, какими выразился Болдуин. Ничего хорошего для себя не придумав, он перебрал фильмы Болдуину.

— Спасибо, Джо. — Тот отошел к маленькому потайному устройству в стене, включил его на полную мощность, поместил пленки в бункер, выждал несколько секунд и отключил прибор. — Дурная трава с поля вон!

Гилеад позволил себе поднять брови.

— Ну, Котелок, и удивил же ты меня!

— Чем это?

— Я-то думал — тебе нужен звездный эффект как средство добиваться власти.

— Чушь какая! Снять с человека скальп — не самый лучший способ избавить его от перхоти. Джо, как много тебе известно о звездном эффекте?

— Да не очень много. Я знаю, что это вид атомной бомбы и она настолько сильна, что многие, если бы только представили себе ее мощь, наделали бы в штаны.

— Это не бомба. Это не оружие. Это средство, чтобы полностью уничтожить планету — и все, что на ней находится, — превратив ее в новую звезду. Если это оружие, военное или политическое, тогда я Самсон, а ты — Далила. Но я-то не Самсон, — продол-

жал он, — и не собираюсь уничтожить храм — и хочу не дать сделать это другим. Крутом полно паразитов, которые бы это сделали, если бы кто-то не мешал им. Миссис Кейтли — одна из них. Твой сердечный друг Бонн — такой же, если бы только у него смелости и умишка хватило — а не хватает. Я намерен помешать таким людишкам. Что ты знаешь о баллистике, Джо?

— Да то, что в школе учил.

— Непростительное невежество. — Динамик опять заговорил, Болдуин ответил и продолжал: — У проблемы трех тел все еще нет настоящего красивого решения, но есть несколько естественных решений — астероиды, которые гонятся за Юпитером по собственной его орбите, в положении, например, под шестьдесят градусов. И существует решение прямой линии — ты слышал об астероиде «Анти-Земля»?

— Это нагромождение скал, которое всегда по другую сторону от Солнца, так что мы никогда его не видим.

— Да. Но его там больше нет. Он превращен в новую звезду.

Привычный к сюрпризам Гилеад решил, что это уже слишком.

— Как так? Я думал, что звездный эффект — это только теория...

— Да нет же. Если бы ты успел посмотреть фильмы, ты увидел бы картинки про это. Плутоний, литий, соединения тяжелой воды — образуют нечто такое, что мы не станем обсуждать. Получается спичка, которой можно поджечь весь мир. Она и подожгла — небольшой мир воспламенился и исчез. Никто не видел, как это случилось. Никто на Земле и не мог этого видеть, потому что все случилось по ту сторону от Солнца. И из Лунной Колонии нельзя было ничего увидеть: там тоже мешало Солнце — геометрия на практике. Видели только объективы фотоаппаратов на корабле роботов. А знали об этом только ученые, которые снарядили тот корабль и обеспечили тот процесс — и все они были с нами заодно, кроме директора. Был бы и он с нами, никогда бы ты не оказался в это дело замешан.

— Доктор Финнли?

— Да. Славный парень, но ум у него — как сухарик. Ученый-политик, средних способностей. Сам-то он мало что значит: наши ребята будут держать его на коротком поводке, пока он не уйдет на пенсию. Однако мы не смогли помешать ему сделать доклад и отослать фильмы. Поэтому мне пришлось их захватить и уничтожить.

— А почему ты их не сохранил? Если отбросить все остальные соображения, они же просто уникальны для науки.

— Человечество не нуждается в этом разделе науки, во всяком случае, в данном тысячелетии. Я сохранил все, что важно, Джо, — в голове.

— Так ты и есть твой кузен Хартли, да?

— Конечно. Но я и Котелок Болдуин, и еще несколько других ребят.

— По мне, так ты и леди Годивой можешь быть.

— Как Хартли, я имел право на эти фильмы, Джо. Проект-то был мой. Разработан с моей подачи.

— Я никогда не связывал с этим Финнли. Я не физик, но он же определенно недостаточно умен для такого дела.

— Конечно, конечно. Я пытался доказать, что искусственную Нову* нельзя создавать; очевидна политическая — расистская — важность данного вопроса. Это обернулось против нас же — так что мы вынуждены были приступить к безотлагательным действиям.

— Может, надо было остановиться в самом начале?

— Нет. Лучше знать самое худшее; теперь мы можем следить за этим, уводить исследования в другую сторону. — Снова заворчал динамик, Болдуин продолжал: — Есть, наверно, высший смысл в том, Джо, что поистине опасные тайны слишком трудны для разгадывания и интеллект может взяться за них, только достигнув определенной точки развития, когда, кроме всего прочего, указанный интеллект имеет добрую волю и хорошие намерения. Мама Гарвер говорит, что теперь можно подниматься.

Они направились к лестнице.

* Нова (nova) — новая звезда.

— Я удивлен, что ты оставляешь за старушкой Гарвер право распоряжаться в экстренных случаях.

— Уверю тебя, она вполне компетентна. Но управлял-то всем я — ты же сам слышал.

— А-а...

Они опять устроились в кабинете Болдуина.

— Я дам тебе еще один шанс для отступления, Джо. Не имеет значения, что ты знаешь все о фильмах, поскольку их больше не существует и ты ничего не сможешь доказать, — но, кроме того, ты ведь понимаешь, что, если, примкнув к нам, захочешь разболтать о том, что здесь происходит, тебя убьют, как утку на охоте, при первом же подозрительном шаге?

Гилеад это понимал, он видел, что находится за той точкой, от которой еще можно было вернуться назад. С уничтожением пленок ушел его последний шанс реабилитироваться. Он начал осознавать, что, усвоив первое обращение к нему, спрятанное в двойной колоде карт, он перестал быть свободным игроком; каждый его ход стал вынужденным и зависел от ходов, которые делал Болдуин. Тут уж ничего нельзя было поделать: его будущее — здесь или нигде.

— Я понял, продолжай.

— Мне известны твои интеллектуальные возможности, Джо, ты просто решил рискнуть, не обещая верности.

— Да, но почему ты решил рискнуть со мной?

Болдуин сделался куда более серьезным, чем он обычно себе позволял.

— Ты способный человек, Джо. У тебя довольно смекалки и моральной смелости, чтобы поступать разумно в ситуации из ряда вон выходящей, а не просто так, как это делается обычно.

— Так вот почему я тебе нужен?

— Отчасти поэтому. Отчасти потому, что мне понравилось, как ты здорово освоил новую карточную игру. — Он ухмыльнулся. — А отчасти потому, что Гэйл понравилось, как ты обращаешься с жеребенком.

— Гэйл? А как она умудрилась сообщить об этом?

— Она мне доложила о тебе пять минут назад, во время налета.

— Г-м-м-м... продолжай.

— Тебя предупредили. — В продолжение мгновения Болдуин смотрел на него почти с овечьей кротостью. — Я хочу, чтобы ты воспринял то, что я скажу сейчас, на полном серьезе — не смейся.

— О'кей.

— Ты спрашивал, кто я такой. Так вот я — нечто вроде секретаря-исследователя этой ветки организации суперменов.

— Я так и думал.

— Да-а? И давно ты догадался?

— Факты накапливались. Это и карточная игра, и быстрота твоей реакции. Я все понял, когда ты уничтожил пленки.

— Джо, а что такое супермен?

Гилеад не ответил.

— Прекрасно, давай-ка уточним термин, — продолжал Болдуин. — Его употребляют слишком часто и большей частью неверно, и он сделался таким избитым, что в конце концов приобрел комический оттенок. Я употребил его с целью шокировать тебя — но ты ничуть не был шокирован. Первоначально термин «супермен» имел сказочный оттенок и вызывал в воображении глаза, мечущие X-лучи, странные и необычные органы чувств, двойные сердца, прочную, не поддающуюся ножу кожу, стальные мускулы — мечта подростка о герое, поражающем драконов. Чепуха, конечно. Джо, что такое человек? Что в человеке делает его более чем животным? Решим это — и тогда мы в два счета определим, что такое сверхчеловек, супермен или Новый Человек, homo novus, который должен заменить homo sapiens; который уже вытесняет его, потому что он больше приспособлен для выживания, чем «homo sapiens». Я не пытаюсь применить этот термин к себе, предоставляю моим коллегам и неумолимому времени, решить, супермен ли я, представитель ли нового вида человека. То же испытание ожидает тебя.

— Меня?

— Тебя. В тебе обнаруживаются беспокойные симптомы homo novus, Джо — в небрежной, неряшливой, невежественной, нетренированной форме. Не очень вероятно, но ты можешь оказаться представителем новой породы. Ну, так что же такое человек? Что он

может делать лучше, чем животные, что это за сильный, необходимый для выживания фактор, который перевешивает все то, что так или иначе животные могут выполнить лучше, чем человек?

— Человек умеет мыслить.

— Я тебе подсказал ответ, это не твоя заслуга. О'кей, как человек ты проходишь, поглядим, на что ты способен. Что это за фактор или факторы — если угодно, вполне достижимые, — какие может приобрести гипотетический супермен благодаря мутации, или магии, или другим путем, и что он может добавить к тем преимуществам, какими человек уже обладает, которые помогли ему доминировать на этой планете над миллионами других враждебных ему представителей фауны? Такой фактор, который поможет человеку превзойти его предшественника так же, как ты превосходишь охотничью собаку? Думай, Джо. Каково необходимое направление эволюции для следующего доминирующего вида?

Гилеад погрузился в размышления — он раздумывал необычно для себя долго. Так много привлекательных новых качеств мог бы иметь человек: видеть невооруженным глазом, как через телескоп и микроскоп, видеть предметы изнутри, видеть сквозь спектр, слышать так же совершенно, иметь иммунитет к болезням, отрастить дополнительную руку или ногу, летать по воздуху, не затрудняя себя никакими дурацкими приспособлениями вроде вертолетов или двигателей, бродить по дну морскому невредимым, работать, не уставая...

И все же — орел летает, но он почти вымер, при том, что зрение у него лучше человеческого. Собака лучше чует и слышит, морские львы лучше плавают, имеют более совершенный вестибулярный аппарат и, более того, могут накапливать кислород. Крысы могут выживать там, где человек умирает голодной смертью или погибает от перегрузок, они сообразительны, и их трудно убить. Крысы могли бы...

Погоди! Могли бы наиболее выносливые и достаточно сообразительные крысы вытеснить человека? Нет, у них нет шансов: слишком мал мозг.

— Надо научиться мыслить более совершенно, — ответил Гилеад.

— Ты достоин приза! Супермен — супермыслитель; все остальное значения не имеет, это побочные признаки. Я могу допустить возможность супер-кого-угодно, кто сможет уничтожить человека или возобладать над ним, только при одном условии: если это существо превзойдет человека в его собственном главном достоинстве — способности мыслить. Но я отрицаю, что человек может постичь в абстрактных терминах, чем должно быть такое суперсущество или каким образом оно выиграет. Новый Человек вытеснит Хомо Сапиенса потому, что превосходит его — в рационализме, в способности распознавать факты, накапливать их, орудовать ими, верно рассчитывать результат и приходить к правильному решению. Вот как человек может стать чемпионом, всепобеждающим существом; тот, кто умеет мыслить совершеннее — и будет победителем. Разумеется, есть и другие помогающие выживанию факторы: хорошее здоровье, развитые органы чувств, безусловные рефлексy, — но они не в счет, как снова и снова доказывала длинная и грубая история человечества: Марат в своей ванне, Рузвельт в инвалидном кресле на колесах, Цезарь с эпилепсией и дурным пищеварением, одноглазый и однорукий Нельсон, слепой Мильтон; когда приходит решающий час, выигрывает мозг, а не части тела.

— Остановись на минутку, — перебил Гилеад. — А как же ЭСВ?

Болдуин пожал плечами:

— Ну а, например, повышенный порог зрения? Экстрасенсорное восприятие не стоит на одном уровне со способностью верно мыслить. ЭСВ — это неквалифицированное название для не таких, какие нам известны и привычны, органов чувств, с помощью которых мозг добывает факты. Но чтобы получить первый приз, надо выполнить одну маленькую хитрость: осознать эти факты, поразмыслить над ними. Если тебе нужна телепатическая связь с Шанхаем, я могу это организовать, у нас есть операторы с обоих концов, — но, если тебе понадобятся любые сведения из Шанхая, ты сможешь получить их оттуда по телефону с меньшими усилиями, при более качественной связи и с меньшей вероятностью подслушивания. К тому же телепаты не могут прини-

мать сообщения по радио: это не то что шайка волновиков.

— А что такое шайка волновиков?

— После, после. Тебе еще многое предстоит узнать.

— Я имел в виду не телепатию как таковую, а все парапсихологические эффекты.

— То же самое. Славная была бы перевозка грузов, если бы телекинетики хорошенько разыгрались, — но они пока этого не могут. Зато грузовик-пикап достаточно удобен для перевозки вещей. Телевидение в руках интеллектуально развитых людей принесет больше пользы, чем ясновидение слабоумных. Ну, хватит разбазаривать мое время, Джо.

— Извини.

— Мы определили способность мыслить как умение объединять определенные факты и находить правильные решения. Оглянись вокруг себя. Большинство людей пользуются этой способностью с достаточной эффективностью, чтобы добраться до лавочки на углу и вернуться, не сломав ногу. Если средний человек вообще мыслит, он совершает глупые поступки, так как делает выводы из одного-единственного факта. Он пользуется однозначной логикой «или-или», чтобы прийти к своим неверным выводам. Если он голоден, ранен или персонально заинтересован в ответе, он не в состоянии пользоваться никакой логикой и отбрасывает наблюдаемый факт с такой же бездумностью, с какой приспособливает свою жизнь к тому, чтобы думать то, что ему хочется. Он пользуется чудесами техники, созданными более развитыми людьми, без малейшего удивления или восхищения, точно так же, как котенок принимает блюдечко с молоком. Далекий от того, чтобы стремиться к высшему рассуждению, он даже не понимает, что такое высшее рассуждение существует. Он классифицирует собственные мыслительные процессы как точно такие же, какими обладает гений типа Эйнштейна. Человек — не мыслящее животное, он — животное, пытающееся дать всему разумное объяснение.

Для объяснения вселенной, которая смущает его и ставит в тупик, он кидается к гаданию на цифрах, к астрологии, к религии и к другим фантастическим способам свихнуться. Раз уж он принимает такую замеча-

тельную ерунду, факты для него значения не имеют, даже если вопрос стоит о его собственной жизни. Джо, тяжелее всего поверить в бездонную глубину человеческой глупости.

Вот почему наверху всегда есть место, вот почему на этом шарике человек, обладающий чуть-чуть большим умом, чем другие, так легко может стать правителем, миллионером или президентом колледжа — и вот почему Хомо Сапиенс безусловно уступит руководящую роль Новому Человеку. Есть еще так много возможностей для совершенствования, и эволюция никогда не закончится.

То и дело среди обычных людей попадаетсся редкий индивидуум, который действительно мыслит, может применять логику и делает это, по крайней мере, в какой-то одной области, — часто вне своего кабинета или своей лаборатории он так же глуп, как остальные, — но он умеет мыслить в том случае, если ему не мешают, он не болен и не боится. Вот этот-то редкий индивидуум ответственен за весь прогресс, который совершает его вид; остальные вынужденно принимают результат его деятельности. Как бы ни ненавидели обычные люди процесс мысли, как бы они ни окружали данного субъекта недоверием и как бы ни преследовали его, он обречен все время стремиться к достижению каких-то результатов, потому что мыслительный процесс — первопричина его деятельности. Он может просто сажать хлеб во тьме Луны, но он станет сажать лучшее зерно, выведенное лучшими, чем он сам, людьми. Еще более редок человек, который мыслит часто, который взывает к разуму в своей деятельности чаще, чем к установившимся привычкам. Хотя он и маскируется, он ведет опасный образ мысли: на него смотрят как на странное существо, которому нельзя доверять, как на испровергателя общественной морали; он розовая обезьяна среди коричневых — роковая ошибка. Кроме тех розовых обезьян, которые сумеют переокраситься в коричневый цвет, прежде чем их обнаружат.

Инстинкт коричневых обезьян убивать — верен: такие «розовые обезьяны» представляют опасность для всех человеческих привычек и обычаев.

Редчайший из всех — человек, который умеет мыслить и делает это всегда: быстро, четко, обобщенно. Невзирая на надежду, страх или телесное изнеможение, не впадая в эгоцентризм, не нарушая своего душевного равновесия; он обладает точной памятью, он четко различает факт, предположение и антифакт. Такие люди существуют, Джо, это и есть Новые Люди. Они человечны во всех отношениях, внешне или под скальпом их не отличить от Хомо Сапиенса, но деятельностью они настолько же от него отличаются, как Солнце от жалкой свечки.

— И ты из таких? — спросил Гилеад.

— Как хочешь, так и понимай.

— И ты думаешь, что я, может быть, тоже такой?

— Возможно. Через несколько дней у меня будут новые данные.

Гилеад смеялся так, что на глазах у него выступили слезы.

— Котелок, если я — будущая надежда человечества, лучше побыстрей послать меня в запасную команду. Конечно, я поумнее, чем те увальни, с которыми я сшибался, но, как говорится, соревнование несостоятельно. И нет у меня никаких возвышенных стремлений. Смотрю я на вещи таким же развратным взором, как и каждый второй. Наслаждаюсь, когда бездельничаю со стаканчиком пива. Я просто не ощущаю себя суперменом.

— Кстати о пиве, давай-ка выпьем. — Болдуин поднялся и достал две жестянки. — Вспомни, что Маугли ощущал себя волком. Быть Новым Человеком вовсе не значит не иметь никаких человеческих радостей и удовольствий. В течение всей истории человечества существовали Новые Люди; вряд ли большинство из них подозревало о том, что их отличие от остальных наделяет их правом называть себя новым видом. Хотя они во всем были на голову выше остальных, они заводили детей от дочерей человеческих, растворяли свои таланты в потомках, смешиваясь с homo sapiens, пока случай вновь не собирал вместе генетические факторы.

— Значит, как я понимаю, Новые Люди не особая мутация?

— Ха-ха, а кто — не мутация, Джо? Все мы — сборище миллионов мутаций. Пока мы здесь с тобой сидели, на всем шарике произошли сотни мутаций человеческой зародышевой плазмы. Нет, homo novus появился не из-за того, что дедушки стояли слишком близко к циклотрону; homo novus не был даже особой породой, пока не осознал себя сам, не организовался и не решил последовать зову своих генов. Сегодня можно снова смешать Нового Человека со всем остальным видом — и потерять его, он пока еще только вариация, становящаяся представителем вида. Через миллион лет от настоящей минуты — дело другое, осмелюсь предсказать, что Новый Человек того времени и той модели не будет способен смешиваться с homo sapiens — не получится жизнеспособного потомства.

— А ты не думаешь, что теперешний человек — homo sapiens — исчезнет?

— Не обязательно. Собака же приспособилась к человеку. Вероятно, по количеству их больше, чем в прежнем балансе, и кормятся они лучше.

— Так человек будет собакой Новых Людей?

— Опять-таки не обязательно. Не забудь и кошку.

— Значит, идея в том, чтобы снять сливки с зародышевой плазмы всего вида и держать ее биологически отдельно, пока обе расы не станут сильно отличаться друг от друга? Ну, вы, ребята, хватили... Это же подло, Котелок!

— Обезьянье суждение.

— Возможно. Новая раса неизбежно станет всем управлять...

— А ты что, хочешь, чтобы Новые Люди решали серьезные вопросы, учитывая все обыкновенные человеческие сопливые носы?

— Да вот о том я и толкую. Провозглашая новую расу, придешь к неизбежному результату. Котелок, я признаюсь, что предпочитаю обезьяньи предрассудки; демократию, человеческое достоинство и свободу. Моя точка зрения лежит вне логики, но это мир, который мне нравится. Я по работе якшался с самыми отбросами общества, делил с ними их скудную еду и питье. Да, они, может быть, глупы, но не такие уж они плохие —

нет у меня желания видеть, как они станут домашними животными.

Впервые за время разговора великан проявил беспокойство. «Маска» Короля Геликоптеров, торговца и хозяина, соскользнула, он сидел в задумчивом величии, одинокий и несчастный.

— Понимаю, Джо. Они — часть нас, их немногие достоинства, их благородство не становятся меньше из-за их жалкого состояния. И все же — так должно быть.

— Почему? Новый Человек грядет — и прекрасно. Но зачем же искусственно ускорять процесс?

— Спроси себя самого. — Он указал на бункер. — Десять минут назад мы с тобой спасли эту планету, весь наш вид. Это час ножа. Кто-то должен быть на страже, если виду нужно выжить, нет больше ничего, годного на эту роль, кроме нас. Чтобы эффективно охранять, мы, Новые Люди, должны быть организованы, нам нужно не прозевать такой кризис — и нам необходимо пополнять свои ряды. Нас сейчас мало, Джо, когда количество кризисов возрастет, нас должно быть гораздо больше. В конце концов — эта раса обречена, тут вопрос времени, — мы должны взять вверх над ними, чтобы быть уверенными, что дитя никогда не станет забавляться со спичками.

Он умолк и немного подумал.

— Я тебе признаюсь, Джо, что у меня тоже привязанность к демократии. Но это похоже на желание дожидаться Санта-Клауса, в которого ты верил ребенком. Сто пятьдесят лет или около того демократия, или что-то в этом духе, могла свободно процветать. Результаты такого правления получились такие, каких можно было достичь без неприятностей, путем голосования простых людей, одураченных и невежественных, — а они такими и были, и есть. Но теперь, когда стоит вопрос о выживании вида, политические решения зависят от реального знания таких вещей как атомная физика, планетная экология, теория генетики и даже системная механика. Они к этому не готовы, Джо. При самых лучших намерениях и с большим желанием учиться — меньше чем один из тысячи способен не заснуть

над страницей молекулярной физики; они не в состоянии изучить то, что должны знать.

Гилеад не соглашался:

— Так мы должны обучить их. Они всем сердцем этого хотят: объясни им реальное положение вещей — и они дойдут до правильных ответов.

— Нет, Джо. Мы это пробовали: не получается. Как ты говоришь, большинство из них не так уж плохи, наподобие того, как собака может быть благородной и доброй. Но встречаются и дурные — миссис Кейтли с компанией и ей подобные. Здравый смысл — бессилен против вздора и непрекращающейся лжи грубых и эгоистичных людей. Маленький человек не обладает способностью верно судить, а претенциозная ложь подается все в более привлекательной упаковке. Нет возможности растолковать дальтонику, что такое цвет, — и точно так же не можем мы — человека с несовершенными мозгами научить отличать ложь от правды.

Нет, Джо. Пропасть между нами и ими узка, но очень глубока. Мы не можем ее заполнить.

— Я бы хотел, — сказал Гилеад, — чтобы ты не записывал меня в эти свои «Новые Люди», — мне больше по душе быть на другой стороне.

— Ты сам решишь, на какой ты стороне, как это уже сделал каждый из нас.

Гилеад настоял на перемене темы разговора. Обычно он не склонен был к душевному волнению, но этот разговор расстроил его. Он понимал аргументы Болдуина и соглашался, что они справедливы, но душа его восставала против них. Перед ним обнажилась острейшая из всех трагедий: абсолютное противостояние двух в равной мере благородных и имеющих законное право на существование точек зрения.

— И что же вы тут делаете — кроме того, что воруете пленки?

— М-м-м... Много чего. — Болдуин с облегчением расслабился и опять стал выглядеть преуспевающим бизнесменом. — Толчок туда, пинок сюда — так и удается удержать горшок с кашей в равновесии, а в свободное время мы регулируем давление всевозможными окольными способами. Да еще отыскиваем подходящий материал и притаскиваем его в свое лоно,

когда это удастся — мы же за тобой десять лет наблюдали.

— Да-а?

— Ага. Это только первоначальное мероприятие. Изучая общественные события, мы исключаем всех, кроме одной десятой от одного процента: вот за этим тысячным индивидуумом мы наблюдаем. А кроме того, мы занимаемся общественной агрономией. — Он усмехнулся.

— Закончи же свою остроту.

— Мы пропалываем людей.

— Извини, я сегодня несколько туп.

— Джо, разве ты никогда не испытывал неудержимого желания искоренить какое-то зло, вырезать вонючее гнилое мясо, которое заражает всех, кто с ним соприкасается, и все же — наделено законным правом на существование? Мы с ними обращаемся как с раковыми опухолями: мы их удаляем из тела общества. Мы ведем учет «Подлежащих Смерти»; когда человек становится полным моральным банкротом, мы закрываем его жизненный счет при первой же возможности.

Гилеад улыбнулся:

— Если бы вы могли быть уверены, что всегда правы — было бы прекрасно.

— А мы всегда уверены, хотя наши методы конечно не оправдал бы обезьяний суд. Возьмем миссис Кейтли — у тебя на ее счет есть какие-то сомнения?

— Нет.

— Почему же ты не хочешь ее приговорить? Не затрудняй себя ответом. Или, например, через две недели состоится грандиозное шаманское сборище возобновленного, ставшего лучше-и-крупнее-чем-раньше ку-клукс-клана на горной вершине по дороге к штату Каролина. Когда веселье достигнет апогея, когда они будут выкрикивать свои непристойности, накачивая друг друга и пробуждая один в другом разрушительный дух, по Божьей воле свершится акт, который уничтожит всю эту шайку. Весьма печально.

— А я не могу в этом участвовать?

— Ты еще даже не ученик. — Болдуин продолжил: — Есть проект увеличения наших рядов, но это программа, рассчитанная на тысячу лет. Чтобы ее выверить,

надо иметь вечный календарь. Гораздо важнее сейчас держать спички подальше от дитяти. Джо, прошло восемьдесят пять лет с тех пор, как мы казнили последнего комиссара: тебя не удивляло, почему в науке так мало сделано за это время?

— Разве? Произошло столько перемен!

— Незначительные переделки, кое-какие эффектные результаты, но ничто из этого не захватывает основ науки. Разумеется, при коммунизме был достигнут весьма небольшой прогресс: тоталитарный политический режим несовместим со свободными исследованиями. Заметь: коммунистическое безвременье ответственно за то, что Новые Люди сплотились и организовались. Большинство Новых Людей — ученые, по совершенно очевидным причинам. Когда коммунисты попытались управлять естественными законами с помощью политики — лысенковщина и тому подобная бессмыслица, — многие из нас ушли в подполье.

Опущу детали. Это нас сплотило, дало практику подпольной деятельности. Основные исследования стали вестись в тайне. Некоторые из них были явно опасными, и мы решили на время их отложить. С тех пор количество тайных знаний значительно выросло, так как мы не позволяем им выйти наружу пока убеждены, что они представляют опасность. Поскольку большая часть этих знаний опасна и поскольку вне нашей организации действительно есть очень мало людей, способных к подлинно оригинальному мышлению, официальная наука почти стояла на месте.

Мы не ожидали, что придется действовать таким способом. Мы надеялись на то, что новая конституция либеральна и действенна. Но новая республика оказалась еще более жалкой, нежели прежняя. Прогнившая этика коммунизма продолжает развращать даже после того, как исчезла эта форма правления. Мы продержались. Теперь мы знаем, что должны продержаться до тех пор, пока не изменится все общество.

— Котелок, — медленно произнес Джо, — ты говоришь так, как будто был свидетелем всего этого. Сколько же тебе лет?

— Я скажу это тебе, когда ты будешь в таком же возрасте. Человек прожил достаточно, если у него нет

жажды жизни. Я до этого еще не дошел. Джо, мне нужен твой ответ, или этот разговор должен продолжиться при нашем следующем свидании.

— Ты его уже получил в начале — но послушай, Котелок, есть одна работенка, я хотел бы, чтобы ее поручили мне.

— Какая же?

— Я хочу убить миссис Кейтли.

— Не спеши так, не то штаны потеряешь. Когда ты пройдешь обучение и если она тогда все еще будет жива, тебя смогут для этой цели использовать...

— Спасибо!

— ...при условии, что ты окажешься подходящим инструментом. — Болдуин повернулся к микрофону, позвал: — Гэйл! — и добавил еще одно слово на чудном языке.

Гэйл немедленно появилась.

— Джо, — сказал Болдуин, — когда эта юная леди кончит с тобой заниматься, ты будешь уметь петь, свистеть, жевать резинку, играть в шахматы, задерживать дыхание и одновременно со всем этим запускать воздушного змея, да еще не слезая с подводного велосипеда. Бери его, сестренка. Он твой.

Гэйл потеряла руки:

— О, вот повезло!

— Сперва мы должны научить тебя видеть и слышать, затем запоминать, после — говорить, а уж тогда — думать.

Джо взглянул на нее:

— А что же я, по-твоему, проделываю сейчас?

— Это не разговор, а какое-то бурчание. Кроме того, английский язык по своей структуре не приспособлен к мышлению. Замолкни и слушай.

В подземной классной комнате у Гэйл была специальная аппаратура для записи и воспроизведения света и звуков. На экране вспыхнули и быстро погасли светящиеся цифры.

— Что там было Джо?

— ...девять-шесть-пять-семь-два... Это все, что я увидел.

— Цифры держались целую тысячную долю секунды. Почему ты запомнил только левый край ряда?

— Дальше не успел прочесть.

— А ты смотри на все сразу. Не делай усилий воли, просто смотри.

Она высветила другой ряд цифр.

Память Джо от природы была неплохой, интеллект высоким, но насколько именно, он пока не знал. Отнюдь не убежденный, что такая тренировка ему полезна, он расслабился, и эта игра стала его забавлять. Скоро он начал ухватывать ряд чисел на девять знаков как единое целое; Гэйл уменьшила время вспышек.

— Что это за волшебный фонарь такой? — спросил он.

— Тахистоскоп Рейншоу. Вернись к работе!

Во время второй мировой войны доктор Сэмюэль Рейншоу в государственном университете штата Огайо доказал, что большинство людей только на одну пятую используют свои способности видеть, слышать, ощущать вкус, чувствовать и запоминать. Его исследования были поглощены трясинной коммунистической псевдонауки, которая распространилась после войны, но открытия Рейншоу сохранились в подполье. Гэйл не познакомила Гилеада со странным языком, который он уже слышал, пока он не прошел полную тренировку по методу Рейншоу.

Тем не менее, со времени его разговора с Болдуином другие обитатели ранчо при нем пользовались этим языком. Иногда кто-нибудь — чаще всего мама Гарвер — переводила, иногда — нет. Гилеаду льстило, что он здесь принят, но он пришел в замешательство, когда узнал, что находится на низшей ступени ученичества. Он был ребенком среди взрослых.

Обучая его слушать, Гэйл произносила по одному слову чудного языка и требовала, чтобы он их повторял.

— Нет, Джо. Смотри. — На этот раз, проносимое ею слово появлялось на экране со звуковым анализом — это напоминало прием, с помощью которого глухонемым показывают их речевые ошибки. — Теперь попробуй.

Он попытался прочесть две таблицы, висящие рядом.

— Ну как, учительница? — спросил он самодовольно.

— Ужасно, хуже некуда. У тебя гортанные получаются слишком долгими, — она показала, — средняя гласная произносилась слишком глубоко, ты сделал ее слишком низкой, и у тебя не получилось повышающейся интонации. И еще шесть других ошибок. Ты, наверное, не понял как следует. Я разобрала, что ты сказал, но это была ужасная тарабарщина. И не называй меня «учительницей».

— Есть, мэм, — ответил он церемонно.

Она нажала на кнопки; вторая попытка. На этот раз линии графического анализа его произношения накладывались на линии образца, если они совпадали, они стирались. Когда же они не совпадали, его ошибки выделялись контрастирующими цветами. Изображение на экране напоминало взрыв солнца.

— Попробуй еще, Джо.

Она повторила слово так, чтобы оно даже не отразилось на дисплее.

— Проклятье! Если бы ты объяснила мне, что означает это слово, вместо того чтобы обращаться со мной так, как обращался со своими дочерьми Мильтон, обучая их латыни, это бы мне помогло.

Гэйл пожала плечами:

— Не могу, Джо. Сначала ты должен научиться слышать и произносить. Скоростная речь — флективный язык, одно и то же слово в нем многократно видоизменяется. Вот, например, такое применение этого слова означает: «Далекie горизонтy не приближаются». Не особенно помогает, правда?

Объяснение казалось неправдоподобным, но он уже научился не сомневаться в ее словах. Он не привык иметь дело с женщинами, которые во всем были на две головы выше его, эту же ему хотелось поколотить. Неужели, думал он, такая реакция и есть то, что романисты называют «любовью»; он решил, что такого быть не может.

— Попробуй еще, Джо.

Скоростная речь по строению отличалась от любого, языка, которым до сих пор пользовался какой-либо народ. Давно уже Огден и Ричардс показали, что восьмисот пятидесяти слов хватает, чтобы выразить все, что

соответствует потребности «нормального» человека; к ним можно прибавить около сотни специальных слов для каждого отдельного рода деятельности, вроде лошадиных скачек или баллистики. Примерно в то же время фонетики проанализировали звуки всех человеческих языков и обнаружили, что их около ста с небольшим — звуков, представленных всеобщими фонетическими символами.

Эти два положения лежали в основе скоростной речи.

В фонетическом алфавите гораздо меньше звуков, чем слов в Бейсик Инглиш. Но каждый знак, представляющий звук в фонетическом алфавите, может иметь несколько различных вариаций, которые обеспечиваются длиной звука, ударением, тоном, падением и подъемом интонации. Чем больше натренировано ухо, тем больше количество возможных вариаций; вариациям нет предела, но, без особых усовершенствований общепринятой фонетической практики, стало возможным настолько соотнести этот язык с Бэйсик Инглиш, это один фонетический символ стал эквивалентным целому слову в «нормальном» языке, одно слово скоростной речи сделалось равнозначным целому предложению. В результате язык стал выучиваться буквенными единицами скорее, чем словесными — но каждое слово произносилось и выслушивалось как единое структурное целое.

Однако скоростная речь не была «стенографическим» Бейсик Инглиш. Так как «нормальные» языки берут свое начало во временах суеверий и невежества, они неизбежно переняли по наследству неверные структуры или ошибочные представления о вселенной. По-английски можно логически мыслить только с чрезвычайным усилием, настолько он несовершенен как ментальный инструмент. Например, глагол «быть» в английском имеет двадцать одно значение, каждое из которых вовсе не соответствует факту бытия.

Структура речевого общения при помощи символов, изобретенная вместо общепринятой, была создана соответственно реальному миру. Строение скоростной речи не содержит скрытых дефектов английского языка, этот язык был создан настолько соответствующим

реальному миру, насколько это могли сделать Новые Люди. Например, он не содержал несуществующего в действительности различия между существительным и глаголом, которые мы видим в большинстве других языков. Мир — то есть континуум, известный науке и включающий всю человеческую деятельность — не содержит «понятий-существительных» и «понятий-глаголов»; он содержит явления пространства-времени и отношения между ними. Преимущество языка, приближенное к истинной сущности мира или к чему-то более похожему на сущность, подобно преимуществу ведения расходных книг арабскими цифрами, а не римскими.

На всех остальных языках научная многосторонняя логика почти недостижима; используя новый язык невозможно мыслить нелогично. Сравним ясную логику Буля* с темным смыслом аристотелевской логики, которую она заменила.

Парадоксы вербальны, в реальном мире они не существуют — и скоростная речь не имеет парадоксальных построений. Кто бреет испанского парикмахера? Ответ: сходи и посмотри. В синтаксисе скоростной речи парадокс испанского парикмахера не может и содержаться, разве что в очевидной ошибке.

Но Джо Грин-Гилеад-Бриггз не мог выучить этот язык, пока не научился слышать, обучаясь говорить. Он трудился до изнеможения, а экран продолжал светиться его ошибками.

Но наконец наступило время, когда рисунок образца, выполненный Гэйл, полностью стирался, экран сделался темным. Гилеад радовался, как никогда раньше.

Однако восторг его был недолгим. Используя схемы, которые Гэйл продуманно наладила заранее, машина ответила ему звуком фанфар, громкими аплодисментами, а потом добавила ехидно:

— Какой хороший маленький сынок!

Он повернулся к Гэйл:

— Женщина, ты говорила о браке. Если тебе когда-нибудь удастся женить меня на себе, я тебя поколочу.

— А я еще не решила насчет тебя, — ответила она ровным голосом. — Теперь попробуй это слово, Джо.

* Буль, Джордж (1815—1864) — ирландский математик и логик.

В тот же вечер появился Болдуин, отозвал Гилеада в сторонку:

— Джо! Подойди-ка. Слушай, ухажер, отдели-ка животную часть своей натуры от работы, не то я найду тебе другого учителя.

— Но...

— Ты меня слышал. Приглашай ее купаться, ~~катать~~ — в часы, когда ты принадлежишь себе. Рабочее время — только для дела. У меня относительно тебя особые планы, я хочу, чтоб ты как следует ~~научился~~ всему.

— Она что, нажаловалась на меня?

— Не глупи. Это моя обязанность — быть в курсе всего, что происходит.

— Гм-м-м... Котелок, а что это она болтает о том, что ищет мужа? Это она серьезно или просто хочет меня смутить?

— Спроси у нее. Вообще-то можешь не спрашивать. Ведь у тебя никакого выбора нет, если она имеет такое намерение — она своего добьется.

— Ух ты! А у меня создалось впечатление, что «Новые Люди» не утруждают себя свадьбами и тому подобными, как ты выражаешься, «обезьяньими привычками».

— Некоторые — нет, а другие — да. Что до меня, так я был как следует женат, а есть тут у нас одна тихонькая мышка, у которой девять ребятишек от девяти разных отцов — и все детишки блещут удивительным интеллектом. С другой стороны, могу указать тебе на мать одиннадцати ребятишек — Талию Вагнер — которая ни разу не поглядела ни на какого другого мужчину, кроме их отца. Гении, Джо, играют тут по собственным правилам, они всегда так делают. Вот тебе несколько установленных статистических фактов о гениях, они приводятся в работе Армато...

Он назвал эти факты и продолжал:

— Гении обычно живут долго, от скромности не умирают, если говорить честно, имеют неограниченную способность выносить боль, эмоционально индифферентны к принятым моральным кодексам — устанавливают собственные правила. На тебе, кстати, вроде бы имеются пятна гениальности.

— Спасибо и на том. Может, мне и стоит позаниматься с другим учителем, если есть кто-то, кто может меня учить.

— Любой из нас может это делать, точно так же как любой может учить ребенка разговаривать. Она вообще-то биохимик, когда у нее остается для этого время.

— Когда у нее остается время?

— Будь осторожен с этой девочкой, сынок. Ее настоящая профессия та же, что и у тебя, она опытный наемный убийца. Свыше трехсот человек уничтожила. — Котелок усмехнулся. — Так что, если захочешь поменять учителя — только подмигни мне.

Гилеад-Грин быстро сменил предмет разговора:

— Ты что-то говорил насчет работенки для меня, а как с миссис Кейтли? Она еще жива?

— Да, будь она проклята.

— Не забудь, что у меня с ней счеты.

— Возможно, тебе придется отправиться на Луну, чтобы ее достать. Она сообщила, что будет строить там дом для заслуженного отдыха. Годы вроде бы начали на ней сказываться; а ты бы лучше выполнял домашнее задание, если тебе не терпится встретиться с ней.

Лунная Колония тогда уже была центром для богатых престарелых. Их сердца легче переносили низкую гравитацию, она позволяла им чувствовать себя молодыми — и, возможно, продлевала им жизнь.

— О'кей, буду учиться.

Вместо того чтобы попросить нового учителя, Джо захватил на следующее занятие великолепное глянцевое яблоко. Гэйл съела его, оставив своему ученику только небольшой огрызок, и заставила его работать еще больше, чем всегда. Совершенствуя его слух и произношение, она начала разрабатывать с ним словарь, состоящий из тысячи буквенных обозначений, принуждая его говорить простыми трех- и четырехбуквенными фразами, отвечая на них другими словами-предложениями, с использованием тех же фонетических значков. Некоторые сочетания гласных и согласных были очень трудны для произношения.

Он овладел ими. Гилеад привык к тому, что многое усваивал быстрее тех, кто его окружал, теперь же он

оказался в весьма живо соображающей компании. Он напрягся изо всех сил и начал использовать часть своих громадных скрытых способностей. Когда он стал улавливать кое-что из застольных разговоров и отвечать на услышанные реплики на простой скоростной речи, поскольку Гэйл запрещала ему прибегать к английскому, она стала обучать его дополнительной лексике.

Экономичный язык не может быть сведен к тысяче слов; хотя почти всякую мысль можно как-то выразить небольшим количеством слов, все же удобно прибегать к более высокому порядку абстракции. Для технического лексикона скоростная речь пользовалась откровенными заимствованиями — около шестидесяти из возможных тысячи с лишним фонем. Это были буквенные обозначения, обычно используемые как цифры, если же перед обычной цифрой поставить букву, тогда этот символ будет иметь словесный смысл.

Новые Люди считали по системе, основанной на числе шестидесят: $3 \times 4 \times 5$, — удобная система с несложным разложением на множители, наиболее экономичная, то есть символ «100» соответствовал английскому числу, описываемому как «тридцать шесть сотен», еще такая система позволяла совершать мгновенное преобразование в голове на скоростную речь — и обратно.

Пользуясь такими цифрами, перед каждой из которых стоял буквенный индикатор — безгласная валлийская или бирманская «единица», — можно получить лексический запас в 215 999 слов (на одно меньше, чем куб шестидесяти), пригодных для выражения различных значений, причем не нужно было применять более четырех цифр, включая индикатор. Большинство этих слов произносилось в один слог. Тут не было строгой простоты основной скоростной речи, но, тем не менее, такие понятия как «питающееся рыбой животное» или «соответствие с конституцией» были таким способом спрессованы до односложных. Подобные сокращения лучше всего могли бы оценить те, кому случалось слышать, как длинная речь на кантонском диалекте китайского языка переводится на более краткий английский. Все же, английский еще не самый сжатый из «нормаль-

ных» языков, а расширенная скоростная речь во много раз экономнее кратчайшего из «нормальных» языков.

Включением еще одной буквы (шестьдесят в четвертой степени) могут быть добавлены, если понадобится, тринадцать миллионов слов, — и большую часть из них еще возможно произносить в один слог.

Когда Джо понял, что Гэйл хочет, чтобы он запомнил за несколько дней две сотни тысяч новых слов, он заартачился:

— Ну тебя к черту, Затейливые Брючки, я же не супермен. Я по ошибке сюда попал.

— Твое мнение в расчет не принимается, а я считаю, что ты это можешь. Теперь слушай.

— Предположим, я завалюсь, — тогда-то меня вычеркнут из твоего списка возможных жертв?

— Если ты завалишься, я не намажу тебя на бутерброд. Вместо этого оторву тебе голову и спущу ее прямо тебе в глотку. Но ты не завалишься, я-то знаю. И все-таки, — добавила она, — что-то я не уверена, что из тебя получится удовлетворительный муж: ты слишком много споришь.

Он кратко и ехидно отрызнулся на скоростной речи, она ответила одним словом, которое в подробностях характеризовало его недостатки. И они принялись за работу.

Джо ошибался: он выучил весь расширенный лексикон, как только его услышал. Он обладал потенциальной образной памятью: а методы Рейншоу теперь позволили ему полностью ее использовать. И его ментальные процессы, быстрые всегда, стали гораздо быстрее, чем он сам это осознавал.

Сама по себе способность выучить скоростную речь уже доказывает сверхнормальность интеллекта; применение этого языка на практике еще более совершенствует данный интеллект. Еще до второй мировой Альфред Корзюбский доказал, что человеческая мысль, когда она работает эффективно, выражается в символах; понятие о «чистой мысли», свободной от абстрактных речевых символов, всего только фантазия. Мозг сконструирован так, что может работать без символов только на животном уровне, говорить о «мысли» без символов — значит говорить ерунду.

Скоростная речь не только ускорила коммуникацию — она, благодаря своей структуре, сделала мысль более логичной; ее экономичность значительно ускорила мыслительные процессы, поскольку для того, чтобы подумать нужно было примерно столько же времени, сколько и для произнесения того же слова.

Монументальная работа Корзюбского подняла целые пласты науки во время коммунистического безвременья. «Капитал» — просто детский лепет, если исследовать его, применяя семантику, поэтому политбюро уничтожило семантику и заменило ее неким эрзацем, так же как лысенковщина заменила науку о генетике.

Владея скоростной речью настолько, что усвоенная часть помогала овладевать остальным, Джо учился очень быстро. Продолжал он упражняться по системе Рейншоу: теперь он был способен ухватить «гештальт» *, или конфигурацию во многих смыслах сразу, уяснять, запоминать, размышлять над образами с большой скоростью.

Жизненное время для человека не соответствует календарному: для него оно — мысль, которая протекает у него в мозгу. Любой человек, способный изучить скоростную речь, имеет, по крайней мере, в три раза больше фактического времени, чем обычный индивидуум. Скоростная речь давала ему возможность манипулировать символами примерно в семь раз быстрее, чем это можно делать при помощи английского. Семью три — двадцать один, итого — новый человек имел эффективного жизненного времени, по крайней мере, шестнадцать сотен лет, если учитывать процесс мысли. У него хватало времени, чтобы стать энциклопедистом, тогда как для обычного человека это невозможно из-за связывающей его смиренной рубашки отпущенных ему лет.

Когда Джо научился говорить, читать, писать и считать, Гэйл передала его на обучение другим. Но прежде чем она с ним покончила, она сыграла с ним несколько обидных и неприятных шуточек.

* Гештальт (нем. Gestalt) — целостная форма, образ, структура.

На три дня она запретила ему есть. Когда сделалось очевидно, что он способен мыслить и сдерживать свое недовольство, несмотря на низкий показатель сахара в крови, несмотря на голод, — она добавила к этим лишениям еще бессонницу и боль — интенсивную, продолжительную и видоизменяющуюся боль. Она изощренно пыталась довести его до какого-нибудь бессмысленного действия, но он оставался твердым как скала, мозг его выполнял любое задание, точно непрклонный компьютер.

— Так кто же тут не супермен? — спросила Гэйл в конце их последнего занятия.

— Никто, учительница.

— Давай сюда уши.

Она потянула его за уши, крепко поцеловала:

— Пока.

Он не виделся с ней много недель.

Наставником Гилеада в обучении ЭСВ был ничем не примечательный с виду маленький человечек, который как бы для маскировки носил скромное имя Уимс. Джо не особенно блистал в проявлениях ЭСВ. Оказалось, что к ясновидению он вовсе не способен. С предвидением было чуточку лучше, но это качество не развивалось, несмотря на практику. Лучше всего у него получался телекинез: он мог заставить слегка оживать игральные кости. Но, как уже заметил Котелок, от воздействия на движение игровой кости до передвижения тонн груза большое расстояние — и такое, что его, вероятно, не стоит преодолевать.

— Это, однако, может иметь другое полезное применение, — мягко заметил Уимс, переходя на английский. — Подумайте, что можно сделать, если вы сумеете повлиять на способность нейрона достичь определенного ядра — или преобразовать статическую возможность в массу.

Гилеад не стал над этим задумываться: это была отвратительная идея.

В телепатии он был туп до отчаяния. Однажды он смог без запинки назвать карты Райна, потом у него это плохо получалось в течение трех недель. Более высоко организованная способность к коммуникации, казалось, была вовсе недоступна ему, пока однажды, без всякой

видимой на то причины, просто во время попытки назвать карты при помощи телепатии, он не обнаружил, что общается с Уимсом телепатически, и это продолжалось в течение целых десяти секунд — времени, достаточного для произнесения тысячи слов скоростной речи.

— получается как речь!

— почему нет? Мысль — это речь.

— как мы это проделываем?

— если бы мы знали, это не было бы так ненадежно, как оно есть; кто-то может это проделывать по собственной воле, кто-то — случайно, а некоторые вообще никогда не могут. Как нам известно: в то время как мысль никоим образом не относится к миру физического, насколько мы теперь можем определить, она подобна явлениям в континууме своей квантовой природы. Вы теперь изучаете распространение квантовой концепции на все черты континуума, вы знаете хронон, мензум и витон как кванты, а также действия квантов, таких, как фотон. Континуум во всех своих чертах имеет не только структуру, но и текстуру. Тончайшую единицу мысли мы определяем как психон.

— определяем — сыглем соль ей на хвост.

— когда-нибудь, когда-нибудь. Могу вам сказать: быстрая скорость возможной мысли есть один психон в один хроном; это основная универсальная константа.

— насколько мы к ней приближаемся?

— меньше чем на шестьдесят в минус третьей степени возможности.

— !!!!!

— лучшие создания, чем мы, последуют за нами. Мы подбираем камушки на берегу безбрежного океана.

— что мы можем сделать, чтобы это усовершенствовать?

— собирать камушки с серьезными намерениями.

Гилеад сделал паузу на долгую долю секунды, чтобы подумать.

— можно ли разрушить психон?

— витоны могут быть преобразованы, психоны же...

Связь их внезапно прервалась.

— Так я говорил, — спокойно продолжал Уимс, — что психоны пока во многих отношениях за пределами нашего понимания. Теория утверждает, что их нельзя разрушить — что мысль, как и деятельность, непрерывна. Если эта теория верна, то все еще остается открытым вопросом, означает ли она, что личное тождество тоже непрерывно. Посмотрите ежедневные газеты — времен, отстоящих от сегодняшнего дня на несколько сотен лет или несколько сотен тысяч. — Он умолк.

— С нетерпением жду завтрашнего занятия, чтобы попробовать, док, — почти прожурчал Гилеад-Грин. — Может быть...

— Я с вами закончил.

— Но, доктор Уимс, эта связь получилась прямо как по телефону. Возможно, завтра...

— Мы установили, что ваш талант неустойчив. У нас нет способа сделать его надежным. Время слишком коротко, чтобы понапрасну его тратить — ваше ли, мое ли. — Внезапно перейдя на английский, он добавил: — Нет.

Гилеад ушел.

Во время тренировки в других областях Джо повзвизгивал со многими вещами, производящими сильное впечатление. Среди них интегрирующий пантограф, фабрика-в-коробочке, которую Новые Люди собирались предоставить обыкновенным людям, как только социальной системой перестанут управлять экономические шакалы. Она могла воспроизвести почти любой прототип, положенный на ее платформу, требуя для этого только сырье и энергию. А энергия вырабатывалась крошечной ядерной установкой размером с большой палец Джо; теория, по которой она действовала, переворачивала верх дном все условные понятия об энтропии. Закладываешь «сосиску», получаешь — «свинью».

В ней была скрыта форма экономической системы, настолько отличающейся от существующей, насколько общественное производство отличалось от системы маленьких домашних мастерских, и в ней лежали возможности человеческой свободы и достоинства, каких не хватало людям столетиями — если они вообще когда-нибудь существовали.

Тем временем Новые Люди редко покупали больше одного экземпляра каких-то вещей, используя его в качестве образца. Или этот образец они изготавливали сами.

Другой полезной, но едва ли настолько же удивительной вещью был комбайн, объединяющий диктофон, пишущую машинку и ксерокс. Машинные анализаторы распознавали каждый из тысячи с лишним фонетических символов, для каждого из звуков имелись печатающие клавиши. Комбайн мог и размножать напечатанное. Многие знания Гилеад получил, благодаря печатным страницам, изготовленным этим приспособлением, сберегающим драгоценное время человека.

Систематизация, классификация и доступность информации во все века остается насущной проблемой. Что касается Новых Людей, то их совершенная и организованная память снимала большую часть этой проблемы: сокращалось необходимое количество магнитофонных записей, чтения и письма — гораздо меньше надо было читать и писать, и ненужной становилась наиболее досадная часть работы — перечитывание. Автоматическое записывающее приспособление, соединенное с «библиотечной» машиной, которая умела «слышать» некоторую часть скоростной речи, встроенное в систему карточной записи, снимало почти все остальные проблемы. Новые Люди не затрудняли себя возней с газетами. Они никогда не писали хроник.

Территория, занятая ранчо, так и кишела новейшими техническими чудесами, представляющими самое последнее слово науки. Невероятно крошечные манипуляторы для всевозможных целей — хирургических, химических, биологических, всевозможные кибернетические приспособления. Список этих чудес слишком длинен, чтобы его приводить. Джо не все их изучал, синтетический энциклопедист связан с общими структурными областями знания; он не в состоянии, даже используя скоростную речь, изучить подробно каждую отрасль.

На ранней стадии занятий, как только стало ясно, что Джо имеет потенциальные возможности закончить курс, с помощью пластической хирургии ему сделали новую внешность. Рост уменьшили на три дюйма, изменили форму черепа, цвет лица стал темнее. Черты для его нового лица подобрала Гэйл, и Гилеад не возражал.

Ему даже нравилось эта новая внешность: она больше, чем прежняя подходила к его новой внутренней сущности.

Обладая новым лицом, новыми мозгом, новыми взглядами, он и в самом деле стал другим человеком. Прежде он был гением от природы, теперь же сделался гением натренированным.

— Джо, как насчет прогулки верхом?

— Идет.

— Я хочу взять Военного Победителя. Его приучают к седлу — пусть потренируется.

— Правильно.

Котелок и Гилеад-Грин выехали из ворот ранчо. Болдуин пустил коня шагом и начал разговор.

— Думаю, ты уже готов к работе, сынок. — Даже в звуках скоростной речи Болдуина Котелка сохранялась его собственная интонация.

— Наверно, так, но у меня все еще остаются эти самые ментальные резервы.

— Ты по-прежнему не убежден, что мы на стороне ангелов?

— Я уверен, что ты к этому стремишься. Очевидно, что организация подбирается по признаку наличия в человеке доброй воли и намерений, так же как и умственных способностей. Правда в одном случае я не был уверен...

— Да?

— Я имею в виду того кандидата, который прибыл сюда шесть месяцев назад и потом сломал себе шею, свалившись с лошади.

— Ах да. Очень печально.

— Ты хочешь сказать — очень удобно, Котелок?

— Да к чертям, Джо, если гнилое яблоко здесь задерживается, мы не можем его отсюда выпустить. — Болдуин перешел на английский, чтобы выругаться: он находил, что так «больше смаку».

— Я понимаю. Поэтому я и уверен в качестве наших людей.

— Значит, теперь они «наши люди»?

— Да. Но я не убежден, что мы на верном пути.

— Каково же твое представление о «верном пути»?

— Нам надо выйти из подполья и учить обычных людей тому, чему они способны научиться. Обычный человек может усвоить многое и может использовать эти знания. Будучи как следует образован и натренирован, он сможет куда лучше управляться со своими делами. Он с радостью скинул бы тех, никуда не годных, которые сидят у него на закорках, если бы только знал, как это сделать. Мы могли бы ему показать — как. Это куда больше соответствовало бы нашей цели, чем убийство то одного, то другого по политическим мотивам. Понимаешь, я не против убийства того, кто этого заслуживает, я только утверждаю, что это неэффективно. Без сомнения, мы должны быть на страже, чтобы предотвращать такие кризисы, как тот, который свел нас с тобой, но в основном люди могли бы управляться с собственными делами сами, если бы мы не претендовали на исключительность и не утверждали, что не можем смешиваться с обыкновенными людьми, если бы мы вышли из подполья и подали им руку.

Болдуин натянул уздечку.

— Уж не говори, Джо, что я не смешиваюсь с простым народом: я же продаю подержанные вертолеты, чтобы иметь на жизнь. Каждого простого человека нельзя привлечь к себе. И не намекай на то, что я будто бы не с ними всей душой. Мы на них не похожи, но мы с ними связаны прочнейшими узами, потому что все мы страдаем от одной роковой болезни — мы живые.

А что до убийств, так ты не понимаешь их принципиального значения в качестве политического оружия. Прочти... — он назвал один из библиотечных указателей на скоростной речи. — Если бы меня вывели из строя, наша организация даже не икнула бы, но другое дело — организации, преследующие дурные цели. Они являются персональными империями. Если правильно выбрать время и метод, можно совершенно разрушить подобную организацию, убив одного человека — те части ее, которые останутся, будут почти безвредными, пока не найдется новый вождь, — тогда ты опять убиваешь, именно его. Вовсе это не неэффективно, очень даже действенно, если все спланировать при помощи мозгов, а не эмоций.

Что касается нашей изоляции, так мы вроде как U-235 внутри U-238, не будет эффекта, пока не изолируешь. В каждом поколении были потенциальные Новые Люди, но там они терялись в массе других.

Что до конспирации, так она крайне необходима, если мы хотим выжить и увеличить свои силы. Нет ничего более опасного, чем быть Избранным Народом — и при этом оставаться в меньшинстве. Одну такую группу преследовали в течение двух тысячелетий — только за то, что они претендовали на избранность. — Он опять перешел на английский, чтобы выругаться: — Черт возьми, Джо, взгляни ты правде в глаза! Этот мир управляется вроде того, как моя тетушка Сузи управляла бы вертолетом. Скоростная речь или не скоростная, но обычный человек не в состоянии справиться с современными проблемами. Что толку болтать о неиспользованных резервах его мозга, когда у него просто нет желания выучить то, что ему необходимо знать. Невозможно снабдить его новыми генами, а потому приходится водить его за ручку, чтобы не позволить ему убить себя самого — и нас. Мы можем предоставить ему личную свободу, можем обеспечить ему автономии во многих областях, можем дать ему значительную меру личного достоинства — и мы охотно это сделаем, потому что, личная свобода на всех уровнях ведет к эволюции, обеспечивает максимум выживаемости. Но мы не позволим ему играть жизнью и смертью нашего вида.

Тут ничего не поделаешь. Каждая форма общества создает свою собственную этику. Мы вырабатываем ту, к которой неумолимо принуждает нас логика событий. Мы считаем, что вырабатываем ее во имя выживания.

— Точно? — усомнился Гилеад-Грин.

— Увидим. Кто выживет — выживет. Поглядим... Ого! Наш митинг переносится на другое время.

Приемник у луки седла Болдуина начал вызывать его по личному срочному коду.

— Поворачиваем к дому, Джо! — Он прищипнул коня и исчез из виду. Скакун Джо был менее чистых кровей, ему пришлось потрудиться, догоняя.

Болдуин послал за Джо сразу же, как тот вернулся. Джо вошел; там уже сидела Гэйл.

Лицо Болдуина ничего не выражало. Он сказал по-английски:

— У меня есть для тебя работенка, Джо, та работенка, насчет которой у тебя нет никаких сомнений. Миссис Кейтли.

— Прекрасно.

— Не так уж прекрасно. — Болдуин перешел на ускоренную речь. — Мы влипли. Или копии фильмов не были уничтожены, или нашелся еще комплект. Этого мы не знаем: человек, который нам кое-что сообщил, мертв. Но миссис Кейтли получила пленки, и она ими воспользовалась.

Такова ситуация. «Запал» звездного эффекта установлен в отеле «Новая Эра». Он заблокирован, кнопку можно нажать только по радиосигналу с Луны — по сигналу миссис Кейтли. «Заряд» устроен таким образом, что любая попытка прорваться к нему, в то время как цепь замкнута, запустит его в действие. Я говорю с вами как физик, и мое твердое мнение таково, что нет способа предотвратить взрыв «звездной» бомбы, если предварительно не отключить цепь на Луне, а до того нельзя предпринимать никаких попыток прорваться к заряду, потому что это крайне опасно для всей планеты.

Вся схема и радиореле, управляющие земным триггером, расположены на Луне, в здании, находящемся внутри личного купола миссис Кейтли. Механизм управления триггером она постоянно держит при себе. Она имеет возможность временно разомкнуть цепь при помощи рубильника безопасности и часового механизма. Эта комбинация может быть установлена максимум на двенадцать часов, чтобы позволить хозяйке поспать или же как-то перезарядить устройство. Пока механизм не отключен, любая попытка проникнуть в помещение, где расположена смертоносная схема моментально взорвет «звездную» бомбу. Пока зарядное устройство отключено, можно ворваться в помещение, где оно находится, и разомкнуть цепь, но при этом поднимается тревога, которая заставит хозяйку снова зарядить устройство и тотчас взорвать его.

Первое — миссис Кейтли нужно убить и разъединить цепь.

Второе — помещение, где находится механизм и радиореле, необходимо открыть и уничтожить их до того, как часовой механизм перезарядится и приведет в действие взрыватель. Сделать это нужно очень быстро, и не только из-за охраны, но и потому, что уцелевшие молодчики из службы миссис Кейтли постараются захватить власть, прорвавшись к управлению бомбой.

Третье, как только на Земле получают известие о том, что схема уничтожена, «Новая Эра» будет атакована военными силами и «звездная» бомба обезврежена.

Четвертое, когда это произойдет, придется арестовать всех, способных технически осуществить «звездный» эффект на практике. Состояние боевой тревоги следует сохранять до тех пор, пока не придет уверенность в том, что никаких проектов «звездного эффекта» более не существует, включая и третий комплект пленок, а в дальнейшем следует убедиться при помощи гипноза, что нет более компетентных личностей, которые владеют достаточными знаниями, чтобы создать подобную установку самостоятельно. Все эти мероприятия угрожают нашей конспирации, но придется рискнуть.

Есть какие-то вопросы?

— Котелок, — сказал Джо, — а разве она не знает, что, если Земля превратится в Нову, Луна будет поглощена этой катастрофой?

— Ее купол защищен стенами кратера от линии видимости Земли, очевидно, она считает, что находится в безопасности. Зло, как правило, глупо, Джо; несмотря на свой блеск и великолепие, она верит в то, во что хочет верить. Или, возможно, желает рискнуть и поставить на карту собственную жизнь ради искушающего приза абсолютной власти. В ее планы входит объявить себя диктатором, приправив это всякой благочестивой ерундой насчет того, будто бы она послана свыше как священная поборница мира — эвфемизм того, что она Земная Императрица. Типичные параноидальные отклонения; доказательства безумия в том, что устройство механизма не оставляет сомнений — через несколько часов после ее смерти Земля будет автоматически унич-

тожена, если мы не вмешаемся. Умереть же старуха может в любой момент, поэтому мы и вынуждены спешить. Никому еще не удавалось завоевать и подчинить себе всю Землю, даже комиссарам. Очевидно, она хочет не только завоевать Землю, но и уничтожить ее после того, как умрет, чтобы никто другой не смог захватить власть после нее. Есть еще вопросы?

Потом он продолжил:

— План состоит в следующем. Вы двое отправляетесь на Луну и найметесь домашними слугами к мистеру и миссис Александр Копли, это богатая пара, они живут в Домах Отдохновения Элизиум, Лунной Колонии. Они из нашей братии. Вскоре они примут решение вернуться на Землю, а вы захотите остаться: вам понравится на Луне. Вы дадите объявление, что станете работать на любого, кто оплатит неустойку за ваше возвращение. К тому времени миссис Кейтли по некоторым обстоятельствам, которые будут созданы специально, потеряет двух-трех слуг, возможно, она наймет вас, поскольку домашняя прислуга на Луне — дефицит. Если же нет, придется придумать что-нибудь другое.

Оказавшись в ее куполе, вы сообразите, как выполнить поручение. Вы проделаете процедуры номер один и два — с хорошей скоростью.

Человек по имени Мак-Гинти — он уже устроился внутри ее купола, — поможет вами со связью. Он не из наших, но является нашим агентом. Он телепат, и его способности не простираются далее этого. Связь с ним будете поддерживать: Гэйл — телепатически, Джо — по скрытому радио.

Джо взглянул на Гэйл: он впервые услышал о том, что она телепатка. Болдуин продолжал:

— Гэйл убьет миссис Кейтли, Джо прорвется в здание и уничтожит схему. Вы готовы отправиться?

Джо уже собирался объявить, что хочет поменяться с Гэйл заданиями, но тут Гэйл ответила:

— Готовы.

Ему оставалось только поддакнуть.

— Отлично. Джо, твой установленный IQ составляет около 85, а у Гэйл он 95, так что она будет главной в вашей супружеской паре. — Гэйл усмехнулась, глядя

на Джо, — и ты, Джо, будешь на ее попечении. Ваши личные дела и «легенды» будут готовы вместе с вашими удостоверениями. Позвольте мне повторить вам, что необходимо очень быстро выполнить ваше задание: правительственные военные силы могут несвоевременно атаковать «Новую Эру». Мы сделаем все, чтобы предотвратить такие действия, а вы поторапливайтесь. Удачи вам.

Первая фаза операции «Черная Вдова» прошла точно по плану. Через одиннадцать дней Джо и Гэйл находились внутри купола миссис Кейтли на Луне и занимали комнату в отделении для слуг. Когда они впервые вошли в эту комнату, Гэйл огляделась и сказала на скоростной речи:

— Ну, теперь уж ты точно должен жениться на мне: я скомпрометирована.

— Заткнись ты, идиотка! Кто-нибудь может тебя услышать.

— Ха-ха! Они просто подумают, что у меня астма. Тебе не кажется, Джо, что я поступаю великодушно жертвуя своей девичьей репутацией?

— Какой еще репутацией?

— Подойди-ка поближе, чтобы я могла надрать тебе уши!

Даже комнаты для слуг поражали роскошью. Купол был мечтой сибарита. Всю его территорию, кроме того места, где стоял дом миссис Кейтли, занимал прекрасный сад. Напротив него, через маленькое озерцо — естественно, единственное озеро на Луне — располагалась постройка для схемы и радиореле, управляющих земным триггером, она была замаскирована под маленький греческий храм.

Купол светился пятнадцать часов в сутки, высвечивая черное небо с яркими звездами. «Ночью» освещение постепенно угасало.

Мак-Гинти работал садовником и, по всей вероятности, наслаждался своей работой. Гэйл установила с ним контакт и извлекла из него то небольшое, что он знал. Джо не общался с ним, если не считать служебных контактов.

В штате obsługi было более двухсот человек, поэтому в нем существовала своя социальная иерархия, от

инженеров, обслуживающих купол и оборудование, личного пилота миссис Кейтли и до помощников садовника. Джо и Гэйл, будучи внутренними слугами дома, находились на середине этой лестницы. Гэйл снискала популярность, занимаясь безобидным флиртом и разыгрывая роль всегда услужливой и внимательной жены при кротком престарелом муже. Как выяснилось, она была великолепной горничной, или оператором комнат, еще до того как «вышла замуж», и к тому же владела искусством массажа спины и шеи, что облегчало головные боли и помогало заснуть. Она всегда готова была продемонстрировать свое умение.

Однако ей никак не удавалось установить тесный контакт с хозяйкой. Джо тем временем получил задание выносить все горшки с растениями «на воздух»: миссис Кейтли верила Джеймсу, дворецкому, что растениям по «ночам» лучше находиться вне дома. Таким образом, Джо по роду своих обязанностей имел возможность выходить из дома, когда купол погружался во тьму; он уже вступил в такие отношения с ночной охраной греческого храма, что стражник иной раз просил Джо «постоять» за него, пока он сам выкуривал запретную сигаретку.

Мак-Гинти смог сообщить еще один важный факт: в добавление к охране, запорам и бронированному покрытию самого здания, схема была заминирована. Даже если устройство не приведет в действие «звездную» бомбу на Земле, оно само по себе взорвется, если его тронуть. Гэйл и Джо обсудили это в своей комнате. Гэйл сидела у него на коленях, как горячо любимая жена, ее губы приблизились к его левому уху.

— Может, ты сможешь уничтожить, не отходя от двери, и сам не взорвешься?

— Я должен действовать наверняка. Есть же какой-то способ отключить эту штуку. Не могла же она не предусмотреть возможности ремонта или замены деталей.

— Где же это может быть?

— Есть только одно местечко, которое согласуется со всеми остальными ее планами. Прямо у нее под рукой, рядом с выключателем и триггером. — Джо потер другое ухо: в нем находился коротковолновый приемник, соединенный с Мак-Гинти, и оно иногда чесалось.

— Гм-м... тогда можно сделать только одно: перед тем как убить старуху, я должна вытрясти из нее эти сведения.

— Поглядим.

Перед самым обедом на следующий «вечер» Гэйл нашла Джо в их комнате.

— Сработало, Джо, сработало!

— Что сработало?

— Старуха клюнула на приманку. Она услышала от своего секретаря о том, как я искусно делаю массаж, и мне приказано продемонстрировать свое умение сегодня же вечером. Я получила строжайший приказ явиться к ней и массировать ее так, чтобы она уснула.

— Значит, сегодня ночью.

Мак-Гинти ждал в своей комнате за запертой дверью. Джо слонялся в заднем холле, рассказывая мистеру Джеймсу бесконечную скучную историю.

Голос сообщил ему в ухо:

— Она уже в ее комнате.

— ...и вот так мой брат женился сразу на двух женщинах, — заключил Джо. — Вот уж не повезло! Пожалуй мне нужно вынести эти растения из дому, пока хозяйка не спохватилась.

— Конечно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Джеймс. — Он взял два горшка с растениями и заковылял наружу.

За дверью Джо поставил их и услышал:

— Она говорит, что уже начала массировать. Заметила выключатель от радио: он на поясе, который старуха кладет на стол, перед кроватью, когда его снимает.

— Скажи ей — пусть убьет и возьмет его.

— Она говорит — хочет сначала заставить старуху рассказать, как отключается минное устройство.

— Передай ей, чтобы не тянула.

Внезапно, в его голове, возник голос Гэйл, чистый и звонкий, как колокольчик, с ее настоящей разговорной интонацией.

— Джо, я тебя слышу, ты слышишь меня?

— да, да! — И добавил вслух: — Все-таки, стой у микрофона, Мак.

— это не займет много времени. Она испытывает сильную боль и скоро расколется.

— сделай ей побольней! — Он побежал к храму. — Гэйл, ты все еще охотишься за мужем?

— я его уже нашла.

— выходи за меня, и я тебя буду бить каждую субботу.

— не родился еще тот мужчина, который будет меня бить.

— а я таки попробую, — он замедлил шаги, приблизившись к охраннику. — Эй, Джим!

— договорились.

— А-а, я не я, если это не славный Джо! Есть спичка?

— Вот. — Он протянул руку, а когда охранник обмяк, опустил его на землю и убедился, что тот без сознания. — Гэйл! Пора!

В ее «голосе» зазвучал ужас:

— Джо! Она была слишком выносливая, так и не раскололась. Она умерла.

— хорошо! Возьми пояс, разомкни зарядное устройство, посмотри, может, еще что найдешь. Я намерен вломиться внутрь.

Он уже приближался к двери храма.

— оно разомкнуто, Джо. Тут что-то еще. Часовой механизм взведен. Больше ничего не могу сказать, другие детали не помечены и все похоже одна на другую.

Джо вытащил из кармана маленький предмет, которым заботливо снабдил его Болдуин.

— вытащи все проводки, не перекрути. Может быть, получится.

— о Джо, надеюсь!

Он поместил предмет рядом с замком, металл вокрут покраснел и начал плавиться. Где-то завывала сирена тревоги.

В голову Джо ворвался голос Гэйл, в нем звучало напряжение, но не страх:

— Джо! Они ломаются в дверь. Я в ловушке.

— Мак-Гинти! Будь нашим свидетелем. — Джо продолжал: — Я, Джозеф, беру тебя, Гэйл, и называю законной венчанной женой...

Она спокойно ответила:

— я, Гэйл, беру тебя, Джозеф, и называю законным венчанным мужем...

— чтобы заботиться о тебе... — продолжал он.

— чтобы заботиться о тебе, мой любимый!

— чтобы делить пополам горе и радость...

— чтобы делить пополам горе и радость... — Ее голос пел у него в голове.

— пока смерть не разлучит нас. Я уже открыл, милая, я вхожу туда.

— пока смерть не разлучит нас. Они уже ломают дверь спальни, Джозеф, дорогой мой.

— держись! Я уже почти на месте.

— они ее выломали, Джо. Идут ко мне. Прощай, мой родной! Я очень счастлива. — Ее «голос» резко оборвался.

Он стоял перед ящиком, в котором находилась схема. Вой сирены вонзался ему в уши. Он вынул из кармана другое приспособление и приладил его.

Взрыв, который разнес ящик, ударил его в грудь.

На металлической мемориальной доске высечены слова:

В ПАМЯТЬ
О МИСТЕРЕ И МИССИС ДЖОЗЕФ ГРИН,
КОТОРЫЕ ВБЛИЗИ ОТ ЭТОГО МЕСТА
ПОГИБЛИ, СПАСАЯ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ИНОЗДЕСЬ

Из статьи в «ИВНИНГ СТАНДАРТ»:

УЧЕНЫЙ УКЛОНИЛСЯ ОТ АРЕСТА.

В МУНИЦИПАЛИТЕТЕ НАЗРЕВАЕТ СКАНДАЛ.

Профессор Артур Фрост, вызванный для допроса в связи с таинственным исчезновением из его дома пяти-
рых студентов, не менее таинственно исчез сегодня
сам из-под носа полицейского наряда, посланного для
его ареста. Сержант полиции Изовски заявил, что про-
фессор, уже помещенный в тюремный фургон, словно
испарился оттуда при обстоятельствах, приведших поли-
цейских в полное недоумение. Окружной прокурор
Карнес назвал рассказ Изовски абсолютно нелепым и
обещал подробно разобраться со всей этой историей.

— Послушайте, шеф, я же ни на секунду не остав-
лял его одного!

— Чуть! — ответил шеф полиции. — Ты пытаешь-
ся убедить меня, что уже засунул Фроста в фургон, а
сам чуть задержался — поставил ногу на подножку и
вытащил блокнот, чтобы что-то там такое записать. А
когда поднял глаза — его уже не было. Ты что, наде-

Elsewhen, 1941

ешься, что присяжные в это поверят? А может, ты надеешься, что в это поверю я?

— Ей-Богу, шеф!

Изовски явно был в отчаянии.

— Я же действительно задержался на секунду, чтобы записать.

— Записать что?

— Да там одну вещь, которую он сказал. Я говорю ему: «Слушайте, док, а чего бы вам самому не рассказать, куда вы их спрятали. Ведь ясно, мы найдем их — дайте нам только время». А он смотрит на меня, странно так смотрит — то ли видит меня, то ли нет — и говорит: «Время... а, ну конечно же, время... да, если дать вам время — вы найдете их. Там». Ну я и подумал, что это — важное признание, и остановился, чтобы записать. Так ведь я стоял у единственной двери, через которую из фургона можно выйти. И я же не недомерок какой, я вроде как всю дверь закрываю собой.

— Закрываешь, закрываешь. Это, пожалуй, все, на что ты годишься.

В голосе шефа звучали горечь и безнадежность.

— Слушай, Изовски, одно из двух — либо ты был пьян в стельку, либо малость тронулся. А может, тебе кто-нибудь в лапу сунул? Во всяком случае то, что ты мне тут наплел, — чистый бред.

Изовски был честный полицейский. И не был он ни пьяным, ни сумасшедшим.

Семинары по спекулятивной метафизике доктор Фрост проводил по пятницам. Четыре дня назад участники семинара как всегда встретились вечером у него дома.

— А почему бы, собственно, и нет? — говорил Фрост. — Почему время не может быть и пятым, а не только четвертым измерением?

Ответил ему Говард Дженкинс — рассудительный, довольно упрямый студент физического факультета.

— От предположения, конечно, вреда не будет, только сам вопрос бессмыслен.

— Почему? — обманчиво мягким голосом спросил Фрост.

— Бессмысленных вопросов не бывает, — вмешалась Элен Фишер.

— Правда? А куда девается дырка, когда съешь бублик?

— Не мешайте ему, пусть ответит, — прервал разгорающийся спор Фрост.

— И отвечу, — согласился Дженкинс. — Почему не ответить? Люди так уж устроены, что воспринимают три пространственных измерения и одно временное. Существуют дополнительные измерения или нет — такой вопрос не имеет для нас смысла, ведь нам все равно не узнать этого, не узнать никогда. Все эти рассуждения — просто довольно безобидный способ убить время, вроде ковыряний в носу.

— Неужели? — вкрадчиво спросил Фрост. — А вам никогда не попадалась под руку теория Дж. У. Данна о вложенных друг в друга вселенных со вложенными друг в друга временами? А ведь он тоже физик, как и вы. И про Успенского не забывайте. Он считал время многомерным.

— Секунду, профессор, — вмешался Роберт Монро. — Я просматривал их работы, но все равно считаю возражение Дженкинса вполне убедительным. Ну как может этот вопрос иметь смысл для нас, по устройству своему не способных воспринять дополнительные измерения? Это как в математике — можно сконструировать любую математику, на любой системе аксиом, какую только душа пожелает, но, если в природе нет явлений, которые она описывает, такая математика — только пустое сотрясение воздуха.

— Очень разумно сформулировано, — согласился Фрост. — Но я могу дать на это столь же разумный ответ. Вера в теоретические построения обязана основываться на наблюдениях — либо своих, либо компетентного, заслуживающего доверия экспериментатора. Вот я и верю в двумерное время на основании наблюдений — своих собственных.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Молчание прервал Дженкинс.

— Но этого же просто не может быть, профессор. Вы по самой своей сущности не можете воспринимать две временные координаты.

— Спокойнее, спокойнее, — остановил его Фрост. — Да, верно, я, как и вы, могу воспринимать их не одновременно, а только поодиночке. Я изложу вам теорию времени, которую мне пришлось разработать для описания своего необычного опыта. В большинстве своем люди считают время чем-то вроде колеи, по которой они движутся от рождения до смерти столь же неуклонно, как паровоз по рельсам; они инстинктивно воспринимают время как прямую линию: прошлое — сзади, будущее — впереди. Так вот, я имею все основания считать — да какое там считать, — я знаю, что время сходно скорее с поверхностью, чем с линией, и с довольно-таки холмистой поверхностью, если уж на то пошло. А эта самая колея, по которой мы двигаемся, — кривая такая дорожка, петляющая между холмами. Кое-где дорожка разветвляется и ее ответвления убегают по боковым долинам, впадинам — называйте их как хотите. Вот в этих-то точках ветвления вы и принимаете критические решения, определяющие дальнейшую вашу жизнь. Там вы можете свернуть направо или налево — и прийти к совершенно различным будущим. А кое-где встречаются такие места, где, постаравшись, можно вскарабкаться по крутому склону — или спуститься по нему — и перескочить сразу через тысячу, а то и миллион лет. Только если вы все время смотрите тупо себе под ноги, на дорогу, вам никогда не заметить такой возможности.

А изредка бывает, что ваша дорога пересекается с другой. Ни прошлое этой «дороги», ни будущее вообще никак не связано с известным нам миром. И если вам случится свернуть на такую поперечную дорогу, вы можете оказаться на другой планете или в другом пространстве-времени, причем от мира, вам привычного, не останется ровно ничего, кроме непрерывности вашего Я.

Или, если вы обладаете необходимой для того интеллектуальной силой и отвагой, вы можете вообще оставить эти дороги, наиболее вероятные траектории, и

пуститься в свободное странствие по холмам возможных времен, пересекая дороги, когда набредете на них, изредка проходя по ним немного, иногда — даже в противоположную сторону, когда прошлое — впереди, а будущее — позади. Или просто бродить вблизи вершин холмов, занимаясь совершенно невероятными делами. Не могу даже представить себе, на что это должно быть похоже — возможно, на что-нибудь вроде приключений Алисы в Зазеркалье.

А теперь насчет моего личного опыта. В восемнадцать лет мне пришлось принимать важное решение. На моего отца одна за другой обрушились финансовые неудачи, и я решил оставить колледж. В конце концов я тоже ушел в бизнес и — я не стану вдаваться особо в подробности — в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом был осужден за мошенничество и сел в тюрьму.

— Тысяча девятьсот пятьдесят восьмом, доктор? — прервала его Марта Росс. — Вы хотели сказать — сорок восьмом.

— Нет, мисс Росс. Я говорю о событиях, происходивших на другой временной колее, не на этой.

— О! — По ее лицу скользнуло недоверие. — С Божьей помощью все возможно.

— В тюрьме у меня было более чем достаточно времени, чтобы раскаяться в своих ошибках. Я осознал, что мы с бизнесом никогда не подходили друг другу, и искренне пожалел, что тогда, давно, не остался в колледже. Тюрьма оказывает очень своеобразное действие на рассудок заключенного. Я уходил все дальше и дальше от реальности, все больше и больше жил в своем собственном внутреннем мире. И вот однажды ночью мое Я покинуло камеру, проделало обратный путь во времени, и я проснулся в старой своей комнате общежития колледжа. Тогда я еще смутно представлял себе, как такое могло случиться.

На этот раз я был умнее — не стал бросать учебу, нашел где подработать на жизнь, получил диплом, поступил в аспирантуру и оказался в конце концов там, где вы меня сейчас видите.

— Доктор, а вы можете хоть намекнуть, как проделали эту штуку? — спросил Монро.

— Да, могу, — легко согласился Фрост. — Я работал над этой задачей многие годы, стараясь воссоздать нужные условия. Совсем недавно я добился успеха и уже проделал несколько прогулок в возможное.

Третья девушка, Эстелл Мартин, до этого момента не произнесла ни слова, а только напряженно слушала. Теперь она подалась вперед.

— Скажите, профессор, как это делается?

— Способ предельно прост. Все дело в том, чтобы твое подсознание было уверено в возможности этого.

— Так, значит, берклианский идеализм справедлив?

— В каком-то смысле — да, мисс Мартин. Бесконечные возможности двумерного времени представляют человеку, верящему в философию епископа Беркли, доказательство того, что разум творит свой собственный мир. Однако спенсерианский детерминист вроде нашего общего друга Говарда Дженкинса никогда не сойдет с пути наибольшей вероятности. Для него мир так и останется механистичным и реальным. У придерживающейся концепции свободы воли ортодоксальной христианки вроде мисс Росс будет выбор из нескольких боковых дорог, однако ее физическое окружение скорее всего будет почти таким же, как у Говарда.

Я отработал до тонкостей технику, которая даст возможность другим странствовать по дорогам времени так же, как это делал я сам. Аппарат готов, и любой желающий может его испробовать. По правде говоря, это и есть настоящая причина — почему эти наши пятничные сборища происходят у меня дома — чтобы, когда наступит время, вы все могли сделать попытку, если того пожелаете.

Профессор встал и направился к стоявшему у стены шкафу.

— Вы хотите сказать, доктор, что мы можем сделать это прямо сегодня?

— Разумеется. Весь процесс состоит из гипноза и внушения. Ни то ни другое не является необходимым, но это — быстрейший способ научить подсознание сходиться с колен и направляться, куда ему вздумается. Для того чтобы утомить и загипнотизировать сознание, я использую вращающийся шар. Одновременно субъект слушает запись, внушающую ему, по какой временной

дороге нужно отправиться. Именно так он и делает. Все до предела просто. Желает кто-нибудь попробовать?

— А это опасно?

— Сам процесс — нет. — Фрост пожал плечами. — Ведь это просто глубокий сон и звуки голоса с пластинок. Но мир другого временного пути, который вы посетите, будет столь же реален, как наш. Всем вам больше двадцати одного года; я никого не заставляю. Я просто предлагаю вам возможность.

Монро встал.

— Доктор, я отправляюсь.

— Прекрасно. Садитесь сюда и наденьте наушники. Кто еще?

— Я тоже, — откликнулась Элен Фишер.

Когда вызвалась и Эстелл Мартин, Дженкинс торопливо подошел к ней.

— Ты что, собираешься испробовать эту штуку?

— Обязательно.

Молодой человек повернулся к профессору.

— Тогда и я, док.

Последней присоединилась в товарищам Марта Росс. Когда студенты расселись и надели наушники, Фрост обратился к ним:

— Вам предлагаются на выбор разные возможности. Вы можете перейти в другой мир, скользнуть в прошлое или в будущее или пересечь путаницу высоковероятных тропинок по пути крайней невероятности. У меня есть записи для всех этих вариантов.

И снова первым оказался Монро.

— Я сверну в совершенно новый мир.

Эстелл тоже не стала долго задумываться.

— Я бы хотела — как это вы говорили? — вскарабкаться по крутому склону на дорогу повыше, куда-нибудь в будущее.

— И я тоже, — послышался голос Дженкинса.

— А я испробую невероятную дорогу, — решила Элен Фишер.

— Значит, разобрались со всеми, кроме мисс Росс, — подытожил профессор. — Боюсь, что вам придется отправиться по вероятному боковому пути. Устраивает это вас?

Марта утвердительно кивнула.

— Так я и хотела.

— Вот и прекрасно. Во всех записях заложено внушение, чтобы вы вернулись в эту комнату через два часа по здешнему времени. Надевайте наушники. Продолжительность записей тридцать минут, я включу их одновременно с шаром.

Он опустил свисавший с потолка сверкающий многогранный шар, закрутил шнур, на котором он висел, и осветил узким лучом. Затем потушил прочее освещение комнаты и одновременно, одним и тем же тумблером, включил все записи.

Искрящаяся сфера вращалась все медленнее и медленнее, на мгновение замерла и начала раскручиваться в противоположную сторону. Доктор Фрост отвел от нес глаза, чтобы не впасть в транс самому. Через несколько минут он тихо вышел в холл покурить. Получасом позже раздался одиночный удар гонга. Профессор торопливо вернулся в комнату и включил свет.

Четверых не было.

Остался один Говард Дженкинс, который открыл глаза и, моргая, смотрел на лампу.

— Ну что ж, доктор, как я понимаю, ничего не вышло?

Фрост поднял брови.

— Не вышло? Вы оглянитесь вокруг.

Молодой человек осмотрел комнату.

— А где остальные?

— Где? Где угодно, — пожав плечами, ответил профессор, — И когда угодно.

Сорвав с себя наушники, Дженкинс вскочил.

— Доктор, что вы сделали с Эстелл?

Фрост осторожно отцепил руку студента от своего рукава.

— Я не сделал с ней ничего, Говард. Просто она на другой временной траектории.

— Но я же хотел отправиться вместе с ней!

— А я пытался вас с ней отправить.

— Но почему же я здесь?

— Точно не знаю. Скорее всего внушение оказалось недостаточно сильным, чтобы преодолеть ваш скептицизм. Но вы не беспокойтесь, они должны вернуться через пару часов.

— «Не беспокойтесь»! Легко вам говорить. Я вообще не хотел, чтобы она лезла в эти дурацкие фокусы, но понимал, что мне ее не переспорить. Поэтому я решил отправиться вместе с ней — она ведь такая непрактичная и беспомощная. Но... послушайте, док, а где же все-таки их тела? Я думал, что мы останемся тут, в этой комнате, только впадем в транс.

— Вы меня совершенно неверно поняли. Эти временные траектории абсолютно реальны — столь же реальны, как и та, на которой мы сейчас находимся. Они целиком, всем своим существом отправились по этим дорожкам, ну словно шли по улице и свернули за угол.

— Но это же невозможно! Это противоречит закону сохранения энергии!

— Против факта не попрешь — они были, а теперь их нет. Кроме того, это не противоречит закону, просто его надо распространить на всю вселенную.

Дженкинс провел рукой по лицу.

— Да, пожалуй. Но в таком случае с ней может случиться что угодно. Она может даже погибнуть — там. А я не смогу ничем ей помочь. Господи, и зачем только мы пошли на этот проклятый семинар!

Профессор обнял его за плечи.

— А раз вы не можете ей помочь — зачем волноваться? Кроме того, у вас нет никаких причин полагать, что она в опасности. Зачем придумывать себе причины для беспокойства? Идемте лучше на кухню и разопьем бутылку пива, пока они не вернулись.

Он мягко подтолкнул Говарда к двери.

Выпив пару бутылок пива и выкурив несколько сигарет, Дженкинс немного успокоился. Профессор продолжил разговор.

— А как вышло, Говард, что вы записались на этот курс?

— Это был единственный курс, на который я мог записаться вместе с Эстелл.

— Так я и думал. А я принял вас по своим собственным причинам. Я знал, что вас не интересует спекулятивная философия, но надеялся, что ваш твердокаменный материализм немного сдержит расхлябанность мысли, которая очень может возникнуть в такой груп-

пе. И вы очень мне помогли. Вот возьмите, к примеру, Элен Фишер. Она очень склонна проводить блестящие рассуждения, исходя из совершенно недостаточных данных. Вы помогали немного ее «приземлить».

— Говоря честно, доктор Фрост, я никогда не мог понять, к чему все эти высокопарные рассуждения. Я люблю факты.

— Но вы, техники, ничем не лучше метафизиков. Вы просто игнорируете то, что не можете пощупать руками, взвесить на весах. Если вы не можете попробовать что-то на зуб — значит, оно не реально. Вы свято веруете в механистичную, детерминированную вселенную, игнорируя при этом человеческое сознание, волю, свободу выбора — факты, известные вам самим из личного опыта.

— Но все это объясняется в понятиях рефлексов.

Профессор развел руками.

— Ну вы точно как Марта Росс. Она может что угодно объяснить с точки зрения христианского фундаментализма библейского пояса*. Ну почему бы вам обоим не признать, что есть вещи, вам непонятные.

Он замолк и наклонил голову набок, прислушиваясь.

— Вы ничего не слышали?

— Вроде.

— Давайте проверим. Правда, рановато, но, возможно, кто-нибудь из них уже вернулся.

Неподалеку от камина в воздухе парила фигура, облаченная в белое и распространявшая вокруг себя мягкое перламутровое сияние. Пока они нерешительно стояли в дверях, фигура повернула к ним лицо. Это было лицо Марты Росс, но чистое и просветленное до сверхчеловеческого величия. Фигура заговорила:

— Мир вам, братья!

Их охватила волна спокойствия, любви и доброты, как от материнского благословения. Фигура приблизилась, и они увидели за ее плечами длинные, широкие белые крылья классического ангела. Фрост еле слышно выругался.

* Библейский пояс — область юга и средний запад США, где господствует библейский фундаментализм. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Не бойтесь. Я вернулась, как вы того хотели. Вернулась, чтобы объяснить и помочь.

Доктор вновь обрел дар речи.

— Вы — Марта Росс?

— Я отзываюсь на это имя.

— Что случилось с вами после того, как вы надели наушники?

— Ничего. Я уснула, проспала некоторое время, проснулась и пошла домой.

— И больше ничего? А почему же вы так выглядите?

— Я выгляжу так, как, по представлению детей земли, должны выглядеть Избранные Господа. Через некоторое время я отправилась миссионеркой в Южную Африку. Там мне потребовалось отдать свою земную жизнь служению Господу. Так я вошла в Град небесный.

— Вы попали в рай?

— Многие зоны я сидела у подножия Трона златого, воспевая осанны в его честь.

— Скажите, Марта — или святая Марта, — вмешался в разговор Дженкинс. — Где Эстелл? Вы видели ее?

Медленно повернувшись, фигура посмотрела на него.

— Не бойся.

— Но вы скажете мне, где она?

— В этом нет необходимости.

— Слабенькая от вас помощь, — с горечью отзывался Говард.

— Я помогу тебе. Внимай мне: возлюби Господа Бога всем сердцем своим и возлюби ближнего своего, как себя самого. Это все, что тебе надо знать.

Говард молчал; нельзя сказать, чтобы его удовлетворили слова Марты, но он не мог подобрать подходящего ответа. Фигура снова заговорила:

— Мне надо удалиться. Господь да пребудет с вами.

Она мгновенно растворилась в воздухе.

Фрост тронул студента за локоть.

— Идемте, нам стоит, пожалуй, глотнуть немного свежего воздуха.

Онашевский, ничего не соображающий Дженкинс не сопротивляясь последовал за профессором в сад. Некоторое время они молчали. В конце концов Говард набрался смелости.

— Вы видели ангела?

— Думаю, да, Говард.

— Но это же какой-то бред!

— Есть миллионы людей, которые не согласились бы с вами — необычно, слов нет, но — совсем не бред.

— Но это же противоречит всем современным представлениям — рай, ад, персонифицированный Бог, воскресение. Или все, во что я верил, — чушь, или я малость тронулся.

— Совсем не обязательно; более того — вряд ли. Я очень сомневаюсь, что вам доведется когда-нибудь увидеть рай — или ад. Вы будете держаться временной траектории, соответствующей вашей природе.

— Но она же казалась абсолютно реальной.

— Она и была абсолютно реальной. Я сильно подозреваю, что жизнь грядущая, какой ее представляет религия, вполне реальна для тех, кто верит в нее всем сердцем — как Марта. Но вам, скорее всего, предстоит путь, соответствующий вашим агностическим верованиям, — за исключением одного момента: когда вы умрете, то умрете не совсем, сколько бы вы ни говорили, что именно этого и ожидаете. Для человека эмоционально невозможно поверить в собственную смерть. Такое самоуничтожение просто невозможно. У вас тоже будет жизнь грядущая, но — соответствующая вашему материализму.

Но Говард не слушал. Он подергал себя за нижнюю губу и нахмурился.

— А скажите, док, почему все-таки Марта не сказала мне, что случилось с Эстелл? Непорядочно как-то.

— Сомневаюсь, что она знала. Марта направлялась по временной траектории, очень мало отличающейся от нашей, Эстелл захотела испытать путь, ведущий далеко в прошлое — или будущее. Они практически не существуют друг для друга.

И тут из дома донесся голос, чистое, звонкое контральто.

— Доктор! Доктор Фрост!

Дженкинс резко повернулся.

— Это Эстелл!

Они помчались в дом, профессор мужественно старался не отставать от своего молодого собеседника.

Но это оказалась не Эстелл. В холле стояла Элен Фишер — и в каком виде! Грязный, разорванный свитер, чулки куда-то делись, на щеке отчетливо выделялась начинающая подживать ссадина. Фрост остановился и оглядел ее.

— Ты в порядке, девочка?

Элен по-мальчишески улыбнулась.

— Я-то в порядке. А вот посмотрели бы вы на того парня...

— Расскажи нам все.

— Сейчас. Только как насчет чашки кофе для блудной дочери? Да и от яичницы я бы не отказалась. И от хлеба — только побольше. Понимаете, там, где я была все это время, кормят как-то нерегулярно.

— Конечно, конечно. Сию секунду, — ответил Фрост. — Только где ты все-таки была?

— А нельзя девочке сперва поесть? Я ничего от вас не утаю. Что это Говард такой кислый?

Профессор шепотом объяснил. Элен посмотрела на Дженкинса с состраданием.

— Так ее еще нет? А я-то думала, что вернулась последней, я же так долго отсутствовала. Какое сегодня число?

Фрост посмотрел на часы.

— Вы явились вовремя: сейчас ровно одиннадцать.

— Какого черта! Простите, доктор. «Все страньше и страньше», — сказала Алиса». Значит, всего пару часов. Между прочим, я отсутствовала по крайней мере несколько недель.

Запив третьей чашкой кофе последний тост, она начала:

— Проснувшись, я почувствовала, что падаю вверх — через какой-то страшный бред. Только не просите меня описать, как это было, — никто бы не смог. Так продолжалось, пожалуй, с неделю, затем потихоньку все начало упорядочиваться. Мне не очень ясно, в какой последовательности все происходило, но, когда окружающее немного успокоилось и пришло в фокус, я оказалась в маленькой, совершенно голой долине. Было холодно; разреженный, едкий воздух обжигал горло. В

небе светили два солнца — одно большое, тусклое, красноватое, а другое — поменьше и такое яркое, что глазам больно.

— Два солнца! — воскликнул Говард. — Но это невозможно, у двойных звезд не бывает планет!

Эллен посмотрела на него.

— Это уж как хотите, только я была там. Едва я успела осмотреться, как что-то прожужжало у меня над головой, и я пригнулась. Больше я не видела этого места.

Следующая остановка была на нашей Земле — во всяком случае мне так кажется — в каком-то городе. Большой, запутанный город. Я оказалась посреди улицы, по которой мчались какие-то автомобили. Я попыталась остановить одну из этих машин — длинную такую, ползучую штуку, вроде гусеницы, с полусотней, не меньше, колес. Но тут я рассмотрела водителя и рванула назад. Это был не человек, но и не животное. Я лично таких не видела и о таких не слышала. И не птица, не рыба, даже не насекомое. Я бы лично не стала поклоняться тому богу, который создал обитателей этого города. Не знаю уж, кто они такие, только они ползают, и от них жутко воняет. Фу!

Пару недель я пряталась по углам и задворкам этого города, пока не сумела снова вскочить на временную дорожку. Я была уже в отчаянии и думала, что ваше внушение — вернуться через два часа — не сработало. Найти какую-нибудь еду по большей части не удавалось, так что у меня все время голова кружилась от голода. Пила я из чего-то, что, возможно, было их канализационной системой, но спросить было не у кого, да лучше и не знать. Я умирала от жажды.

— А людей вы видели?

— Не знаю. видела какие-то смутные тени, кружком сидевшие на корточках в одном из туннелей под городом, но они чего-то испугались и смылись, прежде чем я смогла их толком рассмотреть.

— А что еще там происходило?

— А ничего. Той же ночью я опять припомнила фокус, как это делается, и убралась оттуда подобру-поздорову. Боюсь, мне было как-то не до науки, про-

фессор. Меня совсем не интересовало, как там живут все эти местные.

На сей раз мне повезло побольше. Я снова оказалась на Земле, только теперь в приятной холмистой местности — очень похоже на Блу-Ридж *. Стояло лето, и все было очень мило. Я нашла какой-то ручей, разделась и выкупалась. Просто великолепно. Потом я нашла вполне спелые ягоды, потом легла погреться на солнышке и уснула.

А вот пробуждение было не очень. Надо мной наклонился мужчина, и далеко не красавец. Вроде неандертальца. Мне бы убежать, но я попыталась схватить свои одежки, а он тем временем схватил меня. И я была препровождена в их лагерь. Этакая пленная саби-нянка со спортивным костюмом под мышкой.

Все оказалось не так уж и страшно. Похититель мой был то ли старейшиной, то ли вождем и воспринимал меня как некое домашнее животное вроде собак, дравшихся вокруг груды костей, а не как наложницу из своего гарема. Кормежка была ничего — если только не быть чересчур уж разборчивой, — я-то после жизни в этом милом городочке разборчивой не была ничуть.

Вообще-то неандертальцы — вполне приличные парни; разве что грубоваты иногда. Вот так я и заработала эту штуку.

Элен осторожно потрогала подживающий шрам.

— Я решила было остаться у них на какое-то время — поизучать их, значит, — но потом совершила промашку. Утро было холодное, и я оделась, впервые за все время у них. Один из юных жеребчиков увидел это, и в нем, видимо, разыгралась романтическая натура. А старика рядом не было, так что остановить его было некому.

Я и опомниться не успела, как он сцапал меня и попытался продемонстрировать глубину своего чувства. Говард, ты никогда не бывал в нежных объятиях пещерного человека? Не жалею. У них жутко воняет изо рта, не говоря уж обо всем прочем. Я слишком ошалела, чтобы сосредоточиться и снова проделать этот вре-

* Блу-Ридж Маунтинс — горы на востоке США.

менной фокус, а то бы ускользнула в пространство-время — и пусть бы он лапал пустое место.

Доктор Фрост был в ужасе.

— Господи, девочка! И что же ты сделала?

— Что сделала? Пришлось продемонстрировать ему прием джиу-джитсу, которому меня научили на спортивной кафедре, а потом драть оттуда со всех ног. Я мигом вскарабкалась на дерево, досчитала до ста, стараясь успокоиться и — снова через бред, куда-то вверх, но уж лучше бред, чем такие вот радости.

— И тогда ты вернулась?

— Хорошо, если бы так, но все оказалось значительно сложнее. Я приземлилась здесь, и где-то в это время и, похоже, на этой временной траектории, только как-то не так. Очухалась я на южной стороне Сорок второй улицы в Нью-Йорке. Это я сообразила сразу: мне бросились в глаза большие буквы световой газеты, бегущие по фасаду небоскреба «Таймс». Только бежали они почему-то не в ту сторону. Я пыталась сообразить, что значит: МЯЧЕЙ ДЕВЯТЬ В ПРЕИМУЩЕСТВОМ С ДЕТРОЙТ ПОБИЛИ ЯНКИ — и вдруг увидела рядом двух копов, бегущих со всех ног — задом наперед.

Доктор Фрост что-то глухо пробормотал.

— Что вы сказали?

— Перевернутая энтропия. Вы вступили на эту траекторию задом наперед — ваш временной вектор оказался направленным назад.

— Так я и подумала. Потом, когда было время подумать. А тогда у меня других забот хватало. Я стояла среди толпы, на свободном пяточке, и кольцо людей вокруг меня сжималось. Они бежали спинами вперед. Копы исчезли в толпе, а люди подбежали прямо ко мне и начали орать. А тут еще переключился светофор, машины помчались в обе стороны — и все задом наперед. Для маленькой Элен это было уж чересчур, и я хлопнулась в обморок. Потом я, похоже, побывала еще во многих местах.

— Секундочку, — прервал ее Говард. — А как же все это получилось? Раньше я думал, что понимаю насчет энтропии, но тут что-то не врубаюсь.

— Ну, проще всего будет сказать, что она двигалась попятно во времени, — объяснил Фрост. — Ее буду-

щее было их прошлым — и наоборот. Слава Богу, она вовремя успела оттуда убраться. Я не уверен, что в таких условиях возможно поддержание нужного человеку обмена веществ.

— Хм-м... Ну, рассказывай, Элен.

— Все это было бы потрясающе, только вот я уже находилась на грани полного эмоционального истощения. Я просто сидела и наблюдала, что происходит, словно в кино. Сценарий писал не иначе как Сальвадор Дали. Пейзажи сдвигались и колыхались, как море в непогоду. Силуэты людей становились текучими, плавно превращались в растения. Я думаю, что и с моим телом иногда происходило нечто подобное, но не совсем уверена. Как-то раз я оказалась в таком месте, где вокруг была только изнанка объектов, а не внешние их формы. Кое-что я пропущу — то, во что и сама не могу поверить.

Потом я притормозила в каком-то месте, обладавшем, видимо, дополнительным пространственным измерением. Все вещи казались мне нормальными, трехмерными, но только вот меняли свои очертания, стоило мне о них подумать. Выяснилось, что я могу заглядывать внутрь предметов — достаточно лишь захотеть. Когда мне надоело знакомиться с интимными тайнами камней и растений, я взялась за себя — получилось ничем не хуже. Теперь я знаю об анатомии и физиологии ничуть не меньше любого медика. Очень интересно смотреть, как бьется твое сердце — симпатичная такая штука.

А вот аппендикс мой оказался распухшим и воспаленным. Выяснилось, что я могу даже протянуть руку и потрогать его; трогать было больно. Аппендикс и раньше иногда меня беспокоил, и я решила, что надо срочно оперироваться. Я просто отщипнула его ногтями. Больно почти не было, показалось немного крови, и все сразу заросло.

— Господи, девочка! Да ты же могла умереть от перитонита!

— Не думаю. Мне кажется, что ультрафиолет проходил через меня насквозь, так что все микробы мгновенно дохли. У меня и вправду был некоторое время жар, но это, скорее всего, от внутреннего ожога ультра-

фиолетом — как бывает, если долго загораеть, только тут загорала не кожа, а все мое тело, насквозь.

Забыла сказать, что там я не могла передвигаться и вообще не могла прикоснуться ни к чему, кроме себя самой. Если я пыталась за что-то уцепиться, рука моя просто уходила в пустоту. Убедившись, что это бесполезно, я расслабилась. Было хорошо и спокойно, как медведю, спящему в берлоге.

Прошло много времени — очень, очень много, — я крепко уснула, а проснувшись, оказалась в вашем кресле. Вот и все.

Элен тоже не смогла успокоить Говарда — с Эстелл она не встречалась.

— Да ты просто подожди. Она же, собственно, еще и не опаздывает.

Их прервал звук открывающейся двери. В комнату вошел невысокий подтянутый человек в коричневой блузе и плотно облегающих коричневых же бриджах.

— Где доктор Фрост? О доктор, мне необходима помощь!

Это оказался Монро, но Монро, изменившийся почти до неузнаваемости. Роберт и раньше не был особенно высоким, но теперь его рост вряд ли превышал пять футов; зато плечи сильно раздались, на них играли мускулы. Коричневое одеяние с заостренным капюшом делало его похожим на гнома, как их обычно представляют.

Фрост торопливо подошел к студенту.

— В чем дело, Роберт? Чем я могу тебе помочь?

— Сперва вот это.

Монро показал свою левую руку. Сквозь дырку в разорванной, опаленной ткани виднелся страшный ожог.

— Он меня только зацепил, но лучше бы сделать с этим что-нибудь, а то так можно и без руки остаться.

Фрост, не дотрагиваясь, осмотрел ожог.

— Тебе нужно в больницу, и как можно скорее.

— Нет времени, я должен вернуться. Они нуждаются во мне — и я могу им помочь.

Доктор покачал головой.

— Боб, тебе нужно обработать рану. К тому же, как бы тебя там ни ждали, сейчас ты на другой временной траектории. Время, потерянное здесь, совсем не обязательно потеряно там.

— Мне кажется, — прервал его Монро, — что у этого мира и моего один и тот же темп времени. Мне надо спешить.

Элен Фишер встала между ними.

— Дай я посмотрю твою руку. Да-а... страшноватенько, но попробую перевязать. Профессор, вскипятите в чайнике немного воды. Как только закипит — бросьте туда горсть чая.

Пошарив на кухне, она нашла большие ножницы и аккуратно обрезала лохмотья рукава вокруг раны. Монро тем временем говорил:

— Говард, сделай мне одолжение. Возьми карандаш и записывай. Мне нужна уйма всякой всячины — все такие вещи, которые можно найти в общежитии. Сходить придется тебе — меня в таком виде сразу выкинут. В чем дело? Ты не хочешь?

Элен торопливо объяснила, чем озабочен Говард.

— О! Суровая, старик, история. — Он на секунду задумался. — Но послушай, ты же ничем не помогаешь Эстелл, сидя вот так здесь, а мне нужна твоя помощь, хотя бы на полчаса. Сделаешь?

Дженкинс согласился, хотя и с явной неохотой. Монро продолжал:

— Ну и прекрасно! Я тебе очень благодарен. Сперва пойди в мою комнату и возьми все математические справочники, а заодно и логарифмическую линейку. Там есть еще справочник по радиотехнике — такой, на тонкой бумаге. Он тоже мне нужен. Я хотел бы и твою полуметровую логарифмическую линейку. Можешь взять себе моего Рабле и «Забавные истории». Мне нужен твой «Справочник инженера» Маркса, а заодно и любые другие технические справочники, которых у меня нет. Возьми у меня взамен все, что хочешь.

Потом сходи в комнату Вонючки Бинфилда ихвати его «Справочник военного инженера», «Химическое оружие» и книги по баллистике и артиллерийской матчасти. Да, и «Химию взрывчатых веществ» Миллера,

если у него есть. Если нет — возьми у кого-нибудь другого, проходящего военную кафедру, — это очень важно.

Элен ловко накладывала примочку. Когда еще теплые чайные листья легли на больное место, Роберт поморщился от боли, но продолжал:

— У Вонючки есть пистолет, лежит он обычно в верхнем ящике комода. Сопри этот пистолет или вымани как-нибудь. Принеси как можно больше патронов. Я напишу доверенность на продажу моей машины на его имя. А теперь давай. Я расскажу доктору про все свои дела, а он тебе перескажет. Вот. Возьми мою машину. — Порывшись в брючном кармане, он явно огорчился. — Вот черт! У меня нет ключей.

— Возьми мои, в сумочке на столе, — пришла ему на помощь Элен.

Говард встал.

— О'кей, сделаю все, что смогу. Если меня заметут, принесите в камеру сигареты.

Он вышел.

Элен наконец забинтовала руку.

— Ну вот и порядок. Думаю, теперь все будет хорошо. Что ты чувствуешь?

Роберт осторожно согнул руку.

— Хорошо. Отличная работа, красавица. Сразу стало полегче.

— Все заживет, если продолжать обработку раствором танина. Там, в этом твоём месте, можно достать чайные листья?

— Да, и таниновую кислоту — тоже. Все будет тип-топ. А теперь, наверное, стоило бы кое-что объяснить. Профессор, у вас найдется сигарета? Да и от кофе я бы не отказался.

— Ну конечно, Роберт.

— Все это довольно-таки диковато, — начал Монро, сделав первую затяжку. — Проснувшись, я обнаружил себя вот в этой самой одежде и в этом самом виде. Мы шли строем по тропе по дну длинной глубокой траншеи. Судя по всему, «мы» были каким-то военным подразделением. Самое странное, что меня это ничуть не удивило. Я знал, где я нахожусь, почему я

здесь и кто я такой. Я уже не был Робертом Монро; там меня звали Айгор.

Гортанный звук у Роберта прозвучал очень глубоко, а «р» — раскатисто.

— И не то чтобы я забыл о Монро, скорее я вдруг о нем вспомнил. У меня была одна индивидуальность и два прошлых. Словно я проснулся после очень отчетливого сна, только тут сон был абсолютно реальным. Я знал, что Монро был в действительности, равно как не сомневался в реальности Айгора.

Этот мир оказался очень похожим на Землю, чуть поменьше, но почти с той же силой тяжести. Люди вроде меня — доминирующая раса, мы цивилизованы примерно в той же степени, что и вы, только нашей культуре пришлось довольно туго. Чуть не половину времени мы проводим под землей. Там находятся наши жилища и большая часть промышленности. Видите ли, у нас под землей тепло и не совсем темно — из-за слабенькой радиоактивности, которая не приносит нам вреда.

Но все равно корни нашей расы — на поверхности планеты, там она выросла. Мы не можем быть ни здоровыми, ни счастливыми, оставаясь все время в подземельях. Сейчас идет война, и уже восемь или девять месяцев, как нам и носа не высунуть. Войну мы проигрываем. Мы утратили контроль над поверхностью планеты, и мою расу низвели до положения каких-то кротов, которых отслеживают и уничтожают.

Дело в том, что мы сражаемся не с людьми. Я не знаю, с кем мы имеем дело — может быть, с какими-то инопланетными существами. Мы просто не знаем. Они напали на нас в нескольких местах одновременно с огромных летающих колец; прежде никто никогда не видел таких аппаратов. Они нападают неожиданно, без предупреждения, и все сжигают. Многие из нас спаслись под землей; под землей они нас не преследуют — видимо, им необходим солнечный свет. Делать им было нечего — и они начали нас травить под землей газами.

Ни одно из этих существ никогда не попадало к нам в руки, поэтому мы совсем ничего о них не знаем. Немного дало и изучение разбившегося кольца — там не оказалось ничего хоть отдаленно напоминающего

органическую жизнь, не было даже никаких устройств для поддержания такой жизни. Я имею в виду — ни запасов пищи, ни санитарных устройств. Мнения разделились — одни считают, что нам попало автоматическое или управляемое на расстоянии кольцо, а другие — что наши враги — разумные непротоплазменные структуры полевого характера или что-нибудь еще столь же экзотическое.

Главное наше оружие — такой луч, который порождает стасис в эфире и накрепко все замораживает. Или, вернее будет сказать, должен это делать. По идее, такой луч должен уничтожать любую жизнь, прекращая движение молекул, но проклятые кольца только временно теряют управление. Если нам не удастся удержать луч на кольце вплоть до того момента, когда оно расшибется о землю, оно мгновенно приходит в себя и уматывает. А потом появляются его дружки и сжигают начисто все наши позиции.

Еще мы по ночам минуем и взрываем их лагеря на поверхности планеты; тут дело идет значительно успешнее — ведь мы, понятно, прирожденные саперы. Но нам необходимо лучшее оружие. Поэтому я и послал Говарда за книгами. У меня появились две мысли. Если враг — некая разумная полевая структура или нечто в этом роде, можно попробовать использовать против них радио. Мы заполним эфир помехами и — если повезет — просто уничтожим их. Если окажется, что пришельцев этим не пронять, возможно, их одолеет старый добрый зенитный огонь. Как бы там ни было, здесь существует уйма технологий, которых нет у нас и которые вполне могут пригодиться. Жаль, что у меня не было времени прихватить сюда кое-что из ихнего хозяйства взамен того, что я возьму с собой.

— Ты твердо решил вернуться, Роберт?

— Конечно. Мое место там. Здесь у меня нет семьи. Не знаю уж, как это объяснить вам, доктор, но там — мой народ, мой мир. Думаю, при других условиях все могло быть наоборот.

— Понятно, — сказала Элен. — Ты сражаешься за жену и детей.

— Не совсем так, — Роберт повернул к ней изможденное лицо. — Я и там холостяк, но все равно у

меня есть семья, за которую я должен бороться; штурмовым отрядом, в котором я служу, командует моя сестра. Да, да, в нашем отряде есть женщины — маленькие и крепкие, вроде тебя, Элен.

— А как ты заработал эту штуку? — Элен коснулась забинтованной руки.

— Ожог? Помнишь, я говорил, что мы были на марше. Мы отходили после вылазки на поверхность. Казалось, что все кончилось вполне удачно, но тут вдруг сверху свалилось кольцо. Большая часть наших успела рассеяться, но я — младший техник и вооружен этим самым стасисным излучателем. Я попытался привести его в боевое положение, чтобы отразить атаку, но не успел: они достали меня раньше. К счастью, я отделался довольно легко — несколько других наших были поджарены заживо. Я даже не знаю, что с моей сестрой. Это — одна из причин, почему я так спешу.

Один из уцелевших техников успел достать свой излучатель и прикрыл наше отступление. Меня утащили под землю и отвели в лазарет. Врачи начали хлопотать вокруг меня, но тут я отключился и очнулся в кабинете профессора.

Раздался звонок в дверь, и профессор пошел открывать; Элен и Роберт последовали за ним. В комнате появился Говард, нагруженный добычей.

— Ты все принес?

В голосе Роберта звучала озабоченность.

— Вроде да. Вонючка оказался дома, но мне удалось уговорить его одолжить книги. С пистолетом было посложнее, но я позвонил одному приятелю и попросил перезвонить в общежитие и позвать Вонючку. И как только он вышел, я стащил пистолет. Так что я теперь похититель — государственной собственности к тому же.

— Ты настоящий друг, Говард. Когда тебе все расскажут, ты поймешь, что правильно сделал. Верно, Элен?

— Абсолютно верно.

— Хотелось бы надеяться, — сказал Говард без большой уверенности. — Я тут прихватил еще кое-что на всякий случай.

В руках его была книга.

— «Аэродинамика и основные принципы конструирования самолетов», — прочел вслух Роберт. — Господи, как раз то, что надо! Спасибо, Говард.

За несколько минут Монро разобрался со своей добычей и крепко привязал все к туловищу. Он уже объявил, что готов, но тут вмешался профессор.

— Секунду, Роберт. А почему ты уверен, что эти книги отправятся вместе с тобой?

— А как же еще? Ведь я их привязал.

— Разве в первый раз твоя одежда осталась на тебе?

— Не-ет.

Лицо Роберта стало озабоченным.

— А что же мне делать, доктор? Я же не смогу выучить наизусть все, что надо знать.

— Не знаю, сынок. Давай немного подумаем.

Фрост замолк и уставился в потолок. Элен осторожно тронула его за рукав.

— Профессор, может быть, я могу помочь?

— Помочь? Каким образом, Элен?

— Похоже, что я совершенно не меняюсь, переходя с одной траектории на другую. На мне все время была одна и та же одежда. Почему бы мне не поработать для Боба носильщиком?

— Хм, возможно, в этом что-то есть.

— Нет, — прервал Монро, — я не могу этого допустить. Тебя могут ранить или даже убить.

— Ничего, рискну.

— У меня есть идея, — сказал Дженкинс. — А не может доктор Фрост дать инструкцию, чтобы Элен отправилась туда и сразу, не задерживаясь, вернулась?

— М-м-м... да, пожалуй.

Но Элен отрицательно покачала головой.

— Плохо. Все это хозяйство сразу же прыгнет назад, вместе со мной. Я вернусь безо всяких инструкций. Да и вообще мне, пожалуй, нравится мир, описанный Бобом. Может, я там тоже останусь. Кончай играть в благородство, Боб. Что мне особенно понравилось в том мире — так это равенство мужчин и женщин. Так что снимай с себя все эти причиндалы и вешай на меня. Я пойду с тобой.

Вскоре Элен стала напоминать новогоднюю елку. К самым разным местам ее крепкой, маленькой фигуры было привязано больше дюжины книг, на ремне висел пистолет, а за ремень были заткнуты две логарифмические линейки — короткая и длинная.

Прежде чем расстаться с длинной линейкой, Говард любовно ее погладил.

— Береги эту штуку, Боб. Мне пришлось шесть месяцев не курить, чтобы за нее расплатиться.

Фрост усадил их на диванчик; Элен взяла Боба за руку. Когда зеркальный шар начал вращаться, профессор жестом попросил Дженкинса выйти и, прикрыв за ним дверь, начал монотонно произносить формулы внушения.

Через десять минут он почувствовал легкое движение воздуха, замолчал и включил свет. На диванчике не было никого — и ничего.

Но Эстелл все еще не появлялась; Фрост с Дженкинсом продолжали ждать. Говард нервно расхаживал по кабинету, разглядывая совершенно не интересовавшие его предметы и прикуривая одну сигарету от другой. Профессор сидел в кресле, изображая полное спокойствие, которого в действительности совершенно не ощущал. Беседа их была несколько бессвязной.

— Вот я одного не понимаю, — говорил Дженкинс. — Почему это Элен побывала во многих местах и ничуть не изменилась, а Боб попал в одно-единственное место и вернулся почти неузнаваемым. Ниже, плотнее, в какой-то странной одежде. И вообще — куда девалась та одежда? Вот как вы объясните эти факты, профессор?

— Хм... А я их никак не объясняю, я их просто наблюдаю. Возможно, он изменился, а Элен нет потому, что Элен была во всех этих местах только гостем, посетителем, а Монро принадлежал к тому миру. Ты же слышал, что он сразу стал частью его структуры. Возможно, его переход из нашего мира в тот — часть замысла великого зодчего.

— Что? Господи, доктор, неужели вы верите в божественное предопределение?

— Возможно, я бы это не так назвал. Но, Говард, знали бы вы, как я устал ото всех вас, механистических

скептиков! Ваша наивная способность верить, что все вещи «сами собой выросли», граничит с детской доверчивостью. Если согласиться с вами, то и за появление бетховенской Девятой тоже ответственна некая **зако-выка** в росте энтропии.

— Ну, это нечестно, доктор. Вы же не можете ожидать, чтобы человек поверил в то, что противоречит его здравому смыслу, если ему не **будут** представлены достаточно разумные объяснения.

Фрост фыркнул.

— Именно что могу — если человек сам все видел, или слышал, или пользуется источником, заслуживающим полное доверие. Факту, чтобы быть верным, не нужны никакие эти ваши разумные объяснения. Понятно, что рациональный мозг ищет их, однако отвергать факты только потому, что они не укладываются в твое мировоззрение — крайняя глупость.

А вот все эти сегодняшние события, которые вы **тщитесь** объяснить в рамках ортодоксальной науки, дают ключ к множеству случаев, которые прежде ученые отбрасывали по причине полной их необъяснимости. Вы слышали когда-нибудь историю про человека, обошедшего вокруг лошадей? Нет? Где-то около 1810 года Бенджамен Бэтхорст, британский посол в Австрии, подъехал в своей карете к гостинице немецкого города Перлсберга. С ним были лакей и секретарь. Карета остановилась на ярко освещенном дворе. Бэтхорст вышел и на глазах двоих спутников, а также нескольких посторонних лиц обошел запряженных в карету лошадей. Больше его не видели нигде и никогда.

— А что с ним случилось?

— Никто не знает. Думаю, он очень задумался и забрел нечаянно на другую временную траекторию. И этот случай совсем не исключителен — есть буквально сотни подобных происшествий, так много, что над этим просто нельзя смеяться. А в рамках теории двумерного времени все они легко объяснимы. Правда, я подозреваю, что в некоторых случаях работали и еще какие-то законы природы — законы, о которых никто понятия не имеет.

Говард перестал расхаживать и подергал себя за нижнюю губу.

— Может, оно и так, доктор. Я очень тревожусь, и мне как-то плохо думается. Послушайте, уже ведь час. Разве она не должна была уже вернуться?

— Да, и давно, сынок.

— Вы хотите сказать, что она не вернется?

— Боюсь, что да.

Со сдавленным криком Говард упал на диванчик, плечи его судорожно вздрагивали.

Постепенно дрожь прекратилась, только губы юноши продолжали непрерывно шевелиться; Фрост с удивлением подумал, что он, похоже, молится.

— Неужели нельзя совсем ничего сделать?

На Фроста с надеждой смотрело искаженное мукой лицо.

— Трудный вопрос, Говард. Мы не знаем, куда она отправилась; ей было внушено двигаться по какой-либо из временных петель в прошлое или в будущее — это все, что нам известно.

— А нельзя отправиться вслед за ней по тому же самому пути и как-нибудь ее отыскать?

— Не знаю. Я никогда не пробовал.

— Но я просто должен сделать что-нибудь, или я сойду с ума.

— Успокойся, сынок. Дай мне немного поразмыслить.

Фрост молча курил, а Говард тем кременем с трудом сдерживал желание закричать, начать ломать мебель, крушить все вокруг.

В конце концов профессор стряхнул пепел с сигареты и аккуратно положил ее на край пепельницы.

— Я могу предложить только один вариант. Но возможность добиться успеха крайне мала.

— Сделайте хоть что-нибудь!

— Я сам прослушаю ту же запись, которую слушала Эстелл, и совершу переход. Сделаю это в полном сознании, непрерывно думая о ней. Возможно, мне удастся установить с Эстелл некую экстрасенсорную связь, которая и приведет меня к ней. — Говоря это, Фрост занимался приготовлениями. — Я хочу, чтобы вы все время оставались в комнате; таким образом вы убедитесь, что это возможно.

Говард молча смотрел, как профессор надевает наушники. Фрост не стал садиться; он стоял неподвижно, с закрытыми глазами. Прошло пятнадцать минут, он сделал короткий шаг вперед.

Наушники со стуком упали на пол. Говард остался в кабинете один.

Фрост почувствовал, как его затягивает лишенное времени чистилище, всегда предшествующее собственно переходу. Он снова обратил внимание, что ощущения очень похожи на чувство полета во сне, и в сотый раз лениво подумал, не являются ли сны реальными событиями. Пожалуй, да. Затем, со внезапным чувством вины, он вспомнил о цели своей миссии и сконцентрировал все мысли на Эстелл.

Он шел по дороге, залитой слепящим солнцем. Перед ним высились городские ворота. С удивлением посмотрев на странно одетого путника, стражник пропустил его.

Он торопливо пошел по широкой аллее, которая (он это знал) вела из космопорта к Капитолийскому холму. Потом свернул на Дорогу Богов и шел по ней, пока перед ним не появилась Роща Жриц. Здесь он отыскивал нужный ему дом. Мраморные стены здания розовели на солнце, утренний бриз доносил журчание фонтанов.

Он вошел в дом. Седой привратник, покачивая головой, впустил его. Стройная как тростинка молоденькая служанка провела его во внутренние покои. Хозяйка дома поднялась на локте, в глазах ее, устремленных на посетителя, не было ни малейшей искорки интереса. Фрост заговорил.

— Пора возвращаться, Эстелл.

Брови жрицы удивленно приподнялись.

— Старый человек, ты изъясняешься на языке варварском и странном, но — и в этом тайна — я понимаю тебя. Что тебе надо?

— Эстелл! — В голосе Фроста звучало нетерпение. — Я говорю, что пора возвращаться.

— Возвращаться? Что за пустая болтовня? Возвращаться куда? К тому же мое имя Светоносная Звезда, а не Эсс Телл. Кто ты и откуда пришел?

Она внимательно изучала лицо Фроста, а затем указала на него тонким, изящным пальцем.

— Теперь я тебя узнала! Ты пришел из моих снов. Там ты был учителем, наставлявшим меня в мудрости древних.

— Эстелл, ты помнишь юношу из этих снов?

— Опять это странное имя! Да, там был юноша. Он был прекрасен — прекрасен, прям и высок, как горная сосна. Я часто вижу его во сне.

Она привстала на ложе.

— Так что же юноша?

— Он ждет тебя. Пора возвращаться.

— Возвращаться! В сон нет возврата!

— Я могу отвести тебя туда.

— Это что, богохульство? Разве ты жрец? А если нет, почему ты занимаешься магией? И почему священная жрица любви должна уходить в мир снов?

— Это не магия. Он страдает, потеряв тебя. Я отведу тебя к нему.

Эстелл помедлила, в глазах ее мелькнуло сомнение.

— Предположим даже, что ты можешь это сделать. Но зачем мне менять свое почетное священное положение на холодную пустоту сна?

— А что тебе подсказывает сердце, Эстелл?

Голос профессора звучал мягко, завораживающе.

Девушка смотрела на него широко открытыми глазами; казалось, еще секунда — и из этих глаз брызнут слезы. Но потом она снова упала на ложе и отвернулась. Фрост услышал сдавленный голос:

— Убирайся. Этого юноши нет — он существует только в моих снах. Там я и буду его искать.

Больше она не произнесла ни слова, сколько Фрост ни бился. Убедившись в тщетности своих стараний, он ушел.

Говард вцепился в его руку.

— Ну как, профессор? Как? Нашли вы ее?

Фрост устало плюхнулся в кресло.

— Да, нашел.

— Как она там? И почему ее нет с вами?

— В полном здравии, но не соглашается вернуться — как я ее ни уговаривал.

Говарда словно ударили по лицу.

— А вы сказали, что я ее жду?

— Сказал, но она мне не верит.

— Не верит?

— Видите ли, Говард, она забыла почти все, относящееся к прежней жизни. Ей кажется, что это был только сон.

— Но это же просто невозможно!

Фрост выглядел очень усталым.

— А не пора ли тебе, сынок, перестать использовать это слово?

— Доктор! — Говард явно не горел желанием отвечать на риторические вопросы. — Вы обязаны вести меня к ней.

Было видно, что доктор сомневается.

— Вы сможете, доктор?

— Пожалуй, смогу, если, конечно, вы преодолели свое неверие. Но все равно...

— Неверие! Мне просто пришлось поверить. Давайте быстрее займемся делом.

Фрост не двинулся с места.

— Я еще не уверен, что соглашусь. Видите ли, Говард, там, куда попала Эстелл, совершенно другая обстановка. Ей там нравится, и я не уверен, что брать вас туда — милосердный поступок.

— А в чем дело? Она не хочет меня видеть?

— Нет, почему же, конечно, хочет. Я уверен, что она встретит вас с радостью, но... Там совершенно иная обстановка.

— А мне, собственно, наплевать, какая там такая обстановка. Надо двигаться.

Фрост встал.

— Очень хорошо. Пусть будет по-вашему.

Он усадил Дженкинса в кресло и пристально посмотрел ему в глаза. Затем начал монотонным, усыпляющим голосом произносить формулы внушения.

Фрост помог Говарду встать с земли и отряхнул его одежду. Говард смеялся, вытирая с ладоней белую дорожную пыль.

— Вот это да, учитель! Мне показалось, что какой-то жук выхватил из-под меня кресло.

— Не надо было вас сажать.

— Пожалуй.

Он вытащил из-за пояса большой неуклюжий пистолет и внимательно его осмотрел.

— Хорошо еще, что бластер был на предохранителе, а то оказались бы мы в стратосфере. Идем?

Фрост оглядел спутника; шлем, короткий военный килт, на бедре короткий меч в кожаных ножнах. Он поморгал.

— Да. Да, конечно.

— А вы знаете, — спросил Фрост, когда городские ворота остались позади, — куда мы идем?

— Конечно. В рощу, к вилле Светоносной Звезды.

— И вы знаете, что это за вилла?

— А, вы имеете в виду тот разговор. Я знаком со здешними обычаями, и они меня ничуть не смущают. Мы со Светоносной Звездой великолепно пойдем друг друга. Она ведь из этих, у которых с глаз долой — из сердца вон. Но теперь, когда я вернулся с Ультима Туле, она оставит свое занятие, мы будем жить семьей и вырастим уйму пухленьких детишек.

— Ультима Туле? Вы помните мой кабинет?

— Конечно, помню. И Роберта, и Элен, и остальных.

— И это вы называете Ультима Туле?

— Не совсем. Слушайте, учитель, я не могу этого объяснить. Ведь я — человек военный, практический. Такими головоломками надо заниматься вам — учителям и жрецам.

Они остановились перед домом Эстелл.

— Вы зайдете, учитель?

— Нет, пожалуй, не буду. Мне пора возвращаться.

Говард хлопнул профессора по плечу.

— Вы были отличным другом, учитель. Первого щенка мы назовем в вашу честь.

— Спасибо, Говард. Прощайте — и всякой вам удачи, обоим вам.

— И вам тоже.

Говард уверенно вошел в дом.

Фрост медленно побрел назад, к воротам; в его голове крутились мириады мыслей. Похоже, что этим изменениям и комбинациям нет конца — изменениям

материи и духа. Марта, Роберт, Элен — а теперь вот Говард и Эстелл. Вероятно, можно построить такую теорию, которая сможет описать все эти события.

В задумчивости он споткнулся о перекосившуюся плиту мостовой и упал... в свое кресло.

Фрост понимал, что не так-то просто будет объяснить исчезновение пяти студентов — понимал и не говорил никому ничего. Только в воскресенье к вечеру их отсутствие начало привлекать внимание. В понедельник пришел полицейский, желавший задать несколько вопросов.

Ответы профессора мало прояснили ситуацию — он счел за лучшее и не пытаться рассказать, как все было в действительности. Окружной прокурор заподозрил серьезное преступление — киднепинг или даже массовое убийство. А может быть, нечто связанное с одним из расплодившихся за последнее время сексуально окрашенных культов — кто их знает, этих профессоров!

Во вторник утром он выписал ордер; сержант Изевски отправился арестовывать Фроста.

Профессор вел себя совершенно спокойно и прошел к черному фургону без малейшего протеста.

— Слушайте, док, — сказал сержант, ободренный такой покорностью. — А почему бы вам самому не рассказать, куда вы их спрятали? Ведь ясно, мы их найдем, дайте нам только время.

Фрост повернул голову, посмотрел полицейскому в глаза и улыбнулся.

— Время... а, ну конечно же, время... да, если дать вам время — вы найдете их. Там.

Затем он вошел в фургон, сел на скамейку, закрыл глаза и сосредоточился.

Тем временем сержант поставил ногу на подножку, загородив своей тушей дверь, и вынул блокнот. Кончив писать, он поднял глаза.

Профессор Фрост исчез.

Вообще-то Фрост намеревался навестить Говарда и Эстелл, однако в самый критический момент его мысли

перескочили на Элен и Роберта. «Приземлившись», он обнаружил себя совсем не в том мире будущего, который посещал перед этим дважды. Он не знал, где находится, — видимо, на Земле, где-то и когда-то.

Вокруг расстилалась холмистая местность, напоминавшая Нью-Джерси или южную Миссури. Слабое знакомство с ботаникой не позволяло Фросту сказать, привычные вокруг деревья или нет. Да и размышлять об этом оказалось некогда.

Он услышал крик, на который сразу же откликнулись другие голоса. Из леса выскочили фигуры и рассыпались неровной цепью. Сперва Фросту показалось, что атакуют его; он беспомощно оглянулся, но спрятаться было негде. Однако они пробежали мимо, не обращая на него никакого внимания; только один окинул его беглым взглядом, что-то крикнул и тоже исчез.

Фрост остался стоять посреди маленькой полянки, один и в полном недоумении.

Но не успел он хоть сколько-нибудь переварить происходящее, как одна из фигур вернулась и что-то крикнула, на этот раз — точно ему; слова сопровождались недвусмысленным жестом: он должен был следовать за этим человеком.

Фрост стоял в нерешительности. Человек подбежал к нему и точной подножкой сбил его с ног. Следующие секунды профессор не совсем понимал происходящее, а когда сумел немного прийти в себя, оказалось, что он видит мир вверх тормашками: незнакомец бежал уверенной рысцой, перекинув его через плечо.

По лицу Фроста хлестнули ветки кустов, затем «носила» направился куда-то вниз, пробежал еще несколько ярдов и небрежно скинул свою ношу на землю. Профессор сел, протер глаза и осмотрелся.

Он находился в туннеле, один конец которого поднимался вверх, к свету, а другой уходил вниз, одному Богу известно на какую глубину. Вокруг мелькали какие-то фигуры, не обращавшие, впрочем, на него ни малейшего внимания. Двое устанавливали перед входом в туннель непонятный аппарат. Они работали очень проворно, закончили свое дело буквально за секунды и отошли назад. Раздалось негромкое жужжание.

Устье туннеля словно затуманилось; скоро стало понятно почему — неизвестный аппарат плел нечто вроде паутины, перекрывавшей туннель. Паутина, сперва едва заметная, постепенно теряла свою прозрачность, становилась матовой. Жужжание продолжалось несколько минут, странная машина все уплотняла и уплотняла паутину. Одна из фигур взглянула на свой пояс, произнесла короткую команду, и жужжание смолкло.

Было видно, что окружающие успокоились, вздохнули с облегчением. Фрост тоже ощутил это облегчение и расслабился, понимая интуитивно, что всем им удалось избежать какой-то серьезной опасности.

Человек, приказавший машине остановиться, повернулся, заметил Фроста и подошел к нему, задавая какие-то вопросы голосом, звучавшим спокойно, но в то же время как-то безапелляционно. Фрост неожиданно осознал три вещи: лидером группы была женщина, именно она и спасла его в лесу, и — третье — одежда и внешность этих людей были похожи на одежду и внешность преобразившегося Роберта Монро.

Лицо профессора озарила улыбка. Все будет хорошо.

Женщина повторила свой вопрос; в ее голосе появились нотки нетерпения. Фрост почувствовал, что надо отвечать, хотя он не понимает здешнего языка, а женщина, конечно же, не понимает английский. Но как бы там ни было...

— Мадам, — сказал он по-английски, встав и ответив ей вежливый поклон. — Я не знаю вашего языка и не понимаю вопроса, но мне кажется, что вы спасли мою жизнь. Я вам очень благодарен.

С видом озадаченным и несколько раздраженным женщина спросила что-то еще; во всяком случае Фросту показалось, что это другой вопрос. Он был в тупике, языковой барьер казался непреодолимым. Пройдут многие дни, недели и даже месяцы, пока появится хоть какая возможность общения. А эти люди заняты своей войной, вряд ли они будут в настроении возиться с бесполезным, ничего не понимающим чужаком.

Этак, чего доброго, и на поверхность выставят.

До чего же глупо, думал Фрост, прямо до отвращения глупо. Вероятно, Монро и Элен где-то рядом — и в то же время можно дожить здесь до глубокой старости, так их и не увидев. Ведь как узнаешь, где они конкретно? Ну каким, скажите, образом американец, скинутый в Тибете, сумеет объясниться, если единственный переводчик бродит где-то по Южной Америке? Или вообще — неизвестно где? И каким образом довести до понимания тибетцев, что вообще где-то есть этот самый переводчик? Это же надо — попасть в такое дурацкое положение!

Но все же стоит попробовать. Как же звали Роберта здесь? Эган? Нет, Айгор. Вот-вот, так он и говорил — Айгор.

— Айгор, — сказал Фрост.

Предводительница прислушалась.

— Айгор? — спросила она.

Фрост энергично закивал головой.

— Айгор.

Неожиданно она повернулась и крикнула в сторону: «Айгор!»

Гортанный звук был очень отчетлив, а «р» — раскатисто, в точности как у Монро.

Один из людей вышел вперед. Профессор с надеждой всмотрелся в его лицо, но это был какой-то незнакомец, почти неотличимый от своих собратьев. Предводительница ткнула пальцем в его сторону.

— Айгор, — констатировала она.

Все сложнее и сложнее, подумал Фрост, видимо, Айгор здесь — распространенное имя. Чересчур распространенное. Тут профессора озарила новая идея.

— Айгор, — сказал он. — Элен Фишер.

Теперь его слова явно привлекли внимание предводительницы.

— Илен Фишер? — повторила она.

— Да, да! Элен Фишер.

На секунду предводительница задумалась; было ясно, что для нее эти слова — не пустой звук. Затем, хлопнув в ладоши, она что-то скомандовала. Вперед вышли двое, и она, по-прежнему быстро и повелительно, произнесла несколько слов.

Двое подошли к Фросту, взяли его под руки и куда-то потащили. На секунду задержавшись, Фрост спросил через плечо:

— Элен Фишер?

— Илен Фишер! — заверила его предводительница. Оставалось только удовлетвориться этим ответом.

Прошло часа два. Обращались с ним прилично, поместили во вполне удобную комнату или, точнее, камеру — во всяком случае ее заперли снаружи. Как знать — вдруг он сказал что-то не то; вдруг «Элен Фишер» здесь — не имя, а нечто совсем другое?

Комната была совсем пустая и освещалась только тусклым сиянием, исходившим от стен — как везде в тех частях подземного мира, с которым он успел познакомиться. Постепенно Фросту стало надоест это место; он уже подумывал, не стоит ли устроить небольшой скандал, как снаружи послышались шаги.

Дверь распахнулась, на пороге стояла предводительница; ее немолодое, довольно-таки мрачное лицо озаряла неожиданная улыбка. Сказав что-то на своем языке, она добавила:

— Айгор... иленфишер.

Повернувшись, женщина вышла; Фрост последовал за ней.

Мерцающие стены проходов, оживленные площади, любопытные взгляды людей, заполнявших эти площади, лифт, к удивлению профессора резко рванувший вниз, прежде чем тот сообразил, что это — лифт. Последним, что его удивило, была какая-то транспортная капсула, в которой они герметично закупорились, после чего капсула рванулась с колоссальной — если судить по перегрузкам на старте и при торможении — скоростью. Все это время Фрост послушно следовал за своей провожатой, почти совсем не понимая, что происходит вокруг, но не имея возможности расспрашивать. Он пытался расслабиться и по возможности получать удовольствие от новых впечатлений; его спутница, по всей видимости, была настроена достаточно доброжелательно, хотя манеры ее остались резкими — манерами человека, привыкшего отдавать приказания, а не болтать попусту с каждым встречным.

Повернув за угол, женщина вошла в какую-то дверь. Фрост последовал за ней — и чуть не был сбит с ног. Кто-то схватил его за обе руки.

— Доктор! Доктор Фрост!

Это оказалась Элен Фишер, одетая в общий для всего — без различия пола — подземного населения костюм. За ней виднелось расплывшееся в улыбке лицо похожего на гнома Роберта — или, если хотите, Айгора.

Профессор осторожно высвободился из рук Элен.

— Моя дорогая! Это представить себе только, найти вас здесь!

Фраза звучала довольно глупо, но ничего лучшего ему в голову не пришло.

— Это представить себе только, найти вас — здесь! — повторила девушка. — Господи, доктор, да вы же плачете!

— Нет, нет, совсем нет, — торопливо возразил профессор и повернулся к Монро. — И вас, Роберт, я тоже очень рад видеть.

— А я — вдвойне рад видеть вас.

Женщина сказала что-то Монро. Быстро ответив ей на местном языке, тот повернулся к Фросту.

— Доктор, это моя старшая сестра — Маргри, актуут Маргри — это можно приблизительно перевести как «майор Маргри».

— Она была очень добра ко мне, — сказал Фрост и поклонился.

Маргри громко хлопнула ладонями на уровне пояса и, сохраняя совершенно бесстрастное лицо, резко наклонила голову.

— Она приветствовала вас как равного, — объяснил Роберт-Айгор. — Я растолковал ей, сколько мог, что обозначает звание «доктор»; теперь она считает, что вы равны ей по рангу.

— И что же должен делать я?

— Ответьте ей тем же.

Фрост так и сделал, правда, крайне неуклюже.

Доктор Фрост рассказал своим бывшим студентам, как обстояли дела до настоящего момента — хотя применяемость этого термина была крайне сомнительна для случая различных временных осей.

— Бедняжка! Да какое они имели право! — в негодовании воскликнула Элен, узнав о чуть было не состоявшемся аресте профессора.

— О, я бы так не сказал, — возразил Фрост. — Все это было вполне разумно, если исходить из известных им фактов. Однако боюсь, я не смогу теперь вернуться.

— И не надо, — сказал Айгор. — Мы очень рады вам.

— Возможно, я смогу чем-нибудь помочь вам в вашей войне.

— Возможно. Но вы и так сделали уже больше, чем кто-либо другой, дав мне возможность принести сюда все это. Вот, видите, мы работаем.

Он обвел всю комнату широким жестом.

Айгору сняли с боевых дежурств и прикомандировали к штабу, чтобы он попытался снабдить воюющих земной техникой. Элен ему помогала.

— Кроме сестры, мне никто не верит, — признался он. — Однако я сумел кое-что продемонстрировать — вполне достаточно, чтобы они осознали важность того, чем я обладаю. Тогда мне предоставили полную свободу и буквально каждую секунду заглядывают через плечо в ожидании, что я сумею сделать. Мы уже успели организовать работы по строительству реактивного истребителя и ракет для его вооружения.

Фрост удивился. Каким образом можно было сделать так много — и так быстро? Может быть, различие темпов времени? Может быть, Элен с Айгором перешли сюда много недель назад, если считать по временной оси этого мира?

Нет, объяснил ему Айгор, но здешний народ, даже при отсутствии многих областей земной техники, далеко обогнал землян по части технологий. Они используют один-единственный унифицированный тип станка для производства почти всего. В этот станок закладывают некую схему, для которой Айгор не смог придумать лучшего названия, чем «синька», хотя в действительности это — точная масштабная модель устройства, которое надо сделать. Машина сама оснащает себя нужными инструментами и вскоре выдает готовое изделие. Один из таких станков сейчас изготавливает пластико-

вые корпуса истребителей — из одного куска и за одну операцию.

— Мы хотим вооружить самолеты как стасисными лучами, так и ракетами, — сказал Айгор. — Сперва заморозить, а потом расшибить проклятые бублики, пока они не поддаются управлению.

После нескольких минут разговора Фрост начал замечать в Айгоре признаки беспокойства. Догадавшись о причине, он попросил разрешения уйти. Айгор охотно согласился.

— Мы увидимся позднее, — сказал он с видимым облегчением. — Я поищу кого-нибудь подыскать вам жилье. По правде говоря, мы очень спешим. Работа на войну — вы должны нас понять...

Засыпая, Фрост размышлял, как он сможет помочь своим юным друзьям и всему здешнему народу в их борьбе.

Но из этого ничего не получилось. Образование Фроста было чисто академическим, в практике он смыслил мало. Техническая литература, захваченная Айгором и Элен, оказалась для него малопонятна, словно была написана на древнегреческом, — в действительности еще непонятнее, ведь он знал древнегреческий. Жил он вполне комфортабельно, в почете и уважении — ведь Айгор убедил всех, что лишь благодаря услугам профессора получает бесценное новое оружие, но этого ему было мало. Вскоре он понял, что совершенно не пригоден к работе, которую вел Айгор, — даже в роли переводчика.

Он превратился в обузу, безвредную, но обузу, пенсионера — и прекрасно это понимал.

К тому же подземная жизнь действовала ему на нервы. Ему мешал этот навязчивый, везде и всегда присутствующий свет. Все заверения Айгора не могли уменьшить необъяснимый, рожденный незнанием страх Фроста перед радиоактивностью. Война подавляла его. Его темперамент не подходил для того, чтобы стойко выдерживать связанное с ней нервное напряжение. Неспособность помочь в работе над военными проектами, отсутствие друзей, праздность — все это усугуб-

ляло подавленное настроение профессора. Однажды он забрел в лабораторию, где работали Айгор и Элен, надеясь немного поболтать, если те не слишком заняты. Они не были заняты. Айгор расхаживал по комнате, а Элен обеспокоенно смотрела на него.

Фрост откашлялся.

— Э-э... у вас что-нибудь не так?

— Многое, — кивнув, ответил Айгор и снова задумался.

— Понимаете, — сказала Элен, — несмотря на новое оружие, мы проигрываем войну. Айгор пытается придумать, что делать дальше.

— Понятно. Извините. — Фрост повернулся, чтобы уйти.

— Не уходите. Присядьте.

Профессор сел. Его не оставляла мысль, что вся эта ситуация просто невыносима.

— Боюсь, от меня помощи немного, — сказал он наконец, обращаясь к Элен. — Жаль, что здесь нет Говарда Дженкинса.

— Думаю, это не имеет значения. В наших книгах собраны самые последние достижения земной инженерии.

— Я не про это. Я имею в виду самого Говарда — Говарда, какой он есть в том мире. У них там, в будущем, есть небольшое устройство, которое они называют «бластер». Насколько я понимаю, очень мощное оружие.

Расслышав последние слова, Айгор резко повернулся.

— А что это такое? Как эта штука работает?

— Понимаете ли, по правде говоря, я не знаю. Вы же знаете, что я не очень разбираюсь в таких вещах. Вроде бы какой-то там дезинтегрирующий луч.

— А вы можете сделать набросок? Думайте, вспоминайте!

Фрост попытался. В конце концов он оставил это занятие.

— Боюсь, от этого не будет толку. Я мало что запомнил, а что там внутри — и совсем не знаю.

Айгор со вздохом сел и запустил пятерню себе в волосы.

Несколько минут прошли в мрачном молчании, затем Элен спросила:

— А не можем ли мы его добыть?

— Как это? Каким образом ты найдешь Говарда?

— А не можете ли найти его вы, профессор?

Фрост выпрямился.

— Не знаю, — несколько нерешительно ответил он. — Но можно попробовать.

Вот и город. Да, и те же самые ворота, через которые он уже проходил дважды.

Светоносная Звезда была рада его появлению, но не особенно удивлена. Интересно, подумал Фрост, а может ли хоть что-нибудь удивить эту сонно-мечтательную девушку? Но энтузиазм Говарда с лихвой восполнил ее безразличие. Фрост получил удар по спине, вполне достаточный, чтобы заработать травматический плеврит.

— Добро пожаловать, учитель! Здесь ваш дом. Я не знал, придете ли вы к нам когда-нибудь или нет, но мы всегда готовы вас принять. Я пристроил специальную комнату — для вас, и только для вас, на случай, если вы когда-нибудь появитесь. Ну что вы думаете об этом? Вы должны жить с нами. Какой смысл возвращаться в этот ваш дурацкий университет?

Поблагодарив, Фрост перешел к делу.

— Но я пришел не просто так. Мне нужна ваша помощь — и срочно.

— Помощь? Так рассказывайте, рассказывайте!

Фрост объяснил ситуацию.

— Теперь вы понимаете, что мне нужно передать Роберту и Элен секрет вашего бластера. Им это совершенно необходимо. Они должны получить такое оружие.

— Должны — значит, получают, — согласился Говард.

Но все оказалось не так просто. Как Фрост ни старался, он был не в состоянии впитать технические знания, необходимые, чтобы передать сородичам Айгора секрет оружия. В похожем положении оказался бы неграмотный дикарь, пытающийся настолько понять ра-

диотехнику, чтобы потом научить строительству радиостанций инженеров, незнакомых с радио. И Фрост совсем не был уверен, что сумеет пронести бластер через безбрежные просторы Времени.

— Ну что ж, — сказал в конце концов Говард. — Получается, что мне нужно будет просто отправиться туда вместе с вами.

Светоносная Звезда, до этого слушавшая беседу молча, впервые проявила очевидное волнение.

— Но, дорогой! Ты ни в коем случае не должен...

— Прекрати. — Говард упрямо выдвинул подбородок. — Это мой долг. И не лезь в такие дела.

Фрост почувствовал себя крайне неловко, как это бывает всегда, когда присутствуешь при чужой семейной ссоре.

Когда все было готово, Фрост взял Говарда за руку.

— Смотрите мне в глаза. Вы помните, как это было в прошлый раз?

Говард слегка дрожал.

— Помню. Скажите, учитель, а вы правда сможете сделать это — и не потерять меня?

— Надеюсь. А теперь расслабьтесь.

Они оказались в том же самом помещении, из которого Фрост отправлялся, что доставило ему большое облегчение. Слава Богу — теперь не придется пересекать половину планеты, чтобы попасть к своим друзьям. Он не совсем понимал, каким образом пространственные измерения согласуются с временными. Потом, когда-нибудь, он займется изучением этого вопроса, разработает теорию и попытается ее проверить.

Айгор и Говард не стали терять время и расшаркиваться. Не успела еще Элен толком поздороваться с профессором, а они уже с головой ушли в технические проблемы.

Прошло много времени и...

— Ну вот, — сказал Говард. — Думаю, это все. Свой бластер я оставляю в качестве образца. Есть еще вопросы?

— Нет, — ответил Айгор. — Теперь я все понимаю; к тому же каждое твое слово записано. Да можешь ли ты

понять, старик, что это такое для нас? Твоя машинка выиграет нам войну — я ничуть не сомневаюсь.

— Охотно верю. Ведь на этой штуковине держится мир во всей нашей системе. Вы готовы, доктор? Я начинаю немного нервничать.

— Но вы же не уйдете от нас, доктор? — воскликнула Элен. В ее голосе звучали и вопрос, и протест.

— Мне надо отвести его назад.

— Да, — подтвердил Говард. — И к тому же он остается жить с нами. Ведь правда, учитель?

— Нет, нет! — снова запротестовала Элен.

— Не уговаривай его. — Айгор обнял Элен за плечи. — Ты же знаешь, что ему не было здесь хорошо. Думаю, дом Говарда больше подойдет профессору. Он вполне заслужил покой.

Немного подумав, Элен подошла к Фросту, положила руку ему на плечи и, привстав на цыпочки, поцеловала.

— Прощайте, доктор.

Голос ее срывался.

— Или, во всяком случае, au revoir!

Фрост успокаивающе похлопал ее руку, лежавшую у него на плече.

Он лежал на солнце, впитывая тепло старыми своими костями. Он скучал немного без Элен и Айгора, но подозревал, что они не очень скучают без него. А жизнь с Говардом и Светоносной Звездой подходила ему больше. Он считался наставником их детей — если и когда таковые будут. А пока он проводил время в праздности и безделье, чего ему хотелось всегда; времени у него было сколько угодно. Время... Время.

Интересно бы узнать, что сказал мержгант Изовски, заглянув в полицейский фургон и никого там не обнаружив. Возможно, он подумал, что это невозможно.

А впрочем — какая разница. Он был слишком ленивым и сонным, чтобы беспокоиться. Еще хватит времени вздремнуть немного перед обедом. Времени хватит...

Время.

УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Глава 1

«У НИХ ЕСТЬ ГЛАЗА, ЧТОБЫ ВИДЕТЬ»*

— Здорово, мясник! — Доктор Филип Хаксли положил на стол коробочку с игральными костями, которую вертел в руках, и ногой пододвинул стул. — Садись.

Доктор Коуберн, демонстративно проигнорировав это приветствие, отдал свой желтый плащ и промокшую шляпу негру-гардеробщику факультетского клуба, уселся на стул и возмущенно заявил:

— Слышал, Пит? Этот знахарь, возомнивший себя психологом, имеет наглость называть меня, дипломированного врача, хирурга, мясником!

— Осторожно, Пит, не давай ему запудрить тебе мозги, — сказал Хаксли. — Если доктор Коуберн заманит тебя в операционную, он вскрыет тебе череп просто из любопытства — чтобы посмотреть, что там у тебя тикает. А потом сделает себе из него пепельницу.

Lost Legacy, 1941

* «Книга пророка Иезекииля», гл. 12, ст. 2.

Негр ослабился, вытирая столик, но ничего не ответил.

Коуберн хмыкнул и покачал головой:

— И мне приходится выслушивать такое от знахаря! Все ищешь Человечка, Которого Не Было, Фил?

— Если ты говоришь о парапсихологии, то да.

— Ну и как успехи?

— Неплохо. В этом семестре у меня, слава Богу, поменьше лекций. Ужасно надоело объяснять наивным желторотикам, как мы мало знаем о том, что у нас в котелках варит. Хочу заняться наукой.

— Наукой все хотят заняться. Набрел на что-нибудь стоящее?

— Похоже. Сейчас вот развлекаюсь с одним студентом с юридического — Вальдесом.

Коуберн поднял брови:

— Ну и? Что-то интересное?

— Вроде. Он немного ясновидящий. Если видит одну сторону предмета, то и другую тоже видит.

— Вздор!

— «Если ты такой умный, почему бедный?» Я проверял его очень тщательно: он действительно может видеть невидимое.

— Хм... Как говаривал мой покойный дедушка Стоунбендер: «У Бога много козырей в рукаве, он не все на стол выкладывает». Да, с твоим студентом я бы в покер играть не сел.

— Между прочим, он профессиональный игрок. Поэтому и сделал ставку на юридический факультет.

— Ты выяснил, как ему удаются эти фокусы?

— Нет, черт побери! — Хаксли озабоченно забарабанил пальцами по столу. — Будь у меня хоть немного денег, я бы собрал достаточно материала, чтобы начать серьезную работу. Помнишь, каких результатов Райн добился в Дьюке?

— Так почему бы тебе не поднять шум? Пойди в совет и выбей из них деньги. Скажи, что ты прославишь Западный университет.

Хаксли помрачнел еще больше.

— Не выйдет. Я говорил с деканом; он даже не разрешает мне обсудить этот вопрос с ректором. Боится, что старый олух прижмет факультет еще больше.

Понимаешь, официально мы считаемся бихевиористами *. Любой намек на то, что в сознании есть нечто необъяснимое с точки зрения физиологии или механики, воспримут с таким же удовольствием, как сенбернара в телефонной будке.

На стойке у гардеробщика зажегся красный телефонный сигнал. Он выключил передачу новостей и снял трубку.

— Алло... Да, мэм, есть. Сейчас позову. Вас к телефону, доктор Коуберн.

— Переключи сюда. — Коуберн повернул видеофон экраном к себе; на нем появилось лицо молодой женщины. Хирург поднял трубку: — Что там? И давно это случилось?... Кто ставил диагноз?... Прочитайте еще раз... Покажите-ка мне историю болезни. — Он внимательно изучил картинку на экране, затем сказал: — Хорошо. Сейчас выхожу. Готовьте больного к операции.

Коуберн выключил видеофон и повернулся к Хаксли:

— Придется идти, Фил. Несчастный случай.

— Какой?

— Тебе будет интересно. Трепанация черепа. Возможно частичное иссечение головного мозга. Автомобильная авария. Идем, посмотришь, если у тебя есть время.

Говоря это, он надел плащ, затем повернулся и размашистым шагом вышел через заднюю дверь. Хаксли схватил свой плащ и поспешил следом.

— А почему, — спросил он, поравнявшись с другом, — им пришлось тебя искать?

— Я оставил радиотелефон в другом костюме, — ответил Коуберн. — Специально: хотел немножко отдохнуть. Не повезло.

Они быстро шагали на северо-запад по галереям и проходам, соединявшим студенческий клуб с научным комплексом, игнорируя слишком медленно ползущие пешеходные дорожки. Но, добравшись до конвейерно-

* Бихевиоризм — одно из направлений американской психологии. Основным предметом психологии считает не сознание, а поведение, т. е. реакции на внешние раздражители (стимулы).

го туннеля под Третьей авеню напротив Медицинского института Поттенгера, обнаружили, что он затоплен, и были вынуждены сделать крюк до туннеля на Фэрфакс-авеню. Коуберн, как человек справедливый, ругательски ругал всех подряд, стараясь никого не забыть: и инженеров, и комиссию по планированию, и торговую палату, — за то, что Южную Калифорнию весной то и дело заливают жуткие дожди.

Они сняли мокрые плащи в ординаторской и пошли в хирургическую раздевалку. Санитар помог Хаксли надеть белые шаровары и полотняные чехлы на ботинки. Коуберн предложил Филу вымыть руки, чтобы он мог вблизи наблюдать за операцией. Ровно три минуты, по маленьким песочным часам, они драили руки едким зеленым мылом, а затем молчаливые ловкие медсестры надели на двух друзей халаты и перчатки. Хаксли чувствовал себя неловко оттого, что ему помогала одеваться медсестра: ей пришлось встать на цыпочки, чтобы натянуть рукава халата. Наконец, подняв руки в перчатках, словно держа на них моток пряжи, друзья прошли через стеклянную дверь в третью операционную.

Больной уже лежал на столе с приподнятой и зафиксированной головой. Кто-то щелкнул выключателем, и спящий бело-голубой круг высветил единственную не закрытую простынями часть тела — правую половину черепа. Коуберн окинул взглядом операционную; Хаксли тоже огляделся вокруг: светло-зеленые стены, две операционные сестры, совершенно бесполое в своих халатах, масках и шапочках; санитарка, суеющая в углу; анестезиолог; приборы, регистрирующие дыхание и пульс пациента.

Медсестра приподняла историю болезни так, чтобы хирург мог ее прочитать. По просьбе Коуберна анестезиолог на миг приоткрыл лицо больного. Смуглые впалые щеки, орлиный нос, глубоко посаженные, закрытые глаза. Хаксли с трудом удержался от восклицания. Коуберн удивленно поднял брови:

- В чем дело?
- Это Хуан Вальдес!
- Ты его знаешь?

— Да я же тебе говорил — студент с юридического, ясновидящий.

— Хм... На сей раз острый глаз подвел его. Повезло еще, что жив остался. Фил, стань туда, тебе будет лучше видно.

Коуберн отключился, забыв о присутствии Хаксли и сосредоточив все свои интеллектуальные способности на искалеченной плоти, лежащей перед ним. На черепе была вмятина — по-видимому, след резкого удара о какой-то твердый предмет с тупыми углами. Над правым ухом виднелась небольшая рана. До обследования невозможно было сказать, сильно ли пострадала костная структура и сам мозг.

Поверхность раны промыли, сбрили вокруг нее волосы и смазали кожу йодом. Рана обозначилась в виде четкого отверстия в черепе. Оно слегка кровоточило и было заполнено тошнотворной смесью из запекшейся темной крови, белой ткани, серого вещества и желтоватого вещества.

Тонкие длинные пальцы хирурга в светло-оранжевых перчатках осторожно и проворно двигались в ране, как будто жили и действовали сами по себе. Они убрали разрушенную ткань с обломками кости, иссекли поврежденную твердую мозговую оболочку и серую мозговую ткань. Ткань погибла совсем недавно, и составляющие ее клетки еще не ощутили этого.

Хаксли заворожила мини-драма, разыгравшаяся у него перед глазами; он потерял счет времени и не мог бы восстановить в памяти последовательность операции. Он помнил только краткие приказы медсестре: «Зажим!», «Ранорасширитель!», «Тампон!» Помнил звук крохотной пилы, глуховатый вначале и противный, как у бормашины, потом, когда пила врезалась в живую кость. Помнил, как хирург осторожно уложил выпателем поврежденные мозговые извилины. Не веря в реальность происходящего, Фил смотрел, как скальпель вонзается в разум, строгают тонкую стенку рассудка.

Медсестра трижды стирала пот с лица хирурга.

Воск сделал свое дело. Вителлиевый сплав заменил кость, повязка предотвратит инфекцию. Хаксли наблюдал бессчетное количество операций, но сейчас опять, словно впервые, испытал то острое чувство облегчения и победы, которое появляется, когда хирург отворачивается от стола и по дороге в раздевалку начинает снимать перчатки.

Выйдя из операционной, Фил увидел, что Коуберн уже сбросил маску и шапочку и пытается достать сигарету из кармана под халатом. Хирург снова стал обыкновенным человеком. Улыбнувшись, Коуберн спросил:

— Ну что, понравилось?

— Здорово! Я впервые наблюдал за трепанацией так близко. Ведь из-за стекла не слишком хорошо видно, сам знаешь. А он поправится?

Коуберн посерьезнел.

— Ах да, он ведь твой друг! А я и забыл. Извини. Да, я уверен, что все будет в порядке. Он молод, силен и отлично перенес операцию. Дня через два можешь сам зайти посмотреть.

— Ты ведь удалил большую часть речевого центра. Он сможет говорить, когда поправится? Не наступит ли афазия или еще какое-нибудь расстройство речи?

— Речевой центр? Да я к нему даже не приближался!

— Что?

— Фил, в следующий раз возьми камешек в правую руку. Ты же стоял напротив меня, не помнишь? Я оперировал на правом полушарии, а не на левом.

Хаксли недоуменно вытянул перед собой руки, перевел взгляд с одной на другую, затем лицо его прояснилось, и он рассмеялся:

— Ну конечно! Знаешь, я их вечно путаю. И в бридже всю жизнь забываю, чья очередь сдавать. Но постой-ка: у меня так прочно засело в голове, что ты оперировал на левом полушарии... Я перепутал. Как ты думаешь, это скажется на его нейрофизиологии?

— Да нет, если судить по моему прошлому опыту. Он и не заметит, что у него чего-то недостает. Я оперировал в terra incognita, дружище, в неизвестной

области. Если у той части мозга, в которой я копался, и есть какая-то функция, то самые знаменитые физиологи не смогли пока выяснить, какая именно.

Глава 2

«ТРИ СЛЕПЫЕ МЫШКИ»*

Дз-з-зинь!

Джоан Фримэн машинально протянула руку и выключила звонок будильника, плотно зажмурив глаза в тщетной попытке удержать ускользающий сон. Она не сразу пришла в себя. Воскресенье. Ведь в воскресенье не нужно рано вставать. Так зачем же она поставила будильник? Внезапно все вспомнив, Джоан выскочила из постели, шлепая по прохладному полу теплыми босыми ногами. Пижама полетела на пол, а сама Джоан — под холодный душ. Взвизгнув, она включила горячую воду, потом опять холодную.

К тому времени, когда колеса машины, поднимавшейся по склону холма, зашуршали по гравию подъездной дорожки, Джоан уже успела уложить в корзинку еду и наполнить термос. Она поспешно надела кроссовки, застегнула брюки и взглянула на себя в зеркало. Неплохо. Конечно, не Мисс Америка, но и не пугало какое-нибудь.

Послышался стук в дверь, звонок в дверь и баритон — все разом. Баритон спросил:

— Джоан! Ты одета?

— Почти. Заходи, Фил.

За Хаксли, одетым в слаксы и тенниску, шел другой мужчина. Хаксли представил их друг другу:

— Джоан, это Бен Коуберн, доктор Бен Коуберн. Доктор Коуберн, это мисс Фримэн.

— Я чрезвычайно признателен вам, мисс Фримэн, за то, что вы разрешили мне приехать.

— Не стоит благодарности, доктор. Фил так много рассказывал мне о вас, что я просто жаждала познакомиться.

* Детская английская песенка, упоминающаяся также в пьесе А. Кристи «Мышеловка».

Поток светских условностей лился легко и естественно, словно заученное наизусть ритуальное песнопение.

— Джоан, называй его Беном. Сбей с него спесь.

Пока Джоан и Фил укладывали в машину вещи, Коуберн осматривал жилище девушки. Отделанная сосновыми панелями большая комната, огромный, но уютный камин, полки беспорядочно заставлены книгами — в общем, можно составить представление о личности хозяйки. Он прошел через открытую застекленную дверь в крошечный дворик, мощенный кирпичами, поросшими мхом. Во дворике стоял шандал для жарки мяса, маленький пруд в углу блестел в лучах утреннего солнца. Бен услышал, как его зовут:

— Док! Поторапливайся! Время не ждет!

Он еще раз оглядел дворик и вернулся к машине.

— Мне нравится ваш дом, мисс Фримэн. Зачем уезжать с Бичвуд-драйв, если в Гриффит-парке ничуть не лучше?

— Как это зачем? Если остаться дома, получится не пикник, а просто завтрак. Зовите меня Джоан.

— А можно как-нибудь напроситься к вам на «просто завтрак»?

— Отшей этого типа, Джоан, — театральным шепотом посоветовал Фил. — У него грязные намерения.

Джоан собрала остатки еды. Три большие обглоданные кости, бывшие недавно толстыми аппетитными бифштексами, оберточная бумага и завалявшаяся булочка полетели в костер. Джоан встряхнула термос. В нем забулькали остатки жидкости.

— Хотите еще грейпфрутового сока? — предложила она.

— А кофе есть? — спросил Коуберн и вновь обернулся к Хаксли: — Так, говоришь, его дар ясновидения совсем пропал?

— Сколько угодно, — сказала Джоан. — Наливайте сами.

Доктор налил кофе себе и Хаксли. Фил ответил:

— Совершенно пропал, я уверен. Вначале я думал, что это нервный шок после операции; попробовал под

гипнозом, но результат все равно оказался отрицательным. Джоан, ты прекрасная повариха. Усынови меня!

— Ты уже совершеннолетний.

— Я выдам ему свидетельство о недееспособности, — предложил Коуберн.

— Незамужним женщинам не разрешают никого усыновлять.

— А вы выходите за меня замуж, и все будет в порядке. Мы вместе его усыновим, и вы будете готовить на троих.

— Ну, не скажу, что я согласна, но и не скажу, что не согласна. Скажу только, что за сегодняшний день это пока самое лучшее предложение. О чем вы говорили между собой?

— Заставь его сделать тебе предложение в письменном виде, Джоан. Мы говорили в Вальдесе.

— Ах да, ты же собирался протестировать его вчера. Ну и как?

— Дохлый номер, если иметь в виду его способность к ясновидению. Она пропала.

— Хм-м... А контрольные тесты?

— Тест темперамента по Хамм-Водсворту дал тот же результат, что и до несчастного случая, с поправкой на точность методики. Коэффициент умственных способностей в пределах нормы. Ассоциативные тесты тоже ничего нового не показали. По всем стандартам он остался той же самой личностью, если не считать двух моментов: в коре его головного мозга не хватает кусочка, и он больше не может видеть невидимое. Кстати, он недоволен тем, что потерял этот дар.

Они помолчали; потом Джоан спросила:

— По-видимому, это окончательно, да?

Хаксли повернулся к Коуберну:

— Как ты считаешь, Бен?

— Трудно сказать. Ты хочешь заставить меня признать, что та часть серого вещества, которую я вырезал, дает способность к ясновидению — не подтвержденную, кстати, ортодоксальной теорией медицины?

— Ничего я не хочу. Просто пытаюсь понять.

— Хорошо. В таком случае, если предположить, что все твои первоначальные данные тщательно проверены, а условия опыта абсолютно корректны...

— Так оно и есть.

— ...и что последующие отрицательные результаты проверены не менее тщательно...

— Ну разумеется! Черт возьми, да я целых три недели работал, все перепробовал!

— Тогда выводы напрашиваются сами собой. Во-первых, — Бен начал разгибать пальцы, — наш субъект мог видеть без участия физических органов зрения; а во-вторых, эта необычная, мягко говоря, способность каким-то образом связана с участком мозга правого полушария.

— Браво! — внесла свою лепту в обсуждение Джоан.

— Спасибо, Бен, — поблагодарил Фил. — Я, разумеется, пришел к тому же выводу, но все-таки приятно услышать подтверждение своим мыслям.

— Ну хорошо, а дальше что?

— Да не знаю. В общем-то я стал заниматься психологией по той же причине, по которой другие уходят в религию: потому что чувствовал непреодолимое желание понять себя самого и окружающий мир. Когда я был студентом, мне казалось, что современная психология даст мне ответы на все вопросы. Но скоро я понял, что величайшие психологи мира сами ни черта не понимают. Я отнюдь не охаиваю проделанную ими работу: она была необходимой и по-своему полезной. Только никто из них так и не узнал, что такое жизнь, что такое мышление, существует ли свобода воли или она не более чем иллюзия, а также есть ли какой-нибудь смысл в этом последнем вопросе. Лучшие из ученых сознаются в своем невежестве, худшие — цепляются за абсурдные догмы. Некоторые бихевиористы, например, считают, что если Павлов мог вызвать слюноотечение у собаки при звоне колокольчика, то они понимают, как Падеревский * писал музыку!

Джоан, которая молча лежала под большим дубом и слушала мужчин, спросила:

— Бен, вы ведь нейрохирург, верно?

— Один из лучших, — заверил ее Фил.

* Падеревский, Игнацы Ян (1860—1941) — польский пианист и композитор.

— Вы видели разные мозги, и видели их живьем, в отличие от большинства психологов. Как вы считаете, что такое мышление? С вашей точки зрения, что у нас там тикает?

Он усмехнулся.

— Сдаюсь, детка! Понятия не имею. Это не мое дело, я всего лишь ремесленник.

Она села.

— Дай-ка мне сигаретку, Фил. Я, в общем-то, в том же тупике, что и Фил, только пришла туда другим путем. Отец хотел, чтобы я изучала юриспруденцию. Скоро я поняла, что меня больше интересуют законы, лежащие за пределами законов человеческих, и перешла на философский факультет. Но философия не дала мне ответа. В философии на самом-то деле ничего нет. Вы когда-нибудь ели сладкую вату, которую продают на ярмарках? Ну так философия вроде этой ваты: выглядит внушительно, красивая такая, приятная на вид; но когда попробуешь укусить — там одна пустота, и ты глотаешь свою же слюну. Философия — всего лишь игра словами, и смысла в ней не больше, чем в щенячьей погоне за собственным хвостом.

Я уже должна была защищать диплом на философском факультете, но бросила его, перешла на естественный и занялась психологией. Думала, что если буду терпеливой и усидчивой девочкой, то все узнаю. К чему это привело, Фил уже рассказал. Я стала подумывать: может, заняться медициной или биологией... Но вы, Бен, разбили последние иллюзии. Может, вообще не стоит учить женщин читать и писать?

Бен рассмеялся.

— У нас получается нечто вроде коллективной исповеди в сельской церкви. Давайте уж и я признаюсь. Наверное, большинство медиков вначале хотят узнать о человеке все, в том числе и чем он думает. Но это обширная проблема, окончательные ответы все время ускользают. Кроме того, всегда так много рутины, и она так заедает, что перестаешь интересоваться вечными вопросами. Мне по-прежнему хотелось бы знать, что такое жизнь, мышление и так далее. Но я вспоминаю о подобных материях, только когда у меня бессонница. Фил, а ты и правда всерьез собираешься заняться этим?

— В общем, да. Я собираю данные о всяких явлениях, которые противоречат ортодоксальной психологии. Все, что называют парапсихологией: телепатия, ясновидение, яснослышание, левитация, йога, стигматы и прочее.

— Разве многие из этих вещей нельзя объяснить естественными причинами?

— Конечно, можно. Потом можно вывернуть наизнанку общепринятую теорию, наплевать на статистический закон вероятности и объяснить почти все остальное. А потом объявить то, что останется, шарлатанством, излишней доверчивостью и самогипнозом, плюнуть на все и завалиться спать!

— Бритва Оккама, — пробормотала Джоан.

— А?

— Бритва Уильяма Оккама *. Так называется один принцип в логике: если факты объясняются двумя гипотезами, выбирай более простую. Когда ученый-традиционалист вынужден вывернуть наизнанку общепринятую теорию, так что она начинает напоминать фантазии Руба Голдберга **, он тем самым игнорирует принцип бритвы Оккама. Казалось бы, гораздо проще выдвинуть новую гипотезу, чтобы она объяснила все факты, чем выворачивать наизнанку старую, которая, кстати, и не обязана их объяснять, ибо они находятся вне ее сферы. Но ученые любят свои теории больше, чем жен и детей.

— И подумать только, — с восхищением сказал Хаксли, — какие мысли бродят под этим перманентом!

— Бен, подержите его, я побью его термосом!

— Извини. Душенька, ты совершенно права. Я решил наплевать на теории и изучать экстраординарные явления как самые обычные факты. Посмотрим, куда меня это приведет.

* Оккам, Уильям (ок.1285—1349) — английский философ-схоласт.

** Голдберг, Руб (1883—1970) — американский карикатурист, особенно прославившийся своими «Сумасшедшими изобретениями», где всякие причудливые и сложные механизмы приспособлялись для выполнения простейших операций. Его имя стало нарицательным для обозначения ненужного усложнения простых по сути вещей.

— И что за материал ты нарыл? — спросил Бен.

— Да всего понемножку — факты, слухи. Кое-что — правда, очень небольшое — удалось проверить в лабораторных условиях, как в случае в Вальдесом. Вы, конечно, слыхали, какие чудеса приписывают йоге. А в западном полушарии их воспроизвести почти не удастся — веский довод против чудес, верно? И все-таки компетентные и трезвомыслящие наблюдатели засвидетельствовали в Индии немало необъяснимых явлений — телепатию, точные предсказания, ясновидение, хождение по раскаленным углям и всякое другое.

— А почему ты включил в парапсихологию хождение по углям?

— Потому что тут действуют какие-то тайные механизмы, с помощью которых сознание управляет телом и другими предметами.

— Хм-м...

— Эта мысль кажется тебе более странной, чем то, что ты можешь заставить свою руку почесать в затылке? Мы одинаково мало знаем о механизме действия силы воли как в первом случае, так и во втором. Возьми, например, островитян с Огненной Земли. Они спят голые на земле даже при нулевой температуре. А ведь человеческое тело не может приспособливаться абсолютно к любым условиям. Не встроен в него такой механизм — это тебе любой физиолог скажет. Если обнаженный человек находится при нуле градусов на улице, он должен двигаться — иначе он умрет. Но островитяне ничего не знают о метаболизме — они просто спят, и им уютно и тепло.

— Пока ты ходишь лишь кругом да около. Если весь твой материал такой же, то с моим дедушкой Стоунбендером случались чудеса и похлеще.

— Сейчас дойду до сути. Не забудь о Вальдесе.

— А что было с дедушкой Бена? — поинтересовалась Джоан.

— Джоан, в присутствии Бена ничем невозможно похвастаться. Сразу выясняется, что его дедушка Стоунбендер все то же самое делал быстрее, проще и лучше.

Коуберн печально взглянул на друга: на больных, мол, не обижаются.

— Ну, Фил, ты меня удивляешь. Если бы я сам не был Стоунбендером, и к тому же человеком терпимым, я бы оскорбился. Принимаю твои извинения.

— Так вот, ближе к делу. Про Вальдеса вы знаете. А еще в моем родном городе Спрингфилде, штат Миссури, был человек с часами в голове.

— Как это?

— А так: он знал точное время, не глядя на часы. Если ваши часы показывали не то, что он говорил, они оказывались неисправными. Кроме того, он молниеносно считал — давал немедленный ответ на самые сложные арифметические задачи. Правда, что касается остального, то он был слабоумным.

Бен кивнул.

— Довольно распространенное явление — одаренные кретины.

— Приклеивание ярлыка ничего не объясняет. Некоторые люди со странными способностями действительно слабоумные, но далеко не все. Я думаю, умных среди них гораздо больше, просто мы редко слышим о них. У людей умных хватает сообразительности, чтобы понять, что общество начнет досаждать им или даже преследовать их, если обнаружит, что они не похожи на окружающих.

Бен опять кивнул.

— Что-то в этом есть, Фил. Продолжай.

— Многие люди с невероятными способностями были вполне нормальными. Например, Борис Сайдис...

— Этот мальчик-вундркинд, да? Но он же вырос и растерял все свои таланты!

— Возможно. Хотя мне кажется, он просто ушел в тень и не хочет, чтобы другие знали, что он чем-то от них отличается. У него было множество удивительных способностей. Например, абсолютная память: он запоминал страницу текста, едва взглянув на нее. А помните Слепота Тома, пианиста-негра? Ему достаточно было лишь раз услышать какое-то произведение, чтобы его сыграть. Другой пример: несколько лет назад в округе Лос-Анджелес один парнишка играл в пинг-понг и прочие подобные игры с завязанными глазами. Я сам его проверял — он и вправду мог это делать. А еще был Мгновенное Эхо.

— Ты мне *никогда* о нем не говорил, — заметила Джоан. — Что он делал?

— Он мог воспроизвести твою речь, используя твои же слова и интонацию, на любом языке, даже если и не знал этого языка. И настолько точно, что со стороны никто бы не разобрал, где ты говоришь, а где он. Он имитировал твою речь так же быстро и легко, как тень следует за движениями тела.

— Подумать только! Это трудно объяснить теорией бихевиоризма. А ты не сталкивался со случаями левитации, Фил?

— У людей — нет. Хотя я видел одного местного медиума — правда, не профессионала. Славный парнишка, бывший мой сосед. Так вот, он взглядом поднимал в воздух разные предметы у меня в комнате. Клянусь, я в тот день не пил. Либо это было на самом деле, либо он меня загипнотизировал, как хотите. Кстати о левитации: знаете, что говорили о Нижинском?

— И что же?

— Говорили, что он летал. И у нас, и в Европе тысячи людей (те, что не умерли во время войны) могут засвидетельствовать, что в балете «Видение розы» он подпрыгивал, зависал на какое-то время в воздухе, а потом опускался. Называйте это массовой галлюцинацией, если хотите; правда, сам я этого не видел.

— И опять бритва Оккама, — сказала Джоан.

— То есть?

— Массовую галлюцинацию объяснить еще труднее, чем полет одного человека в течение нескольких секунд. Существование массовых галлюцинаций еще никто не сумел доказать, и списывать на них все из ряда вон выходящие факты — значит уподобиться тому деревенскому простаку, который, увидев впервые в жизни носорога, заявил: «Не бывает такой животной!»

— Может, и так. Если хочешь, Бен, я еще расскажу о всяких фокусах. У меня миллион таких историй.

— А как насчет прорицателей и телепатов?

— То, что телепатия существует, неопровержимо доказывают опыты доктора Райна, правда, ничего не объясняя. Да и до него ее наблюдали сотни людей, и так часто, что сомневаться в ее существовании просто

нелепо. Например, Марк Твен. Он описывал случаи телепатии за пятьдесят лет до Райна, причем со всеми подробностями и документами. Конечно, он не ученый, но у него был здравый смысл, и пренебрегать его свидетельством не стоит. И свидетельством Эптона Синклера тоже. С прорицателями несколько сложнее. Все слышали множество историй о том, как сбывались разные предчувствия, но в большинстве случаев они бездоказательны. Можете почитать «Эксперимент со временем» Дж. В. Данна — это настоящий научный отчет о видениях прорицателей во время специального эксперимента.

— Фил, а дальше-то что? Ты же не просто собираешь факты из серии очевидное-невероятное?

— Конечно, не просто. Но мне пришлось собрать кучу данных, прежде чем удалось сформулировать рабочую гипотезу. Сейчас она у меня есть.

— Вот как?

— Ты мне ее подсказал, оперируя Вальдеса. У меня и раньше были подозрения, что люди с необычными и на первый взгляд невероятными способностями случайно раскрыли в себе потенциальные возможности, заложенные в каждом из нас. Скажи-ка, когда ты вскрыл череп Вальдеса, ты заметил внешне что-нибудь необычное?

— Нет. Если не считать раны, ничего особенного.

— Хорошо. Тем не менее, после того как ты удалил поврежденную часть мозга, Вальдес утратил способность к ясновидению. Ты вырезал кусочек мозга из той доли, функции которой неизвестны. Для современной психологии и физиологии многие участки головного мозга — белые пятна с точки зрения функций. Но ведь нелепо предполагать, что самый высокоразвитый и наиболее специализированный человеческий орган имеет доли, не несущие никаких функций. Гораздо логичнее предположить, что мы о них просто ничего не знаем. И все-таки у некоторых людей удаляют немалые доли мозга, и при этом никаких заметных нарушений умственной деятельности у них не происходит, если сохраняются участки, контролирующие нормальные физиологические функции.

В данном случае, с Вальдесом, мы обнаружили прямую связь между неисследованной долей мозга и необычной способностью, а именно ясновидением. Моя рабочая гипотеза как раз отсюда и исходит: потенциально у всех нормальных людей имеются все (или почти все) необычные способности — телепатия, ясновидение, особый математический дар, умение управлять своим телом и его функциями и так далее. И центры, контролирующие эти потенциальные способности, размещаются в неисследованных участках мозга.

Коуберн поджал губы.

— М-м-м... ну, не знаю. Если у нас у всех такие чудесные способности, почему тогда мы не можем их использовать?

— Я пока ничего не утверждаю. Это же рабочая гипотеза! Но я приведу аналогию. Эти способности не похожи на зрение, слух и осязание, которыми мы бессознательно пользуемся с рождения. Они скорее похожи на способность к речи; в нашем мозгу с рождения есть особые центры речи, но эту способность нужно развивать. Как ты думаешь, если ребенка будут воспитывать глухонемые, научится он разговаривать? Да ни в жизнь! Он тоже будет казаться глухонемым.

— Сдаюсь, — признался Коуберн. — Ты выдвинул гипотезу и достаточно убедительно обосновал ее. Но как ее проверить? Не вижу, за что тут можно уцепиться. Очень интересная догадка, но без рабочей методики она так и останется догадкой.

Хаксли перевернулся на спину и с несчастным видом посмотрел сквозь ветви деревьев на небо.

— В том-то вся и загвоздка. Я потерял свой самый лучший образец необычной способности... Теперь не знаю, с чего начать.

— Но, Фил, — возразила Джоан, — тебе ведь нужны нормальные люди. Это у них ты должен выявить особые таланты. Я думаю, это просто замечательно! Когда мы начинаем?

— Что начинаем?

— Да опыты со мной, конечно же! Возьми хотя бы способность к молниеносным подсчетам. Если ты помо-

жешь мне развить ее, я буду считать тебя волшебником. На первом курсе я завалила алгебру. А таблицу умножения не знаю до сих пор!

Глава 3

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК САМ СЕБЕ ГЕНИЙ

— Ну что, начнем? — спросил Фил.

— Нет, подожди, — возразила Джоан. — Давай сначала спокойно выпьем кофе. Пусть обед уляжется! Мы уже две недели не видели Бена. Я хочу послушать о том, что он делал в Сан-Франциско.

— Спасибо, душенька, — отозвался хирург, — но лучше уж я послушаю о Безумном Ученом и его Трильби *.

— Да какая там Трильби! — запротестовал Хаксли. — Она попросту самонадеянная нахалка. И все-таки кое-что мы можем показать тебе, док.

— Правда? Интересно! Что же?

— Ну, ты помнишь, в первые два месяца особых сдвигов не наблюдалось. Но мы не сдавались. У Джоан проявилась некоторая способность к телепатии, только она оказалась непостоянной. Что же до математики, таблицу умножения она выучила, зато с треском провалилась на молниеносных подсчетах.

Джоан вскочила, прошла между врачами и камином и направилась в свою крохотную встроенную кухню.

— Я помою посуду и поставлю в сушилку, а то муравьи напоззут. Говорите погромче, чтобы мне тоже было слышно.

— Так что же Джоан умеет теперь делать, Фил?

— Не скажу. Подожди — сам увидишь. Джоан! Где карточный столик?

— За кушеткой. И не ори так, я тебя прекрасно слышу с тех пор, как обзавелась слуховой трубкой для бабушек-щеголих.

* «Трильби» — роман Жоржа Дюморье, впервые опубликованный в 1894 г. и очень в свое время популярный. Героиню романа Трильби под гипнозом научил петь Свенгали и сделал ее великой певицей. Когда ее учитель умер, этот дар у Трильби пропал.

— Ладно, детка, нашел. Карты на месте?

— Да. Я сейчас приду.

Она вернулась в комнату, на ходу сняла веселенький цветастый передник, забралась на кушетку и улеглась, обхватив колени руками.

— Великий комик, Голливудский вампир готов! Все видит, все знает, а говорит еще больше. Предсказываем будущее, дерем зубы, культурно развлекаем всю семью!

— Перестань паясничать. Начнем с простой телепатии. Сосредоточься, пожалуйста. А ты, Бен, сними карты. Коуберн снял.

— А теперь что?

— Сдавай их по одной — так, чтобы мы с тобой видели, а Джоан нет. Называй, малышка.

Бен начал медленно сдавать. Джоан монотонно заговорила:

— Семерка бубновая; червовый валет; червовый туз; тройка пик; десятка бубновая; шестерка трефовая; десятка пиковая; восьмерка трефовая...

— Бен, я впервые в жизни вижу тебя удивленным.

— Так ведь она назвала всю колоду без единой ошибки! Даже у дедушки Стоунбендера не получилось бы лучше!

— Высокая оценка, дружище. Давай попробуем по-другому. Я отвернусь и не буду смотреть на карты. Не знаю, что получится: мы всегда работали с ней вдвоем. Теперь попробуй ты.

Через несколько минут Коуберн положил последнюю карту.

— Здорово! Ни одной ошибки.

Джоан встала и подошла к столу.

— А почему в этой колоде две червовые десятки? — Она вытащила из колоды карту. — Ага! Ты думал, седьмая карта — червовая десятка, а это бубновая десятка. Видишь?

— Верно, — согласился Бен. — Извини, что я сбил тебя с толку. Здесь довольно темно.

— Джоан больше озабочена художественным эффектом освещения, чем собственным зрением, — объяснил Фил. — Я рад, что так случилось; это доказывает, что она применяла телепатию, а не ясновидение. Теперь попробуем немножко математику. Опустим эле-

ментарное, вроде кубических корней, сложения и логарифмов гиперболических функций. Можешь поверить мне на слово: все это для нее семечки. Позже, если захочешь, проверишь сам. Мы продемонстрируем тебе кое-что получше. Тут тебе и скоростное чтение, и абсолютная память, и работа с немыслимым количеством перестановок и сочетаний, и математический поиск выбора. Ты пасьянс умеешь раскладывать, Бен?

— Ну конечно.

— Тогда хорошенько перемешай карты и разложи пасьянс Кэнфилда * слева направо, а потом раскрывай из оставшейся колоды до тех пор, пока не застрянешь.

— Ладно. А в чем тут смысл?

— Когда пасьянс застопорится, стасуй колоду разок и подними карты по одной так, чтобы Джоан быстро взглянула на картинку. Потом подожди минутку.

Коуберн молча сделал все, что его просили. Джоан сказала:

— Придется тебе повторить, Бен. Я вижу только пятьдесят одну карту.

— Наверное, две слились. Постараюсь поаккуратнее. Он повторил процедуру.

— Теперь пятьдесят две. Хорошо.

— Ты готова, Джоан?

— Да, Фил. Поехали, складывай: черви на шестерку, бубны на четверку, пики на двойку, трефы не трогай.

Коуберн взглянул с недоверием.

— Ты хочешь сказать, что пасьянс сойдется?

— Попробуй и увидишь.

Бен начал медленно собирать пасьянс. В одном месте Джоан его прервала.

— Нет, сюда лучше положи кучку с червовым королем, а не с пиковым. Если положишь пикового короля, то откроется трефовый туз, но как минимум три червовые карты окажутся недоступными.

Коуберн ничего не сказал, но последовал ее совету. Она еще дважды останавливала его и предлагала другой выбор.

Пасьянс сошелся в точности так, как она предсказала.

* Кэнфилд, Ричард (1855—1914) — американский коллекционер, игрок и владелец игорных клубов. Одна из разновидностей пасьянса была названа в его честь.

Коуберн взъерошил волосы и уставился на карты.

— Джоан, — спросил он смиренно, — у тебя головка не бо-бо?

— От этой чепухи? Да тут и думать-то не о чем.

— Знаешь, — серьезно проговорил Хаксли, — мне кажется, она действительно не напрягалась. Насколько я могу судить, мыслительный процесс совсем не требует потребления энергии. Очевидно, любой человек способен правильно думать без усилия. У меня есть подозрение, что как раз ошибочное мышление вызывает головную боль.

— Но, черт подери, как она это делает, Фил? Да у меня голова начинает болеть, как только я представляю себе, сколько времени ушло бы на решение этой проблемы обычными математическими методами!

— Не знаю, как она это делает. И она сама не знает.

— Тогда как же она научилась этому?

— Об этом поговорим позже. Сначала посмотри наш коронный номер.

— Нет, больше не могу. Я и так обалдел.

— Тебе понравится.

— Погоди-ка, Фил. Я сам хочу провести эксперимент. С какой скоростью Джоан читает?

— С мгновенной.

— Хм... — Бен вытащил из кармана пиджака пачку листов с напечатанным текстом. — У меня здесь второй экземпляр статьи, которую я сейчас пишу. Пусть Джоан прочтет страничку. Ладно, Джоан?

Коуберн вынул одну страницу из середины и протянул Джоан. Она мельком взглянула на нее и отдала ему. Он недоуменно спросил:

— В чем дело?

— Ни в чем. Проверь, я начинаю. — И она быстро забубнила: — Страница четыре: ...согласно Каннингэму, издание пятое, страница 547, «...другой пучок волокон, а именно *fasciculus spinocerebellaris* * (задний), проходящий вверх в боковой *funiculus medulla spinallis* **, постепенно уходит из этой части *medulla oblongata* ***. Этот участок лежит на поверхности, и он...»

* Пучок цереброспинальный (лат.).

** Пучок нервных волокон спинного мозга (лат.).

*** Продолговатый мозг (лат.).

— Довольно, Джоан, остановись. Бог знает, как тебе это удалось, но ты за долю секунды прочла и запомнила целую страницу, напичканную специальными терминами. — Он лукаво улыбнулся: — Однако на некоторых словах ты слегка спотыкалась. А дедушка Стоунбендер произнес бы все без запинки!

— Чего ты хочешь? Я не понимаю значения половины слов!

— Джоан, как ты научилась всему этому?

— Честное слово, доктор, не знаю. Это вроде того, как учишься ездить на велосипеде: свалишься раз, другой, третий, а потом в один прекрасный день садишься и едешь как ни в чем не бывало. А через неделю едешь уже без руля и пробуешь всякие трюки. Вот так и со мной случилось — я знала, чего хочу, и в один прекрасный день научилась. Давайте продолжим, а то Фил уже нервничает.

Коуберн погрузился в задумчивое молчание и безропотно позволил Хаксли подвести себя к письменному столу в углу комнаты.

— Джоан, можно открыть любой ящик? О'кей. Бен, вытаскивай ящик, все равно какой, вынимай из него что захочешь и клади туда что душе угодно. А потом не глядя перемешай все в кучу, вытащи несколько предметов и положи в другой ящик. Я хочу исключить возможность телепатии.

— Фил, я рада, что тебя не волнует, какой кавардак будет у меня в столе. Мои бесчисленные секретарши с наслаждением наведут там порядок, когда ты наиграешься.

— Малышка, не становись на пути у науки. А кроме того, — добавил Фил, заглянув в ящик, — здесь порядок не наводили по меньшей мере полгода. Так что особого вреда не будет.

— Ха! А чего ты хочешь, если я все свое время трачу, разучивая для тебя всякие салонные фокусы? И вообще, я знаю, где что лежит.

— Вот этого я и боюсь, а потому хочу, чтобы Бен ввел сюда элемент произвольности. Ну давай же, Бен.

Когда хирург выполнил все, о чем его просили, и закрыл ящик, Хаксли продолжил:

— Джоан, возьми карандаш и лист бумаги. Вначале перечисли все, что видишь в ящике, а потом нарисуй схему, как вещи лежат.

— Ладно.

Джоан села за стол и стала быстро записывать:

«Большая черная кожаная сумка. Шестидюймовая линейка».

Коуберн остановил ее:

— Пстой-ка. Все неверно. Я бы заметил такой большой предмет, как сумка.

Джоан наморщила лоб:

— Какой ты сказал ящик?

— Второй справа.

— Мне слышалось «верхний».

— Возможно, я оговорился.

Девушка начала снова:

«Медный ножик для бумаги. Шесть разных карандашей и еще красный карандаш. Тринадцать резинок. Перочинный ножичек с перламутровой ручкой».

— Бен, это, наверное, твой ножик. Очень хорошенький; почему я раньше его не видела?

— Я купил его в Сан-Франциско. Господи Боже, малышка! Ты же действительно не видела его!

«Один спичечный коробок с рекламой отеля сэра Фрэнсиса Дрейка. Восемь писем и два счета. Два использованных билета в театр Фолли Бурлеск».

— Доктор, ты меня удивляешь!

— Давай пиши дальше.

— Только если пообещаешь в следующий раз взять меня с собой.

«Один термометр с зажимом. Клей и корректирующая лента для пишущей машинки. Три разных ключа. Один тюбик помады «Макс Фактор № 3». Блокнот и несколько картотечных карточек, исписанных с одной стороны. Маленький коричневый бумажный пакетик, а в нем пара чулок девятого размера темно-коричневого цвета».

— А я и позабыла, что купила их; сегодня утром весь дом обыскала, хотела найти приличную пару.

— Что же ты не включила свои рентгеновские глаза, миссис Гудини *?

* Гудини, Гарри (1874—1926) — знаменитый американский иллюзионист.

Джоан страшно удивилась:

— А знаешь, мне это и в голову не пришло! Я еще не привыкла пользоваться ими.

— Есть еще что-нибудь в ящике?

— Ничего, только пачка бумаги для заметок. Секундочку: сейчас нарисую.

Минуты две она рисовала, высунув кончик языка; глаза ее перескакивали от бумаги к закрытому ящику и обратно.

— Тебе обязательно нужно смотреть в направлении ящика, чтобы увидеть, что внутри? — спросил Бен.

— Нет, но так лучше. У меня голова кружится, когда я вижу какую-то вещь, а смотрю не на нее.

Проверили содержимое ящика и как расположены в нем вещи: все совпало. Закончив проверку, доктор Коуберн молча уселся в кресло. Хаксли, задетый отсутствием реакции, не выдержал:

— Ну, Бен, что ты думаешь? Понравилось тебе?

— Ты и сам знаешь, что я думаю. Ты полностью доказал свою теорию; но я думаю о ее значении и о некоторых возможностях. Представь себе, каким это может оказаться благом для хирурга! Джоан, ты можешь видеть внутренности человеческого организма?

— Не знаю. Я еще не...

— Посмотри-ка на меня.

Она пристально посмотрела на Коуберна:

— Ой... ой, я вижу, как у тебя сердце бьется! Я вижу...

— Фил, ты можешь меня научить видеть, как она?

Хаксли потер рукой нос.

— Не знаю. Может быть...

Джоан наклонилась над шезлонгом, в котором лежал хирург.

— Не получается, Фил?

— Ни черта. Я все перепробовал, разве что молотком по черепу не стучал. Там, по-видимому, вообще нет мозгов, так что и гипнотизировать нечего.

— Не злись, лучше попробуй еще раз. Бен, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, только сна ни в одном глазу.

— Я выйду из комнаты. Может, это я тебя отвлекаю. Будь послушным мальчиком и засни — баю-бай!

Девушка вышла. Минут через пять Хаксли позвал ее:

— Иди сюда, малютка. Уснул.

Она вернулась и взглянула на Коуберна, растянувшегося на шезлонге.

— Он готов к общению со мной? — спросила Джоан.

— Да. Приготовься и ты тоже.

Она легла на кушетку.

— Ты знаешь, что мне нужно; постарайся установить связь с Беном, как только заснешь. Тебя нужно гипнотизировать, чтобы усыпить?

— Нет.

— Тем лучше — спи!

Неподвижная, совсем расслабленная, она лежала на кушетке.

— Ты под гипнозом, Джоан?

— Да, Фил.

— Можешь ли ты проникнуть в мозг Бена?

Немного помолчав, она ответила:

— Да.

— Ну и что там?

— Ничего. Вроде как пустая комната, но уютная.

Постой-ка — он приветствует меня.

— Что говорит?

— Приветствует без слов.

— Бен, ты меня слышишь?

— Ну конечно, Фил.

— Вы чувствуете друг друга?

— Да, безусловно.

— Слушайте меня внимательно, оба. Медленно проснитесь, не разрывая связи. Потом Джоан обучит Бена, как проникать взглядом в невидимое. Сможете?

— Да, Фил, сможем, — сказали они в один голос.

Глава 4

ОТПУСК

— Честное слово, мистер Хаксли, не могу понять, почему вы так упрямитесь. — Взгляд немного выпученных глаз ректора Западного университета покоился на второй пуговице жилетки Фила. — Вам были предо-

ставлены все условия для глубокой и основательной исследовательской работы над серьезными проблемами. Вас специально не перегружали преподаванием, чтобы вы могли доказать свои бесспорные способности. Вы временно исполняли обязанности заведующего кафедрой в прошедшем семестре. Однако вместо того чтобы использовать эти прекрасные возможности, вы, по вашему собственному признанию, увлеклись ребяческой игрой в бабушкины сказки и дурацкие небылицы. Видит Бог, дружище, я вас не понимаю!

Фил ответил, сдерживая раздражение:

— Но, доктор Бринкли, если позволите, я покажу вам...

Ректор поднял руку:

— Прошу вас, мистер Хаксли. Не будем повторять все сызнова. Да, кстати, я случайно узнал, что вы вмешиваетесь в работу медицинского факультета.

— Медицинского факультета! Ноги моей там не было вот уже несколько недель.

— Из совершенно достоверного источника мне стало известно, что под вашим влиянием доктор Коуберн делает операции, абсолютно игнорируя советы диагностов — между прочим, лучших диагностов на всем Западном побережье.

Хаксли постарался сохранить вежливо-равнодушный тон:

— Предположим на мгновение, что я и в самом деле оказал какое-то влияние на доктора Коуберна — я, впрочем, это отрицаю, — но можете ли вы привести хоть один пример, когда отказ доктора Коуберна следовать советам диагностов привел бы к неадекватному лечению больного?

— Дело не в этом. Дело в том, что я не могу позволить, чтобы мои сотрудники вмешивались в работу других факультетов. Вы, безусловно, не можете с этим не согласиться.

— Я не признаю, что я вмешивался в чью-то работу. Более того, я это отрицаю.

— Боюсь, придется мне самому принять решение. — Бринкли встал из-за стола и подошел к Хаксли. — Мистер Хаксли, вы разрешите мне называть вас Филипом? Люблю, чтобы мои подчиненные относились ко

мне как к другу. Я дам вам такой же совет, какой дал бы своему сыну. Через денек-другой семестр кончается. Полагаю, что вам необходим отдых. У совета возникли некоторые сомнения: стоит ли возобновлять с вами контракт, если вы до сих пор не закончили докторантуру? Я взял на себя смелость заверить совет, что вы представите диссертацию в следующем академическом году. Я совершенно уверен, что вы в состоянии сделать это, если сосредоточите свои усилия на серьезной, конструктивной работе. Уходите в отпуск, а когда вернетесь, можете представить мне тезисы диссертации. Я не сомневаюсь, что в таком случае совет не станет возражать против возобновления с вами контакта.

— Я намерен обобщить в диссертации результаты моей нынешней исследовательской работы.

Бринкли поднял брови с выражением вежливого удивления:

— Вот как? Но об это не может быть и речи, мальчик мой, вы ведь знаете! Вам действительно необходимо отдохнуть. Итак, до свидания; на случай, если мы с вами не увидимся до окончания семестра, разрешите пожелать вам приятно провести отпуск.

Когда массивная дверь закрылась за ним, Хаксли забыл о своих претензиях на светские манеры и помчался по университетскому городку, не обращая внимания ни на преподавателей, ни на студентов. Он нашел Коуберна и Джоан на их любимой скамейке, где они сидели, глядя через Ямы Ла Бри * на Уилширский бульвар.

Хаксли плюхнулся на скамейку рядом с ними. Мужчины молчали, но Джоан, не в силах сдержать нетерпение, спросила:

— Ну, Фил? Что сказал старый хрыч?

* Ямы Ла Бри — одна из достопримечательностей Лос-Анджелеса. Бывшее место раскопок, сейчас это часть парка, где выставлены реконструкции доисторических животных в натуральную величину и прочие экспонаты.

— Дайте-ка сигаретку. — Коуберн протянул ему пачку и выжидающе взглянул на друга. — Да, в общем, мало что сказал. Пригрозил уволить с работы и испортить мне научную репутацию, если я не подчинюсь и не буду плясать под его дудку. Разумеется, все это говорилось в самых любезных выражениях.

— Но, Фил, почему ты не предложил ему привести меня и показать, каких успехов ты добился?

— Я не хотел тебя впутывать; к тому же это бесполезно. Он отлично знает, кто ты такая. Он слегка проехался по поводу того, что молодым преподавателям не следует встречаться со студентками во внеслужебное время и все бубнил о высоком моральном облике университета и о наших обязательствах перед обществом.

— Ах он старый грязный козел! Да я его на куски разорву!

— Спокойно, Джоан, — мягко прервал ее Бен Коуберн. — Скажи-ка, Фил, чем именно он тебе угрожал?

— Отказался продлить контракт со мною сейчас. Хочет промурыжить меня все лето, а если осенью я приду и заблею овечкой, он, может, и продлит — если пожелает. Чтoб ему пусто было! Но чем он меня достал больше всего, так это предположением, что я сдаю и мне нужно отдохнуть.

— Ну и что ты будешь делать?

— Работу искать, наверное. Есть-то нужно.

— Преподавательскую?

— Скорее всего, Бен.

— Не слишком-то много у тебя шансов, пока официально не уволишься из университета. Тебе могут здорово подпортить репутацию. Пожалуй, в этом смысле ты ничуть не свободнее, чем профессиональный футболист.

Хаксли помрачнел. Джоан вздохнула, поглядела на болотца, окружающие Ямы. Потом, улыбнувшись, сказала:

— Давайте заманим старого шута сюда и столкнем в яму!

Коуберн улыбнулся, но ничего не ответил. Джоан пробурчала про себя что-то насчет трусливых зайцев. Коуберн обратился к Хаксли:

— А знаешь, Фил, предложение старика насчет отпуска было не таким уж дурацким. Мне и самому отпуск не помешал бы.

— Ты серьезно?

— Ну да, более или менее. Я живу здесь уже семь лет, а штата еще не знаю по-настоящему. Мне бы хотелось поехать куда глаза глядят. Можно махнуть через Сакраменто на север Калифорнии. Говорят, там чудесно. А на обратном пути можно заехать в Хай-Сьерры и в Биг Триз.

— Звучит заманчиво.

— Возьми с собой записи, по пути мы их обсудим. А если тебе понадобится что-то дописать, остановимся и подождем.

Хаксли протянул руку.

— Идет, Бен. Когда выезжаем?

— Как только закончится семестр.

— Значит, мы сможем выехать в пятницу вечером. Чью машину возьмем, твою или мою?

— Мою, двухместную. У нее большой багажник.

Джоан, которая с интересом прислушивалась к разговору, вмешалась:

— Почему твою, Бен? В двухместной машине неудобно втроем.

— Втроем? Почему втроем? Ты не едешь, светлоглазка!

— Да? Это только ты так думаешь! Вы от меня так легко от отделаетесь: я подопытный кролик.

— Но, Джоан, это чисто мужское дело.

— А меня, значит, под зад коленом?

— Джоан, мы этого не говорили. Но будет ужасно неприлично, если ты станешь шататься повсюду с двумя мужчинами...

— Трусы! Слюнтяи! Ханжи! Бойтесь за свою репутацию.

— Вовсе нет. За твою боимся.

— Неубедительно. Если девушка живет одна, у нее нет никакой репутации. Пусть она чище куска туалетного мыла, все равно сплетники разберут ее по косточкам. Чего вы испугались? Мы же не будем выезжать за границы штата.

Бен с Филом переглянулись: так глядят друг на друга мужчины, когда неразумная женщина настаивает на своем.

— Джоан, осторожнее!

Большой красный автобус из Санта-Фе вывернул из-за поворота навстречу и промчался мимо. Джоан, обогнав на своей полосе бензовоз и трейлер, обернулась к Хаксли, сидевшему на заднем сиденье.

— В чем дело, Фил?

— Да мы бы разбились в лепешку, если бы столкнулись с двадцатитонным подвижным составом из Санта-Фе!

— Не нужно нервничать; я вожу машину с шестнадцати лет и еще ни разу не попадала в аварию.

— Ничего удивительного — первая же твоя авария будет и последней. Слушай, неужели ты не можешь глядеть на дорогу? Я ведь не слишком много прошу, верно?

— Мне вовсе не обязательно смотреть на дорогу. Гляди. — Она развернулась к нему лицом: глаза были плотно закрыты. Стрелка спидометра показывала девяносто миль в час.

— Джоан! Прошу тебя!

Она открыла глаза и отвернулась.

— Да мне же не нужно глядеть, чтобы видеть. Ты меня сам научил, не помнишь, что ли?

— Да, только мне и в голову не приходило, что ты будешь проделывать такие фокусы за рулем!

— А почему бы и нет? Я самый безопасный в мире водитель: я вижу на дороге все, даже за поворотом. Если нужно, я читаю мысли других шоферов и узнаю, что они намерены делать.

— Фил, она права. Я немного понаблюдал за тем, как она ведет машину: не придерешься, я и сам не смог бы лучше. Вот почему я не нервничаю.

— Ладно, ладно, — пробурчал Хаксли. — Но вы, пожалуйста, не забывайте, супермены, что у вас на заднем сиденье есть обычный нервозный смертный, который не видит, что там, за углом.

— Я исправлюсь, — смиренно сказала Джоан. — Я не хотела пугать тебя, Фил.

— Объясни мне, Джоан, — попросил Коуберн. — Ты сейчас сказала, что не смотришь на то, что хочешь увидеть. У меня так не получается. Помню, раньше ты говорила — у тебя голова кружится, если ты смотришь назад, а видишь то, что впереди.

— Было, Бен, но я с этим справилась. И ты тоже справишься. Нужно просто перебороть старые привычки. Для меня теперь все «впереди» — вокрут, вверх и вниз. Могу сосредоточить внимание на любом направлении или на двух-трех направлениях сразу. Могу даже выбрать точку вдали от того места, где я нахожусь физически, и посмотреть на обратную сторону предмета. Но это труднее.

— Из-за вас обоих я себя чувствую чем-то вроде матери Гадкого Утенка, — с горечью сказал Хаксли. — Вы хоть помянете меня добрым словом, когда вырветесь за пределы человеческого общения?

— Бедный Фил! — воскликнула Джоан. В голосе ее звучало искреннее сочувствие. — Ты нас научил, а мы про тебя и забыли. Послушай, Бен, что я скажу: давайте сегодня вечером остановимся на стоянке — выберем какую-нибудь поспокойнее в окрестностях Сакраменто и пробудем там денька два, научим Фила тому, чему он нас научил.

— Я согласен. Хорошее предложение.

— Жутко благородно с вашей стороны, компаньоны, — язвительно заметил Фил. Тем не менее он явно обрадовался и смягчился. — А когда вы со мной закончите, я тоже сумею водить машину на двух колесах?

— Почему бы тебе не научиться левитации? — предложил Коуберн. — Это проще, не требует так много энергии, и ничего из строя не выходит.

— Когда-нибудь, возможно, и научимся, — вполне серьезно ответил Хаксли. — Неизвестно, куда заведет нас этот путь.

— Да, ты прав, — не менее серьезно сказал Коуберн. — Я уже дошел до того, что готов поверить в любое чудо света, особенно на голодный желудок. Так на чем ты первался, когда мы обгоняли бензовоз?

— Я пытался изложить тебе одну идею, которую обмозговываю в последние недели. Очень важная идея, такая важная, что самому не верится.

— Ну, выкладывай.

Хаксли начал разгибать пальцы:

— Мы доказали — или пытались доказать, — что нормальный человеческий рассудок обладает ранее неизвестными способностями, верно?

— Да, в порядке рабочей гипотезы.

— Способностями, намного превосходящими те, которые обычно использует человеческий род в целом.

— Да, безусловно. Продолжай.

— И у нас есть причины считать, что эти способности существуют благодаря участкам мозга, которым ранее физиологи не приписывали никаких функций. Иначе говоря, у них есть органическая основа, точно так же, как глаз и зрительные центры в мозгу — это органическая основа для обычного зрения.

— Да, конечно.

— В принципе, можно проследить эволюцию любого органа — от примитивного начального состояния до сложной высокоразвитой формы. Причем любой орган развивается, только если им пользуются. В эволюционном смысле функция порождает орган.

— Конечно. Это элементарно.

— Ты что, не понимаешь, что это означает?

Коуберн взглянул озадаченно; потом лицо его прояснилось. Хаксли продолжал, и в голосе звучал восторг:

— Ага, ты тоже понял? Вывод неизбежен: наверняка когда-то весь род человеческий пользовался экстраординарными способностями с такой же легкостью, как слухом, зрением или обонянием. И, конечно же, в течение долгого периода — сотен тысяч, а может быть, и миллионов лет — эти способности развивались у всего рода в целом. Не могли они развиться у отдельных индивидов, как не могут, скажем, у меня вдруг вырасти крылья. Это должно было происходить у всего рода, причем достаточно долго. Теория мутации тут тоже не годится: мутация развивается маленькими скачками и сразу проявляется на практике. Нет-нет: эти странные способности — пережиток тех времен, когда они имелись у всех людей и все пользовались ими.

Хаксли замолчал. Коуберн погрузился в глубокую задумчивость. Машина отмахала уже миль десять, а хирург не проронил ни слова. Джоан хотела что-то сказать, но потом передумала. Наконец Коуберн медленно произнес:

— Вроде ты рассуждаешь правильно. Неразумно предполагать, что большие участки мозга со сложными функциями ни на что не нужны. Но, братец, ты же переворачиваешь с ног на голову всю современную антропологию!

— Это меня беспокоило, когда я набрел на свою концепцию. Потому-то я и молчал. Ты что-нибудь знаешь про антропологию?

— Ничего. Так, какие-то пустяки, как любой медик.

— И я не знал, но всегда относился к ней с уважением. Профессор Имярек, бывало, восстановит кого-то из наших прадедушек по ключичной кости и челюсти, напишет длинную диссертацию о его духовном мире, а я заглатываю ее целиком — со всем крючком, и леской, и грузилом — и балдею от восхищения. Но в последнее время я почитал эту литературу более внимательно. Знаешь, что оказалось?

— Говори.

— Ну, во-первых, на каждого знаменитого антрополога найдется другой, не менее знаменитый, который называет первого несусветным вруном. Они не способны прийти к согласию по поводу простейших элементов своей так называемой науки. А во-вторых, у них нет почти никаких вещественных доказательств, подтверждающих их домыслы о происхождении человека. Никогда не видал, чтобы из мухи такого слона делали! Книгу пишут за книгой, а факты-то где? Даусоновский человек, синантроп, гейдельбергский человек, еще какой-то человек — вот и все находки, к тому же не целые скелеты, а так, пустяки — поврежденный череп, парочка зубов да две-три кости.

— Да ну тебя, Фил, ведь нашли же массу останков кроманьонцев!

— Верно, но они были настоящие люди. А я говорю о наших недоразвитых эволюционных предшественни-

ках! Понимаешь, я пытался найти доказательства того, что я ошибаюсь. Если развитие человека шло по восходящей кривой — сначала человекообезьяны, потом дикари, потом варвары, впоследствии создавшие цивилизацию... и все это лишь с небольшими периодами упадка — в несколько столетий, самое большее — в несколько тысячелетий... и если наша культура представляет собой наивысшую стадию, когда-либо достигнутое человечеством... Если все это верно, тогда неверна моя концепция.

Ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? Внутреннее устройство нашего мозга доказывает, что человечество в своей прошлой истории достигло таких высот, о каких мы ныне и мечтать не смеем. Каким-то образом человечество скатилось назад — скатилось так давно, что мы нигде не находим упоминания об этом факте. Звероподобные недоразвитые существа, которыми так восхищаются антропологи, не могут быть нашими предками: они слишком примитивны, слишком молоды, они появились слишком недавно. У человечества не хватило бы времени на развитие тех способностей, наличие которых мы подтвердили. Либо антропология — вздор, либо Джоан не может делать того, что мы видели.

Джоан не отреагировала. Она сидела за рулем большой машины, зажмурив глаза от солнца, и видела дорогу необъяснимым внутренним зрением.

Они провели пять дней, обучая Хаксли разным трюкам, и на шестой вновь очутились на шоссе. Сакраменто остался далеко позади. Время от времени сквозь просветы между деревьями проглядывала гора Шаста. Хаксли остановил машину на смотровой площадке, отбывавшейся от шоссе № 99, и повернулся к своим спутникам.

— Отряд, на выход! — сказал он. — Полюбуемся на окружающий пейзаж.

Все трое стояли и смотрели вверх глубокого ущелья, по дну которого струила свои воды река Сакраменто, на гору Шасту, возвышавшуюся милях в тридцати. День был знойный, а воздух чистый, как детский взгляд. Пик

с обеих сторон обрамляли громадные ели, спускавшиеся вниз, в ущелье. Снег еще лежал на вершине и на склонах, доходя до самой границы леса.

Джоан что-то пробормотала. Коуберн повернул голову.

— Что ты сказала, Джоан?

— Я? Ничего, просто повторила строчки из стихотворения.

— Какого?

— «Священная Гора» Тай Чжэня: «Здесь простор и двенадцать свежих ветров. Их окутывает вечность — белый мгновенный покой, зримое присутствие высших сил. Здесь прекращается ритм. Времени больше нет. Это конец, не имеющий конца».

Хаксли откашлялся и смущенно прервал молчание.

— Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать.

Джоан повернулась к ним обоим.

— Мальчики, — заявила она, — я сейчас заберусь на Шасту.

Коуберн смерил девушку бесстрастным взглядом и заявил:

— Джоан, не мели ерунды.

— А я и не мелю. Я же вас не заставляю — я сама туда заберусь.

— Но мы в ответе за твою безопасность. И меня, между прочим, совсем не прельщает мысль забираться на четырнадцать тысяч футов.

— Ни за что ты не в ответе. Я свободная гражданка. И вообще, тебе не повредит подъем. Сбросишь немножко жира, который за зиму накопил.

— С чего тебе вдруг приспичило туда забраться? — спросил Хаксли.

— И вовсе не вдруг. С тех пор как мы уехали из Лос-Анджелеса, мне все время снится один и тот же сон — что я понимаюсь и поднимаюсь куда-то наверх... и что я ужасно счастлива. Теперь я знаю, что поднималась во сне на Шасту.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

— Бен, что ты об этом думаешь?

Хирург поднял кусочек гранита и швырнул куда-то в направлении реки. Подождав, пока камушек скатится на несколько сотен футов по склону, он сказал:

— Я думаю, нам надо купить горные ботинки.

Хаксли остановился. Коуберн и Джоан, шедшие за ним по узенькой тропке, тоже вынуждены были остановиться.

— Джоан, ты уверена, что мы шли сюда этой дорогой? — с беспокойством спросил Хаксли.

Они сбились в кучку, прижались друг к другу. Ледяной ветер ржавой бритвой резал лицо, снежный вихрь бушевал вокруг, обжигая глаза. Джоан ответила не сразу.

— Пожалуй, да, — сказала она, подумав. — Но даже с закрытыми глазами я ничего не узнаю из-за снега.

— Я тоже. Зря мы отказались от проводника, промашка вышла... Но кто бы мог подумать, что такой прекрасный летний день закончится снежным бурным?

Коуберн потопал ногами, похлопал руками и заторопил своих спутников:

— Пошли-пошли! Даже если это и верная дорога, самый крутой участок еще впереди. Не забывайте о леднике, через который мы прошли.

— Я и рад бы о нем забыть, — ответил Хаксли. — Страшно даже подумать, что придется снова перебираться через него в такую жуткую погоду.

— Мне тоже страшно, но если мы останемся здесь, то замерзнем.

Они осторожно пошли вперед, теперь уже вслед за Коуберном, отворачиваясь от ветра и прикрывая глаза. Через пару сотен ярдов Коуберн предостерег их:

— Осторожно, ребята! Тропинки здесь совсем не видно и очень скользко.

Он сделал еще несколько шагов.

— Лучше бы нам... — Они услышали, как он поскользнулся, проехал по льду на ногах, пытаясь удержать равновесие, и тяжело упал.

— Бен! Бен! — крикнул Хаксли. — С тобой все в порядке?

— Надеюсь, — выдохнул Коуберн. — Я здорово ударил левую ногу. Будьте осторожны.

Они увидели, что он лежит, наполовину свесившись над пропастью. Осторожно ступая, они подошли поближе.

— Дай-ка руку, Фил. Спокойно!

Хаксли вытащил Бена обратно на тропинку.

— Можешь встать?

— Боюсь, что нет. Зверски болит левая нога. Взгляни-ка на нее, Фил. Нет, не снимай ботинок, смотри сквозь него.

— Ну да. Я совсем забыл. — Хаксли с минуту смотрел на ногу. — Плохо дело, парень. Перелом большой берцовой кости дюйма на четыре ниже колена.

Коуберн просвистел несколько тактов из «Реки Саванны»*, потом сказал:

— Ну и везет же мне! Простой или сложный перелом, Фил?

— Вроде простой, Бен.

— Правда, сейчас это не имеет большого значения. Как же теперь быть?

Ему ответила Джоан.

— Мы сделаем носилки и понесем тебя вниз!

— Слышу слова настоящего скаута! Но ты можешь себе представить, малышка, как вы с Филом потащите меня через ледник?

— Как-нибудь перетащим. — В голосе Джоан звучала неуверенность.

— Не сумеете, детка. Уложите-ка меня поудобнее, а сами спускайтесь вниз за спасательным отрядом. А я посплю, пока вы ходите. Буду рад, если оставите мне несколько сигареток.

— Нет! — запротестовала Джоан. — Мы не бросим тебя одного!

— Твой план не лучше, чем у Джоан, — поддержал девушку Хаксли. — Легко сказать: «Посплю, пока вы ходите». Ты не хуже меня знаешь, что замерз-

* Река на юге штата Джорджия и северо-западе Флориды. Прославилась песней о ней американского композитора XIX в. Стивена Фостера.

нешь в сосульку, если проведешь ночь на голой земле без укрытия.

— Придется рискнуть. Ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Подожди-ка. Дай подумать. — Хаксли сел на уступ рядом с другом и подергал себя за левую мочку. — Самое лучшее, что мне приходит в голову, это отнести тебя в какое-нибудь укрытие и разжечь костер. Джоан останется с тобой и будет следить за огнем, а я пойду за подмогой.

— Все замечательно, — вмешалась Джоан, — только за подмогой пойду я. Ты заплутаешь в этом буране, Фил. Сам ведь знаешь, что твое непосредственное восприятие еще ненадежно.

Оба мужчины запротестовали.

— Джоан, ты не пойдешь одна.

— Мы тебе не позволим, Джоан.

— Все это галантная чушь. Я пойду, и точка.

— Нет, — сказали оба в один голос.

— Тогда мы все останемся здесь на ночь и просидим у костра, прижавшись друг к другу. А утром я спущусь.

— Так будет лучше, — согласился Бен, — если...

— Добрый вечер, друзья. — Высокий старик стоял на уступе скалы позади них. Синие немигающие глаза пристально смотрели из-под кустистых белых бровей. Лицо гладко выбрито, грива на голове такая же белая, как и брови. Джоан подумала, что он похож на Марка Твена.

Коуберн первым пришел в себя.

— Добрый вечер, — ответил он, — если вечер действительно добрый, в чем я сомневаюсь.

Незнакомец улыбнулся одними глазами.

— Меня зовут Эмброуз, мадам. Но вашему другу нужна помощь. Разрешите, сэр... — Старик встал на колени и осмотрел ногу Бена, не снимая ботинок. Наконец он поднял голову: — Будет немного больно. Предлагаю тебе заснуть, сынок.

Бен улыбнулся, закрыл глаза. Дыхание стало медленным и ровным — видно было, что он уснул.

Человек, назвавшийся Эмброузом, скрылся в темноте. Джоан попыталась проследить за ним внутренним

зрением, но это оказалось на удивление трудно. Через несколько минут он вернулся, неся в руках несколько прямых дощечек, которые он разломал на одинаковые куски дюймов по двадцать. Затем незнакомец вынул из кармана брюк скатанный кусок ткани и примотал дощечки к левой голени Бена.

Удостоверившись, что примитивный лубок держится прочно, старик подхватил массивного Коуберна на руки, словно ребенка, и сказал:

— Пошли!

Они без слов последовали за ним тем же путем, которым пришли, идя гуськом сквозь снегопад. Пройдя пятьсот-шестьсот ярдов, старик свернул с проторенной тропинки и уверенно углубился во тьму. Джоан обратила внимание, что на нем всего лишь легкая хлопчатобумажная рубашка без пиджака и без свитера, и удивилась, что он вышел в такую выюгу, не одевшись потеплее. Он сказал ей через плечо:

— Я люблю холодную погоду, мадам.

Пройдя между двумя большими валунами, он, казалось, скрылся в горе. Джоан и Фил последовали за ним и очутились в коридоре, который шел наискосок внутрь горной породы. Завернув за угол, они попали в восьмиугольную гостиную с высоким потолком, отделанную мягкой древесиной светлого цвета. Окон не было, рассеянный неяркий свет исходил из какого-то невидимого источника. Одну сторону восьмиугольника занимал большой камин, в нем приветливо потрескивали дрова. На полу, вымощенном плитами, не было ковра, но ногам было тепло.

Старик остановился, не опуская своей ноши, и кивком указал на уютные сиденья — три кушетки, тяжелые старинные кресла, шезлонг.

— Устраивайтесь поудобнее, друзья. Я должен убедиться в том, что о вашем спутнике позаботятся. А потом принесу вам что-нибудь на ужин. — И он вышел через противоположную дверь.

Фил и Джоан переглянулись.

— Ну, — сказал Хаксли, — что ты об этом думаешь?

— Мне кажется, мы нашли свой второй дом. Здесь просто шикарно!

— И что мы будем делать?

— Я подвину вон тот шезлонг к камину, сниму ботинки, согрею ноги и высушу.

Когда Эмброуз вернулся, минут через десять, его гости с блаженным видом грели у камина ноги. В руках у старика был поднос, а на нем тарелки с горячим супом, булочки, яблочный пирог и крепкий чай.

— Ваш друг отдыхает, — сказал хозяин, составив блюда с подноса на стол. — Не стоит тревожить его до утра. Когда подкрепитесь, в коридоре найдете спальни со всем необходимым. — Он указал на дверь, через которую только что вошел. — Вы не ошибетесь: это ближайшие освещенные комнаты. Спокойной ночи, друзья. — Он взял поднос и повернулся к выходу.

— Э-э... послушайте, — нерешительно начал Хаксли. — Мы очень вам благодарны, мистер... э-э...

— Не за что, сэр. Меня зовут Бирс. Эмброуз Бирс. Спокойной ночи. — И он ушел.

Глава 5

«...КАК БЫ СКВОЗЬ ТУСКЛОЕ СТЕКЛО...»*

Выйдя наутро в гостиную, Хаксли увидел, что на маленьком столике приготовлен основательный завтрак на троих. Пока он поднимал с тарелок крышки и размышлял над тем, требуют ли правила приличия подождать остальных, в комнату вошла Джоан. Он поднял голову.

— Привет, малышка! Здесь неплохой стол накрыт. Взгляни. — Он поднял крышку с одной тарелки. — Хорошо спала?

— Мертвым сном. — Она присоединилась к обследованию содержимого тарелок. — Да, наш хозяин понимает толк в еде. Когда мы выходим?

— Когда соберемся здесь все втроем, наверное. Вчера ты была одета по-другому.

— Нравится? — Она медленно повернулась вокруг, покачиваясь, как манекенщица. На ней было жем-

* «Первое послание апостола Павла к коринфянам», гл. 13, ст. 12.

чужно-серое платье, доходившее до самых пят. Высокую талию подчеркивали два серебряных шнура: они проходили между грудей и обвивали талию, как пояс. Обута она была в серебряные сандалии. Во всем ее одеянии было нечто старинное.

— Шикарно. Почему это девушкам всегда больше идут простые одежды?

— Простые... хм! Если ты можешь купить такой наряд на Уилширском бульваре за триста долларов, оставь мне адрес магазина.

— Привет, ребята. — В дверях стоял Коуберн. Они оба уставились на него. — В чем дело?

Хаксли внимательно осмотрел друга:

— Как твоя нога, Бен?

— Об этом я как раз хотел спросить у тебя. Долго я был без сознания? С ногой все в порядке. Может, она вовсе и не была сломана?

— Признавайся, Фил, — поддержала Коуберна девушка. — Ты ее осматривал, а не я.

Хаксли дернул себя за ухо.

— Она была сломана — или у меня совсем крыша поехала. Дай-ка посмотрю.

Коуберн, одетый в пижаму и купальный халат, задрал штанину и показал розовую, совершенно здоровую голень. С силой ударив по ней кулаком, он сказал:

— Видите? Даже синяков нет.

— Хм... Не так уж долго ты был без сознания, Бен. Всего лишь одну ночь. Часов десять-одиннадцать.

— Чего?

— Честное слово.

— Этого не может быть.

— Я с тобой согласен. А теперь давайте позавтракаем.

Они ели в молчании, задумавшись; каждый чувствовал настоятельную потребность найти какое-то разумное объяснение происшедшему. Потом, как по команде, все трое подняли от тарелок глаза. Хаксли первым нарушил молчание:

— Ну... Что скажете?

— Мне все это снится, — предположила Джоан. — Нас занесло вьюгой, мы умерли и попали в рай. Пожалуйста, передай мне джем.

— Это невозможно, — возразил Хаксли, передавая джем, — иначе Бена бы с нами не было. Он прожил жизнь во грехе. Но если серьезно, то некоторые события все-таки требуют объяснения. Давайте перечислим их. Во-первых, вчера вечером Бен ломает ногу, а сегодня утром она уже здорова.

— Погоди-ка: мы абсолютно уверены, что он сломал ногу?

— Я уверен. Да и хозяин наш в этом, похоже, не сомневался: иначе зачем бы он тащил этого бугая на руках? Во-вторых, наш хозяин обладает внутренним зрением либо сверхъестественным умением ориентироваться в горах.

— Кстати, о внутреннем зрении, — сказала Джоан. — Кто из вас пробовал осмотреться и определить размер этих помещений?

— Я не пробовал, а что?

— Я тоже не пробовал.

— И не пытайтесь. Я пробовала — это невозможно. Мое восприятие не проникает за стены комнаты.

— Хм... пусть это будет в-третьих. В-четвертых, наш хозяин называет себя Эмброуз Бирс. Он хочет сказать, что он тот самый Эмброуз Бирс? Ты знаешь, кто такой Эмброуз Бирс, Джоан?

— Конечно, я девушка образованная. Он исчез еще до моего рождения.

— Именно. Когда началась первая мировая война. Если он тот самый Эмброуз Бирс, ему уже больше сотни.

— А выглядит лет на сорок моложе.

— Н-да. Оставим вопрос открытым. «В-пятых» включает в себя сразу несколько вопросов: почему наш хозяин живет здесь? Откуда взялся этот странный гибрид роскошного отеля с пещерой? Как может один старик управляться с таким хозяйством? Кто-нибудь из вас видел здесь еще хоть одного человека?

— Я не видел, — сказал Коуберн. — Меня кто-то разбудил, но это, наверное, был Эмброуз.

— А я видела, — заметила Джоан. — Меня разбудила какая-то женщина и подарила мне платье.

— Может, миссис Бирс?

— Не похоже. Ей не более тридцати пяти лет. Правда, мы не познакомились: она ушла раньше, чем я окончательно проснулась.

Хаксли перевел взгляд с Джоан на Коуберна.

— Ну так что мы имеем? Сложи все вместе и выдай ответ.

— Доброе утро, мои юные друзья! — Бирс стоял в дверях, и его глубокий низкий голос заполнил всю комнату. Трое друзей вздрогнули, как будто их застали за каким-то непристойным занятием.

Коуберн первым пришел в себя. Он встал и поклонился.

— Доброе утро, сэр. Вы спасли мне жизнь. Боюсь, любые слова благодарности будут недостаточны.

Бирс ответил церемонным поклоном.

— Мне было приятно оказать вам эту услугу, сэр. Надеюсь, вы все хорошо отдохнули.

— Да, спасибо, и отлично поели.

— Прекрасно. Теперь, если позволите, мы можем обсудить ваши дальнейшие планы. Угодно ли вам уехать, или мы можем надеяться, что вы побудете с нами еще немного?

— Я полагаю, — немного нервничая, сказала Джоан, — что нам не стоит злоупотреблять вашим гостеприимством. Как погода?

— Погода хорошая, но вы можете остаться здесь, сколько пожелаете. Быть может, вы хотели бы увидеть весь наш дом и познакомиться с другими домочадцами?

— По-моему, это было бы чудесно!

— Я буду счастлив служить вам, мадам.

— Откровенно говоря, мистер Бирс, — Хаксли слегка поклонился с серьезным выражением лица, — нам очень даже хотелось увидеть ваш дом и подольше узнать о вас. Мы как раз говорили об этом, когда вы вошли.

— Любопытство — вещь естественная и незазорная. Пожалуйста, спрашивайте.

— Ну... — неуверенно начал Хаксли и вдруг решил: — Вчера вечером Бен сломал ногу. Или не сломал? Сегодня она совершенно здорова.

— Он в самом деле сломал ногу. Ночью ее вылечили.

Коуберн прочистил горло.

— Мистер Бирс, меня зовут Коуберн. Я врач, хирург, но я никогда не слышал о столь мгновенном исцелении. Не расскажете ли вы об этом поподробнее?

— Конечно же. Вы, безусловно, знаете, как проходит регенерация у низших форм жизни. Мы используем тот же принцип, но сознательно управляемый, поэтому заживление идет гораздо быстрее. Вчера вечером я загипнотизировал вас, затем передал контроль одному из наших хирургов. А он заставил ваш разум приложить свои собственные усилия, чтобы исцелить ваше тело.

Коуберн в замешательстве смотрел на старика. Бирс продолжал:

— Тут нет ничего необычного. Разум и воля в любой момент способны полностью подчинить себе тело. Наш оператор попросту заставил вашу волю возобладать над телесным недугом. Методика совсем несложная; если захотите, мы вас научим. Уверяю вас, обучиться ей проще, чем объяснить ее нашим нескладным и несовершенным языком. Я говорил о разуме и воле как о чем-то раздельном. Это язык заставил меня выразить понятие столь неточно. Ведь ни разум, ни воля не существуют как отдельные явления. Есть только...

Он замолчал. Коуберн почувствовал что-то вроде вспышки в мозгу, как если бы выстрелили из винтовки, только мягко и безболезненно. Что бы это ни было, оно было веселым, как жаворонок или как резвый котенок, и в то же время спокойным и безмятежным.

Он увидел, как Джоан кивает, не спуская глаз с Бирса. И вновь услышал глубокий, звучный голос хозяина:

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, конечно, мистер Бирс, — ответила Джоан. — И не один. Например: где мы находимся?

— У меня дома; со мной живут еще несколько моих друзей. Вы лучше нас поймете, когда поближе познакомитесь с нами.

— Спасибо. Но мне все равно непонятно, как ваша община умудрилась сохранить в тайне свое пребывание здесь.

— Мы приняли кое-какие меры предосторожности, мадам, чтобы избежать огласки. Вы позже поймете, какие именно и почему.

— Еще один вопрос, личный; если не хотите, можете не отвечать. Вы тот самый Эмброуз Бирс, который исчез много лет назад?

— Да. Впервые я поднялся сюда в 1880 году, чтобы вылечить от астмы. В 1914 году я удалился сюда, потому что не хотел участвовать в грядущих трагических событиях, остановить которые был не в силах. — Он говорил неохотно, словно эта тема была для него неприятна, и тут же перевел разговор: — Хотите, я прямо сейчас познакомлю вас с некоторыми моими друзьями?

Жилые помещения простирались яров на сто вдоль поверхности горы и на неопределенные расстояния вглубь. Человек тридцать жили там очень свободно; многие комнаты были не заняты. За утро Бирс познакомил друзей с большинством жителей.

Здесь были люди всех возрастов и нескольких национальностей. Большинство из них занимались какой-нибудь исследовательской деятельностью либо каким-то видом искусства. Во всяком случае, в нескольких комнатах Бирс говорил гостям, что в данный момент жильцы занимаются исследованиями, — но никакой аппаратуры и никаких записывающих устройств не было видно.

Бирс представил их одной группе из трех человек — двух женщин и мужчины, которых окружали вещественные доказательства их работы — биологических исследований. Но и здесь подробности оставались непонятными; двое сидели молча и ничего не делали, а третий трудился за лабораторным столом. Бирс объяснил, что проводятся какие-то очень тонкие эксперименты на предмет активации искусственных коллоидов. Коуберн спросил:

— А те двое наблюдают за работой?

Бирс покачал головой.

— Отнюдь. Они все трое активно работают, но на данном этапе им кажется целесообразным объединить усилия трех умов с парой рук.

Оказалось, что такого рода связь была обычным способом сотрудничества. Бирс привел их в комнату, где находилось шесть человек. Один или двое подняли головы и кивнули, но ничего не сказали. Бирс сделал знак троице друзьям уйти.

— Они занимаются крайне сложным восстановлением, было бы невежливо мешать им.

— Но, мистер Бирс, — заметил Хаксли, — ведь двое же играли в шахматы!

— Ну да. Им не нужна эта часть мозга, вот они ее и выключили. И все-таки они очень заняты.

Проще было наблюдать за работой художников. Правда, в двух случаях друзей поразили методы их работы. Бирс привел их в студию к крохотному человечку, живописцу, работавшему маслом, которого представил просто по имени: Чарлз. Художник, казалось, рад был их видеть и весело болтал, не прерывая работы. Он писал с педантичным реализмом, производившим, впрочем, весьма романтический эффект, этюд танцующей девушки, лесной нимфы, на фоне соснового леса.

Молодые люди одобрительно отозвались о работе. Коуберн заметил, что художник поразительно точен в анатомических деталях даже без натурщицы.

— Но у меня есть натурщица, — сказал художник. — Она была здесь на прошлой неделе. Видите? — Он указал глазами на пустой пьедестал для натурщицы. Коуберн и его товарищи проследили за его взглядом и увидели стоящую на пьедестале девушку, застывшую в той же позе, что и на холсте. Девушка казалась совершенно живой.

Чарлз отвел взгляд. Пьедестал опять опустел.

Второй случай оказался не столь эффектным, но еще менее понятным. Друзья познакомились и поболтали с некоей миссис Дрэпер, добродушной, уютного вида дамой, которая во время беседы вязала, раскачиваясь в кресле. Когда они ушли, Хаксли спросил у Бирса, кто она такая.

— Она, пожалуй, наша самая талантливая художница, — ответил Бирс.

— В какой области?

Бирс нахмурил свои кустистые брови, подыскивая нужные слова.

— Я, наверное, не смогу вам как следует объяснить. Она сочиняет настроения — располагает эмоциональные модели в гармонической последовательности. Это у нас сейчас самый передовой и гуманный вид искусства. Правда, пока вы сами его не испробовали, мне очень трудно рассказать о нем.

— Как же можно располагать эмоции?

— Вашему прадедушке наверняка показалось бы невозможным записывать музыку. У нас есть соответствующие средства. Позже поймете.

— И что, миссис Дрэпер одна этим занимается?

— Ну нет! Мы почти все пробуем свои силы, это наш любимый вид искусства. Я и сам пытаюсь им заняться, но мои произведения не пользуются популярностью — слишком уж они мрачны.

Вечером трое друзей обсудили увиденное в той самой гостиной, где ужинали накануне. Это помещение было предоставлено в их распоряжение. Бирс распрощался с ними, заявив, что зайдет утром.

Они ощущали настоятельную потребность обменяться мнениями, и в то же время никому не хотелось говорить. Хаксли нарушил молчание.

— Что же это за люди? Из-за них я чувствую себя ребенком, который случайно забрался в мастерскую ко взрослым. А они слишком хорошо воспитаны, чтобы выставить меня.

И работают они как-то странно. Я не говорю о том, что они делают — это само собой, но есть что-то странное в их отношении, даже в темпе работы.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Бен, — согласилась Джоан. — Они постоянно заняты и при этом ведут себя так, будто в их распоряжении вечность, чтобы закончить работу. И Бирс так же себя вел, когда перевязывал тебе ногу. Они никогда не торопятся. — Она повернулась к Хаксли. — Чего ты хмуришься?

— Сам не знаю. Не могу понять. У них множество необычных талантов, но этим нас не смутит: мы трое кое-что знаем о необычных талантах. Однако в них есть что-то другое, не похожее ни на что.

Двое друзей согласились с ним, но так и не смогли определить, что именно удивило их в жителях горной общины больше всего. Немного погодя Джоан сказала, что идет спать, и вышла из гостиной.

Мужчины остались, чтобы выкурить по последней сигарете.

Джоан просунула голову в дверь.

— Я поняла, что отличает всех этих людей, — заявила она. — Они так полны жизни!

Глава 6

«ИХАВОД»! *

Филип Хаксли, как обычно, лег спать и заснул. А дальше все было совсем не как обычно.

Он осознал, что находится в теле другого человека и думает другим разумом. Другой знал о присутствии Хаксли, но не разделял его мыслей.

Другой был дома, и, хотя Хаксли никогда раньше не видал таких зданий, дом показался ему знакомым. Он находился на Земле, невероятно прекрасной; каждое дерево и куст вписывались в пейзаж настолько гармонично, будто были творением художника. Дом рос из земли.

Другой вышел из дома вместе с женой: они собирались в столицу планеты. Хаксли сам назвал место назначения «столицей», хотя и знал, что мысль о правительстве, навязанном силой, чужда этим людям. «Столица» была попросту обычным местом встречи группы людей, чьим советам следовали все, когда дело касалось вопросов, затрагивающих человечество в целом.

Другой и его жена, сопровождаемые сознанием Хаксли, прошли в сад, взлетели в воздух и помчались над деревьями, летя рука об руку. Зеленая плодородная местность была ухоженной, словно парк; кое-где виднелись отдельные здания, но городских скоплений домов Хаксли нигде не видел.

* Бесславие. «Первая книга Царств», гл. 4, ст. 21.

Они быстро миновали крупный водный массив величиною приблизительно с нынешнее Средиземное море и приземлились на полянке в оливковой роще.

«Молодые Люди» — так мысленно окрестил их Хаксли — требовали решительной реформы обычаев: во-первых, чтобы древними знаниями награждали за способности, а не по праву рождения, как это делается сейчас, а во-вторых, чтобы слабые подчинялись сильным. Локи выдвинул эти требования, подняв свое надменное лицо, увенчанное шапкой ярко-рыжих волос. Он говорил словами, и это раздражало хозяина Хаксли, поскольку естественным способом ведения серьезной дискуссии считалась телепатическая связь. Но Локи закрыл свой разум для окружающих.

Юпитер ответил ему от имени всех:

— Сын мой, твои слова пусты и лишены подлинного смысла. Мы не можем понять, что ты имеешь в виду на самом деле, ибо ты и твои братья решили закрыть от нас свой разум. Ты просишь, чтобы древние знания были наградой за способности. А разве когда-нибудь было иначе? Разве наша сестра, обезьяна, летает по воздуху? Разве младенец не связан по рукам и ногам голодом, сном и телесными недугами? Разве иволга сровняет гору с землей одним взглядом? Властью, которая отличает нас среди более молодых созданий этой планеты, сейчас пользуются только те члены нашего рода, кто наделен способностями, и никто более. Как же мы можем сделать то, что и так уже сделано?

Ты требуешь, чтобы сильные правили слабыми. А разве сейчас это не так? Разве не всегда было так? Разве матерью командует сосунок? Разве ветер поднимается потому, что трава колышется? Какая еще власть тебе нужна, кроме власти над самим собою? Ты хочешь приказывать своему брату, когда ложиться спать и когда садиться за стол? Если да, то зачем?

Незаконченную речь старика прервал Вулкан. Хаксли почувствовал, как волна возмущения прошла среди членов совета. Им было неприятно столь откровенное пренебрежение приличиями.

— Хватит словами играть. Мы знаем, чего хотим, и вы тоже это знаете. Мы намерены добиться своего, что бы там ни решил совет. Осточертела нам эта овечья жизнь. Надоело липовое равенство. Мы положим ему конец. Мы сильные и смелые, мы по праву вожди человечества. А остальные пусть идут за нами и прислуживают нам, как требует нормальный порядок вещей.

Юпитер в задумчивости опустил взгляд на кривую ногу Вулкана.

— Тебе следовало дать мне исцелить твою вывихнутую ногу, сын мой.

— Никто не может вылечить мою ногу!

— Верно. Никто, кроме тебя самого. И пока ты не вылечишь вывих в мозгу, не сможешь вылечить и вывихнутую ногу.

— Нет у меня вывиха в мозгу!

— Так вылечи ногу.

Молодые Люди смущенно зашевелились. Все понимали, что Вулкан поставил себя в дурацкое положение. Меркурий отделился от группы и вышел вперед.

— Послушайте меня, Отец. Мы не собираемся воевать с вами. Напротив, мы намерены прославить вас еще больше. Объявите себя царем всего сущего под солнцем. Мы будем вашими наместниками и распространим ваше владычество на все создания, которые ходят, плавают или ползают по земле. Вы воссядете на троне в ореоле повелителя, в сиянии победной славы. Мы сохраним древние знания для тех, кто их понимает, а ничтожные твари пусть довольствуются своим невежеством. Не следует всем без разбора открывать святая святых. Наоборот — пусть многие служат горсточке избранных, и тогда, объединив свои усилия, мы быстро продвинемся вперед по пути, одинаково выгодному и для хозяина, и для слуг его. Ведите нас, Отец! Будьте нашим царем.

Старик медленно покачал головой.

— Ты ошибаешься. Не существует других познаний, кроме познания человеком самого себя. А это познание должно быть доступно любому, у кого хватит сообразительности, чтобы научиться. И не существует другой власти, кроме власти над самим собой. А ее невозможно ни дать, ни отнять. Что же до очарования

верховой власти, так это уже было. Ни к чему начинать все заново. Если романтика подобного рода привлекает вас, наслаждайтесь ею, перечитывая архивы; не стоит снова заливать планету кровью.

— Это последнее слово совета, Отец?

— Это наше последнее слово.

Юпитер встал и плотно запахнул свой плащ, давая тем самым понять, что заседание окончено. Меркурий пожал плечами и вернулся к своим единомышленникам.

На другом, заключительном заседании совета решали, что делать с ультиматумом Молодых Людей. Мнения членов совета разделились, как это обычно бывает у людей. Впрочем, они и были людьми, а вовсе не суперменами. Некоторые высказывались за то, чтобы оказать сопротивление Молодым Людям всеми доступными способами: переместить непокорных в другое измерение, промыть им мозги, даже сокрушить их насильственными методами.

Но насилие противоречило всей их философии.

— Свободная воля — это основное благо Космоса. Если мы нарушим волю хотя бы одного человека, то испортим и загубим все, ради чего работали. Неужто вы решитесь на это? — образумил собравшихся Юпитер.

Фил понял, что Старшие не собираются оставаться на Земле. Они намеревались удалиться куда-то в другое место, понимание природы которого было недоступно разуму Хаксли — он сознавал лишь, что оно находится за пределами известного ему пространства и времени.

Вопрос состоял в следующем: все ли они сделали, чтобы помочь сохранить равновесие рода? Правы ли они, что отрекаются от своей власти?

Решили, что да; одна из женщин — членов совета, которую, как показалось Хаксли, звали Деметрой, заметила, что следует оставить архивы: они могут помочь тем, кто переживет неотвратимую катастрофу.

— Правда, каждый член рода должен сам стать сильным и мудрым. Тут мы ничем не можем им помочь. Однако после того как по Земле промаршируют голод, война и ненависть, пусть у людей останется хоть какое-нибудь сообщение об их наследии.

Члены совета согласились, и хозяин Хаксли, архивариус, получил задание подготовить архивы и оставить их потомкам. Юпитер добавил еще одно распоряжение:

— Укрепи силовые структурные связи, чтобы они не рассыпались во время катастрофы. Помести архивы там, где им не будут угрожать никакие землетрясения и извержения вулканов, пусть сохранятся хотя бы некоторые.

Сон кончился. Но Хаксли не проснулся: ему сразу же приснился другой сон, и теперь он видел его не чужими глазами, а так, как если бы смотрел стереофильм и знал в нем каждый кадр.

Первый сон, при всей его трагичности, не слишком сильно взволновал Хаксли; но все время, пока ему снился второй сон, его мучила душераздирающая печаль и чувство непреодолимой усталости.

После отречения Старших Молодые Люди добились своего и установили свой порядок. Установили огнем и мечом, световыми лучами и тайными силами, обманом и мошенничеством. Будучи убеждены, что власть принадлежит им по праву, они убедили себя и в том, что любые средства хороши для достижения цели.

И в конце концов родилась империя Мю — самая могущественная империя, праматерь всех империй.

Хаксли увидел ее в расцвете и едва не подумал, что Молодые Люди все-таки были правы, ибо она была великолепна! Слезы наворачивались на глаза при мысли о том, что это поразительное, захватывающее дух великолепие исчезло из мира навсегда.

Бесшумные гигантские лайнеры в небе, громадные корабли в гаванях, груженные зерном, кожами и пряностями, красочные процессии, в которых участвовали жрецы, послушники и простые верующие, блеск и роскошь власти — Хаксли видел всю изысканную красоту империи и оплакивал ее неизбежный конец.

Ибо в самом ее разбухшем могуществе гнезвился упадок. Атлантида, богатейшая колония империи, достигла политической зрелости и возжаждала независимости. Раскол и отступничество, недовольство и измена повлекли за собой суровые репрессии — а они вызвали мятеж.

Мятежи возникали, и их подавляли. Наконец вспыхнуло такое восстание, которое подавить не удалось. Менее чем за месяц погибли две трети обитателей планеты; оставшихся мучили болезни, голод, и их зародышевую плазму повредили те страшные силы, что сами люди выпустили на волю.

Но жрецы все еще хранили древние знания.

То были уже не прежние жрецы — спокойные и гордые своей высокой миссией. Они были напуганы, затравлены, они, видели как пошатнулась их власть. Такие жрецы были у обеих враждующих сторон, и по сравнению с развязанными ими войнами прежние беды казались детскими игрушками.

Катаклизмы нарушили изостатическое равновесие земной коры.

Мю содрогнулась и опустилась на две тысячи футов. Приливные волны дошли до ее середины, откатились назад, дважды обошли земной шар, залили Китайские равнины и плескались у подножий Верхних Гималаев.

Атлантида задрожала, загудела и раскололась; через три дня вода накрыла ее. Лишь немногие жители спаслись, улетев оттуда и приземлившись на почве, еще влажной от морской воды, либо на высоких горных пиках, недоступных приливным волнам. Там им пришлось вести тяжелую борьбу за существование, ибо почва была скудной, а к физическому труду они не привыкли; и все же некоторым удалось выжить.

От Мю не осталось и следа. Что до Атлантиды, то лишь ряд островков, несколько дней назад бывших горными вершинами, указывали на ее местоположение. Волны перекачивались через двуглавую Башню Солнца, а в садах вице-короля плавала рыба.

Хаксли переполняла невыносимая горечь. Он, казалось, слышал, как кто-то говорит внутри него:

— Увы мне, увy! Будь проклят Локи! Будь проклята Венера! Будь проклят Вулкан! Трижды проклят я сам, Ораб, Первосвященник Благословенных Островов и их отступник. Горе мне! И проклиная, я тоскую по Мю, великой и грешной. Двадцать один год назад, ища себе смерти, на этой горной вершине я наткнулся на архив наших могущественных предков. Двадцать один год я трудился, чтобы дополнить архив, выискивая в потаен-

ных глубинах моего рассудка давно затерянное знание, скитался по равнинам в поисках знания, мне неведомого. И вот теперь, на восьмьсот девяносто втором году мой жизни в и году триста пятом после разрушения Мю я, Ораб, возвращаюсь к моим праотцам.

Хаксли был очень рад, когда наконец проснулся.

Глава 7

«ОТЦЫ ЕЛИ КИСЛЫЙ ВИНОГРАД, А У ДЕТЕЙ НА ЗУБАХ — ОСКОМИНА»*

Бен уже был в гостиной, когда Фил пришел завтракать. Вслед за ним появилась Джоан. Под глазами у нее были круги, и выглядела она несчастной. Бен утрюмо спросил:

— Что с тобой, Джоан? У тебя такой вид, будто вот-вот наступит Судный день.

— Пожалуйста, Бен, — ответила она устало, — не критикуй меня. Мне всю ночь скверные сны снились.

— Вот как? Извини. Скверные, говоришь? Знала бы ты, какие кошмарики мучили меня!

Фил просмотрел на них обоих:

— Послушайте, так значит, вы тоже видели странные сны?

— У тебя что, уши заложило? — Бен явно был не в духе.

— Что вам снилось?

Они промолчали.

— Погодите-ка. Мне самому снились необычные сны. — Хаксли вытащил из кармана блокнот и вырвал три листочка. — Я хочу кое-что выяснить. Пожалуйста, запишите свои сны и пока ничего не рассказывайте. Вот тебе карандаш, Джоан.

Они немного поартачились, потом согласились.

— Прочти-ка вслух, Джоан.

Она взяла листок Коуберна и прочла: «Мне снилось, что твоя теория о вырождении человечества оказалась абсолютно правильной». Положив листок, Джоан взяла

* «Книга пророка Иеремии», гл. 31, ст. 29.

записку Хаксли: «Снилось, что я присутствовал при падении богов и видел, как рухнули Мю и Атлантида».

В гробовой тишине она взяла последнюю запись, свою собственную: «Мне снилось, что люди уничтожили сами себя, когда восстали против Одина».

Коуберн заговорил первым:

— Все эти записки подходят и к моим снам.

Джоан кивнула. Хаксли молча встал, вышел и немедленно вернулся со своим дневником. Открыв его, он протянул дневник Джоан.

— Малышка, прочти, пожалуйста, вслух, начиная с записи «Шестнадцатое июня».

Девушка медленно читала, не поднимая глаз от дневника. Фил подождал, пока она закончит и закроет тетрадь, потом спросил:

— Ну, что скажете?

Бен затушил окурок: сигарета догорела до самого фильтра и обожгла ему пальцы.

— Удивительно точное описание моего сна, только ты называешь старшего Юпитером, а я окрестил его Ахурамаздой.

— А я воспринимала Локи как Люцифра.

— Оба вы правы, — согласился Хаксли. — Я не помню, чтобы кто-то называл их по имени. Мне просто казалось, что я знаю, как их зовут.

— И мне тоже.

— Послушайте, — вдруг сказал Бен. — А ведь мы говорим так, будто эти сны настоящие. Будто мы все смотрели один и тот же фильм.

Фил повернулся к нему.

— Ну а ты-то что думаешь?

— Да наверное то же, что и вы. Я сбит с толку. Если не возражаете, можно, я позавтракаю или хоть кофе выпью?

Когда Бирс вошел, они еще не успели обсудить свои сны: с общего молчаливого согласия за завтраком этой темы не касались.

— Доброе утро, мадам. Доброе утро, джентльмены.

— Доброе утро, мистер Бирс.

— Вижу, — сказал хозяин, — что вы сегодня не в лучшем настроении. Ничего страшного: так бывает со всеми, кто переживает воспоминания.

Бен оттолкнул свой стул и, наклонившись, впился глазами в Бирса:

— Так нам специально показали эти сны?

— Конечно! Но мы были уверены, что вы готовы извлечь из них пользу. Я пришел пригласить вас на встречу со Старейшим. Ему и зададите все вопросы — так будет проще.

— Со Старейшим?

— Вы с ним еще не знакомы. Так мы называем человека, который, по нашему мнению, способен наилучшим образом координировать нашу деятельность.

Лицо Эфраима Хоу сразу вызывало в памяти горы Новой Англии, а худые шишковатые руки выдавали бывшего столяра-краснодеревца. Он был уже немолод, и в его худой, долговязой фигуре было какое-то изысканное изящество. Все в нем — искорки в светло-голубых глазах, пожатие руки, протяжная манера речи — располагало к откровенности.

— Садитесь же, — сказал он. — Я перейду сразу к делу. — (Он произнес: «ди-елу».) — Вы столкнулись с массой загадочных вещей, и вы имеете право узнать зачем. Вы видели старинные архивы — правда, частично. Я расскажу вам, как возникло наше сообщество, для чего оно существует и почему мы собираемся пригласить вас присоединиться к нам. Подождите минутку, па-а-а-даждите-ка минутку, — добавил он, подняв руку. — Пока ничего не отвечайте...

Когда фра Хуниперо Серра * в 1781 году впервые увидел гору Шасту, индейцы сказали ему, что это святое место, где могут обитать только знахари. Он уверил их, что он и есть знахарь и служит великому Господину. Чтобы не выдать себя, монах дотащился, хотя был стар и болен, до линии снегов, где и остался на ночь.

Сон, который он там увидел — про сады Эдема, грехопадение и всемирный потоп — убедил его, что

* Испанский миссионер в Америке (1713—1784).

это и впрямь святое место. Вернувшись в Сан-Франциско, монах хотел учредить на Шасте миссионерскую общину. Однако у старика было слишком много забот — так много душ надо было спасти, так много ртов накормить. Два года спустя он отошел в мир иной, но перед смертью взял клятву с одного своего собрата-монаха осуществить его намерение.

Если верить архивам, тот монах ушел из северной миссионерской общины в 1785 году и не вернулся.

Индейцы кормили праведника, жившего на горе до 1843 года, и к этому времени вокруг него собралась группа неофитов — трое индейцев, русский и горец-янки. Русский возглавил общину после смерти монаха, а затем к ним присоединился китаец, сбежавший от хозяина. За несколько недель китаец добился большего, чем русский — за половину жизни, и поэтому русский с радостью уступил ему главенство.

Хотя прошло уже более ста лет, китаец все еще был жив, но давным-давно отстранился от управления. Он наставлял членов общины в области эстетики и юмора.

— Единственная цель нашей общины, — продолжал Эфраим Хоу, — это предотвратить повторение того, что произошло с Мю и Атлантидой. Мы отвергаем все то, за что ратовали Молодые Люди.

Мы понимаем мировую историю как ряд кризисов, происходящих из-за конфликта между двумя противоположными философиями. В основе нашей философии лежит концепция, признающая, что в мире нет более важных вещей, чем жизнь, сознание, разум и личность. — Он на миг прикоснулся к троем друзьям способом телепатии, и они вновь почувствовали то полное жизни ощущение, которое пережили раньше с Эмброузом Бирсом и которое не могли выразить словами. — Это привело нас к конфликту со всеми силами, стремящимися разрушить, загубить и принизить человеческий дух либо вынудить его поступать вопреки своей же природе. Мы чувствуем, что приближается новый кризис; нам нужно пополнение. Мы выбрали вас.

Кризис зреет уже со времен Наполеона. Европу мы потеряли, Азию тоже: они выбрали авторитаризм, «принцип вождя», тоталитаризм, они заковали свободу цепями и обращаются с людьми как с экономическими и

политическими единицами, а не как с личностями. Никакого достоинства — делай что приказано, верь во что положено и не вякай. Рабочие, солдаты, производители...

Если бы смысл жизни сводился к такому вздору, то не стоило наделять человека сознанием!

Этот континент, — продолжал Хоу, — был прибежищем свободы, тем местом, где душа может расти. Но силы, задущившие просвещение в остальном мире, проникают и сюда. Мало-помалу они сводят на нет человеческую свободу и достоинство. Это они принимают репрессивные законы, оболванивают в школах учеников, насильно навязывают людям разные догмы, заставляя слепо верить в них под страхом наказания, — догмы, которые закабалят людей и наденут на глаза им шоры, чтобы они никогда не вспомнили о своем утраченном наследии.

Нам нужны помощники, чтобы бороться со злом.

Хаксли встал:

— Рассчитывайте на нас!

Прежде чем Джоан и Коудерн открыли рот, Старейший остановил их.

— Не отвечайте пока ничего. Вернитесь к себе и все обдумайте. Отложим решение до утра, а потом опять поговорим.

Глава 8

«ПРАВИЛО НА ПРАВИЛО...»*

Если бы община на горе Шасте была университетом и выпускала учебные программы (чего она не делала), то предложенный перечень, возможно, включал бы следующие дисциплины.

Телепатия. Основной курс, обязательный для всех студентов, без экзамена. Практические занятия, включающие телепатическую связь. Обязателен на всех отделениях. Лабораторные занятия.

* «Книга пророка Исаии», гл. 28, ст. 10, 13.

Рационализация. 1. Память. 2. Восприятие; ясновидение и яснослышание; овладение массой-временем-пространством; нематематические зависимости, порядок и структура; гармоническая форма и интервал. 3. Процессы раздвоенного и параллельного мышления. Отрешенность. 4. Медитация (семинар).

Автокинетика. Дискретная кинестезия. Эндокринный контроль и особенности его применения для подавления усталости, эмоциональных срывов, регенерации, трансформации (клинические аспекты ликантропии), изменения пола, инверсии, автоанестезии, омоложения.

Телекинетика. Континуум жизнь-масса-пространство-время. Обязательна: автокинетика. Телекинез и общие действия на расстоянии. Проекция. Динамика. Статика. Ориентирование.

История. Курсы по договоренности. Специальные семинары по психометрии с изучением телепатических архивов и по метампсихозу. Оценка обязательна.

Эстетика. Семинар. Автокинетика и методика телепатической регистрации (психометрия) обязательны.

Этика. Семинар. Читается параллельно со всеми другими курсами. Консультации с руководителем.

Быть может, ценность обучения была бы не столь высока, если бы оно было разбито на вышеуказанные отдельные курсы. Но эксперты, жившие на Шасте, могли обучать по всем предметам — и обучали. Хаксли, Коуберн и Джоан Фримэн учились у своих наставников умению заниматься самообучением и погрузились в занятия так же естественно, как угорь погружается в море: они словно вернулись домой после долгого отсутствия.

Все трое быстро делали успехи; поскольку они уже владели начатками восприятия и телепатии, наставники могли обучать их непосредственно, без слов. Вначале они научились управлять своим телом. Они добились контроля над каждой функцией, каждой мышцей, каждой тканью и каждой железой — то есть добились того, чем должен владеть каждый человек, но что забыли все, кроме горсточки никому не известных восточных кудесников. Они испытывали глубокое, вос-

хитительное наслаждение, заставляя свое тело повиноваться и ощущая, как оно слушается их. Они познали свои тела в мельчайших подробностях, и тела больше не имели власти над ними. Усталость, голод, холод и боль уже не мучили их, а воспринимались скорее как полезные сигналы того, что за хорошим двигателем нужно ухаживать.

Да и двигатель уже не требовал такого ухода, как раньше. Телом управлял рассудок, который точно знал возможности организма и их пределы. Более того — осознание этих возможностей позволило развить их до максимума. Проработать целую неделю без отдыха, пищи и воды стало теперь столь же привычным, как раньше — проработать все утро. Умственная же деятельность вовсе не прекращалась, разве что они сами прекращали ее волевым усилием. Она продолжалась и во сне, ей не мешали ни послеобеденная истома, ни тоска, ни внешние раздражители, ни мышечная активность.

Приятнее всего оказалась левитация.

Летать по воздуху, висеть в мягкой перине какого-нибудь облака, спать, как когда-то Магомет, паря под потолком, — это были совершенно неизведанные чувственные наслаждения, недоступные им ранее. Только во сне, пожалуй, прежде приходилось им смутно испытывать нечто подобное. Особенно пристрастилась к новой забаве Джоан. Однажды она исчезла на целых два дня, совсем не опускаясь на землю, паря в небесах, и ветер овеивал ее, а ледяной воздух горных вершин ласкал ее тело. Она пикировала вниз и взмывала вверх, делала петли, спирали, а потом, поджав колени к подбородку, падала из стратосферы на макушку дерева.

Ночью Джоан пристроилась в сопровождение к транс-континентальному самолету. Невидимая, так как находилась выше самолета, она пролетела вместе с ним около тысячи миль. Когда ей это надоело, она на миг прижалась щекой к освещенному иллюминатору и заглянула внутрь. Пораженный оптовый торговец, встретившись с ней взглядом, решил, что сподобился увидеть ангела. Прибыв на место, он прямо из аэропорта отправился в адвокатскую контору и учредил стипендии для студентов-богословов.

Хаксли левитация давалась с трудом. Его пытливый ум требовал объяснения: каким образом, почему воля способна отменить неумолимый «закон» тяготения, — а сомнения ослабляли его волю. Наставник терпеливо убеждал Фила:

— Вы знаете, что неосязаемая воля может влиять на перемещение массы в континууме; вы ощущаете это всякий раз, когда двигаете рукой. Разве у вас пропадает возможность двигать рукой оттого, что вы не можете дать рациональное объяснение этой загадке? Жизнь способна воздействовать на материю; вы это знаете, вы непосредственно пережили это. Это факт. А существование любого факта не требует причины в том неограниченном смысле, в каком вы задаете вопрос. Факт просто предстает перед нами во всей своей наготе — и мы принимаем его. Можно заметить связи фактов друг с другом, а связи — это тоже факты; но проследить связи до их конечных значений рассудком невозможно: ведь он сам по себе относителен. Сначала скажите мне, почему вы существуете... а потом я вам скажу, почему возможна левитация. Давайте попробуем, — продолжил он. — Установите со мной связь и попытайтесь почувствовать, что я ощущаю во время левитации.

Фил сделал очередную попытку.

— Не получается, — заметил он с несчастным видом.

— Посмотрите вниз.

Фил взглянул, в ужасе разинул рот и упал на пол с трехфутовой высоты. В ту же ночь он отправился вместе с Беном и Джоан летать над Сьеррами.

Наставника немного позабавило рвение, с которым они предались новому виду спорта, ставшему им доступным благодаря недавно обретенной способности управлять своим телом. Наставник знал, что их радость естественна и нормальна, что она вполне соответствует уровню их развития, как знал он и то, что вскоре они сами поймут, чего стоит эта радость, а тогда примутся за более серьезную работу.

— Нет, брат Хуниперо вовсе не один наткнулся на архивы, — уверил их Чарлз, не прекращая рисовать

во время разговора. — Вы наверняка заметили, что в любой религии горы имеют важное значение. Должно быть, в тайниках на некоторых из них хранятся старинные архивы.

— Разве точнее ничего не известно? — спросил Фил.

— Точно известно, к примеру, про Верхние Гималаи. Но я говорю о тех выводах, которые может сделать умный человек из всем известных фактов. Посмотрите, сколь многие горы имеют первостепенное значение в различных религиях. Олимп, Попокатепетль, Мауна Лоа, Эверест, Синай, Тайшань, Арарат, Фудзияма, некоторые вершины Анд. И в каждой религии есть рассказ о том, как Учитель приносит людям наставления, полученные им на горе. Гаутама, Иисус, Джозеф Смит *, Конфуций, Моисей. Все они спускаются с гор и рассказывают истории о сотворении мира, грехопадении и искуплении.

Самый лучший из всех старых рассказов — «Бытие». Если принять во внимание, что он впервые был записан на языке диких кочевников, то это точный и подробный отчет.

Хаксли ткнул Коуберна кулаком в бок:

— Как тебе это нравится, дорогой скептик? — Затем обратился к Чарлзу: — Бен — убежденный атеист с тех пор, как впервые обнаружил у Санта-Клауса накладные усы; его задает тот факт, что столь дорогие его сердцу сомнения опровергнуты.

Коуберн невозмутимо усмехнулся.

— Спокойнее, сынок. Я и сам могу выразить мои сомнения, без посторонней помощи. Кстати, некоторые из них пришли мне в голову во время вашего рассказа, Чарлз. Не все эти горы достаточно стары; вряд ли их могли использовать для хранения старинных архивов — ну, например, Шасту. Она вулканического происхождения и, пожалуй, слишком молода для подобной цели.

Отвечая, Чарлз продолжал быстро рисовать.

— Вы правы. Вполне возможно, что Ораб сделал копии с первоначальных архивов и разместил эти копии со своими дополнениями на нескольких горных

* Основатель мормонской церкви (1805—1844).

вершинах по всему земному шару. Не исключено также, что и другие, уже после Ораба, но задолго до нас прочли архивы и перепрятали их. Найденная Хуниперо Серрой копия, возможно, пролежала там всего двадцать тысяч лет, не более.

Глава 9

ПТЕНЦЫ ВЫЛЕТАЮТ ИЗ ГНЕЗДА

— Мы можем болтаться здесь полвека, обучаться всяким трюкам, и все без толку. Я, например, готов вернуться. — Хаксли потушил сигарету и посмотрел на друзей.

Коуберн, сжав губы, медленно кивнул:

— Я того же мнения, Фил. Разумеется, мы можем учиться бесконечно, но наступает момент, когда необходимо применить свои познания на практике, иначе они просто лишаются смысла. Думаю, нам надо поговорить со Старейшим и приниматься за дело.

Джоан кивнула с решительным видом:

— Угу. Я тоже согласна. Предстоит работа, и работать нужно в Западном университете, а не здесь, в пустыне. Ей-Богу, мне просто не терпится увидеть, какую рожу скорчит старикан Бринкли, когда мы разделаемся с ним!

Хаксли вызвал на связь разум Эфраима Хоу. Двое друзей ожидали, пока он изложит Хоу свое мнение, из вежливости не делая попыток вступить в телепатическое общение.

— Он говорит, что рассчитывал это услышать и намерен созвать общее совещание. Он встретится с нами здесь.

— Общее совещание? Со всеми, кто живет на горе?

— И со всеми остальными тоже. Похоже, так у них принято, когда новые члены общины решают, чем будут заниматься.

— Вот те на! — воскликнула Джоан. — Я волнуюсь, как перед выступлением на сцене. А кто будет говорить от нашего имени? Только не малютка Джоан!

— Может быть, ты, Бен?

— Ну... если хотите.

— Тогда давай.

Они соединили свои сознания, чтобы Бен мог выражать мнение всех троих. Эфраим Хоу зашел к ним один, но они знали, что разум его связан не только с братьями, живущими на Шасте, но и с двумя сотнями гениев, рассеянных по всей стране.

Совещание происходило путем непосредственного обмена мнениями одного объединенного разума с другим:

— Мы считаем, что нам пора приниматься за работу. Правда, мы обучились далеко не всему, но можем уже применить полученные знания.

— Хорошо, Бенджамин, так и должно быть. Вы научились всему, что мы могли преподать вам на данный момент. Теперь вы должны нести ваши знания в мир, применять их, чтобы они созрели и стали мудростью.

— Не только по этой причине мы хотим уйти. Есть еще огна, более насущная. Как вы сами сказали, приближается кризис. Мы хотим бороться с ним.

— Каким образом вы предполагаете бороться с теми силами, которые вызовут кризис?

— Ну... — Бен не произнес этого междометия, но небольшая заминка в мыслях произвела именно такое впечатление. — Как мы понимаем, для того чтобы люди стали свободными и могли развиваться как люди, а не как животные, нам необходимо отменить все, что сделали Молодые Люди. Молодые Люди не позволили никому, кроме избранных одинок, распоряжаться гревними знаниями. Чтобы человечество снова стало свободным, сильным и независимым, надо вернуть ему старинные знания и старинные способности.

— Все верно, но как вы намерены это сделать?

— Прежде всего — рассказать людям о том, что они утратили. Мы трое работаем в системе образования и можем заставить себя услышать. Я — на медицинском факультете Западного университета, Фил и Джоан — на психологическом. С нашей подготовкой мы быстро перевернем традиционные представления. Мы сможем положить начало возрождению образования и подготовить молодежь к принятию той мудрости, которой вы, старшие, владеете.

— Вы полагаете, что все так просто?

— Почему бы и нет? Впрочем, мы не ожидаем, что все будет просто. Нам предстоит неминуемое столкновение с самыми излюбленными людскими предрассудками, но само это столкновение можно обратить на пользу дела. Главное — привлечь к себе внимание общества. Вы многому нас научили, и мы сможем доказать людям свою правоту. Вы представляете, например, что будет, когда мы устроим публичный показ левитации и покажем тысячам людей, на что способен человеческий разум? И когда продемонстрируем, что телепатия доступна каждому, стоит лишь овладеть методикой? Да за год-другой все жители страны станут телепатами и смогут прочесть архивы, со всеми вытекающими последствиями!

Разум Хоу безмолвствовал несколько долгих минут. Трое друзей неловко поеживались под задумчивым, спокойным взглядом Старейшего. Наконец они услышали его мысль:

— Если бы все было так просто, неужели мы не сделали бы этого давным-давно?

Теперь уже трое друзей, в свою очередь, замолчали. Хоу мягко продолжал:

— Высказывайтесь, дети мои. Не бойтесь. Свободно передавайте ваши мысли. Вы нас не обидите.

В ответной мысли Коуберна чувствовалась нерешительность:

— Нам трудно... Многие из вас очень стары, и нам известно, что все вы мудры. Нам, молодым, тем не менее кажется, что вы слишком долго выжидали, чтобы начать действовать. Мы чувствуем... чувствуем, что ваше стремление понять подорвало в вас волю действовать. Вы ждали год за годом, добиваясь совершенства — а достичь его невозможно, — в то время как буря, которая может перевернуть весь мир, набирала силы.

Старшие поразмыслили, прежде чем Эфраим Хоу ответил:

— Возможно, вы и правы, возлюбленные дети, но нам так не кажется. Мы не пытались отдать древние знания всем, ибо лишь немногие готовы воспринять их. Они столь же небезопасны для детских умов, как спички в детских руках.

И все же... может быть, вы правы. Так глумал и Марк Твен, и ему позволили рассказать все, что он узнал. Он так и сдeлал, и написал столь доходчиво, что любой, кто хотел, мог понять его. Его не понял никто. В отчаянии он изложил во всех подробностях, каким образом можно обрести способность к телепатии. И снова никто не принял его всерьез. Чем серьезнее он говорил, тем больше смеялись его читатели. Он умер, полный горечи.

*Мы не хотим, чтобы у вас создалось впечатление, что мы ничего не делали. Эта республика, с ее особым уважением к личной свободе и человеческому достоинству, не продержалась бы так долго без нашей помощи. Это мы выбрали Линкольна. Оливер Уэнделл Холмс * был одним из нас. Уолт Уитмен был нашим возлюбленным братом. Мы находили тысячи путей, чтобы при необходимости подать руку помощи, чтобы не допустить отступления назад, к рабству и тьме.*

После паузы он продолжил:

— И все же пусть каждый действует по своему разумению. Ваше решение неизменно?

Бен сказал громко и твердо:

— Неизменно!

— Да будет так! Вы помните историю Салема?

— Салема? Где проводились судилища над колдуньями? Вы имеете в виду, что нас могут подвергнуть преследованиям как колдунов?

— Нет. Сейчас не существует законов, запрещающих колдовство. Было бы лучше, если бы они существовали. Мы не имеем монополии на знания. Не ждите легких побед. Берегитесь тех, кто владеет частью древних знаний и использует их для какой-то гнусной цели — колдунов... чернокнижников!

Совещание закончилось, связь ослабела. Эфраим Хоу с торжественным видом пожал всем руки и попрощался.

*— Завидую вам, ребятки, — сказал он. — Вы уходите, как Джек — Победитель Великанов **, бороться*

* Американский писатель (1890—1965), критик религиозной нетерпимости.

** Название и персонаж популярных в Англии XVIII в. рассказов, нашедших свое продолжение и в Америке.

со всей системой образования. Вы сами избрали себе это поприще. Помните, что говорил Марк Твен? «Бог на пробу сотворил идиота, а потом сотворил школьный совет». И все-таки хотел бы я быть с вами.

— Почему бы вам не пойти с нами, сэр?

— А? Нет, не могу. Честно говоря, я не очень-то верю в успех вашего плана. Помнится, еще в те годы, когда я развозил скобяные товары по штату Мэн, у меня частенько появлялось искушение научить людей некоторым штучкам. Но я этого не делал. Люди привыкли пользоваться резаками и холодильниками, и они вас не поблагодарят, если вы покажете, как можно обойтись без этих вещей, полагаясь лишь на свой разум. Люди просто выгонят вас вон — а может, еще и линчевать будут. Но я все-таки постараюсь не упускать вас из виду.

Джоан поднялась и поцеловала его на прощание. И они ушли.

Глава 10

В ПАСТИ У ЛЬВА

Чтобы привлечь к себе внимание газетчиков, Хаксли решил провести демонстрацию в самой большой аудитории.

До сих пор они вели себя очень осторожно: вернулись в Лос-Анджелес и начали осенний семестр, не выдавая своих сверхъестественных возможностей. Джоан обязали не увлекаться левитацией, не разыгрывать спектаклей, управляя неодушевленными предметами, и вообще не пугать посторонних никакими трюками. Она согласилась с такой кротостью, что Коуберн встревожился.

— Это ненормально, — заявил он. — Не могла же она мгновенно дорасти до такого совершенства. Ну-ка, покажи язык, милая!

— Э-э-э! — сказала Джоан, высунув язык совершенно неподобающим для диагностики образом. — Мастер Линь говорил, что я дальше продвинулась по Пути, чем вы оба.

— Восток — дело тонкое. Он, наверное, просто подбадривал тебя. Seriously, Фил, может, нам лучше загипнотизировать ее и отослать обратно на гору, пусть поставят диагноз да подрегулируют?

— Только попробуй взглянуть на меня, Бен Коуберн, — тут же без глаз останешься!

Хаксли тщательно организовал свою первую демонстрацию. Лекции его были достаточно невинны по содержанию, и он не опасался выговоров или взысканий, спокойно позволяя декану время от времени инспектировать занятия. Однако в целом содержание его лекций должно было эмоционально подготовить студентов к проведению демонстрации. Тщательно подобранные задания по параллельному чтению увеличивали шансы на успех.

— Гипноз — явление пока еще неизученное, — начал он лекцию в намеченный день. — Раньше его считали суеверием, таким же, как колдовство и магия. Сегодня это обыденное, легко демонстрируемое явление. И даже самые консервативные психологи вынуждены теперь признать его существование и попытаться изучить его особенности. — Он весело продолжал, излагая банальности и общие места и в то же время оценивая эмоциональное состояние группы.

Почувствовав, что они готовы воспринять простые гипнотические явления, Хаксли попросил Джоан выйти вперед и без труда погрузил ее в легкий гипнотический сон. Вдвоем они быстро продемонстрировали обычный набор гипнотических явлений — каталепсию, подчинение воле гипнотизера, постгипнотическое внушение. Все время, пока шел опыт, Хаксли рассказывал о связи между разумом гипнотизера и субъекта, о возможности прямого телепатического управления, об экспериментах Райна и тому подобных явлениях: общепризнанные сами по себе, они все же граничили с ересью.

Затем он предложил аудитории сделать попытку проникнуть в разум субъекта телепатическим способом.

Каждому студенту предложили написать что-нибудь на листочке бумаги. Добровольная комиссия собрала листки и по одному передавала их Хаксли. С торжественным видом фокусника-иллюзиониста он смотрел на каждую записочку, а Джоан читала ее вслух. Для вящей убедительности она разок-другой запнулась.

— *Славная работа, крошка.*

— *Спасибо, грузище. Можно мне чуток повеселить вас?*

— *Нечего умничать. Продолжай, как начала. Они у нас теперь совсем ручные.*

Вот так ненавязчиво Хаксли подвел студентов к мысли, что разум и воля могут осуществлять значительно более полный контроль над телом, чем обычно происходит в жизни. Затем он плавно перешел к рассказам об индусских праведниках, которые могут подниматься в воздух и даже летать из одной точки в другую.

— У нас имеется уникальная возможность практически проверить все эти истории, — сказал он. — Субъект целиком и полностью доверяет любому заявлению гипнотизера. Сейчас я скажу мисс Фримэн, что она должна усилием воли подняться над поверхностью пола. Она, разумеется, поверит, что сможет это сделать. Ее воля окажется в оптимальном состоянии, чтобы выполнить мой приказ, если он вообще выполним. Мисс Фримэн!

— *Слушаю, мистер Хаксли.*

— *Напрягите волю и поднимитесь в воздух!*

Джоан поднялась футов на шесть и головой чуть не коснулась высокого потолка.

— *Ну как, грузище?*

— *Шикарно, крошка, просто восторг! Смотри, как глаза выпучили!*

В этот момент Бринкли в ярости ворвался в аудиторию.

Минут через десять после столь печального окончания демонстрации Хаксли стоял в личном кабинете ректора.

— Мистер Хаксли, вы нарушили свое слово, вы опозорили наш университет!

— Я ничего вам не обещал. И не позорил университет, — ответил Фил так же резко.

— Вы проделываете дешевые трюки, занимаетесь каким-то липовым колдовством специально, чтобы бросить тень на свой факультет!

— Так я, значит, мошенник, да? Ах вы старый упрямый болван! Ну-ка попробуйте объяснить вот это!

— Что объяснить?

К изумлению Хаксли, ректор, по-видимому, не замечал ничего необычного. Он по-прежнему глядел туда, где только что была голова Фила. Казалось, что он испытывает лишь легкое замешательство и досаду из-за неуместного замечания Хаксли.

Возможно ли, чтобы старый маразматик до такой степени свихнулся, что уже не видит вещей, происходящих прямо у него перед носом, если они противоречат его предубеждениям? Фил попытался своим разумом посмотреть, что происходит в голове у Бринкли. В жизни своей он не был так удивлен! Он ожидал найти сбивчивое мышление одряхлевшего старика, а обнаружил... холодный расчет, ясный ум и под ними — зло настолько абсолютное, что Хаксли стало плохо.

Он успел бросить лишь мимолетный взгляд: его тут же выкинули прочь таким пинком, что мозг его ненадолго занемел. Бринкли обнаружил шпионаж и выставил оборону — крепкую оборону дисциплинированного разума.

Фил резко опустил на пол и вышел из комнаты, не сказав ни слова на прощание и даже не обернувшись.

Из газеты «Студент Западного» от 3-го октября:

«Преподаватель психологии уволен за обман»

«...рассказы студентов расходятся в подробностях, но все согласны, что зрелище было отличным. Бейсболист Арнольд Сплетник сообщил нашему репортеру: "Мне неприятно, что так случилось; профессор Хаксли славный парень, и он устроил нам замечательный капутник. Ясное дело, я-то понял, как он это делает: Великий Артуро показывал такие же трюки прошлой весной в Орфеуме. Но я понимаю и точку зрения доктора

Бринкли: нельзя разрешать всякие обезьяньи выходки в серьезном учебном центре"».

Президент Бринкли сделал «Студенту» следующее официальное заявление:

«С большим сожалением вынужден заявить о прекращении сотрудничества мистера Хаксли с нашим учреждением, исключительно для блага университета. Мистер Хаксли неоднократно получал предупреждения о том, к чему могут привести его увлечения. Это весьма способный молодой человек. Будем искренно надеяться, что нынешний случай послужит ему хорошим уроком на любом дальнейшем поприще...»

Коуберн вернул Филу газету.

— А знаешь, что случилось со мной? — спросил хирург.

— Что-нибудь новенькое?

— Предложили подать в отставку... Без шума, просто намекнули. Мои больные слишком быстро поправляются; ты же знаешь — я больше не прибегаю к хирургии.

— Гнусность какая! — возмутилась Джоан.

— Ну, — подумав, сказал Бен, — я не слишком обвиняю заведующего медицинской частью; это Бринкли вынудил его. Похоже, мы недооценили старого черта.

— Да уж! Бен, он ничуть не глупее любого из нас, а мотивы его... мне даже подумать о них страшно!

— А я-то считала его тихим, как мышка, — горестно проговорила Джоан. — Надо было нам столкнуть его в яму весной. Я же вам говорила! Ну, что теперь будем делать?

— Продолжать, — с угрюмой решимостью ответил Фил. — Выжмем из этой ситуации все, что возможно; нам сделали рекламу — так воспользуемся ею!

— На чем сыграем?

— Опять на левитации. Это самое выигрышное зрелище для толпы. Обзвоним газетчиков и скажем, что завтра в полдень публично продемонстрируем левитацию на Першинг-сквер.

— А если газеты не захотят соваться в такое подозрительное дело?

— Возможно, и не захотят, но мы их соблазним: обставим все как можно более эксцентрично, покажем массу забавных фокусов, чтобы было о чем писать. Тогда у них будет сенсационный материал, а не просто репортаж. Все запреты сняты, Джоан: можешь делать все, что захочешь, и чем больше они обалдеют, тем лучше. Вперед, гвардия! Я позвоню в отдел теленовостей, а вы займитесь газетами.

Репортеры, разумеется, заинтересовались. Их заинтересовала прекрасная внешность Джоан, они вдоволь похихикали над свободным галстуком и чопорными манерами Фила, но оценили его вкус в области виски. И явно впечатлились, увидев, как Коуберн вежливо налил всем по стаканчику, не прикасаясь к бутылке.

Однако когда Джоан полетела по комнате, а Фил поехал по потолку на несуществующем велосипеде, репортеры встали на дыбы.

— Честное слово, док, — сказал один из них, — нам кушать нужно! Неужели вы надеетесь, что кто-то пойдет и расскажет редакторам о таких выкрутасах? Давайте начистоту: это что, из-за виски или просто гипноз?

— Назовите как хотите, джентльмены. Только обязательно напишите, что все это мы повторим завтра в полдень на Першинг-сквер.

Обличительную речь Фила, направленную против Бринкли, репортеры сочли реакцией на срыв ректором демонстрации, но все же добросовестно ее записали.

В этот вечер Джоан легла спать в несколько подавленном настроении. Возбуждение после того, как они развлекали газетчиков, прошло. Бен предложил поужинать вместе и потанцевать, чтобы отметить окончание их прежней жизни, но идея оказалась неудачной. Началось с того, что у них лопнула шина, когда они спускались по крутому склону. Они наверняка серьезно расшиблись бы, если бы не умели автоматически управлять собственным телом.

Осмотрев разбитую машину, Фил недоуменно сказал:

— С шинами все было в порядке. Сам проверял их сегодня утром.

И все же он настоял на том, чтобы пойти развлечься.

Представление в ночном клубе показалось им неинтересным, а шутки грубыми и примитивными по сравнению с легким живым юмором, которым они наслаждались, общаясь с мастером Линем. Девицы-хористки, молоденькие красотки, очень понравились Джоан, но она совершила промах, попытавшись вникнуть в их разум. Их плоские, пошлые умишки лишь усилили ее подавленность.

Она обрадовалась, когда представление кончилось и Бен пригласил ее танцевать. Оба ее друга хорошо танцевали, особенно Коуберн, и она с удовольствием погрузилась в ритм танца. Однако удовольствие оказалось недолгим; какая-то пьяная парочка постоянно сталкивалась с ними. Мужчина оказался задиристым, а его партнерша злобно и пронзительно кричала. Джоан попросила своих спутников отвезти ее домой.

Все эти мелочи не давали ей покоя. Джоан, никогда в жизни не переживавшая сильного физического страха, боялась лишь одного — грязных, разъедающих душу эмоций нищих духом. Злоба, зависть, неприязнь, подлые оскорбления мелочных и тупоумных людишек — вот что могло причинить ей боль, даже если она сама не подвергалась оскорблениям, а лишь присутствовала при унижении другого. Джоан еще недостаточно созрела и не успела вооружиться равнодушием к мнениям людей недостойных.

После лета, проведенного в обществе свободных людей, инцидент с пьяной парочкой привел Джоан в смятение. Соприкосновение с ними как будто испачкало ее. Даже хуже: она почувствовала себя лишней, чужой в чужой стране.

Она проснулась среди ночи от мучительного чувства одиночества. Джоан остро ощущала присутствие более чем трехмиллионного населения, и в то же время ей казалось, что ее окружают лишь злобные, завистливые твари, жаждущие утащить ее в свою измененную клоаку. Эта атака на ее дух, попытка уничтожить святая

святых ее внутреннего мира, обрела почти осязаемую форму, как будто нечто, деловито сопя, вгрызалось в ее разум.

В ужасе Джоан позвала Бена и Фила. И не получила ответа: ее сознание не находило их.

Мерзкое нечто, угрожавшее ей, почувствовало ее неудачу: Джоан ощутила, как оно ухмыльнулось. В панике она позвала Старейшего.

Ответа не было. На сей раз агрессор заговорил:

— Там тоже закрыто.

Истерический ужас охватил ее, вся внутренняя защита рухнула. И тут ею овладел некий более сильный разум; спокойная мягкая его доброта обволокла девушку, ограждая от вползавшего в нее зла.

— Линь! — воскликнула она. — Мастер Линь! — И разрыдалась с облегчением.

Джоан почувствовала успокаивающую веселость его улыбки; разум китаец протянул свои нежные ладони и снял напряженность и страх. В конце концов она уснула.

Разум Линя не покидал ее всю ночь и беседовал с ней, пока она не проснулась.

Коуберн и Хаксли озабоченно выслушали рассказ Джоан.

— Все ясно, — решил Фил. — Мы были слишком беззаботны. Отныне будем поддерживать связь круглосуточно, во сне и наяву. Кстати, я тоже плохо провел ночь, хотя и не так ужасно, как Джоан.

— И я, Фил. Что было с тобой?

— Да ничего особенного, только постоянно снились кошмары, и в них я все больше разуверялся в том, чему научился на Шасте. А что снилось тебе?

— Почти то же самое. Всю ночь оперировал, и все мои больные умирали на столе. Не слишком-то приятно... Но случилось еще кое-что, и уже не во сне. Ты ведь знаешь, я пользуюсь старомодной опасной бритвой. Утром, как обычно, я начал бриться — и вдруг бритва выпрыгнула у меня из руки и здорово порезала горло. Видишь? Царапина еще не зажила. — И он показал на тонкую красную линию, проходившую наискось по правой стороне шеи.

— Господи, Бен! — вскрикнула Джоан. — Ты ведь мог зарезаться насмерть!

— Вот и я так же подумал, — сухо согласился он.

— Знаете, ребята, — медленно проговорил Фил, — все это не случайно...

— Эй, вы, открывайте! — Приказ прозвучал из-за двери. Все трое дружно направили чувство прямого восприятия через прочную дубовую дверь и осмотрели говорившего. Гражданская одежда не способна была скрыть профессию верзилы, стоявшего за дверью, даже если бы они не разглядели золотистую бляху полицейского у него на пиджаке. Рядом стоял еще один человек, поменьше ростом и тоже без формы.

Бен открыл дверь и спокойно спросил:

— Чего вы хотите?

Верзила попытался войти. Коуберн не пошевелился.

— Я спросил, чего вы хотите.

— Умничаешь, да? Я из полицейского управления. Это ты Хаксли?

— Нет.

— Коуберн?

Бен кивнул.

— Отлично. А вот этот тип за тобой — Хаксли? Вы что, дома вообще не бываете? Всю ночь здесь провели?

— Нет, — ледяным тоном ответил Коуберн. — Впрочем, это не ваше дело.

— Это уж мне решать. Мне нужно с вами обоими поговорить. Я из отдела по борьбе с мошенничеством. Что за фокусы вы показывали вчера газетчикам?

— То, что мы показывали, вовсе не фокусы. Приходите сегодня в полдень на Першинг-сквер и увидите.

— Представление на Першинг-сквер отменяется.

— Почему?

— Приказ комиссии по паркам.

— Кем он утвержден?

— Чего?

— Назовите мне акт или указ, запрещающий гражданам использовать общественное место, не нарушая порядка. Кстати, кто это с вами?

Низкорослый представился:

— Я Фергюсон, из прокуратуры федерального судебного округа. Ваш приятель Хаксли обвиняется в злостной клевете. Вы двое будете свидетелями.

Взгляд Бена стал еще более холодным.

— А есть ли у кого-либо из вас, — спросил он чуть презрительно, — ордер на арест?

Полицейские переглянулись, но ничего не ответили.

— Тогда вряд ли целесообразно продолжать наш разговор, не так ли? — сказал Бен и закрыл дверь у них перед носом. Затем повернулся к друзьям и усмехнулся:— Ну, с этими покончено. Посмотрим, что в газетах.

Они нашли только одну статью. Там ничего не говорилось о предполагавшейся демонстрации, зато сообщалось, что доктор Бринкли выдвинул против Фила иск по обвинению в клевете.

— Впервые вижу, чтобы четыре городские газеты отказались от сенсационного материала, — заметил Бен. — Что ты будешь делать с иском Бринкли?

— Ничего, — ответил Фил. — Может быть, еще поклевещу. Если он будет настаивать, у нас появится отличная возможность защитить наши права в суде. Кстати, нам надо позаботиться о том, чтобы сегодняшнее выступление все-таки состоялось. Эти сыщики могут вернуться с ордерами на арест в любую минуту. Где мы спрячемся?

По совету Бена они провели время, укрывшись в маленькой городской библиотеке. Без пяти двенадцать друзья остановили такси и поехали на Першинг-сквер.

Они вышли из машины — и тотчас очутились в объятиях шестерых дюжих полицейских.

— Бен, Фил, долго мы еще будем терпеть это?

— Спокойно, малышка. Не нервничай!

— Да я не нервничаю, но зачем нам оставаться здесь, если мы можем смыться когда захотим?

— В том-то и дело, что можем. Поэтому мы пока останемся. Никто из нас еще не бывал под арестом; поглядим, на что это похоже.

В тот же вечер друзья собрались у камина в доме Джоан. Побег оказался нетрудным, но им пришлось

дождаться, пока тюрьма затихнет, чтобы доказать, что каменные стены не устерегут человека, владеющего всеми силами разума.

— На мой взгляд, у нас достаточно данных, чтобы подвести итоги, — сказал Бен.

— А именно?

— Сам сформулируй.

— Ладно. Мы спустились с Шасты, полагая, что придется бороться с глупостью, невежеством и с обычным для людей ослиным упрямством. Теперь мы уже не столь наивны. Любая попытка дать людям хотя бы основы древних знаний встречается с решительным и хорошо организованным сопротивлением. Человека, отважившегося на такой шаг, пытаются уничтожить или покалечить.

— На самом деле все еще хуже, — сказал Бен. — Пока мы сидели в каталажке, я многое узнал. Любопытно мне было, отчего это федеральный прокурор так заинтересовался нами. Я заглянул в его разум, усек, кто его шеф, а потом заглянул в разум шефа. И там я нашел такие занятные вещи, что решил отправиться в столицу штата и посмотреть, кто там заправляет делами. Это привело меня на Спринг-стрит и в финансовый район. И представляете, что оказалось? Что главные заправилы — весьма уважаемые столпы общества. Духовные лица, светские дамы, ведущие бизнесмены и так далее. — Он замолчал.

— Ну и что? Только не говори, что все они отпетые негодяи, а то сейчас разревусь!

— Нет, и это самое странное. Как раз почти все эти деятели — славные ребята, с которым приятно иметь дело. Но как правило — не всегда, но в большинстве случаев, — над славными ребятами стоит кто-то, кому они доверяют. Кто-то, кто помог им забраться наверх, — и эти «кто-то» уже совсем не славные ребята, мягко говоря. Я не смог пробиться в разум ко всем этим негодьям, но у тех, к кому пробился, обнаружил то же, что Фил нашел у Бринкли: холодный расчет и злобу. Все они прекрасно осознают, что их власть держится на людском неведении.

Джоан поежилась.

— Веселенькая история, Бен, особенно на ночь глядя. Что делаем дальше?

— А ты что предлагаешь?

— Я-то? Я еще ничего не решила. Может, займемся этими подонками и разгромим их одного за другим?

— А ты, Фил?

— Мне тоже ничего другого в голову не приходит. Но военную кампанию нужно будет вести с умом. Разработать какой-нибудь хитроумный план...

— У меня несколько иное предложение.

— Выкладывай.

— Признаем, что мы взвалили на себя больше, чем можем потянуть. Вернемся на Шасту и попросим помощи.

— Что ты, Бен! — разочарованному возгласу Джоан вторило не менее красноречивое, хотя и безмолвное уныние Фила. Но Бен упрямо продолжал:

— Конечно, я согласен, что это унижительно, но гордость нам сейчас не по карману, дело слишком... — Он замолчал, заметив выражение лица Джоан: — Что случилось, малышка?

— Давайте быстро примем какое-то решение — перед воротами остановилась полицейская машина.

Бен повернулся к Филу:

— Ну что, останемся и примем бой или вернемся за подкреплением?

— Ты был прав. Я подумал об этом, как только заглянул в разум Бринкли, просто ужасно не хотел сознаваться.

Трое друзей вышли в патио, взялись за руки и взмыли в воздух.

Глава 11

«И ДАМ ИМ ОТРОКОВ В НАЧАЛЬНИКИ...»*

— Добро пожаловать! — Эфраим Хоу встретил их, когда они приземлились. — Рад, что вы вернулись.

Старейший отвел их в свои личные апартаменты.

* «Книга пророка Исаии», гл. 3, ст. 4.

— Отдохните, пока я немного раздую огонь. — Он подбросил в камин сосновое полено, подвинул уютное старое кресло-качалку так, чтобы оно было обращено и к камину, и к гостям, и уселся. — Ну, теперь можете рассказать мне все. Нет, я не связан с остальными. Доложите совету, когда будете готовы.

— Собственно говоря, мистер Хоу, разве вы не в курсе всего, что с нами приключилось? — Фил посмотрел Старейшему прямо в глаза.

— Нет, не в курсе. Мы предоставили вам полную самостоятельность, а Линь лишь присматривал за тем, чтобы вам не слишком вредили. Он мне ничего не докладывал.

— Хорошо, сэр. — Они по очереди рассказывали Хоу о случившемся и порою давали ему заглянуть непосредственно в их разум и увидеть те события, в которых они принимали участие.

Когда друзья закончили, Хоу взглянул на них со своей лукавой улыбкой и спросил:

— Значит, вы соглашаетесь с точкой зрения совета?

— Нет, сэр! — ответил ему Фил. — Более чем когда-либо мы убеждены в необходимости действовать решительно и без промедления. Но мы убедились также и в том, что у нас не хватит ни сил, ни мудрости, чтобы действовать в одиночку. Мы пришли просить о помощи, а еще мы надеемся убедить совет отказаться от его обычной тактики обучать лишь тех, кто демонстрирует свою готовность. Мы просим обучить всех, чей разум способен воспринять знания.

Видите ли, сэр, наши противники не ждут. Они все время действуют, и действуют активно. Они уже добились победы в Азии, они господствуют в Европе и могут прийти к власти и у нас в Америке, пока мы будем выжидать удобного случая.

— Есть ли у вас какой-то конкретный план?

— Нет, потому-то мы и вернулись. Когда мы попытались обучить людей тому, что знаем сами, нас тут же остановили.

— В том-то вся и загвоздка, — согласился Хоу. — Я долгие годы мечтал начать действовать, но сделать это трудно. Ведь наши знания в книге не напечатаешь и по радио не передашь. Они должны передаваться не-

посредственно от одного разума к другому, и мы не упускаем случая, когда находим разум, готовый к восприятию.

Они закончили обсуждение, но никакого решения так и не нашли. Хоу попросил их не беспокоиться.

— Пойдите, — сказал он, — попробуйте посвятить несколько недель медитации и не прерывайте связи. Когда вам покажется, что вы наткнулись на стоящую идею, сообщите мне. Я созову совет, и мы все вместе рассмотрим ее.

— Но, Старейший, — запротестовала Джоан от лица всего трио, — понимаете... Мы надеялись, что совет поможет нам разработать план. Мы не знаем, с чего начать, иначе мы бы не вернулись.

Хоу покачал головой.

— Вы самые младшие из братьев, моложе всех по возрасту и наименее опытные. Это ваши достоинства, а не недостатки. Тот факт, что вы не провели долгих лет жизни в раздумьях о вечности и человечестве, дает вам немалое преимущество. Слишком широкий взгляд, чересчур философский подход парализуют волю. Я хочу, чтобы вы обдумали все втроем.

Так они и сделали. Несколько недель они обдумывали проблему объединенным разумом, обсуждали ее, разговаривая вслух, погружались в медитацию, размышляя о возможных последствиях. Разумом они прочесали все население страны, исследуя человеческую сущность политиков и общественных деятелей. По архивам они узнали, к какой тактике прибегали в прошлом братья общины, когда свобода мысли и действия в Америке находилась под угрозой. Предлагались и тут же отвергались десятки планов.

— Нужно удариться в политику, — сказал Фил, — как братья поступали раньше. Если бы кто-нибудь из старших заделался министром образования, он смог бы основать государственную академию, которая стала бы источником подлинного свободомыслия и распространения древних знаний.

Джоан возразила:

— А если мы потерпим поражение на выборах?

— А?

— Несмотря на все способности братьев, нелегко будет набрать делегатов на национальный съезд, чтобы выдвинуть нашего кандидата, а затем заставить избрать его вопреки всей политической машине, лоббистам, прессе, всяким блатным ребятам, и прочая, и прочая. И еще не забудьте: оппозиция может вести любые грязные игры, но нам придется играть честно, иначе мы навредим себе сами.

Бен кивнул.

— Боюсь, что она права, Фил. Но и ты тоже прав, по крайней мере в одном: это и в самом деле проблема образования.

Коуберн замолчал, погрузившись в медитацию и обратив свой разум внутрь себя.

Наконец он снова заговорил:

— А может, мы не с того конца решаем эту проблему? Мы все думаем, как перевоспитать взрослых, закосневших в своих предубеждениях. Может, начнем с детей? Они еще восприимчивы к новому — не легче ли опробовать обучить сначала их?

Джоан села; глаза у нее заблестели.

— Бен, ты нашел то, что нужно!

Фил упрямо покачал головой:

— Нет. Мне жаль вас обескураживать, только тут мы ничего не добьемся. Дети все время под присмотром взрослых, нам до них не добраться. Не забывайте о местных школьных советах — это самые жесткие олигархии во всей политической системе.

Они сидели под соснами на склоне Шасты. Внизу показалась группка людей, которые начали карабкаться вверх. Дискуссию на время прекратили. Троица смотрела на пришельцев дружелюбно, но без особого внимания.

Группа состояла из мальчиков от десяти до пятнадцати лет; только вожак с серьезным достоинством шестнадцатилетнего нес нелегкое бремя ответственности за безопасность и здоровье младших, вверенных его попечению. На мальчиках были шорты и рубашки цвета хаки, шапочки военного образца и шейные платки, на

которых красовались вышитая ель и слова «Горный патруль, отряд 1». Каждый нес палку и рюкзак.

Когда процессия подошла к сидевшим взрослым, вожак отряда помахал им в знак приветствия и нашивки на его рукаве блеснули на солнце. Все трое помахали в ответ, глядя, как ребята карабкаются дальше к вершине.

Фил стремительным взглядом следил за скаутами.

— Хорошие были денечки! — сказал он. — Я почти завидую этим малышам.

— Ты тоже был скаутом? — спросил Бен, не спуская глаз с мальчиков. — Помню, и гордился же я, когда получил нашивку за экзамен по оказанию первой медицинской помощи!

— Ты прирожденный врач, да, Бен? — заметила Джоан с выражением материнской гордости в глазах. — Я не... послушайте!

— Что с тобой?

— Фил! Вот тебе и ответ! Вот как мы доберемся до детей, несмотря на родителей и школьные советы.

И она переключилась на телепатическую связь, взволнованно передавая свои мысли в их разум. Потом они отутюжили все детали. Спустя некоторое время Бен кивнул и сказал:

— Может, и сработает. Пошли, обсудим все с Эфраимом.

— Сенатор Моултон, вот те молодые люди, о которых я вам рассказывал.

Джоан взглянула на маленького седого старика с почти благоговейным трепетом: его имя давно стало синонимом неподкупной честности. Она испытывала такое же желание прижать руки к груди и поклониться, как и при виде мастера Линя. Бен и Фил, заметила Джоан, тоже почему-то казались по-жеребьячи неуклюжими.

Эфраим Хоу продолжал:

— Мы вместе разобрали их схему, и она кажется мне вполне осуществимой. Если вы с этим согласитесь, то совет возьмется осуществить ее. Но решение в основном зависит от вас.

Сенатор взглянул на троих друзей с улыбкой — той самой улыбкой, которая покорила сердца двух поколений прожженных политиков.

— Расскажите мне все, — предложил он.

Они рассказали о том, как сделали попытку в Западном университете и как она провалилась; как они ломали голову в поисках подходящего решения и как группа мальчиков, ходивших в поход на гору, подала им идею.

— Видите ли, сенатор, если бы мы могли собрать здесь одновременно достаточно много мальчиков — юных и еще не испорченных жизнью, но уже воспитанных в духе вечных идеалов добра, уважения к себе и другим, взаимовыручки и умения постоять за себя — словом, в духе идеалов, включенных в скаутский кодекс; если бы, повторяем, у нас было здесь хотя бы пять тысяч мальчиков одновременно, мы обучили бы их телепатии и искусству передавать это знание другим.

Когда мы обучим и отошлем их домой, каждый станет своего рода центром распространения знаний. И наши противники не смогут остановить это движение: оно будет распространяться подобно эпидемии. Через несколько лет каждый ребенок в стране овладеет приемами телепатии и даже сможет обучить своих родителей — тех, конечно, кто не слишком закоснел и способен к обучению.

А когда люди станут телепатами, мы поведем их за собой и откроем им древнюю мудрость.

Моултон кивнул, рассуждая вслух:

— Да. Да, действительно, это можно осуществить. К счастью, Шаста — часть территории национального парка. Дай Бог памяти, кто там члены комитета? Понадобится принять совместную резолюцию и выделить небольшие ассигнования. Эфраим, дружище, если мне придется заключить небольшую сделку в сенате, ты простишь мне этот грех?

Хоу добродушно усмехнулся.

— Я говорю серьезно, — продолжал Моултон. — Люди так нетерпимы, так резки в суждениях по поводу политической беспринципности — в том числе и некоторые из наших братьев. Дайте подумать: года через два, пожалуй, мы сможем организовать первый лагерь.

— Так долго ждать? — разочарованно спросила Джоан.

— Увы, да, милая. В конгресс нужно будет представить два законопроекта, и придется немало потрудиться, чтобы впихнуть их в список, предназначенный к обсуждению. Нужно будет договориться с железной дорогой и автобусными фирмами о специальных скидках, чтобы дети смогли приехать. Мы должны провести рекламную кампанию и популяризировать вашу идею. И потом, нужно время, чтобы как можно больше наших братьев были избраны в органы управления этим движением и могли бы воспитывать детишек в лагерях. К счастью, я являюсь государственным попечителем детских организаций. Да, полагаю, года за два я справлюсь.

— Господи Боже! — возразил Фил. — Не проще ли телепортировать ребят сюда, обучить их и тем же способом отправить обратно?

— Мальчик мой, вы сами не понимаете, что вы говорите. Можно ли уничтожить насилие, если сам применяешь его? Каждый шаг должен быть сделан добровольно, под влиянием разума и убеждения. Каждый человек должен сам себя освободить: свободу невозможно навязывать силой. Да и так ли это долго — два года, чтобы выполнить работу, которая ждет своего часа со времен всемирного потопа?

— Извините меня, сэр.

— Не извиняйтесь. Ведь именно ваше юношеское нетерпение побудило нас заняться делом.

Глава 12

«И ПОЗНАЕТЕ ИСТИНУ...»*

Лагерь вырос на нижних склонах горы Шасты, возле Мак-Клауда. Глубоко в ущельях и на северных гребнях горы еще лежал весенний снег, когда тяжелые армейские грузовики загрохотали по дороге, построенной осенью военными инженерами. Из кузовов вынимали

* «Евангелие от Иоанна», гл. 8, ст. 32.

палатки и ставили их рядами на низменные места покатым склонам. Среди палаток появились кухни, лазарет, здание штаб-квартиры. Мало-помалу лагерь «Марк Твен», вначале существовавший только на бумаге, становился реальным.

Сенатор Моултон, сняв мантию и надев бриджи, гетры, рубашку цвета хаки и шапочку с надписью «Директор лагеря», обходил свои владения, подбадривал рабочих, принимал решения за мелких руководителей и беспрестанно изучал разум любого, кто входил в лагерь или хотя бы появлялся в пределах видимости. Друг он или враг? Не явился ли сюда шпионить для отколовшихся братьев, выступивших против проекта? Сейчас нельзя себе позволить ни малейшей оплошности: слишком многое поставлено на карту.

В западных и южных штатах, в Нью-Йорке и Новой Англии, в горах и на морских побережьях мальчишки укладывали чемоданы, покупали специальные билеты туда и обратно до лагеря на Шасте, обсуждали поездку со сверстниками, завидовавшими счастливым.

И по всей стране забеспокоились противники человеческой свободы и достоинства: рэкетеры, продажные политики, нечистоплотные адвокаты, мошенники от религии, владельцы потогонных предприятий и мелкие деспоты — все, кто наживается на человеческой нищете и угнетении и при этом неплохо разбирается в человеческой психологии, хорошо осознавая, сколь опасно могущество знания. Вся эта человеческая шушера забегала и заволновалась, не понимая, что происходит. Для них Моултон олицетворял все, что они ненавидели и боялись; гору Шасту им никогда не удавалось тронуть даже пальцем: самое название ее было им ненавистно. Они припоминали старые истории и содрогались от страха.

Они содрогались от страха — но они действовали.

Мальчиков будут перевозить в специальных трансконтинентальных автобусах — может, подкупить кого-то из шоферов? Или завербовать? Может, удастся испортить двигатель или колеса? Молодежь будут перевозить и в поездах — может, перевести где-нибудь стрелку? Или попробовать отравить питьевую воду?

Но и другая сторона была настороже. Поезд с мальчишками шел на запад; в нем сидел или над ним летел человек, чьим единственным заданием было проследить за безопасностью путешествия. Внутренним зрением этот человек обозревал окрестности и исследовал побуждения каждого, кто находился в радиусе многих миль от его подопечных.

Быть может, кому-то из мальчиков и не удалось бы добраться до Шасты, если бы врагов свободы не застали врасплох. Ибо порок несет в себе недостаток: он не бывает по-настоящему умным. В самих его побудительных причинах кроется слабость. Спорадические попытки помешать мальчишкам добраться до Шасты не имели успеха. Братья перешли в наступление, и меры, принятые ими, были более решительны и разумны, чем у их противников.

В лагере плотный заслон окружал всю территорию национального парка горы Шасты. По совету Старейшего братья установили круглосуточный патруль, чтобы не допустить проникновения злобных и низких духов. Лагерь тоже подвергся проверке. Двух членов лагерного совета и десятка два мальчишек пришлось отправить домой, ибо после обследования оказалось, что их души уже испорчены. Мальчишкам не сообщили истинной причины отправки, а привели какие-то вполне правдоподобные объяснения.

На первый взгляд лагерь ничем не отличался от сотен других скаутских лагерей. Проводились обычные курсы по ориентации в лесу. Как обычно, собирались суды чести, чтобы проэкзаменовать кандидатов. Вечерами, как водится, пели песни у костров, а перед завтраком делали зарядку. И почти не ощущалось, что здесь придавали чуть более серьезное значение клятве и законам скаутской организации.

Каждый мальчик в течение лагерной смены хотя бы на одну ночь уходил в поход. Группами по пятнадцать-двадцать человек они отправлялись утром в сопровождении члена совета, то есть одного из братьев. Мальчики несли свернутые одеяла, рюкзаки с припасами, флажки, ножи, компас и маленький топорик. Ночевали они на берегу горной речушки, куда стекали ледниковые воды, и под шум ее бурных вод ужинали.

Фил вышел в поход с одной из таких групп в первую же неделю лагерной смены. Он повел мальчиков по восточному склону горы, чтобы держаться как можно дальше от обычных туристских тропинок.

После ужина все уселись у походного костра. Фил рассказывал ребятам о восточных праведниках и их чудесных способностях, о святом Франциске и птицах. Как раз посреди одного из рассказов в круге света, отбрасываемом костром, появился человек.

Вернее, не только человек. Они увидели старика, одетого так, как мог бы одеться Дэви Крокетт *. По бокам его шли звери: слева — горный лев, он заворчал при виде огня; а справа — олень с ветвистыми рогами, спокойно глядевший на ребят своими кроткими карими глазами.

Кто-то из мальчиков испугался, но Хаксли тихонько предложил ребятам потесниться и дать место новоприбывшим. Они немного помолчали; детям нужно было время, чтобы привыкнуть к присутствию животных. Наконец один из ребят робко погладил огромную кошку, а лев перевернулся на спину и выставил напоказ брюхо. Мальчик поднял глаза на старика и спросил:

— А как его зовут, мистер...

— Эфраим. Его зовут Свобода.

— Ого, да он совсем ручной! Как вы его приручили?

— Он читает мои мысли и верит мне. Многие звери относятся к тебе дружелюбно, если они тебя знают. И многие люди тоже.

Мальчик удивился:

— Как же он может читать ваши мысли?

— Это нетрудно. Ты тоже можешь читать его мысли. Хочешь, научу прямо сейчас?

— Господи Боже!..

— Погляди-ка мне в глаза. Хорошо! А теперь взгляни на него.

— Ой... ой... правда могу!

— Конечно, можешь. И мои мысли можешь читать. Я ведь не говорю вслух, ты заметил?

— И правда не говорите. Я читаю ваши мысли!

* Американский политик, военный, охотник (1786—1863). Был конгрессменом, затем сражался против мексиканцев за независимость Техаса. Погиб в бою. В Техасе стал поистине легендарной фигурой.

— *А я твои. Несложно, верно?*

С помощью Фила всего за час Хоу научил ребят общаться путем передачи мысли. А потом, чтобы успокоить мальчишек, целый час рассказывал им истории, составлявшие важную часть их учебной программы. Он помог Филу уложить ребят спать и ушел в сопровождении зверей.

На следующее утро перед Хаксли сразу же предстал юный скептик:

— Скажите, тот старик с пумой и оленем — они мне приснились?

— *Приснились?*

— *Вы же читаете мои мысли!*

— *Конечно. А ты читаешь мои. Иди и расскажи всем мальчикам об этом.*

Перед возвращением в лагерь Хаксли посоветовал ребятам не рассказывать о своих приключениях тем, кто еще не ходил в ночной поход, но между собой и с другими посвященными общаться телепатическим способом, чтобы приобрести навыки.

Все шло хорошо, пока одному мальчику не пришлось вернуться домой: ему сообщили о болезни отца. Старшие не хотели стирать из его разума вновь приобретенные знания, но за ним внимательно следили. Через какое-то время мальчик проболтался, и противники почти сразу же узнали обо всем. Хоу отдал приказ усилить телепатический патруль.

Патрулю удавалось не пропускать в лагерь злоумышленников, но он был не слишком многочислен, не мог уследить за всем. Однажды глубокой ночью с подветренной стороны лагеря начался лесной пожар. Рядом с местом загорания никого не оказалось; совершенно очевидно было, что пользовались телекинезом.

Но если, управляя материей на расстоянии, можно содействовать злу, то так же можно его и исправить. Моултон усилием воли потушил пожар.

На какое-то время враг, казалось, оставил попытки причинить мальчикам физический вред. Но враг не сдался. Однажды к Хаксли в панике обратился один из

малышей, умоляя его немедленно прийти к ним в палатку: командир их отряда заболел. Фил обнаружил парнишку-командира в истерическом состоянии; соседи по палатке держали его, чтобы он не поранился. Он пытался перерезать себе ножом горло и пришел в безумную ярость, когда один из мальчиков схватил его за руку.

Хаксли быстро оценил ситуацию и вызвал Бена.

— *Бен! Немедленно приходи. Ты мне нужен.*

Коуберн промелькнул в воздухе и влетел в палатку. Фил успел только уложить мальчика на койку и начал приводить его в состояние транса. Ребята, взволнованные происшедшим, не сразу осознали, что доктор Бен летел — ведь сейчас он, как и все люди, стоял рядом с их наставником.

Бен соединился с разумом Фила, не давая мальчикам подключиться к их связи.

— *В чем дело?*

— *Они добрались до него... и чуть не погубили, черт их побери!*

— *Как?*

— *Завладели его разумом. Пытались заставить его покончить с собой. Мне удалось разорвать этот контакт. И как ты думаешь, кто пытался его уделать? Бринкли!*

— *Не может быть!*

— *Точно. Ты оставайся здесь, а я поищу Бринкли. Скажи Старейшему, чтобы присматривали за всеми ребятами, владеющими телепатией. Как бы до них не добрались прежде, чем мы обучим их приемам самообороны.*

И он удалился; мальчики так и не поняли, видели они левитацию или нет.

Хаксли не успел далеко улететь; он еще набирал скорость, когда в голове у него зазвучал знакомый голос:

— *Фил! Фил! Подожди меня!*

Он чуть притормозил. Маленькая фигурка подлетела к нему и схватила за руку:

— *Как хорошо, что я не прерываю связь с вами обоими! Ты бы ударал разбираться с этим грязным старым козлом без меня.*

Он попытался быть строгим:

— Если бы я думал, что ты мне понадобишься, Джоан, я бы тебя позвал.

— Вздор! И чушь собачья! Ты можешь попасть в беду, если будешь разбираться с ним в одиночку. А кроме того, я непременно столкну его в яму.

Он вздохнул и, сдаваясь, сказал:

— Джоан, милая, ты такая кровожадная девушка, что придется тебе пройти десять тысяч перевоплощений, прежде чем ты достигнешь блаженства.

— Не нужно мне блаженства, хочу отделать старика Бринкли.

— Тогда полетели. И давай поспешим.

Они находились немного южнее Теачапи и быстро приближались к Лос-Анджелесу. Пролетев над цепью Сьерра-Мадре и долиной Сан-Фернандо, они промчались над вершиной горы Голливуд и опустились на полянке в резиденции ректора Западного университета. Бринкли увидел или почувствовал их появление и попытался бежать, но Фил вступил с ним в схватку.

Он быстро мысленно сказал Джоан:

— *Не вмешивайся, малышка, пока я не попрошу помощи.*

Бринкли не желал сдаваться. Его разум попытался поглотить разум Фила. Хаксли почувствовал, что начинает отступать перед злобным натиском. Казалось, его затягивают, пытаются утопить в грязном зыбучем песке.

Но он собрался с силами и нанес ответный удар.

Когда Фил покончил с Бринкли, он поднялся и вытер руки, словно желая стереть духовную слизь, налипшую на них.

— Ну, пойдем, — сказал он Джоан. — У нас мало времени.

— Что ты с ним сделал, Фил? — Она с отвращением уставилась на существо, лежащее на земле.

— Да ничего особенного, просто парализовал. Его нужно оставить в живых — на время. Полетели, девочка. Прочь отсюда, пока нас не заметили.

И они взлетели вверх, унося за собой тело Бринкли, которое удерживала прочная телекинетическая связь. Над облаками они остановились. Бринкли плавал рядом

в воздухе, выпучив глаза, разинув рот, с бессмысленным выражением гладкого розового лица.

— Бен! — позвал Хаксли. — Эфраим Хоу! Эмбруз! Ко мне! Ко мне! Поспешите!

— Лечу, Фил! — ответил Коуберн.

— Я слышу тебя. — Спокойная сила мысли выдавала присутствие Старейшего. — Что случилось, сын мой? Скажи.

— Некорга! — отрезал Фил. — Вы, Старейший, и все, кто может! Сюда! Спешите!

— Летим. — Мысль была по-прежнему спокойной и неторопливой. Но в палатке Моултона появилось две дыры. Моултон и Хоу уже покинули лагерь «Марк Твен».

Они стремительно летели, рассекая воздух, — горсточка братьев, стерегущих священный огонь. Пятьсот миль на север пролетели они, словно голуби, спешащие домой. Лагерные наставники, две трети небольшой группы сестер-хозяек, несколько человек из разных уголков страны — все они откликнулись на зов Хаксли о помощи и сигнал тревоги, подобный набатному колоколу, поступивший от Старейшего. В каком-то городе домохозяйка вдруг выключила плиту и исчезла в небе. Шофер такси остановил машину и без единого слова оставил изумленных пассажиров. Исследовательские группы на Шасте разорвали свою закрытую для всех связь, бросили любимую работу и прилетели — мигом!

— Итак, Филип? — Хоу сказал это вслух, остановив полет и зависнув рядом с Хаксли.

Фил показал на Бринкли.

— Он знает то, что нам нужно знать, если мы хотим нанести внезапный удар. Где мастер Линь?

— Он и миссис Дрэпер охраняют лагерь.

— Он мне нужен. Может она справиться одна?

Ясный и мелодичный голос миссис Дрэпер прозвучал в его голове с расстояния в половину штата:

— Могу!

— Черепаха вылетает. — Во второй мысли была та всегдашняя спокойная веселость, по которой можно было безошибочно узнать старого китайца.

Джоан почувствовала, как что-то мягко коснулось ее разума, а затем мастер Линь оказался с ними, аккуратно усевшись по-турецки в пустоте:

— Я здесь; мое тело скоро прибудет, — заявил он. — Может быть, продолжим?

И тут Джоан заметила, что он воспользовался ее разумом, чтобы очутиться в их обществе быстрее, чем его тело преодолеет пространство. Она почувствовала себя чрезвычайно польщенной выбором китайца.

Хаксли начал без промедления.

— Через его разум, — он указал на Бринкли, — я узнал о многих других наших смертельных врагах. Их следует немедленно отыскать и покончить с ними, пока они не опомнились и не собрались с силами. Но мне нужна помощь. Мастер, могли бы вы продлить настоящее время и обследовать этого типа?

Линь учил их, как проникать во время и как воспринимать настоящее, научил удаляться на какое-то расстояние, чтобы вычленишь из вечности временной отрезок. Но он был намного искуснее своих учеников. Линь мог разбить крохотное мгновение на тысячу дискретных отрезков или охватить тысячелетие как один миг жизненного опыта. Его умение проникать во время и пространство не ограничивалось ни его метаболизмом, ни молярными размерами.

Линь начал тщательно прощупывать мозг Бринкли, как будто искал потерянную драгоценность в куче мусора. Он нашел модели памяти своего противника и обозрел его жизнь как единую картину. С изумлением Джоан заметила, как всегдашняя улыбка мастера сменилась гримасой отвращения. Линь оставил свой разум открытым для наблюдения. Джоан с любопытством заглянула в него, затем отключилась. Если в мире действительно так много злобных духов, то она предпочитает встречаться с ними по одному, а не со всеми одновременно.

Тело мастера Линя тоже присоединилось к ним, незаметно перейдя в свою проекцию.

Хаксли, Хоу, Моултон и Бирс с напряженным вниманием следили за тонкой работой китайца. Лицо Хоу было бесстрастно; Моултон, напротив, выразительно морщил свое мягкое, немного старушечье лицо, нео-

добрительно цокая языком при виде столь беспредельной подлости. Бирс более обычного походил на Марка Твена, обуреваемого беспощадной, разрушительной яростью.

Мастер Линь поднял голову.

— Да, да, — произнес Моултон, — видимо, нужно действовать, Эфраим.

— У нас нет выбора, — заявил Хаксли, не сознавая даже, что нарушает этикет. — Быть может, вы дадите каждому задание, Старейший?

Хоу пристально посмотрел на него.

— Нет, Филип. Нет. Продолжайте. Работайте!

Хаксли, опомнившись, ругнул себя за бестактность и тут же принялся за дело:

— Вы поможете мне, мастер Линь. Бен!

— Готов!

Они прочно сцепили свой разум и попросили Линя показать им противника и все необходимые данные.

— *Понял? Помощь нужна?*

— *Мне хватит дедушки Стоунбендера.*

— *Ладно. Ноги в руки — и пошел.*

— *Можешь поставить галочку.* — И Бен улетел, стремительно рассекая воздух.

— *Это задание для вас, сенатор Моултон.*

— *Понял.* — Моултон также улетел.

Хаксли давал задания, и братья улетали, по одному или парами, чтобы выполнить то, что на них возложено. Никто не спорил. Многие знали задолго до Хаксли, что день начала действий обязательно наступит, и только ждали, спокойно занимаясь текущими делами, чтобы семя созрело во времени.

В особняке на Лонг-Айленде, в звуконепроницаемом, надежно запертом и охраняемом кабинете без окон, с вычурной мебелью собралось пятеро сообщников — трое мужчин, женщина и нечто в кресле-каталке. Нечто в кресле с чудовищной яростью смотрело на четверых своих собеседников, смотрело без глаз, ибо бледный лоб его гладко переходил прямо в щеки.

Халат, свободно подоткнутый вокруг кресла, не скрывал того, что у существа не было ног.

Оно ухватилось за подлокотники.

— Я что, все время должен думать за вас, идиоты? — спросило оно тихим приятным голосом. — Вы, Артурсон, не помешали Моултону протолкнуть в Сенате этот законопроект о Шасте. Маразматик. — Последнее слово прозвучало ласкающе.

Артурсон заерзал на стуле.

— Я обследовал его разум. Законопроект был совсем безобидным. Он шел в обмен на сделку о долине Миссури, я же вам говорил.

— Значит, вы уверены, что обследовали его разум? Ха, да он устроил вам специальную экскурсию по своим мозгам, болван вы этакий! Законопроект о Шасте! И когда только вы, безмозглые идиоты, поймете, что от Шасты вечно одно беспокойство? — Существо одобрительно улыбнулось.

— Ну откуда мне было знать? Я думал, может, лагерь на горе будет раздражать их... ну, тех, вы понимаете, о ком я говорю.

— Безмозглый идиот. Недалеко то время, когда я обнаружу, что вполне могу обойтись без вас. — Существо не стало ждать, пока его собеседник осознает угрозу, и продолжило: — Ладно, хватит об этом. Нужно действовать, чтобы исправить положение. Они перешли в наступление. Агнес...

— Да, — отозвалась женщина.

— Ваши проповеди должны набрать обороты!

— Я сделала все, что в моих силах.

— Этого мало. Нам нужна волна религиозной истерии, которая смоет к чертовой матери Билль о правах *до того*, как лагерь на Шасте закроется на лето. Нужно действовать быстро, не упуская момента и чтобы все эти дурацкие законы нам не мешали.

— Но это невозможно!

— Заткнитесь. Все возможно. На этой неделе в ваш храм поступят пожертвования, и вы используете их на широковещательные телепрограммы. А в нужный момент найдете нового мессию.

— Кого?

— Брата Артемиса.

— Этого ничтожного пьянчужку? А меня, значит, побоку?

— Вы свое получите. Но на должность мессии не претендуйте; страна не примет женщину-лидера. Вы вдвоем возглавите поход на Вашингтон и осуществите государственный переворот. «Сыны семьдесят шестого»* пополнят ваши ряды в уличных боях. Вимс, это ваша задача.

Человек, к которому существо обратилось, возразил:

— Мне понадобится месяца три-четыре, чтобы их натаскать.

— Получите три недели. И постарайтесь справиться.

Третий мужчина, до сих пор молчавший, спросил:

— Что за спешка, шеф? Зря вы так паникуете из-за нескольких ребятишек.

— Это уж мне судить. Вам же нужно выбрать время так, чтобы повальные забастовки связали страну по рукам и ногам во время нашего похода на Вашингтон.

— Мне бы парочку какие-нибудь инцидентов.

— Вы их получите. Займитесь профсоюзами, лигу торговцев и коммерсантов я беру на себя. Организуете мне завтра маленькую забастовку. Выставите пикеты, а я позабочусь о том, чтобы нескольких пикетчиков подстрелили. Пресса будет наготове. Агнес, произнесите по этому поводу проповедь.

— С каким уклоном?

Существо закатило несуществующие глаза под потолок.

— Я что, обо всем должен думать? Это же элементарно! Пошевелите мозгами.

Третий мужчина осторожно положил сигару и спросил:

— И все-таки, шеф, объясните, что за пожар?

— Я вам уже сказал.

— Нет, не говорили. Вы закрыли свой разум и не даете нам прочесть ваши мысли. Вы давным-давно знали про лагерь на Шасте. К чему вдруг эта спешка? Может, вы решили слинять? Давайте-ка начистоту. Как вы можете ждать от нас послушания, если сами хотите смыться?

Безглазое существо внимательно взглянуло на него:

* Очевидно, имеется в виду патриотическая организация «Сыны Революции» (независимость Штатов была провозглашена в 1776 г.).

— Хэнсон, — сказало оно нежным голосом, — вы что-то совсем обнаглели в последнее время. Может, хотите помериться со мной силами?

Его собеседник взглянул на свою сигару.

— Я не против.

— Померяемся. Только не сегодня. Сейчас у меня нет времени выбирать и обучать новых подручных. Так вот, я вам скажу, отчего мы спешим. Я не могу разбудить Бринкли. Он выпал из общения. У нас нет больше времени...

— Вы правы, — сказал вдруг чей-то голос. — Времени у вас больше нет.

Все пятеро, как марионетки, повернули головы в ту сторону, откуда исходил голос. Плечом к плечу в кабинете стояли Эфраим Хоу и Джоан Фримэн.

Хоу посмотрел на существо.

— Я ожидал этой встречи, — весело сказал он. — Я, можно сказать, давно мечтаю о ней.

Существо выбралось из каталки и двинулось по воздуху к Хоу. Его рост и манера передвигаться создавали неприятное впечатление, что оно идет на невидимых ногах. Хоу просигналил Джоан.

— Оно начинает. Ты сможешь удержать остальных, милая?

— Думаю, что да.

— С Богом! — И Хоу постарался сосредоточить все знания, полученные за сто тридцать лет непрерывного труда, на одной-единственной цели — на телекинетическом контроле. Он избегал контакта с разумом злобного существа, противостоявшего ему, и направил все усилия на то, чтобы разрушить его физическую оболочку.

Существо остановилось.

Медленно, очень медленно, как это бывает с неосторожным ныряльщиком, когда его сплющивают морские глубины, или с апельсином, попавшим в соковыжималку, сокращались пространственные пределы его существования. Невидимая сфера заключила его в себя и уменьшила.

Существо вытягивалось в нее все глубже и глубже. Короткие обрубки ног прижались к плотному тулови-

щу. Голова пригнулась к груди, чтобы избежать неумолимого давления. На миг оно собрало всю свою извращенную злую волю и попыталось дать отпор. Джоан мгновенно захлестнуло тошнотворной злобной волной.

Но Хоу был неколебим; сфера вновь начала уменьшаться.

Безглазый череп раскололся. И сфера сразу сократилась до ничтожных размеров. Двадцатидюймовый шарик повис в воздухе; он был столь омерзителен на вид, что вглядываться в него не хотелось.

Хоу, частицей разума удерживая на месте теперь уже безвредную кучку грязи, спросил:

— *С тобой все в порядке, милая?*

— *Да, Старейший. Когда мне стало плохо, мастер Линь пришел на помощь.*

— *Я это почувствовал. А теперь давай займемся остальными.* — Вслух он сказал: — Что вы предпочитаете: присоединиться к вашему шефу или же забыть то, что вы знаете? — И он пошевелил пальцами, как будто сжимая что-то.

Человек с сигарой пронзительно завопил.

— Понял ваш ответ, — сказал Хоу. — Джоан, передавай их мне по одному.

Он провел тонкую работу с их мозгом, разглаживая некоторые лишние извилины, образовавшиеся в результате жизненного опыта.

Через несколько минут в комнате осталось четверо человек — вполне вменяемых, но несколько инфантильных — и кучка кровавой грязи на коврике.

Коуберн вошел в комнату незванным гостем.

— Игра окончена, голубчики, — весело объявил он и направил указательный палец на одного из троих мужчин. — Вот тебе! — Из пальца с треском выбилося пламя и объяло врага. — И тебе. — Пламя вылетело вновь. — Ты тоже получай! — И третий подвергся очищению огнем.

Брат Артемис, «Божий Гнев», стоял перед телевизионной камерой.

— А если все это неправда, — гневно проговорил он, — да поразит меня Господь на этом месте!

Заключение, составленное следователем о том, что причиной внезапной смерти Артемиса был инфаркт, никак не объясняло, почему его останки нашли обгоревшими.

Политический митинг пришлось отменить, поскольку главный оратор так и не появился. У микрофонов обнаружили неизвестного бродягу, который свалился на землю и что-то бессвязно лепетал. Директор девятнадцати крупных корпораций довел до истерики свою секретаршу: диктуя очередное распоряжение, он вдруг запнулся, вступил сам с собой в дискуссию и под конец впал в беззаботный идиотизм. Исчезла прославленная телезвезда. Поспешно пришлось сочинить некрологи для семи конгрессменов, нескольких судей и двух губернаторов.

В тот вечер традиционную вечернюю песню в лагере «Марк Твен» пели без директора Моултона. Он был на общей конференции братьев, собравшихся во плоти впервые за многие годы.

Войдя в зал, Джоан огляделась.

— А где мастер Линь? — спросила она у Хоу.

Несколько мгновений он молча смотрел на нее. Впервые за два года, прошедшие после их первой встречи, ей показалось, что Хоу растерялся.

— Милая, — мягко сказал он, — ты, должно быть, успела понять, что мастер Линь оставался с нами ради нас, а не ради себя самого. Кризис, которого он ожидал, успешно разрешился; остальную работу нам предстоит выполнить без него.

Джоан прижала руку к горлу.

— Вы... вы хотите сказать...

— Он был очень стар и очень, очень устал. Последние сорок лет его сердце продолжало биться только благодаря постоянному контролю.

— Но почему же он не омолодился?

— Он этого не хотел. Он не мог оставаться с нами до бесконечности после того, как вырос.

— Да. — Она прикусила дрожащую губу. — Да. Верно. Мы все еще дети, а у него есть другие дела... но... О Линь! Линь! Мастер Линь! — И она опустила голову на плечо Хоу.

— Почему ты плачешь, Маленький Цветок?

Резким движением она подняла голову.

— Мастер Линь!

— Разве не может произойти то, что уже происходило? Разве существует прошлое или будущее? Неужели ты так плохо усвоила мои уроки? Разве я сейчас не с тобой, как всегда? — И своей мыслью она ощутила волнуемую, неподвластную времени веселость, ту любовь к жизни, которая была отличительной чертой доброго китайца.

Мысленно Джоан сжала руку Хоу.

— Извините, — сказала она. — Я была не права.

Она расслабилась, как учил ее Линь, и позволила своему сознанию погрузиться в грезы, обнимающие время в единый бессмертный поток настоящего.

Хоу, видя, что она успокоилась, занялся конференцией и связал всех присутствующих в единую телепатическую сеть.

— Полагаю, все вы знаете, зачем мы собрались, — подумал он. — Я отслужил свой срок; мы вступаем в иной, более активный период, требующий от Старейшего таких качеств, какими я не обладаю. Я созвал вас, чтобы обдумать ситуацию и утвердить избранного мной преемника.

Хаксли почему-то вдруг стало трудно следить за мыслями. «Должно быть, я просто устал», — подумал он про себя.

И тут же вновь услышал мысли Хоу.

— Да будет так; мы все согласны! — Старейший посмотрел на Хаксли. — Филип, принимаешь ли ты назначение на этот высокий пост?

— Что?!

— Ты теперь Старейший. Избран единогласно.

— Но я... я еще не готов.

— Мы тоже так считаем, — спокойно ответил Хоу. — Но нам нужны твои таланты. Именно сейчас. А под бременем ответственности ты быстро вырастешь.

— *Выше нос, грузище!* — пришло личное послание от Коуберна.

— *Все будет в порядке, Фил.* — Это уже Джоан.

На секунду Хаксли показалось, будто он слышит рассыпчатый довольный смешок мастера Линя.

— Я попробую, — сказал Фил.

В последний день перед закрытием лагеря Джоан сидела рядом с миссис Дрэпер на террасе Дома Шасты и глядела вниз на долину. Из груди девушки вырвался вздох. Миссис Дрэпер подняла глаза от вязания и улыбнулась.

— Грустишь, что лагерь закрывается?

— Нет, совсем нет. Я рада этому.

— Тогда почему вздыхаешь?

— Просто я подумала... мы столько сил и трудов положили на то, чтобы его открыть. И потом непрерывно следили за его безопасностью. Завтра мальчики разъедутся по домам — и за каждым из них придется присматривать, пока они не окрепнут настолько, чтобы самостоятельно защищаться от зла, еще оставшегося в мире. А через год сюда приедет следующая смена, потом еще и еще. И так без конца, что ли?

— Почему без конца? Все когда-то кончается. Ты же смотрела архивы — помнишь, как было со Старшими? Когда мы выполним здесь все, что нам положено, мы уйдем туда, где нас ждут другие дела. Человечество не останется тут навеки.

— Все равно это кажется бесконечным.

— Ну да, если смотреть на вещи с такой точки зрения. А чтобы все было интереснее и быстрее, нужно подумать, что будешь делать дальше. Вот ты, например, — что ты собираешься делать дальше?

— Я? — Джоан растерялась, потом лицо ее прояснилось: — Я... Я собираюсь выйти замуж!

— Я так и думала, — заметила миссис Дрэпер, быстро работая спицами.

Глава 13

«... И ИСТИНА СДЕЛАЕТ ВАС СВОБОДНЫМИ!»*

Земной шар все еще кружится под Солнцем. Времена года сменяют друг друга. Солнце все так же светит на горных склонах, так же зеленеют холмы и буйно цветут долины. Река стремится в морские глубины, потом поднимается вверх облаком и падает в горах дождем. Скот пасется в долинах; в кустах лиса подстерегает зайца. Циклы морских приливов и отливов соответствуют лунным фазам, и, когда наступает отлив, на влажном песке играют чайки. Земля прекрасна и обильна жизнью; жизнь кишмя кишит, переполняет землю, как вода переполняет русло реки в половодье.

Но человека нет нигде.

Ищите его в горах, обшарьте долины. Обследуйте зеленые джунгли в поисках его следов. Зовите его, кричите. Пробреритесь в самые недра земли, погрузитесь в неизведанные морские пучины.

Человек ушел; дом его пуст и дверь в нем открыта.

Крупная обезьяна с чересчур большим для ее нужд мозгом и с каким-то томлением в груди ушла из своего стада в тишину высокогорья, простирающегося над джунглями. Час за часом карабкалась она на вершину, побуждаемая непонятным стремлением. Она добралась до ровной площадки, оставив далеко внизу зеленые купы родных деревьев; никто из ее сородичей не забирался еще так высоко. Там она увидела широкий плоский валун, нагретый солнечными лучами. Обезьяна улеглась на валун и заснула.

Но сон ее был покоен. Странные видения мерещились ей — раньше она не знала подобных. Видения эти пробудили ее, и она проснулась с головной болью.

Пройдет немало поколений, прежде чем кто-то из ее потомков поймет, что оставили здесь ушедшие.

* «Евангелие от Иоанна», гл. 8, ст. 32.

ДЖЕРРИ — ЧЕЛОВЕК

Не вините марсиан. Человечество в любом случае открыло бы пластобиологию.

Вспомните хотя бы собачьи породы — эндокринных великанов вроде сенбернаров и датских догов и нелепых уродцев чихуахуа и пекинесов. Припомните аквариумных рыбок.

Непоправимое свершилось, когда доктор Морган создал новый подвид дрозофил, перетасовав их хромосомы с помощью рентгеновских лучей. А после этого потомки в третьем колене тех, кто пережил Хиросиму, ничему новому нас не научили. Эти злополучные чудища просто вызвали широкий интерес к генетике.

Мистер и миссис Бронсон ван Фогель не замыслили никаких социальных потрясений, когда отправились в генетический питомник «Феникс». Просто мистеру Бронсону вздумалось купить Пегаса. Он упомянул об этом за завтраком.

— Дорогая, ты сегодня утром занята?

— Да нет. А что?

— Я бы хотел съездить в Аризону и заказать Пегаса.

— Пегаса? Крылатого коня? А зачем?

Он расплылся в улыбке.

Jerry Was a Man, 1947

— Да просто так. Толстун Джордж заходил вчера в клуб с шестиногой таксой — длиной больше ярда, честное слово. Мысль очень недурная, но он до того пыжился, что мне захотелось, чтобы он выпучил глаза. Ты только вообрази, Марта: я опускаюсь на вертолетную площадку клуба верхом на крылатом коне! Это ему не такса!

Она оторвала взор от берегов Джерси и снисходительно посмотрела на мужа. Обойдется это недешево, но Бронси такая прелесть!

— Когда отправляемся?

Приземлились они на два часа раньше, чем вылетели. Пятидесятифутовые буквы аэровывески слагались в надпись:

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПИТОМНИК «ФЕНИКС»

Управляемое биоразвитие. Поставка рабочей силы.

— Поставка рабочей силы? — прочла Марта. — А я думала, тут просто создают новых животных.

— Они и моделируют, и ставят на поток, — объяснил ее супруг с гордостью. — Поставками занимается материнская корпорация «Работники». Тебе следовало бы это знать! Ты ведь владеешь солидным пакетом акций «Работников».

— Ты хочешь сказать, что я владею оравой горилл? Неужели?

— Разве я тебе не сказал? Мы с Хаскеллом... — Он наклонился и сообщил контрольной башне, что приземлится вручную. Ему нравилось щегольнуть своей сноровкой. — Мы с Хаскеллом вкладывали твои дивиденды от «Дженерал атомикс» в корпорацию «Работники». Отличное помещение капитала: черной работы для антропоидов еще хоть отбавляй.

Он ударил по кнопкам, и вой носовых реактивных двигателей положил конец разговору.

Бронсон переговорил с управляющим еще в полете, и им была оказана торжественная встреча. Правда, без красной ковровой дорожки, балдахина или ливрейных лакеев, но управляющий приложил все усилия, чтобы возместить их отсутствие.

— Мистер ван Фогель! И миссис ван Фогель! Такая честь!

Он усадил их в маленький роскошный унибил, и они унеслись с аэродрома вверх по пандусу прямо в вестибюль административного здания. Управляющий, мистер Блэсли, не успокоился, пока не водворил их в кресла у фонтана в своей личной приемной, не поднес зажигалку к их сигаретам и не приказал подать прохладительные напитки.

Такие знаки внимания докучали Бронсону ван Фогелю, поскольку адресовались они не ему, а рейтингу его жены по системе Дана и Брэдстрита (десять звездочек, солнце в лучах и небесная музыка). Он предпочитал людей, которые, казалось, свято верили, что он вовсе не женился на состоянии Бригсов, а как раз наоборот.

— У меня к вам дело, Блэсли. Я хочу кое-что заказать.

— О? Наше оборудование в вашем распоряжении. Так что вам угодно, сэр?

— Я хочу, чтобы вы сделали для меня Пегаса.

— Пегаса? Крылатого коня?

— Вот именно.

Блэсли пожевал губами.

— Вы серьезно хотите лошадь, способную летать? Животное на манер мифологического Пегаса?

— Да-да! Я же уже сказал.

— Вы ставите меня в сложное положение, мистер ван Фогель. Как я понимаю, вам требуется подарок для вашей супруги? Возможно, вам подойдет миниатюрный слон, приученный вести себя гигиенично, умеющий читать и писать? Он держит стило хоботом — очень-очень мило!

— А он разговаривает? — вмешалась миссис ван Фогель.

— Видите ли, прекрасная дама, у него ведь нет гортани, да и язык... Его смоделировали без дара речи. Но если необходимо, я выясню, что могут сделать наши пластицисты.

— Марта...

— Бронси, я не возражаю против Пегаса, но в этом игрушечном слонике что-то есть. Могу я его увидеть?

— О, разумеется! Харстон!

— Слушаю, босс, — раздалось из воздуха.

— Доставьте Наполеона в мою личную приемную.

— **Сию** минуту, сэр.

— А ваш Пегас, мистер ван Фогель... Я **предвижу** затруднения, но решать специалистам. Доктор Каргру — движущая пружина нашей организации, самый выдающийся биодизайнер, то есть земного происхождения, во всем мире. — Он **повысил** голос, включая передачу. — Доктор Каргру!

— В чем дело, мистер Блэксли?

— Доктор, прошу вас, зайдите ко мне в приемную.

— Попозже. Я занят.

Мистер Блэксли извинился, ушел к себе в кабинет, а вернувшись, сообщил, что доктор Каргру сейчас придет. Тем временем привели Наполеона. Пропорции его благородных предков были точно соблюдены в миниатюре. Он выглядел как чудом ожившая статуэтка слона.

Размеренным шагом войдя в приемную, он по очереди отсалютовал хоботом всем троим. Салютуя миссис ван Фогель, он еще и опустился на передние колени.

— Какая очаровашечка! — прожурчала она. — Иди сюда, Наполеон!

Слон поглядел на Блэксли, а когда тот кивнул, вразвалку подошел к ней и положил хобот ей на колени. Она почесала у него за ушами, и он блаженно застонал.

— Покажи даме, как ты **пишешь**, — распорядился Блэксли. — Принеси принадлежности из моей комнаты.

Наполеон выждал, пока она не почесала особенно зудящее местечко, а затем выплыл из приемной и почти сразу возвратился, неся несколько листов плотной белой бумаги и большущий карандаш. Положив лист перед миссис ван Фогель, он изящно придавил его передней ногой, ухватил карандаш «пальцем», завершающим хобот, и вывел кривыми заглавными буквами: «Я ВАС ЛЮБЛЮ».

— Дусик! — Миссис ван Фогель упала на колени и обняла его за шею. — Я его беру! Сколько?

— Наполеон входит в серию из шести особей, — осторожно сказал Блэксли. — Вы предпочтете быть владелицей единственной модели или остальные можно продать?

— Ах, мне все равно! Мне нужен Наппи! А что, если я напишу ему записочку?

— Разумеется, миссис ван Фогель. Только печатными буквами покрупнее и самые обиходные слова. Наполеон знает их практически все. Его цена, как одного из серии, триста пятьдесят тысяч долларов. В эту сумму входит пятилетняя оплата услуг его ветеринара.

— Выпиши джентльмену чек, Бронси, — бросила она через плечо.

— Но, Марта...

— Не нуди, Бронси! — Она нагнулась к слонику и начала выводить печатные буквы, даже не обернувшись, когда вошел доктор Каргру в белом халате и белой шапочке. От него веяло знобящим холодом. После небрежного рукопожатия он сунул в рот сигарету и сел. Блэксли объяснил суть дела.

Каргру мотнул головой.

— Физически невозможно.

Ван Фогель встал.

— Очевидно, — произнес он высокомерно, — мне следует обратиться в лабораторию Новожины. Я прибыл сюда, потому что мы финансово заинтересованы в этой фирме, а я наивно поверил вашей рекламе.

— Сядьте, юноша! — прикрикнул Каргру. — Обращайтесь к этим косоруким идиотам, если вам так хочется. Но предупреждаю: они крылья и у кузнечика не вырастят. И сперва послушайте меня. Мы можем вырастить что угодно, и оно будет жить. Я могу создать для вас живое нечто — животным я его не называю — точь-в-точь, как этот стол. Оно будет абсолютно бесполезным, но живым. Будет поглощать пищу, пользоваться химической энергией, выбрасывать экскременты и проявлять раздражимость. Но это была бы дурацкая затея. Стол и животные существуют в разных планах. Их функции различны, а потому они различаются формой. Сделать для вас крылатую лошадь я могу...

— Но вы же только что сказали, что не можете...

— Не перебивайте. Я могу сделать крылатую лошадь, точно такую, как на иллюстрациях к сказкам. Если вы заплатите, мы ее сделаем, мы же коммерческое предприятие. Но летать она не будет.

— Почему?

— Потому что ее тело не создано для полета. Древние мифотворцы понятия не имели об аэродинамике, а

о биологии знали и того меньше. Они просто снабдили лошадь крыльями, присобачили их с помощью канцелярских кнопок и клея. Но для создания летательного аппарата этого мало. Запомни, сынок, что животное — это машина, работающая по принципу внутреннего сгорания с контрольной системой, оперирующей рычагами, и гидравлическими системами. В аэродинамике петришь?

— Ну, я пилот.

— Х-м-м-м! Раз так, попробуй понять вот что: двигателя для полета у лошади нет. Она работает на сжигании сена, а этого мало. Мы могли бы приспособить пищеварительную систему лошади к потреблению только сахара, и тогда, возможно, у нее хватало бы энергии на коротенькие полеты. Но на мифического Пегаса она похожа не будет. Для прикрепления летательной мускулатуры ей понадобится грудина футов десять длиной, а размах крыльев понадобится, пожалуй, в восемьдесят футов. В сложенном виде крылья будут накрывать ее наподобие шатра. Через кубически-квадратный камень преткновения не перепрыгнешь!

— А?

Каргру нетерпеливо пожал плечами.

— Подъемная сила определяется размерами, возведенными в квадрат, а нагрузка при прочих равных равна тем же размерам, возведенным в куб. Я мог бы, пожалуй, сделать для вас Пегаса величиной с кошку, более или менее сохранив желаемые пропорции.

— Нет! Я хочу ездить на нем. Размах крыльев мне даже нравится, а большую грудину я как-нибудь стерплю. Когда я мог бы его получить?

Каргру поморщился, снова пожал плечами и ответил:

— Надо проконсультироваться с Б'на Крийтом.

Он засвистел, зачирикал, часть стены перед ними словно растаяла, и они увидели лабораторию. Передний план трехмерного изображения занимал марсианин в натуральную величину.

Едва это существо зачирикало, отвечая Каргру, миссис ван Фогель взглянула на него и сразу отвела глаза. Глупо, конечно, но вид марсиан вызывал у нее дрожь отвращения — а уж тем более таких, которые придавали себе получеловеческое обличие.

Минуты две марсианин и Каргру продолжали чиркать и жестикулировать, а потом Каргру повернулся к ван Фогелю.

— Б'на рекомендует, чтобы вы выбросили это из головы, и спрашивает, не предпочтете ли вы отличного единорога, а то и пару с гарантией нормального размножения?

— Единороги — позавчерашний день. А сколько времени надо на Пегаса?

После еще одного разговора, смахивавшего на поскрипывание старой двери, Каргру ответил:

— Возможно, десять лет. С полной гарантией — шестнадцать.

— Десять лет? Смешно!

Каргру процедил презрительно:

— Я думал, что на это уйдет пятьдесят лет, но раз Б'на говорит, что уложится в три-пять поколений, значит, так оно и будет. Б'на — лучший биомикрохирург двух планет. В хромосомной хирургии ему нет равных. В конце-то концов, юноша, эволюции потребовалось бы миллион лет, чтобы достичь такого результата, если он вообще был бы достигнут. Или вы полагали, что за деньги можно покупать чудеса?

У ван Фогеля хватило ума смутиться.

— Извините меня, доктор. Забудем об этом. Но вы сказали, что можете создать для меня Пегаса, каким его принято изображать, если я не стану настаивать, чтобы он летал. Но ездить на нем я смогу? По земле?

— Безусловно. Играть в поло — нет, а ездить — пожалуйста.

— Хорошо, я согласен. Спросите Бенакрита, или как его там, сколько времени это потребует.

Тем временем марсианин исчез с экрана.

— Спрашивать его незачем, — заявил Каргру. — Это моя специальность — простые манипуляции. Сотрудничество Б'на требуется только для изменения конфигурации генов и их трансплантации, то есть чисто генетической инженерии. Коня вы получите через полтора года.

— А побыстрее нельзя?

— О чем вы, милейший? Для формирования новорожденного жеребенка требуется одиннадцать меся-

цев. Месяц мне нужно для разработки формы и программы. Эмбрион будет извлечен на четвертый день для внematочного выращивания. За это время я произведу десять-двенадцать операций — прививки, зародышевые имплантации и прочее, о чем вы, конечно, слышали. Через год мы получим сосунка с крылышками, а еще через шесть месяцев я доставлю вам шестимесячного Пегаса.

— Согласен.

Каргру сделал пометки в записной книжке, потом прочел вслух:

— Один конь с крыльями, неспособный летать и давать крылатое потомство. Исходная порода по вашему выбору. Я рекомендовал бы паломино или араба. Искусственные маховые перья, окаймление из привитых рулевых перьев или их точной копии. — Он умолк и протянул листок ван Фогелю. — Распишитесь, и мы приступим сразу же до оформления типового контракта.

— Договорились. А гонорар? — Он поставил свою подпись под подписью Каргру.

Каргру сделал несколько пометок на другом листке и отдал его Блэксли — расход человеко-часов специалистов и технического персонала, материалы и накладные расходы. Он раздул цифры, чтобы покрыть расходы на собственные исследования, и все-таки поднял брови, когда Блэксли подвел итоги в долларах и центах.

— Ровно два миллиона долларов.

Ван Фогель замялся: при упоминании о деньгах его жена повернула голову, но затем вновь занялась грамотным слоником.

Блэксли поспешил добавить:

— Разумеется, если экземпляр будет единственным.

— Да, конечно, — деловито кивнул ван Фогель и приписал цифру на первом листке.

Ван Фогель был готов отправиться в обратный путь, но его супруга пожелала посмотреть «горилл», как она назвала антропоидных работников. Мысль о том, что эти получеловеки в значительной мере принадлежат и ей, пробудила ее любопытство. Блэксли с энтузиазмом предложил показать ей лаборатории, в которых работники выводились из человекообразных обезьян.

Занимали лаборатории семь корпусов — «Семь Дней Творения». Огромное здание «День Первый» было епархией Каргру, где размещались его сотрудники, операционные, инкубаторы и, собственно, лаборатории. Марта ван Фогель с ужасом, как замороженная рассматривала живые органы и даже целые эмбрионы, ведущие искусственное существование, которое поддерживалось хитроумными рециркулирующими системами из стекла и металла, а также изумительными автоматическими приборами.

Оценить высочайшие технические достижения она не могла, и все это повергало ее в уныние. В ней поднималось возмущение против пластобиологии, но тут Наполеон подергал ее за юбку, напоминая, что наука эта творит не только ужасы, но и много приятного.

В «День Второй» они заходить не стали — там работали Б'на Крийт и его сопланетники.

— Мы там не прожили бы и пяти минут, — объяснил Блэксли.

Ван Фогель кивнул, а его супруга ускорила шаг: марсиане даже за оргстеклом ей были ни к чему.

Прочие корпуса служили для формирования и коммерческого производства работников. В «Дне Третьем» в антропоидах формировались различия в соответствии с постоянно меняющимся спросом на чернорабочих. Огромный корпус «Дня Четвертого» был целиком занят инкубаторами для поточного производства антропоидов коммерческих типов. По словам Блэксли, с натуральными рожденьями было покончено.

— Такое производство позволяет точно контролировать форсированные изменения, например в росте, и предотвращает потерю сотен тысяч рабочих часов антропоидными самками.

«День Пятый» привел Марту ван Фогель в восторг — антропоидный детский садик, где миленькие крошки учились говорить и получали дрессировку, обеспечивавшую подготовку к социальным условиям, которые соответствовали их положению у подножья общественной лестницы. Они выполняли простенькие задания — рассортировывали пуговицы и копали ямки в песочниках, получая леденцы в поощрение за быструю и аккуратную работу.

«День Шестой» завершал подготовку антропоидов. Каждая особь овладевала навыками для предназначенных ей обязанностей — уборки, рытья, а также сельскохозяйственных работ вроде прополки, пикировки и сбора урожая.

— Один фермер-нисей, руководя тремя нео-шимпанзе, выращивает столько же овощей, сколько десяток работников-людей, — заявил Блэксли. — Они попросту любят работать, когда мы завершаем их дрессировку.

Посетители поразились, с какими невероятно тяжелыми задачами справлялись модифицированные гориллы, и залюбовались нео-капуцинчиками, собиравшими плоды с учебных деревьев, а затем направились в «День Седьмой».

В этом корпусе производилась радиоактивная обработка генов, а потому он стоял в стороне от остальных. Им пришлось идти пешком, так как тротуарная лента ремонтировалась. Обходная дорога вела между рабочими бараками и вольерами. Несколько антропоидов сгрудились у сетки и принялись выпрашивать:

— Сигрету! Сигрету! Пжаст, мисси! Пжаст, босс! Сигрету!

— Что они говорят? — поинтересовалась Марта ван Фогель.

— Клянчат сигареты, — раздраженно ответил Блэксли. — Знают ведь, что этого нельзя, но они, как дети. Я сейчас прекращу это! — Он подошел к сетке и крикнул пожилому самцу: — Эй! Полубосс!

На этом работнике в дополнение к стандартной парусиновой юбочке была еще и рваная нарукавная повязка. Он обернулся и приковылял к сетке.

— Полубосс! — приказал Блэксли. — Убери этих джеков отсюда.

— Есть, босс, — прошамкал старик и начал раздавать затрещины тем, кто был рядом. — Пшли, джеки! Пшли!

— Но я захватила сигареты, — перебила миссис ван Фогель, — и с удовольствием угощу бедняжек.

— Их не следует баловать, — возразил управляющий. — Они приучены к тому, что удовольствие — это награда за работу. Я должен извиниться за моих

бедных детей. В вольерах помещены старики, забывающие, как должно себя вести.

Она ничего не ответила и направилась вдоль сетки туда, где в нескольких шагах от остальных старый нео-шимп смотрел на них сквозь ячейки кроткими трагичными глазами. Он не выкрикивал с остальными «сигрет», и полубосс его не тронул.

— Хочешь сигарету? — спросила миссис ван Фогель.

— Пжалст, мисси!

Она раскурила сигарету и протянула ему. С неуклюжим изяществом он глубоко затянулся, выпустил дым через ноздри и застенчиво сказал:

— Сбо, мисси. Я — Джерри.

— Как поживаешь, Джерри?

— Какпжете, мисси? — И он поклонился, одним движением подогнув колени, наклонив голову и прижав руки к груди.

— Идем же, Марта! — К ней подошел ее муж с Блэксли.

— Сейчас, — ответила она. — Бронси, познакомься с моим другом Джерри. Правда, он — вылитый дядя Альберт? Только вид у него грустный. Почему ты такой печальный, Джерри?

— Они не воспринимают абстрактные идеи, — вмешался Блэксли.

Однако Джерри устроил ему сюрприз.

— Джерри пчальный, — объявил он с такой тоской, что Марта не знала, засмеяться ей или заплакать.

— Но почему, Джерри? — спросила она ласково. — Почему ты печальный?

— Работы нет, — заявил он. — Сигрет нет. Сласти нет. Работы нет.

— Это все старые работники, уже не способные трудиться, — снова вмешался Блэксли. — Безделие выводит их из равновесия, но у нас для них ничего нет.

— А! — сказала она. — Но почему вы не поручаете им сортировать пуговицы и вообще делать то, что делают малыши?

— Они даже с такой задачей не справятся, — вздохнул Блэксли. — Эти работники уже в маразме.

— Только не Джерри! Вы же слышали, как он разговаривает.

— Ну, может быть... Минуточку! — Он обернулся к обезьяночеловеку, который присел на корточки и, просунув сквозь сетку длинный палец, почесывал Наполеона за ухом. — Эй, джек! Сюда!

Блэксли ощупал волосатую шею работника и подцепил тонкую металлическую цепочку с жетоном, тоже металлическим. Он взгляделся в жетон и сказал:

— Вы правы, он еще не стар, но у него нелады со зрением. Я помню эту партию — катаракты в результате побочных мутационных изменений.

Он пожал плечами.

— Но это не причина мучить его безделием!

— Право, миссис ван Фогель, вы напрасно принимаете это к сердцу. Они остаются в вольерах недолго — от силы дней десять.

— А-а! — произнесла она, смягчаясь, — у вас для старичков есть другое место? И там вы подбираете для них занятия? И отлично! Ведь Джерри хочет работать. Правда, Джерри?

Нео-шимп следил за их разговором, как мог. Ее слова он понял и ухмыльнулся.

— Джерри работать! Ага! Хороший работник! — Он пошевелил кистями, а потом сжал кулаки, продемонстрировав идеально противоположащие большие пальцы.

Мистер Блэксли, казалось, растерялся.

— Право же, миссис ван Фогель, вы напрасно... Дело в том... — он замолчал.

Ван Фогель слушал их с раздражением. Увлечения жены вызывали у него досаду — кроме тех случаев, когда это были и его увлечения. К тому же он проникся убеждением, что Блэксли вовлек его в непомерные расходы, и уже предчувствовал, как его жена отыщет способ очень нежно заставить его заплатить сполна.

Злясь на них обоих, он необдуманно брякнул:

— Не глупи, Марта! Они не отправляют их на покой, а ликвидируют.

Она не сразу осмыслила его слова, но тогда пришла в бешенство.

— Как?... Что-о?! Да как это можно! Неужели вам совсем не стыдно? Да вы... вы собственную бабушку пристрелите!

— Миссис ван Фогель, прошу вас...

— Миссис ван Фогель, миссис ван Фогель... Хватит! Это следует прекратить! Понятно? — Она обвела взглядом вольеры, бродящих в них приговоренных к смерти работников. — Какой ужас! Вы обрекаете их работать, пока хватает сил, а потом отнимаете у них все маленькие радости и убираете их. Странно еще, что не съедаете!

— Как бы не так! — безжалостно вставил ее муж. — Продадут на собачий корм.

— Что-о! Ну, это мы прекратим.

— Миссис ван Фогель, — умоляюще бормотал Блэксли, — разрешите, я объясню...

— Ха! Ну-ка, попробуйте! Если найдете, что сказать.

— Дело обстоит так... — Его взгляд упал на Джерри, который с тревогой прижимался к сетке. — Пшел, джек!

Джерри послушно поплелся прочь.

— Подожди, Джерри, — крикнула миссис ван Фогель, и Джерри неуверенно остановился. — Пусть он вернется! — приказала она Блэксли.

Управляющий закусил губу, потом позвал:

— Вернись сюда!

Он начинал испытывать к миссис ван Фогель глубокую неприязнь вопреки автоматическому благоговению перед ее рейтингом. Выслушивать наставления, как руководить собственным предприятием, это... ну, знаете, всему есть предел!..

— Миссис ван Фогель, меня восхищают ваши гуманные побуждения, но вы не осведомлены об истинном положении вещей. Мы понимаем наших работников и блюдем их интересы. Они безболезненно умирают до того, как дряхлость начинает причинять им тяжкие страдания. Они ведут счастливую жизнь, куда более счастливую, чем ваша или моя. Мы просто предупреждаем ее тяжелый конец, только и всего. Не забывайте также, что эти бедные животные без нас вообще на свет не появились бы.

Она вздернула голову.

— Чепуха! Вы еще начните цитировать мне Святое Писание. Это должно быть прекращено немедленно, мистер Блэксли, или я буду считать вас лично ответственным.

Блэксли уныло посмотрел на нее.

— Я отвечаю перед директорами.

— Вы так думаете? — Она открыла сумочку и вытащила телефон. От волнения она не попыталась прозвониться напрямую, а вызвала местную станцию.

— Междугородняя? Соедините меня с мистером Хаскеллом, номер девять ка четыре-ноль-ноль-четыре, Мэррей-Хилл, Большой Нью-Йорк. Очередность — звезда семь-семь-семь. И побыстрей. — Она стояла, нетерпеливо постукивая носком туфли и гневно хмурясь, пока ее управляющий не взял трубку. — Хаскелл? Марта ван Фогель. Сколько у меня акций корпорации «Работники»? Да нет же! Какой процент?.. Столько? Нет, этого мало. Завтра утром мне требуется пятьдесят один процент... Хорошо, пусть через посредников, но достаньте их... Я вас не спрашиваю, во сколько это обойдется, я сказала: достаньте. Приступайте. — Она резко выключила аппарат и обернулась к мужу. — Мы улетаем, Бронси, и забираем Джерри с собой. Мистер Блэксли, будьте добры, распорядитесь, чтобы его освободили из этого вольера. Выпиши чек на требуемую сумму, Бронси.

— Марта, послушай...

— Я уже решила, Бронси.

Мистер Блэксли откашлялся. Осадить эту бабенку будет очень приятно!

— Крайне сожалею, но работники продаже не подлежат. Это нерушимое правило нашей корпорации.

— Хорошо. Беру его бессрочно напрокат.

— Этот работник изъят из числа сдаваемых в аренду. Так что найму он больше не подлежит.

— Вы долго будете препираться со мной?

— Извините, мадам! Этот работник не подлежит никаким видам найма, но из уважения к вам я готов предоставить его во временное пользование бесплатно. Но учтите, политика нашей корпорации строится на искренней заботе о благополучии наших подопечных, а

не только на коммерческих соображениях. А потому мы оставляем за собой право производить инспекцию в любой момент, чтобы удостовериться, насколько хороший уход обеспечен этому работнику! — И он свирепо подумал: «Что? Съела?»

— Ну, конечно! Благодарю вас, мистер Блэксли. Вы очень любезны.

Возвращение в Большой Нью-Йорк было не слишком веселым. Наполеону не понравилось летать, что он и выражал весьма недвусмысленно. Джерри терпел, но его тошнило. К моменту приземления ван Фогели перестали разговаривать друг с другом.

— Сожалею, миссис ван Фогель. Прикупить акций не удалось. Мы могли бы рассчитывать на пакет О'Тула, но за час до моего звонка их кто-то перехватил.

— Блэксли!

— Несомненно! Вам не следовало открывать ему свои намерения. Вот он и предупредил своих директоров.

— Не тратьте время, указывая на мои ошибки. Это было вчера. А что вы намерены предпринять сегодня?

— Дорогая миссис ван Фогель, что я могу? Дайте мне инструкции, и я постараюсь их выполнить.

— Чушь! Вы ведь должны быть находчивее и опытнее меня. Потому я и плачу вам — чтобы думали вы, а не я.

Мистер Хаскелл беспомощно развел руками. Его нанимательница с такой силой выдернула сигарету, что сломала ее.

— А где Вейнберг?

— Право же, миссис ван Фогель, юридически тут все ясно. Вы хотите приобрести акции, мы не можем их купить. Поэтому...

— Я плачу Вейнбергу за юридические советы. Вызовите его!

Вейнберг как раз собрался уходить. Хаскелл поймал его по поисковому каналу связи.

— Сидни? Это Оскар Хаскелл. Жду вас у себя.

— Извините. Может быть, в четыре?

— Сидни, вы мне нужны немедленно! — раздался голос его клиентки. — Говорит Марта ван Фогель.

Щуплый юрист беспомощно поежился.

— Хорошо, я еду, — сказал он. Эта женщина! Ну, почему он не послушался уговоров жены и не ушел на покой, когда ему стукнуло сто двадцать пять лет!

Через десять минут он уже слушал объяснения Хаскелла, которые его клиентка все время перебивала. Когда они замолчали, он вздохнул.

— Но чего вы ожидали, миссис ван Фогель? Это просто рабочий скот. Вы не смогли приобрести права собственности на них, вам помешали. Но я не понимаю, чем вы расстроены. Вам же отдали работника, чью жизнь вы хотели сохранить?

Она что-то невыразительно буркнула себе под нос, а потом ответила ему:

— Это пустяк. Что такое жизнь одного работника из миллионов? Я хочу положить конец этому истреблению. Полностью.

Вейнберг покачал головой.

— Если вам удастся доказать, что они уничтожают этих животных жестокими способами, или пренебрегают перед ликвидацией условиями их содержания, или что ликвидация неоправданна...

— Неоправданна? Еще бы!

— Но, возможно, не в юридическом смысле, дорогая миссис ван Фогель. В деле Джулиуса Хартмана и др. против душеприказчиков (в тысяча девятьсот семьдесят втором году, если не ошибаюсь) был согласно иску наложен запрет на пункт в завещании, требовавший уничтожения ценной коллекции персидских кошек. Но чтобы воспользоваться этим прецедентом, вам придется доказать, что эти существа даже в избыточном числе более ценны живые, чем мертвые. Вы не можете принудить владельца содержать скот в убыток себе.

— Вот что, Сидни, я вызвала вас сюда не для того, чтобы вы твердили мне, что это невозможно. Если то, чего я хочу, не имеет юридической силы, так добейтесь издания соответствующего закона.

Вейнберг посмотрел на Хаскелла, который сказал смущенно:

— Дело в том, миссис ван Фогель, что мы вместе с другими членами Ассоциации общественного процветания согласились не субсидировать никаких законодательных актов, пока нынешняя администрация находится у власти.

— Какая нелепость! Но почему?

— Законодательная гильдия предложила новый кодекс справедливости, который мы считаем абсолютно несправедливым, — скользящую шкалу, которая ложится тяжелым бременем на состоятельных людей, разумеется, сформулированную очень мило, оговаривающую минимальные гонорары за законопроекты, представляемые ветеранами, а по сути грабительскую. Даже Фонд Бритса, пока действует этот кодекс, не сможет принимать участие в общественных делах. Даже ему это не по карману.

— Хм! Дожили! Депутаты объединяются в профсоюз! Подкупы требуют конкурентной основы. Добейтесь ее запрещения.

— Миссис ван Фогель! — взмолился Вейберг. — Как я могу добиться запрета на организацию, юридически не существующую? В юридическом смысле Законодательной лиги вообще нет. Как юридически не признается субсидирование прохождения законов.

— А детей находят в капусте! Перестаньте морочить мне голову, господа. Что вы намерены предпринять?

Заметив, что Хаскелл отвечать не собирается, Вейнберг взял эту неблагодарную задачу на себя.

— Миссис ван Фогель, полагаю, нам следует прибегнуть к услугам специального крючкотвора.

— Крючкотворов я не хочу знать — вообще. Я не понимаю хода их мыслей. Я ведь простая мужняя жена, Сидни.

Услышав это самоопределение, мистер Вейнберг поежился и тут же подумал, какие меры следует принять, чтобы она не узнала, что его штатный крючкотвор получает жалование из ее средств. Общественные условия требовали, чтобы он носил личину простецкого нотариуса, однако ему давным-давно пришлось убедиться, что проблемы Марты ван Фогель время от времени нуждаются в порядочной дозе махинаций, составляющих прерогативу юристов более экзотического толка.

— Я имею в виду творческую личность! — не отступал он. — Понимать его не обязательно — как не обязательно понимать композитора, чтобы получить наслаждение от симфонии. Я настоятельно рекомендую вам хотя бы побеседовать с ним.

— Ну, хорошо! Вызовите его сюда.

— Сюда? Моя дорогая миссис ван Фогель! — Хаскелл был шокирован, а Вейнберг изумлен. — Если станет известно, что вы консультировались с ним, суд не только откажет вам в любом иске, это на много лет вперед повредит любым предприятиям Фонда Бригса.

Миссис ван Фогель нетерпеливо повела плечами.

— Ах, мужчины, мужчины! Нет, я никогда не пойму хода ваших мыслей. Почему нельзя открыто проконсультироваться с крючкотвором, как, скажем, с астрологом?

Джеймс Родерик Мак-Кой был не слишком внушительного телосложения, но казался очень внушительным. Он словно заполнял собой даже такую большую комнату, как гостиная миссис ван Фогель. На его визитной карточке значилось:

ДЖ. Р. МАК-КОЙ

«Единственный и несравненный»

**Лицензированный крючкотвор: улаживание,
заключение особых контрактов, проблемы.**

С полной гарантией.

**Небесный телефон 9-8M454
спросить Мака.**

Телефонный номер был номером телефона в бильярдной дурнопрославленного Клуба Трех Планет. Он не тратил времени на конторы, а все необходимые материалы хранил у себя в голове — единственном безопасном для них месте.

Он сидел на полу, обучая Джерри бросать кости, пока миссис ван Фогель объясняла ему свои трудности.

— Как вы считаете, мистер Мак-Кой? Не начать ли действовать через Общество защиты животных от жестокого обращения? Мой рекламный отдел мог бы начать широкую кампанию.

Мак-Кой встал с пола.

— Со зрением у Джерри полный порядок. Он сразу заметил, когда я чуточку подправил бросок, как будто сам только этим и занимался. Нет, — продолжал он, — с Обществом лучше не связываться. «Работники» только того и ждут. Примутся доказывать, что антропоидам очень нравится, когда их убивают.

Джерри с надеждой загремел костями в стаканчике.

— Будет, Джерри. Пшел!

— Есть, босс! — обезьяночеловек встал и направился к большому стерео, занимавшему целый угол комнаты. Наполеон затрусил за ним и включил проигрыватель. Джерри нажал селекторную кнопку и зазвучал блюз. Наполеон тут же нажал на другую, на третью... пока не загремел популярный оркестр. Слоник принялся отбивать ритм хоботом.

Джерри огорчился и переключил на блюз. Наполеон упрямо протянул хобот и выключил проигрыватель.

Джерри употребил непечатное слово.

— Мальчики! — окликнула их миссис ван Фогель. — Не ссорьтесь! Джерри, дай Наппи послушать, чего ему хочется. А ты послушаешь, когда он ляжет бай-бай.

— Есть, мисси босс.

— Джерри нравится музыка? — спросил Мак-Кой с интересом.

— Нравится? Он ее обожает. И учится петь!

— А? Надо послушать.

— Разумеется. Наппи, выключи стерео! — Слоник подчинился, но с горько-обиженным видом. — А теперь, Джерри, «Колокольчики»! — И она запела: — Дзинь-дзинь-дзинь! Целый день, целый день...

— Дзина-дзин, зела ден, зела ден! — подхватил Джерри и продолжал один: — Мы катася поедем реди полей.

Он фальшивил, от него вяли уши; отбивая такт широкой ступней, он выглядел смешно, но он пел!

— Здорово, — заметил Мак-Кой. — Жалко, Наппи не умеет разговаривать, не то бы мы послушали дуэт!

Джерри посмотрел на него с недоумением.

— Наппи разговаривает хорошо, — объявил он, нагнувшись к слонику и что-то ему сказал. Наполеон в ответ хрюкнул и застонал. — Видеть, босс? — с торжеством осведомился Джерри.

— А что он сказал?

— Он сказал: «Можно Наппи поиграть стерео?»

— Отлично, Джерри, — вмешалась миссис ван Фогель.

Обезьяночеловек зашептал на ухо своему приятелю. Наполеон взвизгнул и отдернул хобот от проигрывателя.

— Джерри! — укоризненно произнесла его хозяйка. — Я это не говорила. Ему не надо включать твои блюзы. Отойди, Джерри. Наппи, включи что хочешь.

— Он что — хотел его надуть? — с интересом спросил Мак-Кой.

— Бесспорно.

— Хм! В Джерри есть закваска полноправного гражданина. Обрейте его, обуйте в башмаки, и он будет как дома в квартале, где я вырос. — Он воззрился на антропоида, Джерри воззрился на него, озадаченно, но терпеливо. Миссис ван Фогель выбросила юбочку из парусины, служившую и символом его рабства, и данью приличиям. Теперь он носил шотландскую юбку военных цветов клана Камерон, а также шотландскую шапочку и сумку.

— Как по-вашему, его нельзя обучить играть на волынке? — спросил Мак-Кой. — Я вроде бы палупал зацепку.

— Не знаю. А что вы задумали?

Мак-Кой сел по-турецки и начал бросать кости.

— А, не важно! — ответил он не сразу. — Ничего не выйдет. Но уже горячо. — Он сделал подряд четыре выигрышных броска. — Вы сказали, что Джерри все еще собственность корпорации?

— Только формально. Не думаю, что они решатся затребовать его обратно.

— А я бы не против. — Он подобрал кости и встал. — Все в порядке, сестричка. Выкинь из головы. Мне надо будет потолковать с твоим заведующим рекламой, но беспокоиться тебе больше нечего.

Бесспорно, миссис ван Фогель следовало бы поступать, а уж потом войти в комнату мужа, но тогда бы она не услышала, что он говорил — и кому.

— Да-да, — услышала она его голос. — Он нам больше не нужен. Заберите его, и чем скорее, тем лучше. Только позаботьтесь, чтобы у ваших служащих было письменное судебное распоряжение вернуть его.

Она не поняла, о чем шла речь, и не подумала ничего дурного, но просто из любопытства поглядела на экран телефона через плечо мужа.

И увидела лицо Блэксли. Его голос говорил:

— Хорошо, мистер ван Фогель. Мы заберем антропода завтра же.

Она грозно подошла к экрану.

— Минутку, мистер Блэксли... — И обернулась к мужу. — Бронси, ради всего святого, что ты затеваешь?

И перехватила на его лице выражение, которого прежде он не позволял ей видеть.

— Почему ты не постучала?

— Видимо, это к лучшему. Бронси, я не ослышалась? Ты просил мистера Блэксли забрать Джерри? — Она обернулась к экрану. — Так, мистер Блэксли?

— Совершенно верно, миссис ван Фогель. И должен сказать, что нахожу эту несогласованность весьма...

— Заткнитесь. — Она опять посмотрела на мужа. — Бронси, что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Марта, ты ведешь себя возмутительно. Твой слон и горилла превратили дом в зверинец! Сегодня я застукал твоего драгоценного Джерри, когда он раскуривал одну из моих заказных сигар... Не говоря уж о том, что они весь день крутят стерео, так что голова раскалывается. И я не обязан терпеть подобное в моем собственном доме!

— В чьем доме, Бронси?

— Это к делу не относится. Я не потерплю...

— Хватит! — Она взглянула на экран. — Мистер Блэксли, мой муж, видимо, утратил интерес к экзотике. Аннулируйте заказ на Пегаса.

— Марта!

— Что посеешь, Бронси. Я оплачиваю твои прихоти, но будь я проклята, если буду оплачивать твои истерики. Заказ аннулирован, мистер Блэксли. Частностями займется мистер Хаскелл.

Блэксли пожал плечами.

— Вам, естественно, придется оплатить свой каприз. Пени...

— Я сказала, частностями займется мистер Хаскелл. И еще одно, господин управляющий Блэксли. Вы выполнили мое распоряжение?

— О чем вы?

— Вы знаете о чем. Бедняги еще живы и содержатся сносно?

— Вас это не касается!

Собственно, он отсрочил ликвидацию — директора не хотели рисковать, не выяснив прежде, что затеет Фонд Бригса. Однако доставлять ей такое удовольствие Блэксли не собирался.

Она смотрела на него, как на подложный чек.

— Ах, не касается? Так заруби себе на носу, прыщ бессердечный, что я считаю тебя лично ответственным. Если хоть один умрет по любой причине, я из твоей шкуры ковер сделаю! — Она отключила телефон и встала перед мужем. — Бронси...

— Разговаривать бесполезно, — перебил он ледяным голосом, который обычно пускал в ход, чтобы поставить ее на место. — Я буду у себя в клубе. До свидания!

— Именно это я и собиралась предложить.

— Что?

— Я распоряжусь, чтобы туда отослали твою одежду. Еще что-нибудь твое тут есть?

Он уставился на нее.

— Не говори глупостей, Марта!

— Я глупостей не говорю. — Она смерила его взглядом. — До чего же ты красив, Бронси! Но я сделала глупость, когда вообразила, что могу с помощью чековой книжки купить себе красавца. Наверное, они достаются девушкам даром... или вовсе не достаются. Спасибо за урок! — Она вышла из комнаты, хлопнув дверью, и заперлась у себя.

Пять минут спустя, приведя в порядок макияж и подышав «Кайфом» для успокоения нервов, она позвонила в бильярдную Клуба Трех Планет. Мак-Кой появился на экране с кием в руке.

— А, это ты, кисонька. Ну, выкладывай побыстрее. А то мой удар.

— Я о деле.

— Ладно, валяй!

Она коротко изложила факты.

— Я сожалею, что аннулировала заказ на крылатую лошадь, мистер Мак-Кой. Надеюсь, вашу задачу это не осложнит. Боюсь, я вышла из себя.

— Отлично! Выйди еще разок!

— А?

— Ты на правильном пути, детка. Позвони Блэксли еще раз. Наори на него. Скажи, чтобы он держал своих подручных подальше от тебя, не то ты из них вешалки для шляп понаделаешь. Подначь его забрать у тебя Джерри.

— Я не понимаю...

— И не надо, девочка. Запомни одно: бой быков не состоится, если быка хорошенько не разозлить. Распорядись, чтобы Вейнберг заручился временным запретом любых попыток «Работников» забрать Джерри назад. И пусть мне звякнет твой рекламный босс. А потом собери репортеров и скажи им все, что думаешь о Блэксли, да покрепче. Скажи им, что положишь конец этим массовым убийствам, даже если на это уйдет твой последний доллар.

— Ну-у... хорошо. А вы не заедете ко мне перед тем, как они соберутся?

— Не получится. Меня ждет игра. Может, завтра. И не мучайся из-за дурацкой клячи с крыльями. Аннулировала заказ, и аннулировала. Я с самого начала решил, что твой благоверный — последний дурак, а ты на этом сэкономила кругленькую сумму. Она тебе понадобится, когда я пришлю свой счет!

Яркие светящиеся буквы ползли по стенам «Таймс билдинг»:

«САМАЯ БОГАТАЯ ЖЕНЩИНА В МИРЕ ВСТУПАЕТ В БОРЬБУ ЗА ОБЕЗЬЯНОЛЮДЕЙ». А выше на гигантском видеозэкране маячило изображение Джерри в нелепом костюме вождя шотландского клана. Маленькая армия полицейских окружала городской дом миссис ван Фогель, а она сообщала всем, кто хотел

послушать, включая несколько газетных агентов, что будет собственноручно защищать Джерри до последнего вздоха.

Отдел по связи с общественностью корпорации «Работники» отрицал намерение захватить Джерри. Отрицание пропало втуне.

Тем временем в самом большом судебном зале в городе устанавливались дополнительные видео- и аудиосистемы, ибо некий Джерри (не имеющий фамилии), назвавшийся законным постоянным жителем Соединенных Штатов, обратился в суд с просьбой запретить навсегда корпорации «Работники», ее администрации, служащим, преемникам или лицам, от нее зависящим, причинение ему какого бы то ни было физического вреда и, в частности, убивать его.

Через посредство своего адвоката, distinguished, именитого и чопорно респектабельного Огеста Помфри, Джерри подал иск *от собственного имени*.

Марта ван Фогель присутствовала на суде строго как зрительница, но ее окружали секретари, охранники, личная горничная, агенты по связи с прессой, разнобразные блюдолизы и телевизионная камера, нацеленная исключительно на нее. Она нервничала. Мак-Кой потребовал, чтобы его инструкции Помфри получил через Вейнберга, — как бы тот не заподозрил, что они исходят от крючкотвора. У нее о Помфри было свое мнение...

Мак-Кой настоял, чтобы Джерри вместо своей шедгольской шотландской юбки оделся в выгоревшие парусиновые брюки и куртку. Ей это показалось дешевым театром.

И ее тревожил Джерри: яркий свет, шум, люди, набившиеся в зал, сбили его с толку, довели почти до нервного срыва.

Вдобавок Мак-Кой отказался пойти с ней в суд. Он заявил, что об этом и речи быть не может, что одного его присутствия в зале будет достаточно, чтобы настроить судью против них, и Вейнберг его поддержал. Мужчины! Их мысли петляют, и они предпочитают

кривые пути прямым. Она только укрепилась в своем убеждении, что мужчин следовало бы лишить права избирать и быть избранными.

Но ей очень не доставало безмятежной убежденности Мак-Коя в том, что все идет как надо. Его не было рядом, и она уже недоумевала, что ее побудило доверить столь важное дело такому безответственному шу-ту гороховому с ветром в голове, как Мак-Кой. Она покусывала палец и дорого заплатила бы, лишь бы он был сейчас тут.

Плеяда адвокатов, представлявших корпорацию «Работники», начала с ходатайства об отказе в иске без судебного разбирательства ввиду того, что Джерри — движимая собственность корпорации, составная ее часть, и права предъявлять ей иск у него не больше, чем у большого пальца судиться с мозгом.

Достопочтенный Огест Помфри поклонился судьбе и своим противникам с величавым достоинством государственного мужа.

— Поистине странно, — начал он, — когда заемный голос юридической фикции, бездушной, воображаемой величины, собирательного юридического «лица», именуемого «корпорацией», тщится доказать, будто живое из плоти и крови существо, наделенное надеждами, желаниями и страстями, не существует юридически. Вот рядом с собой я вижу моего бедного родича Джерри... — Он погладил Джерри по плечу, и обезьяночеловек доверчиво взял его за руку. Это произвело хорошее впечатление.

— А что я вижу, когда ищу взглядом эту абстракцию «Работники»? Решительно ничего. Какие-то слова, напечатанные на бумаге, какие-то подмахнутые документы...

— С позволения суда я хотел бы задать вопрос, — перебил глава адвокатов противной стороны. — Оспаривает ли уважаемый защитник тот факт, что законно зарегистрированная корпорация может владеть имуществом?

— Ответит ли защитник? — спросил судья.

— Благодарю вас. Мой ученый коллега соорудил соломенное чучелко. Я указал только, что вопрос о том, является ли Джерри имуществом корпорации «Работ-

ники», неправомерен, пустопорожен и задан не по существу. Я — часть корпоративного города, Большого Нью-Йорка. Разве это лишает меня гражданских прав, которыми я обладаю, являясь живым человеком из плоти и крови? И даже права подать в суд на службы указанного города, если, по моему мнению, они наносят мне ущерб? Нынче мы сошлись в мягких лучах права справедливости, а не в холодных и узких рамках уголовного кодекса. И момент мне кажется подходящим для рассмотрения нелепой абсурдности, с которой мы свыклись и которая позволяет безликости документов и юридической фикции отрицать существование вот этого нашего бедного родича. Я прошу, чтобы высокоученые защитники корпорации признали де-факто существование Джерри и мы могли бы перейти к сути дела.

Они сгрудились, посоветовались и ответили отказом.

— Отлично. Мой клиент просит подвергнуться допросу, чтобы суд мог определить его статус и существование.

— Протестую! Этот антропоид не может быть допрошен, будучи всего лишь собственностью и движимым имуществом ответчика.

— Именно это нам и предстоит выяснить, — сухо заметил судья. — Протест отклонен.

— Сядь вот на этот стул, Джерри.

— Протестую! Это животное не может принести присягу. Она выше его понимания.

— Что скажете на это вы, защитник?

— С позволения суда, — ответил Помфри, — проща всего было бы позволить ему занять место свидетеля и установить, так ли это.

— Пусть займет. Секретарь зачитает текст присяги.

Марта ван Фогель вцепилась в подлокотники своего кресла: Мак-Кой целую неделю тренировал его для этого момента. Не сорвется ли бедняжка, когда Мак-Кой с ним рядом нет?

Секретарь пробубнил текст присяги. Джерри смотрел на него с недоумением, но терпеливо.

— Ваша милость, — сказал Помфри, — когда показания дают дети, допускается некоторое упрощение слов в соответствии с уровнем их умственного разви-

тия. Могу ли я? — Он подошел к Джерри. — Джерри, мой мальчик, ты хороший работник?

— Ага! Джерри хороший работник.

— Может, плохой работник, а? Ленивый. Прячется от полубоссов?

— Нет, нет, нет! Джерри хороший работник. Копать. Полоть. Не дергать овощи. Работать хорошо.

— Вы убедитесь, — обратился Помфри к судье, — что мой клиент четко представляет себе, что такое ложь, а что — правда. Попробуем установить, есть ли у него нравственные понятия, побуждающие его говорить правду. Джерри...

— Слушаю, босс.

Помфри растопырил руку перед глазами антропоида.

— Сколько пальцев ты видишь?

Джерри протянул руку и начал их загибать.

— Один... два... три... четыре... э... пять.

— Шесть пальцев, Джерри.

— Пять, босс.

— Шесть пальцев, Джерри. Я дам тебе сигарету.

Шесть.

— Пять, босс. Джерри без обман.

Помфри сделал широкий жест.

— Принимает ли суд его как свидетеля?

Суд принял. Марта ван Фогель перевела дух. Джерри считал не очень бойко, и она опасалась, что он забудет свои реплики и польстится на сигарету. Но ему было обещано столько сигарет, сколько он захочет, и даже шоколаду, если он будет настаивать, что пять — это пять.

— Полагаю, — продолжал Помфри, — этот факт можно считать установленным. Джерри — разумное существо. Если он может быть свидетелем, то может обратиться в суд. Даже собака может обратиться в суд. Согласны ли мои коллеги признать это?

Корпорация «Работники» через свою батарею адвокатов изъявила согласие — как раз вовремя, так как судья начинал хмуриться. На него эта сценка произвела большое впечатление.

Задул попутный ветер, и Помфри не замедлил им воспользоваться.

— С позволения суда и, если представители ответчика разрешат, мы могли бы сократить процедуру. Я изложу обоснование иска, а затем после нескольких вопросов дело может быть решено так или иначе. Я прошу признать, что корпорация «Работники» с помощью своих служащих намеревалась лишить моего клиента жизни.

Признано это не было.

— Ах так? Тогда я прошу суд принять во внимание широко известный факт, что работники-антропоиды ликвидированы, как только перестают приносить доход. Затем я вызову свидетелей, начиная с Ореса Блэсли, чтобы показать, что Джерри был — и, предположительно, остается — приговоренным к смерти.

Новое поспешное совещание привело к признанию того, что Джерри действительно должны были подвергнуть эфтаназии.

— В таком случае я изложу обоснование иска, — сказал Помфри. — Джерри не животное, а человек. И закон запрещает умерщвлять его. Это будет убийством!

Сначала воцарилась мертвая тишина, потом зал ахнул. Люди давно привыкли к животным, которые умели говорить и трудиться, но были столь же мало готовы признать такое животное личностью, индивидуальностью, человеком, как надменные римляне — признать человеческие чувства у своих рабов-варваров.

Помфри нанес удар, пока они еще не опомнились.

— Что такое человек? Совокупность клеток и тканей? Юридическая фикция вроде корпоративного «лица», готового отнять жизнь у бедного Джерри? Ничего подобного! Человек — это совокупность надежд и страхов, человеческих желаний, чаяний, более великих, чем он сам, он больше праха, из которого возник, но меньше Творца, поднявшего его из праха. Джерри забрали из тропического леса, сделали из него нечто большее чем бессловесные существа, его предки. Так было и с вами, и со мной. И мы просим суд признать его человеческую сущность.

Представители ответчика заметили, что судья был тронут, и поспешили с возражениями. Антропoid, заявили они, не может быть человеком, так как не имеет ни человеческого облика, ни человеческого интеллекта. И Помфри вызвал своего первого свидетеля — владыку мастерства Б'на Крийта.

Обычно скверное настроение марсианина не улучшилось от того, что он вынужден был три дня прождать в стеклянной передвижной цистерне. Не говоря уж о том, что ему пришлось прервать свои исследования ради детских свар, которые затевали земляне.

Его раздражение еще возросло из-за новой проволоки, пока Помфри вынуждал своих противников признать его экспертом в рассматриваемом вопросе. Они жаждали внести протест, но не могли. Он же был директором их собственной научной лаборатории. Кроме того, он имел доверенность голосовать от имени всех марсианских владельцев акций «Работников» — не подлежащий оглашению факт, который нельзя было обойти.

Еще проволочка, пока не явился переводчик помочь с присягой — Б'на: эгоцентрист, как все марсиане, так и не потрудился изучить хоть один земной язык.

В ответ на требование говорить правду, всю правду и так далее он защебетал и зачирикал. Переводчик болезненно сморщился и сказал:

— Он утверждает, что не может этого.

Помфри попросил перевести дословно.

Переводчик тревожно покосился на судью.

— Он говорит, что всю правду, если он ее скажет, вы, дураки... ну, не совсем «дураки» — это марсианское слово обозначает что-то вроде безголового червя — вы понять не способны.

Судья намекнул на неуважение к суду, и марсианин, когда понял, что ему грозит заключение в передвижной цистерне на тридцать дней, поубавил спеси и обязался говорить правду с наивозможнейшей точностью. После чего его признали свидетелем.

— Вы человек? — спросил Помфри.

— По вашим законам и вашим меркам, — я человек.

— На каком основании? Ваше тело иное, чем у нас, даже наш воздух для вас смертелен. Вы не говорите на нашем языке, ваши представления нам чужды. Как же вы можете быть человеком?

Марсианин тщательно взвесил свой ответ.

— Я процитирую договор между Землей и Марсом, представляющий для вас высший закон. «Все члены Великой Расы, пребывая на Третьей Планете, будут пользоваться всеми правами и прерогативами туземной доминирующей расы Третьей Планеты». Бипланетный Трибунал интерпретировал эту статью договора как утверждение, что члены Великой Расы являются «людьми», что бы ни подразумевал этот термин.

— Почему вы называете себе подобных Великой Расой?

— Из-за превосходства нашего интеллекта.

— Относительно людей?

— Мы люди.

— В сравнении с интеллектом земных людей?

— Это самоочевидно.

— Настолько же, насколько наш интеллект выше интеллекта бедняги Джерри?

— Это не самоочевидно.

— Больше вопросов к свидетелю у меня нет, — объявил Помфри.

Его противникам никак не следовало бы ввязываться в бой. А они ввязались и начали добиваться, чтобы Б'на Крийт уточнил разницу в характере интеллекта людей и антропоидов-работников. Владыка мастерства Б'на доходчиво объяснил, что культурные различия маскируют врожденные различия, если таковые имеются, и что в любом случае и антропоиды, и люди в такой малой степени используют потенциальные возможности своих интеллектов, что пока еще рано решать, какая раса на Третьей Планете станет великой.

Он только-только начал объяснять, что по-настоящему великую расу можно было бы получить путем скрещивания и отбора лучших качеств людей и антропоидов, когда его поспешно остановили, сказав, что больше к нему вопросов нет.

— С разрешения суда, — сказал Помфри, — мне хотелось бы указать, что мы не выдвигали никаких

теорий, а просто опровергли утверждение противной стороны, что человека делают человеком определенный облик и определенная степень интеллектуальности. Теперь я прошу снова вызвать истца, чтобы суд мог определить, действительно ли он человек.

— С разрешения высокоученого суда... — Адвокаты ответчика совещались с той минуты, как цистерну с Б'на Крийтом вынесли из зала, и теперь заговорил их глава.

— Цель иска, видимо, сводится к тому, чтобы защитить жизнь этой движимости. И продолжать разбирательство нет нужды: ответчик гарантирует, что этой движимости будет дано умереть естественной смертью у ее нынешнего владельца, и предлагает иск отклонить.

— Что скажете вы? — спросил судья у Помфри.

Помфри величественно завернулся в свою незримую тогу.

— Мы не просим бездушной благотворительности этой корпорации, мы ищем у суда справедливости. Мы просим, чтобы человеческая сущность Джерри была утверждена законом. Нет, не права голоса, не права иметь собственность, не отмены полицейских правил в отношении всей его группы, но мы настоятельно просим, чтобы суд признал его хотя бы настолько человеком, насколько является человеком аквариумное чудище, которое только что унесли отсюда!

Судья повернулся к Джерри.

— Ты этого хочешь, Джерри?

Джерри тревожно посмотрел на Помфри, а потом сказал:

— Есть, босс.

— Подойди сюда.

— Одну минуту... — Глава адвокатской оравы выглядел растерянным. — Я прошу суд учесть, что постановление по этому иску может оказать неблагоприятное воздействие на давно сложившуюся коммерческую практику, необходимую для поддержания экономики...

— Протестую! — Помфри, весь ошетинившись, вскочил на ноги. — В жизни я не сталкивался с более возмутительной попыткой оказать влияние на исход дела. После этого мой досточтимый коллега предложит

суду рассмотреть дело об убийстве в зависимости от политической конъюнктуры. Я возражаю...

— Достаточно, — сказал судья. — Это предложение так или иначе во внимание принято не будет. Продолжайте допрос вашего свидетеля.

Помфри поклонился.

— Мы выясняем смысл того странного нечто, которое называется «человеческой сущностью». Мы убедились, что это не вопрос облика, расы, планеты или остроты ума. Поистине, определить это невозможно, но вот почувствовать нам дано. От сердца — к сердцу, от духа — к духу. — Он обернулся к Джерри.

— Джерри... Ты не споешь судье свою новую песню?

— Ага! — Джерри с тревогой покосился на жужжащие камеры, микрофоны и прочую технику, а потом прочистил горло.

Далеко отсюда
На реке Суванни
Там я сецем буду...

Аплодисменты напугали его до полусмерти, а стук судейского молотка и того больше, но это не имело ни малейшего значения. Вопрос был решен бесповоротно. Джерри доказал, что он — человек.

УГРОЗА С ЗЕМЛИ

ГОД РЕЗОНАНСА

Поначалу Потифар Брин не заметил девушку, которая начала раздеваться.

Она стояла на автобусной остановке всего лишь в десяти футах от него. Сам он сидел за столиком в аптеке, но это не помешало ему увидеть ее — между ней и Потифаром была лишь стеклянная витрина, да изредка проходил какой-нибудь пешеход.

Тем не менее, он не поднял взгляда, когда она начала разоблачаться. Перед Потифаром лежала открытая «Лос Анджелес Таймс»; рядом дожидались своей очереди «Херальд-Экспресс» и «Дейли Ньюс». Он внимательно изучал газету, передовицы удостоил лишь мимолетного взгляда, зато записал в черный аккуратный блокнот минимальную и максимальную температуру в Браунсвилле и Техасе, начальную и конечную цену акций на Нью-Йоркской бирже, а также общее число акций, перешедших из рук в руки. Потом он начал быстро просматривать мелкие заметки о различных происшествиях, время от времени занося их краткое содержание в свой черный блокнотик; то, что он записывал, было не связано между собой — среди прочего, оказалась заметка о мисс Сырная

Америка Недели, которая заявила, что выйдет замуж и родит двенадцать детей, причем ее избранником будет тот, кто сможет доказать, что он с малых лет вегетарианец, что он был свидетелем приземления летающей тарелки и, вдобавок, сумеет своими молитвами вызвать дождь в Южной Калифорнии.

Потифар как раз переписал адреса трех жителей Уаттса, штата Калифорния, которые были чудесным образом исцелены Преподобным Дикки Боттомли, восьмилетним евангелистом, во время собрания Братьев Первейшей Правды, и уже намеревался приступить к изучению «Херальд-Экспресс», когда бросил взгляд поверх очков для чтения и увидел стриптизерку-любовельницу, стоящую на углу напротив. Он встал, аккуратно положил очки в футляр, сложил газеты, засунул их в правый карман пиджака, отсчитал точную сумму по счету и добавил двадцать пять центов на чай. Затем снял свой плащ с крючка, перекинул его через плечо и вышел на улицу.

К этому моменту девушка успела раздеться догола. У Потифара Брина успело сложиться мнение, что ей было что показать. Тем не менее, она не сумела соборать большой аудитории. Мальчишка, продавец газет, перестал выкрикивать свою бесконечную сводку катастроф и, забыв закрыть рот, глазел на девушку; да еще парочка трансвеститов, которые, очевидно, поджидали автобус, смотрели на нее. Никто из прохожих не остановился. Они скользили по ней взглядом, а потом, со столь характерным для истинных жителей Южной Калифорнии равнодушием ко всему необычному, шли по своим делам дальше. А вот трансвеститы были очень заинтересованы. Мужская половина команды была одета в кружевную женскую блузку и в консервативный шотландский килт. Женская половина, гордо носившая деловой костюм и широкополую мужскую шляпу, наблюдала за происходящим с особенным интересом.

Когда Брин подошел к девушке, она как раз повесила легкую полоску нейлона на скамейку автобусной остановки и потянулась к туфлям. Полицейский офицер, потный и несчастный, дождался, когда загорится зеленый свет, и, перейдя через дорогу, направился к ней.

— Ладно, — сказал он усталым голосом, — этого вполне достаточно, леди. Наденьте на себя все эти штуки и уходите отсюда.

Женщина-трансвестит вынула из рта сигару.

— Только вот, какое вам до всего этого дело, офицер? — вмешалась она.

Полицейский повернулся к ней.

— Держитесь-ка лучше отсюда подальше! — Он посмотрел на женщину, а потом перевел взгляд на ее спутника. — Мне бы следовало задержать вас обоих.

Женщина-трансвестит подняла брови.

— Вы собираетесь арестовать нас за то, что мы одеты, а ее за то, что она раздета. Мне это начинает нравиться. — Она повернулась к девушке, которая стояла совершенно неподвижно и молчала, словно сама была поражена тем, что происходит. — Я — адвокат, милочка. — Она достала визитку из кармана жилетки. — Если этот неандерталец в форме будет продолжать приставать к тебе, я с удовольствием займусь твоим делом.

Мужчина в килте сказал:

— Грейс! Пожалуйста!

Она стряхнула его руку со своего плеча, как надоедливую муху.

— Успокойся, Норман. Это наше дело. — Она снова принялась за полицейского. — Ну, вызывайте машину. А в настоящий момент мой клиент не будет отвечать ни на какие ваши вопросы.

Полицейский выглядел таким несчастным, что казалось, он сейчас заплачет, а его лицо сделалось опасно красным. Брин молча шагнул вперед и накинул свой плащ на плечи девушки. Она с удивлением посмотрела на него и в первый раз за все это время открыла рот:

— Э-э...благодарю. — Она запахнулась в плащ.

Женщина-адвокат посмотрела на Брина, а потом перевела взгляд обратно на полицейского.

— Ну, офицер? Вы готовы арестовать нас?

Он приблизил свое лицо к ее шляпе.

— Я не доставлю вам такого удовольствия! — Он вздохнул и добавил: — Благодарю вас, мистер Брин. Вы знаете эту леди?

— Я позабочусь о ней. Вы можете забыть эту историю, Кавонски.

— Меня бы это вполне устроило. Если она с вами, то я именно так и поступлю. Только, пожалуйста, уведите ее отсюда, мистер Брин!

Тут женщина-адвокат снова встряла.

— Одну минуточку, это не в интересах моего клиента.

— А вам уже давно следует заткнуться! — выпалил Ковански. — Вы слышали, что сказал мистер Брин — она с ним. Верно, мистер Брин?

— Ну...да. Я ее друг. Я позабочусь о ней.

Трансвестит с подозрением заявила:

— Что-то я не слышала, чтобы она это подтвердила.

Ее спутник потянул женщину за рукав и умоляюще произнес:

— Грейвс, пожалуйста! Вон идет наш автобус.

— А я не слышал, как она подтверждала, что вы ее адвокат, — отпарировал полицейский. — Вы выглядите как... — Его слова потонули в визге тормозов автобуса. — ...а кроме того, если вы сейчас же не сядете в автобус и не уедете с моей территории, то я... то я...

— То вы что?

— Грейс! Мы опоздаем на автобус.

— Подожди минутку, Норман. Милочка, этот человек действительно ваш друг? Вы пойдете с ним?

Девушка с сомнением посмотрела на Брина и тихонько проговорила:

— Э-э, да. Это правда.

— Ну... — Спутник адвоката снова потянул ее за рукав. Она сунула свою визитную карточку в руки Брина, и странная парочка уселась в автобус и укатила прочь.

Брин машинально сунул карточку в карман. Ковански со вздохом вытер лоб.

— Зачем вы это сделали, леди? — раздраженно спросил он.

Девушка казалась удивленной.

— Я...я не знаю.

— Вы это слышали, мистер Брин? Они все так говорят. И если посадить ее за решетку, то завтра на этом месте появится шесть других. Шеф сказал... — Он вздохнул. — Шеф сказал — ну, если бы я ее аресто-

вал, как того хотела эта женщина-адвокат, меня бы с завтрашнего дня перевели в простые патрульные, с тем чтобы я всерьез подумал о выходе на покой. Так что заберите ее отсюда, ладно?

— Но... — возразила было девушка.

— Никаких «но», леди. Вам только и остается радоваться, что такой джентльмен, как мистер Брин, согласился помочь вам. — Ковански собрал всю ее одежду и вручил ей. Когда она потянулась, чтобы взять ее, плащ распахнулся и перед глазами смутившихся мужчин вновь предстало обнаженное бедро; Ковански торопливо протянул одежду Брину, который быстро рассовал ее по карманам.

Девушка дала Брину отвести себя к его машине, которая стояла неподалеку, села в нее и запахла полы плаща, так что теперь она выглядела вполне прилично. Только после этого она повернулась к Брину и внимательно посмотрела на него.

Она увидела ничем не примечательного мужчину, которому было уже явно больше тридцати пяти. В его глазах было кроткое и какое-то беззащитное выражение человека, привыкшего носить очки, но в данный момент оказавшегося без них; волосы на висках поседели, а на макушке уже намечалась лысина. Его костюм в елочку, черные туфли, белая рубашка и аккуратный галстук больше подходили жителю Восточного побережья, нежели Калифорнии.

Потифар же увидел лицо, которое он для себя классифицировал, скорее как «хорошенькое» и «цветущее», чем «красивое» и «очаровательное». Лицо обрамляли пышные каштановые волосы. Он дал ей лет двадцать пять или около того.

Брин мягко улыбнулся и, не говоря ни слова, завел машину.

Он свернул на Дохени Драйв, а потом поехал на восток, в сторону Сансет. Подъезжая к Ла Чинеге, он притормозил.

— Ну как? Вам лучше?

— Пожалуй, да. Мистер... Брин?

— Называйте меня Потифар. А как вас зовут? Если не хотите, можете не отвечать на мой вопрос.

— Меня? Я... я Мид Барстоу.

— Куда вас отвезти, Мид? Домой?

— Наверное, да. Я... ой, нет! Я не могу приехать домой в таком виде! — Она еще плотнее запахла плащ.

— Родители?

— Нет. Моя домохозяйка. У нее будет инфаркт, если она меня увидит в...

— Тогда, куда мы можем поехать?

Она немного подумала.

— Может, остановимся на заправочной станции, а там я смогу незаметно проскользнуть в туалет?

— М-м-м... может быть. Послушайте, Мид, мой дом находится в шести кварталах отсюда, в него можно попасть через гараж. Вы войдете так, что этого никто не заметит. — Он вопросительно посмотрел на нее.

Она вздохнула и оценивающе взглянула на Брина.

— Потифар, вы, кажется, не очень-то похожи на серого волка?

— О, вот уж нет! Я самый настоящий волчище. — Он присвистнул и оскалил зубы. — Видите? Но среда у меня выходной день.

Она улыбнулась, и на щеках у нее появились ямочки.

— Ну, ладно! Лучше уж я буду бороться с вами, чем с миссис Мигат. Поехали.

Он свернул в сторону холмов. Его холостяцкое жилище представляло собой небольшой каркасный дом — один из многих, облепивших, как грибы, коричневые склоны холмов Санта Моника. Гараж был пробит в самой горе; дом находился над ним. Он заехал в гараж, выключил зажигание и провел Мид по скрипучей лестнице в гостиную.

— Проходите сюда, — сказал он, указывая на дверь и протягивая одежду, которую уже успел вытащить из карманов.

Она покраснела, взяла одежду и юркнула в спальню. Он услышал, как поворачивается ключ в замке. Потифар устроился в кресле, достал свой черный блокнот и раскрыл «Херальд-Экспресс».

Он уже заканчивал изучение «Дейли Ньюс» и смог добавить несколько заметок к своей коллекции, когда Мид вышла из спальни. Она успела привести себя в порядок — тщательно причесалась, подкрасила губы,

ей даже удалось разгладить почти все складки на юбке. Свитер ее был ни слишком облегающим, ни слишком низко вырезанным, но выглядела она в нем очень симпатично. А еще Мид почему-то напонила ему наполненный водой колодец и завтрак на ферме.

Он забрал у нее плащ, повесил его и сказал:

— Садитесь, Мид.

— Мне, наверное, уже пора идти, — неуверенно проговорила она.

— Идите, конечно, если у вас дела — но мне хотелось поговорить с вами.

— Ну... — Она присела на краешек дивана и осмотрелась. Комната была небольшой, но аккуратной, как галстук Потифара, и чистой, как его воротничок. Камин вычищен, пол вымыт и натерт. Все стены заняты полками, на которых громоздились книги. В углу потрепанный письменный стол; все бумаги на нем тщательно сложены. Рядом, на отдельной подставке, электрический калькулятор. Справа от него двухстворчатое окно выходило на крошечный балкончик прямо над гаражом. Дальше открывался вид на город; кое-где уже начали загораться неоновые огни реклам.

Она уселась поглубже.

— Очень симпатичная комната, Потифар. Она похожа на вас.

— Будем считать, что это комплимент. Спасибо, — она ничего не ответила, и он продолжал: — Хотите что-нибудь выпить?

— Ну, еще бы! — Она вздрогнула. — Меня всю трясет.

Он встал.

— Ничего удивительного. Что вы предпочитаете?

Мид выбрала виски с водой, без льда; он же был любителем бурбона и имбирного пива. Она молча выпила половину своего бокала, поставила его на стол, расправила плечи и сказала:

— Потифар?

— Да, Мид?

— Послушайте, если вы привезли меня сюда, чтобы начать приставать, то не тяните с этим. У вас, конечно, ничего не выйдет, но я все время нервничаю и жду этого.

Он молчал. Его лицо продолжало сохранять серьезное выражение. Она, немного смущенно, продолжала:

— У меня не будет никаких оснований винить вас — учитывая обстоятельства, при которых мы познакомились. И я вам благодарна. Но... ну... дело в том, что я не...

Он подошел к ней и взял обе ее руки в свои.

— Моя дорогая, у меня и в мыслях не было приставать к вам. Да и у вас нет причин испытывать благодарность ко мне. Я это сделал потому, что меня заинтересовал ваш случай.

— Мой случай? Ты доктор? Психиатр?

Он покачал головой.

— Я математик. Точнее, статистик.

— Кто? Я не поняла.

— Ну, это не существенно. Но мне хотелось бы задать несколько вопросов. Можно?

— Ну, конечно! Я у вас в долгу.

— Вы мне ничего не должны. Еще выпить хотите?

Она допила виски и протянула ему бокал, а потом прошла за ним на кухню. Он тщательно отмерил следующую порцию и вернул ей бокал.

— А теперь скажите мне, почему вы начали раздеваться?

Она нахмурилась.

— Я не знаю, не знаю, не знаю. Наверное, на меня нашло какое-то затмение. — Она округлила глаза и добавила: — Но я совершенно не чувствую себя сумасшедшей. Могла я свихнуться и сама этого не заметить?

— Вы не свихнулись... во всяком случае, не более, чем все остальные, — уточнил он. — Скажите мне, вы видели, чтобы кто-нибудь делал такое?

— Что? Нет, никогда не видела.

— Ну, тогда читали где-нибудь?

— Да нет же. Хотя подождите минутку. Эти люди в Канаде. Дуко...духо... в общем что-то в этом роде.

— Духоборы. И больше ничего? Никогда не участвовали в заплывах нагишом? Покер на раздевание?

Она покачала головой.

— Нет. Вы можете мне не верить, но я всегда была из тех девочек, которые раздеваются под ночной ру-

башкой. — Она покраснела и добавила: — Я и сейчас так делаю, если только не вспоминаю, как это глупо.

— Я вам верю. И вы никогда не слышали упоминаний о чем-нибудь подобном в выпусках новостей?

— Нет. Хотя подождите! Кажется, это было недели две назад. Какая-то девушка, в театре, при большом скоплении народа. Но тогда я думала, что это было сделано ради рекламы. Ну, вы знаете, они специально придумывают такие штуки.

Он покачал головой.

— Тут дело не в этом. Третье февраля, в Гранд Опера, миссис Элвин Копли. Судебное дело решили не возбуждать.

— Да? А вы откуда знаете?

— Извините, пожалуйста. — Он подошел к письменному столу и набрал номер Городского Бюро Новостей.

— Альф? Это Пот Брин. Они по-прежнему занимаются той историей?.. Да, да, дело цыганки Розы. Сегодня были какие-нибудь новые случаи? — Он подождал. Мид показалось, что она слышит, как в трубке кто-то ругается. — Не надо так переживать, Альф, — жара не будет продолжаться бесконечно. Девять случаев, да? Ну, можешь добавить еще один — бульвар Санта Моника, сегодня после полудня. Нет, никого не арестовали. — После короткой паузы он добавил: — Нет, никто не успел узнать ее имени — женщина средних лет, косящая на один глаз, я случайно оказался неподалеку... Кто, я? Ну, зачем мне было ввязываться в подобную историю? Однако получается очень любопытная картина. — Он положил трубку.

— Значит, косит на один глаз, да? — проворчала Мид.

— Может быть, мне стоит позвонить им и сообщить ваше настоящее имя?

— О, нет!

— Вот и прекрасно. Итак, Мид, нам, наконец, удалось выяснить, каким образом вы столкнулись с подобной идеей — театр, миссис Копли. А сейчас мне хотелось бы узнать, что вы чувствовали, о чем думали, когда продельывали все это?

Она сосредоточенно наморщила лоб.

— Подождите минуточку, Потифар — правильно ли я поняла, что еще девять других девушек учинили подобную штуку?

— О, нет — девять девушек сделали это сегодня. А вы были... — Он на несколько секунд задумался. — ...триста девятнадцатой в Лос-Анджелесе с начала нового года. У меня нет цифр по всей стране, но некоторое время назад, когда первые репортажи об аналогичных случаях появились в наших газетах, с Восточного побережья пришло предложение не раздувать подобные истории. Из этого следует, что такие проблемы возникают не только у нас.

— Вы хотите сказать, что женщины по всей стране начали раздеваться в общественных местах? Но это же просто ужас!

Он ничего не сказал. Она покраснела, но продолжала настаивать.

— Да, это ужасно, хотя в данном случае разоблачалась я.

— Нет, Мид. Один случай может шокировать; но более трехсот представляют немалый интерес с точки зрения статистики. Именно поэтому я и хочу, чтобы вы рассказали мне, что с вами происходило в это время.

— Но... ладно, я попробую. Я уже говорила вам, что не знаю, почему я так поступила; я и сейчас не знаю. Я...

— Вы помните, как все происходило?

— О, да! Я помню, как встала со скамейки и начала стягивать с себя свитер. Помню, как расстегивала молнию на юбке. Помню, что подумала: мне надо торопиться — мой автобус остановился всего в двух кварталах. Я помню, как мне стало хорошо, когда я, наконец, м-м-м... — Она замолчала, и на лице у нее появилось недоуменное выражение. — Но я до сих пор не понимаю, почему я это сделала.

— А о чем вы думали непосредственно перед тем, как встали?

— Я не помню.

— Представьте себе улицу. Кто проходил мимо? Где вы держали руки? Сидели ли вы, скрестив ноги, или нет? Находился ли кто-нибудь рядом с вами? О чем вы думали?

— Ну... на скамейке рядом со мной никого не было. Я держала руки на коленях. Эти типы в перепутанной одежде стояли неподалеку, но тогда я не обратила на них внимания. Я ни о чем таком не думала, у меня болели ноги, и мне хотелось побыстрее вернуться домой — и еще я почувствовала, что мне стало ужасно душно. А потом... — В ее глазах появилось отсутствующее выражение, — ...неожиданно я поняла, что мне нужно сделать. Более того, я почувствовала, что мне это просто необходимо сделать. И тогда я встала и... и я... — В ее голосе появились истерические нотки.

— Успокойтесь, успокойтесь! — вмешался Брин. — Только не делайте этого опять.

— Что? Мистер Брин! Я и не собиралась делать ничего подобного.

— Конечно, конечно. А что было потом?

— А потом вы накинули мне на плечи свой плащ — все остальное вам известно не хуже меня. — Она посмотрела на него. — Скажите, Потифар, почему вы носите с собой плащ? Дождя нет уже несколько недель — такого сухого и жаркого сезона не было уже много лет.

— Точнее, шестьдесят восемь лет.

— Неужели?

— И все же я ношу с собой плащ. У меня есть такое ощущение, что когда дожди, наконец, пойдут, то спасения от них не будет. Может быть, они будут идти сорок дней и сорок ночей.

Она решила, что Брин пошутил, и рассмеялась.

— А вы можете вспомнить, как у вас появилась эта идея? — продолжил Брин свои расспросы.

Она покрутила в ладонях бокал и немного подумала.

— Нет, не могу сказать.

Он кивнул.

— Я так и думал.

— Я вас не понимаю — если только вы не думаете, что я спятила. Вы так не думаете?

— Нет. Я думаю, что вы должны были это сделать, но почему и зачем, вы не знаете и не можете знать.

— Но вы знаете! — Она обвиняюще ткнула в него пальцем.

— Может быть. Во всяком случае, я располагаю некоторыми цифрами. Вы когда-нибудь интересовались статистикой, Мид?

Она покачала головой.

— Цифры всегда смущали меня. Черт с ней, со статистикой — меня интересует, почему я это сделала!

Он очень серьезно посмотрел на нее.

— Я думаю, что мы лемминги, Мид.

Сначала на ее лице появилось удивление, которое постепенно сменилось ужасом.

— Вы хотите сказать, что мы — эти маленькие мохнатые существа, похожие на мышей? Те, которые...

— Да. Те, которые периодически совершают миграции самоуничтожения, — миллионы, сотни миллионов леммингов гибнут в море. Спроси у лемминга, почему он это делает. Если бы удалось заставить его чуть приостановить свой марш к смерти, тогда любой ученик знал бы ответ на этот вопрос. Он делает потому, что должен, — в точности, как и мы.

— Это ужасная мысль, Потифар.

— Может быть. Идите сюда, Мид. Я покажу вам цифры, которые смущают и меня. — Он подошел к своему письменному столу, вытащил ящик и достал из него пачку карточек. — Вот, например. Две недели назад какой-то человек подал в суд на законодательную власть штата за то, что по ее, якобы, вине его разлюбила жена — и судья принял дело к производству! Или вот это — патент на смещение оси вращения Земли с тем, чтобы растопить лед на полюсах. Патент был отклонен, но изобретатель успел собрать триста тысяч долларов за земельные участки на южном полюсе, прежде чем власти остановили его. Теперь он подал на них в суд, и создается впечатление, что вполне может выиграть процесс. А вот еще — известный священник предлагает ввести в высших учебных заведениях курс загробной жизни. — Он торопливо отложил в сторону эту карточку, словно она жгла ему руки. — А это просто чудо: закон, который рассматривался в нижней палате штата Алабама, — в нем предлагалось отменить действие законов атомной энергии, не принципы ее использования или производства, а природные законы! Текст документа не оставляет никаких сомнений. — Он пожал плечами. — Где предел глупости и есть ли он?

— Они все с ума посходили.

— Нет, Мид. Один такой тип — сумасшедший. А когда их превеликое множество — это марш леммингов к смерти. И даже не пытайтесь со мной спорить — я нанес все эти данные на график. Когда у нас в прошлый раз возникла схожая ситуация, ее называли «Эрой Замечательной Чепухи». Но сейчас все гораздо хуже. — Он засунул руку в нижний ящик и достал большой лист бумаги. — Амплитуда уже почти в два раза больше, чем тогда, а мы еще не достигли максимума. Что будет, когда мы его достигнем, мне, честно говоря, даже не хочется думать. Три различных кривые одновременно достигнут наибольшего значения.

Она посмотрела на графики.

— Вы хотите сказать, что тот паренек, с его бреднями про поворот оси, находится на одной из этих кривых?

— Он ее увеличивает. Здесь же отражены любители сидеть с поднятыми флажками, глотатели золотых рыбок, участники танцевальных марафонов, а также тот тип, который закатил земляной орех на вершину пика Пайкс, толкая его носом. Вы находитесь на гребне новой волны — во всяком случае, будете находиться после того, как я вас помещу туда.

Она скорчила гримасу.

— Мне это не нравится.

— И мне тоже. Но это очевидно, как банковский чек. В этом году человечество перестало стричь волосы и, сидя на солнышке, ухмыляется с засунутым в рот пальцем и бессмысленно лопочет: «Бу-бу-бу».

Она вздрогнула.

— Как вы считаете, не выпить ли еще стаканчик на дорожку? Мне уже пора.

— У меня есть идея получше. Вы ответили на мои вопросы, и теперь я должен угостить вас обедом. Выберите ресторан, а уж там мы сможем выпить еще по коктейлю.

Она покусала губы:

— Вы никому ничего не должны. И мне сейчас не хочется показываться на людях. Я могу... я могу...

— Нет, этого не может быть, — резко возразил Брин. — Молния не ударяет дважды в одно и то же дерево.

— Вы уверены? Но, все равно, мне совсем не хочется оказаться в толпе. — Она посмотрела в сторону кухонной двери. — У вас там есть какая-нибудь еда? Я могу приготовить.

— Х-мм, ну кое-что там должно быть. Кажется, в морозилке есть мясо. И еще я купил свежую булку. Иногда, когда не хочется выходить из дома, я делаю себе гамбургеры.

Она направилась в кухню.

— Трезвая или пьяная, полностью одетая или ... голая, я умею готовить. Вы увидите.

И он действительно увидел. Роскошные, сочные, горячие бутерброды с мясом, залитым острым, удивительно пахучим соусом, украшенные золотистыми кружочками жареного лука; салат, сделанный из остатков овощей, которые она сумела отыскать в его холодильнике; жареная румяная картошка. Они ели все это, сидя на маленьком балкончике, и запивали холодным пивом.

Он вздохнул и вытер салфеткой рот.

— Да, Мид, ты умеешь готовить.

— Когда-нибудь я приду к тебе, захватив с собой необходимые продукты, — тогда-то ты и узнаешь, что значит настоящая готовка.

— Тебе больше ничего не нужно доказывать. Тем не менее, я согласен. Однако в третий раз повторяю: ты мне ничего не должна.

— Не должна? Да если бы не ты, сегодняшний вечер я бы провела за решеткой.

Брин покачал головой.

— Полиция получила указание любой ценой не привлекать к подобным происшествиям внимания — считается, что тогда их рост постепенно прекратится. Ты же сама видела. К тому же, моя дорогая, тогда ты не была для меня личностью. Я даже не видел твоего лица; я...

— Зато ты видел много чего другого!

— Честно говоря, я даже не смотрел. Ты была просто — статистика.

Она покрутила в руках нож и медленно проговорила:

— Я не уверена, но мне кажется, что меня только что оскорбили. За все мои двадцать пять лет, в течение которых я успешно сражалась с мужчинами, меня на-

звали разными именами — но «статистикой» никогда — поэтому мне просто совершенно необходимо взять твою логарифмическую линейку и избить тебя до смерти.

— Моя дорогая юная леди...

— Я не леди — это уж точно. И никакая я не «статистика»!

— Что ж, дорогая Мид, тогда я должен тебя предупредить, прежде чем ты решишься на что-нибудь слишком рискованное, что в колледже я был капитаном команды борцов и выступал в среднем весе.

Она улыбнулась, и у нее на щеках снова появились очаровательные ямочки.

— Ну, вот такой разговор мне больше по душе. А я уже начала побаиваться, что тебя собрали на фабрике счетных машин. Потти *, ты ужасно милый.

— Если это уменьшительное от моего имени, то мне оно нравится. Но если это намек на мою талию, то я просто возмущен.

Она наклонилась к нему и похлопала его по животу.

— Мне нравится твоя талия — со стройными и голыми мужчинами трудно иметь дело. Если бы я регулярно готовила для тебя, то твоя талия округлилась бы еще сильнее.

— Это можно считать предложением?

— Пока не будем об этом — послушай, Потти, ты действительно считаешь, что вся страна сходит с катушек?

Он моментально протрезвел.

— Все обстоит значительно хуже.

— То есть?

— Пойдем со мной, я тебе покажу. — Они собрали тарелки и сложили их в раковину. Все это время Брин, не смолкая, говорил.

— Когда я был еще совсем ребенком, цифры завораживали меня. Цифры — замечательная вещь, и они складываются в такие разнообразные конфигурации! Конечно же, я избрал своей специальностью математику. Потом я начал работать для одной страховой компании. Это было ужасно забавно — никто не может предсказать, когда данный человек может умереть, но,

* Pot — горшок.

несомненно, определенный процент людей из определенной возрастной группы умрет к определенному сроку. Кривые графиков были такими изящными — и они всегда приводили меня к правильным выводам. Всегда. И не надо знать почему, но можно с удивительной точностью предсказать, когда и что произойдет. Выкладки были верными, кривые никогда не обманывали.

— Потом я заинтересовался астрономией, — продолжал Брин. — В этой науке цифры тоже работали безошибочно, давая результат с точностью погрешности приборов. По сравнению с астрономией остальные науки, как малые дети. Однако мне удалось обнаружить такие области в астрономии, для которых обычные расчеты не годились. Здесь ко мне на помощь и пришла статистика — и стало еще интереснее. Я вступил в Ассоциацию Астрономов и, возможно, даже сделался бы профессиональным астрономом — тогда я так и не стал бы консультантом по бизнесу — если бы не заинтересовался еще кое-чем.

— Консультантом по бизнесу? — повторила Мид. — Борьба с налоговой инспекцией?

— Вовсе нет. Это слишком просто. Я работаю для фирмы, которая занимается самыми различными проектами. Например, я могу совершенно точно предсказать фермеру, сколько его телят окажутся стерильными. Или я могу посоветовать кинопродюсеру, на какую сумму ему стоит застраховаться от дождя. Или выяснить, какова вероятность оползня при строительстве на новом участке. И я всегда оказываюсь прав.

— Подожди минуточку. Я всегда думала, что большим компаниям просто необходимо страховаться.

— Как раз наоборот. По-настоящему крупная компания начинает напоминать статистическую вселенную.

— Это еще что такое?

— Неважно. Меня заинтересовало нечто другое — циклы. Циклы это все, Мид. Они повсюду и везде. Приливы и отливы. Времена года. Войны. Любовь. Всем известно, что при приближении весны многие молодые люди начинают задумываться о том, о чем девушки никогда не перестают думать, но знаешь ли ты, что тут дело в восемнадцатилетнем цикле? И что девушка, рожденная в неподходящее время, имеет гораздо мень-

ше шансов на успех, чем ее младшая или старшая сестра?

— Что? Так вот, значит, почему я осталась несчастной старой девой.

— Тебе двадцать пять? — задумчиво спросил Брин. — Может быть, — но сейчас твои шансы заметно улучшаются, — кривая начинает подниматься вверх. Тем не менее, нельзя забывать: ты всего лишь один случай в общей статистике, а кривая характеризует всю группу в целом. Какие-то девушки все-таки выходят замуж в любой год.

— Не называй меня статистикой.

— Извини. Количество браков хорошо коррелирует с объемами площадей, засеянных пшеницей, причем увеличение площадей предшествует увеличению числа браков.

— Звучит довольно глупо.

— Это действительно глупо. Сама по себе идея о причинно-следственных связях, скорее всего, предрассудок. Однако всякий раз после наступления пика свадеб следует резкое увеличение строительства домов.

— Ну да, понятно.

— Разве? Многие ли из новобрачных, которых ты знала, могли себе позволить построить новый дом? С тем же успехом количество свадеб можно соотнести и с увеличением посевов пшеницы. Мы не знаем *почему* — просто *так происходит*, и все тут.

— Может быть, все дело в пятнах на солнце?

— Можно соотнести пятна на солнце с ценами на бирже ценных бумаг, или с популяциями речного лосося, или с длиной женских юбок. Можно винить длину юбок в появлении пятен на солнце — и ты с тем же успехом появление солнечных пятен можешь считать причиной увеличения количества лососей в данной реке. Мы не знаем. Однако кривые существуют и от них не отмахнешься.

— Но должно же что-то стоять за всем этим?

— Разве? Это только предположения. Для свершившегося факта не существует «почему». Факт самодостаточен — он свершился. Почему ты начала раздвигаться?

Она нахмурилась.

— Это нечестно.

— Может быть. Но я хочу показать тебе, что меня беспокоит. — Он пошел в спальню и вернулся оттуда с большим рулоном бумаги. — Расстелем бумагу на полу. Здесь я изобразил все. Пятидесятилетний цикл — вот, здесь отмечена Гражданская война. Видишь, как она вписывается в общую картину? Цикл имеет длину 18 и $\frac{1}{3}$ года, другой имеет продолжительность в девять лет, а этот — в 41 месяц, три разных цикла образования солнечных пятен, все собрано здесь, на этом графике. Наводнения на Миссисипи, добыча меха в Канаде, цены на акции, свадьбы, эпидемии, перевозки на грузовых автомобилях, банкротства банков, нашествия саранчи, разводы, рост деревьев, войны, количество выпавших осадков, изменение магнитного поля Земли, количество заявок на новые патенты, убийства — все, что только поддается учету.

Она смотрела на странные извивы множества линий.

— Но, Потти, что же все это значит?

— Это значит, что все это происходит в определенном ритме, нравится нам это или нет. Это значит, что когда юбки начинают укорачиваться, то все модельеры Парижа вместе взятые не смогут заставить их опуститься вниз. — Он показал на график. — Посмотри на кривую, характеризующую рекламу бакалейных товаров. А потом возьми финансовые ведомости и посмотрим, как наши Светлые Умы стараются объяснить происходящее. Я хочу сказать, что когда эпидемия начинается, ее невозможно остановить, какие бы усилия не прикладывались. Таким образом и получается, что мы лемминги.

Она покусала губу:

— Мне это не нравится. «Человек — хозяин своей судьбы» и тому подобное. У меня есть свободная воля, Потти. Я знаю — я ее чувствую.

— Я полагаю, что каждый маленький нейтрон в атомной бомбе чувствует то же самое. Он может взорваться или сидеть тихо — как ему больше нравится. Но статистика каким-то образом работает. И бомба взрывается — вот к чему я все веду. Ты не видишь здесь ничего странного, Мид?

Она внимательно рассматривала график, стараясь уловить какую-то закономерность.

— Ближе к правому краю они все начинают загибаться вверх.

— Черт возьми! Ты попала в самую точку! Видишь пунктирную вертикальную линию? Она показывает нынешнее положение — оно и так достаточно паршивое. А теперь посмотри на эту вертикаль, она соответствует тому, что будет через полгода, — вот тогда-то и наступит Бог знает что! Обрати внимание на циклы — длинные, короткие, средние, все. Каждый из них достигает здесь либо максимума, либо минимума.

— Значит, дело обстоит очень серьезно?

— А как ты думаешь? Три большие кривые совпали по максимуму в 1929 году, и депрессия чуть не покончила со всеми нами... и это при том, что 54-летний цикл находился в удачной фазе. А теперь через полгода эта большая кривая будет иметь минимум, а эти несколько максимумов еще больше усугубят общую картину. Я хочу сказать, что наводнения и грипп не принесут нам ничего хорошего. Мид, если статистика, как наука, хоть чего-нибудь стоит, то наша планета не попадала в такой переплет с тех пор, как Ева позарилась на яблоко. Меня это пугает.

Она внимательно изучала его лицо.

— Потти, а ты не смеешься надо мной? Ты же понимаешь — я не могу проверить то, что ты говоришь.

— Как бы я хотел, чтобы это было шуткой. Нет, Мид, я не шучу, когда дело доходит до цифр, — просто не знаю, как это объяснить. Вот оно как. Год Резонанса.

Когда Брин вез ее домой, она почти все время молчала. Они уже подъезжали к западной части Лос-Анджелеса, когда она сказала:

— Потти?

— Да, Мид.

— Что мы будем с этим делать?

— Что делают с ураганом? Прячут уши под шляпу. Что ты можешь сделать с атомной бомбой? Нужно постараться не оказаться в том месте, где она взорвется. Что еще можно сделать?

— М-да. — Она некоторое время просидела молча, а потом спросила: — Потти, ты скажешь мне, когда нужно будет делать ноги?

— Что? Ну, конечно! Если я смогу это выяснить заранее.

Он проводил ее до двери дома и уже повернулся, чтобы уходить, когда она окликнула его:

— Потти!

Он остановился.

— Да, Мид?

Она обхватила его за шею и страстно поцеловала в губы.

— Вот так, и не вздумай говорить, что это просто статистика!

— Х-мм, пожалуй, нет.

— Чтобы этого больше не было, — с угрозой в голосе потребовала она. — Да и вообще, Потти, я собираюсь изменить твою кривую.

II

РУССКИЕ НАЛОЖИЛИ ВЕТО НА РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ В ООН НАВОДНЕНИЕ В ШТАТЕ МИССУРИ НАНЕСЛО РЕКОРДНО ВЫСОКИЙ УЩЕРБ МИССИСИПСКИЙ МЕССИЯ ОТКАЗАЛСЯ ЯВИТЬСЯ В СУД НУДИСТЫ УСТРОИЛИ СКАНДАЛ НА ПЛЯЖАХ БЕЙЛИ БРИТАНО-ИРАКСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ЗАШЛИ В ТУПИК ПРОГНОЗИРУЕТСЯ СОЗДАНИЕ ОРУЖИЯ, ДЕЙСТВУЮЩЕГО БЫСТРЕЕ СКОРОСТИ СВЕТА ТАЙФУН СНОВА ПОВЕРНУЛ НА МАНИЛУ СВАДЬБА НА ДНЕ ГУДЗОНА — Нью-Йорк, 13 июля. В специально сконструированном водолазном костюме на двоих, Меридит Смит, знаменитая своими светскими похождениями, и принц Отти Шлезвиг были обвенчаны сегодня преподобным Далтом, при помощи специального телевизионного передатчика, предоставленного Военно-Морскими Силами...

По мере того, как продолжался год Резонанса, Брин с меланхолическим удовлетворением пополнял свои

графики новыми точками, которые хорошо ложились на предполагаемую линию. Необъявленная Мировая Война продолжала свое кровавое шествие по планете, вспыхивая в разных точках измученного шарика. Брин сконцентрировал свое внимание на последних страницах газет, продолжая выписывать странные факты. Взятые по отдельности они не значили ровным счетом ничего, но вместе создавали мрачайшую картину.

Он отмечал положение дел с ценными бумагами, наводнениями, урожаем пшеницы, но более всего Брина завораживал «сезон глупостей», как он это называл. Несомненно, всегда находилось достаточное количество людей, которые совершали самые разные глупости, — но как относиться к тому, что глупейшие поступки стали чуть ли не нормой? Когда, к примеру, идеалом американской женщины становились манекенщицы, более всего похожие на зомби? Чем отличалась Национальная неделя рака от Национальной недели ноги атлета? В какой момент американцы лишились остатков здравого смысла?

Взять хотя бы трансвестизм — женская и мужская одежда — вопрос, конечно, спорный, но есть же какие-то культурные традиции. Когда начался весь этот распад? С костюмов Марлен Дитрих? К концу сороковых годов не осталось ни одного предмета мужской одежды, который бы женщина не могла надеть в обществе, — но когда мужчины заинтересовались кружевными кофточками? Может быть, начало было положено теми психологически сломленными людьми, отходами Гринвич Вилидж и Голливуда, которые придумали слово «фуфло», задолго до того, как это все началось? Или это были лишь «случайные выбросы», не определяющие хода кривой? А может, все началось с того, что какой-то совершенно нормальный мужчина отправился на маскарад и обнаружил, что юбки и в самом деле намного удобнее и практичнее, чем брюки? Или же все началось с возрождения шотландского национализма, который выразился в том, что многие американцы шотландского происхождения начали носить килты?

Спросите у лемминга, чем он мотивирует свои действия! Результат был налицо — в сводках ежедневных новостей. Трансвестизм, в связи с массовыми укло-

ниями от призыва на воинскую службу, наконец, привел к массовому аресту в Чикаго, за которым должен был последовать грандиозный процесс, — впрочем, процесс так и не начался, потому что генеральный прокурор потребовал, чтобы судья подвергся публичному определению пола. Судья прямо в зале суда умер от апоплексического удара, и процесс был отложен — по мнению Брина, навсегда; он сильно сомневался, что закон о сексуальных меньшинствах будет когда-нибудь выполняться.

Или же закон о непристойном поведении в общественных местах. Попытки ограничить распространение синдрома цыганки Розы, игнорируя его, ни к чему не привели; более того, сообщалось, что пастор Церкви объединенных душ в Спрингфилде заявил о восстановлении церемониального нудизма. «Вероятно, подобное произошло впервые за последние тысячу лет, — подумал Брин, — если не считать каких-нибудь запрещенных вакхических культов в Лос-Анджелесе. Преподобный отец утверждал, что церемония аналогична «танцу высокой жрицы» в древнем храме Карнак».

Может быть. Но Брин располагал информацией, что «жрица» ранее работала в известном баре со стриптизом. Так или иначе, но пастор остался на свободе.

Двумя неделями позже 109 церквей в 33 штатах уже предлагали аналогичные аттракционы. Брин занес их на свои кривые.

Это тошнотворные извращения, как ему казалось, не имели никакого отношения к удивительному подъему множества различных евангелических культов по всей стране. Эти церкви были искренними, честными и бедными — но, начиная с Войны, их количество непрерывно росло. Теперь они размножились, как на дрожжах. Становилось статистически очевидным, что Соединенные Штаты оказались центром возрождения всяческих религий. Он проверил, коррелирует ли это с трансцендентализмом и с движением Святых наших дней, — х-мм... да, все сходилось. И кривая продолжала подниматься в сторону максимума.

Облигации военного займа уже подлежали оплате; свадьбы военного времени начали сказываться на росте населения — в Лос-Анджелесе все школы были пере-

шолнены. Уровень воды в реке Колорадо оказался на рекордно низкой отметке, и башни на озере Мид высоко торчали из воды. Но жители Лос-Анджелеса, не обращая ни на что внимания, продолжали, как и всегда, обильно поливать свои лужайки перед домами. Представители Управления распределения пресной воды пытались остановить столь безответственное расходование водных ресурсов, но они не обладали реальной административной властью. И никто не решился отдать столь необходимый приказ и перекрыть трубы, через которые утекала вода жизни этого рая, грозившего в очень скором времени превратиться в бесплодную пустыню.

Четыре съезда партий — Демократов южных штатов, Республиканцев и Других Республиканцев и, наконец, Демократов северных штатов — не привлекли особого внимания общественности, в то время как Ничего-не-знающие еще не проводили своего съезда. Тот факт, что «Американское собрание», как предпочитали себя называть Ничего-не-знающие, заявило, что оно не политическая партия, а просто некое сообщество, которое интересуется только вопросами образования, ничуть не преуменьшало его силы. Вот только в чем эта сила заключалась? Зарождение движения прошло так незаметно, что Брину пришлось посидеть в библиотеке, чтобы найти первое упоминание о нем в газетах за декабрь 1951 года, однако только за последнюю неделю ему дважды предлагали присоединиться к ним, причем предложения он получил прямо в своем офисе — один раз от босса, а другой раз от младшего коллеги.

Брин не сумел нанести на график Ничего-не-знающих. У него от них холодили руки, а по спине бегали мурашки. Он начал собирать всю возможную информацию о них и очень скоро обнаружил, что по мере того, как росло число их сторонников, публикаций становилось все меньше.

18 июля началось извержение вулкана Кракатау. По этому поводу впервые состоялась телетрансляция через Тихий океан. Влияние извержения на солнечные константы, среднесуточную температуру и выпадение осадков скажется значительно позже. Авария в Сан Андреасе, по последствиям сравнимая лишь с катастро-

фой на Лонг-Бич в 1933 году, способствовала нарастанию напряжения — все Западное побережье было затронуто бесконечными перебоями подачи электроэнергии. Началось извержение Этны; Мауна Лоа пока молчала.

Летающие тарелки приземлялись чуть ли не ежедневно в каждом штате. Однако никому не удалось произвести серьезный осмотр такой тарелки — а может, Министерство Обороны наложило запрет на распространение информации? Брина не удовлетворяли не заслуживающие доверия репортажи, которые ему удавалось заполучить, — большинство сведений сообщалось людьми, находившимися на разных стадиях алкогольного опьянения. Но Морской Змей на пляже Вентура был настоящим — он сам его видел. О существовании троглодита в Теннесси Брин мог судить лишь по газетным отчетам.

Тридцать одна авиакатастрофа на внутренних линиях только за последнюю неделю июля... Было ли это саботажем? Или приближением минимума на графике? А как трактовать возникновение эпидемии нового полиомиелита, прокатившейся от Сизтла до Нью-Йорка? Пришло время для начала глобальной эпидемии? Графики Брина отвечали на этот вопрос утвердительно. А как насчет Большой Войны? Может ли график предсказать, что славянские биохимики сумеют в нужное время вывести какой-нибудь ужасающий вирус? Чепуха!

Однако кривые, если они вообще что-нибудь значили, учитывали даже «свободную волю», как некое усредненное значение отдельных «воль» статистической вселенной — и выходила вполне гладкая функция. Каждое утро три миллиона «свободных волей» направлялись к центру Нью-Йоркского мегаполиса; каждый вечер они отправлялись в обратный путь, описывая гладкую и вполне предсказуемую кривую, — и все под влиянием «свободной воли».

Спроси у лемминга! Спроси у всех леммингов, мертвых и живых! Брин отбросил свои заметки и позвонил Мид.

- Это моя самая любимая статистика?
- Потти! Я как раз про тебя подумала.
- Естественно. Ведь сегодня у тебя выходной.

— Верно, но я подумала про тебя совсем по другой причине. Потифар, ты когда-нибудь видел Великие Пирамиды?

— Я не видел даже Ниагарского водопада. Мне давно хочется найти богатую вдову, чтобы я мог отправиться вместе с ней в путешествие.

— Да-да, я непременно поставлю тебя в известность, как только заработаю свой первый миллион, но...

— На этой неделе ты делаешь мне предложение в первый раз.

— Заткнись. Ты когда-нибудь читал предсказания, которые нашли в одной из пирамид?

— Что? Послушай, Мид, это на том же уровне, что и астрономия, — очень хорошо подходит для белок. Пора уже повзрослеть.

— Да, конечно. Но Потти, я думала, что тебя интересует все странное. А это очень странно.

— О, тогда извини. Если это из серии «сезона глупостей», я тебя с удовольствием послушаю.

— Ладно. Я для тебя сегодня готовлю?

— Ведь сегодня среда? Не так ли?

— Когда мы встречаемся?

Он взглянул на часы.

— Заеду за тобой через одиннадцать минут. — Он немного пригладил усы. — Нет, через двенадцать с половиной.

— Я буду готова. Миссис Мигат утверждает, что наши регулярные свидания означают, что ты собираешься на мне жениться.

— Не обращай на нее внимания. Она просто статистика, а я случайное число.

— Ну, ладно, у меня уже есть двести сорок семь долларов из моего первого миллиона. Пока!

Находка Мид оказалось обычной фальшивкой розенкрейцеров *, роскошно изданной. Среди прочего там была фотография (отретушированная, в этом Брин не сомневался) весьма сомнительной линии на стене коридора какого-то замка, по которой делалось предсказа-

* Розенкрейцеры — религиозно-мистическое тайное общество, основанное в 17—18-х веках в Германии, России и Голландии. (Прим. перев.)

ние будущего всего человечества. На нее нанесена временная шкала, на которой отмечены все наиболее значительные вехи мировой истории — падение Рима, вторжение норманнов, открытие Америки, Наполеон и Мировые Войны.

Шкалу делало особенно интересной то, что она неожиданно обрывалась — как раз на настоящем времени.

— Ну, что ты скажешь, Потти?

— Скажу, что резчик по камню устал. Или его просто уволили. Или у нового верховного жреца появились другие идеи. — Он засунул книжку в стол. — Спасибо. Я подумаю, как нанести эту информацию на график. — Но не утерпел, вытащил книжку, достал линейку и лупу. — Получается, что конец наступит в последние дни августа, — заявил он, — если только это не след подохшей мухи.

— Утром или днем? Я должна знать, как мне одеться.

— Туфли надеть просто необходимо. Все Божьи дети должны предстать перед ним в туфлях. — Он снова убрал книгу.

Она немного помолчала, а потом сказала:

— Потти, а не пришло ли время уносить ноги?

— Что? Мид, неужели эта штука произвела на тебя такое впечатление? Это же просто «сезон глупостей».

— Да, но посмотри на свои графики.

Так или иначе, но на следующий день он взял выходной и провел его в библиотеке, чтобы проверить ряд пророчеств. Нострадамус был претенциозен и глуп, а мать Шиппи и того хуже. Да и вообще, у любого из них каждый мог найти то, что искал.

И все же он нашел у Нострадамуса один отрывок, который ему понравился: «С востока придет человек... он промчится через небо, воды и снег, и всюду он будет наносить удары своим оружием».

Звучало очень похоже на то, что утверждали люди из Министерства Обороны, когда пугали коммунистической угрозой с востока.

И в то же самое время это было описание любого вторжения с моря на материк! Бред какой-то.

Когда он вернулся домой, рука его сама потянулась к отцовской библии. Он открыл ее на Книге Откровений Иоанна Богослова. Ему не удалось найти ничего,

что бы подходило к данному моменту, но его поразило постоянное использование точных цифр. Он перелистывал страницу за страницей; и вдруг его глаза загорелись: «Не обманывайся завтрашним днем; ибо не дано тебе угадать, что он несет». Брин отложил библию в сторону, чувствуя, что настроение у него стало еще более мрачным.

На следующее утро начался дождь. Гильдия водопроводчиков избрала на роль мисс Утренней Звезды «Мисс Санитарию», и в тот же день гробовых дел мастера указали на нее же, как на «Тело, Которое Я Мечтал Бы Подготовить». Конгресс проголосовал за то, что Томасу Джефферсону Миксу должна быть выплачена компенсация в размере одного доллара и 57 центов за переработку во время Рождественской лихорадки 1936 года, когда он одобрил назначение пяти генерал-лейтенантов и одного посла, и все это за семь минут. Огнетушители в приюте небольшого городка оказались заправлены воздухом. Председатель совета футбольных клубов выделил средства на то, чтобы послать мирные предложения и витамины всем членам Политбюро. Многие акции существенно упали в цене — некоторые сразу на девятнадцать пунктов. Канзас и Вичит оставались затопленными, а в Фениксе, штат Аризона, не хватало питьевой воды. И Потифар Брин обнаружил, что оставил свой плащ в доме Мид Барстоу.

Он позвонил ее хозяйке, но миссис Мигат сразу передала трубку Мид.

— Что ты делаешь дома в пятницу? — осведомился он.

— Управляющий театра уволил меня. Теперь тебе придется на мне жениться.

— Ты не сможешь содержать меня. Но серьезно, Мид, детка, что произошло?

— Я и так собиралась уходить из этой дыры. Последние шесть недель прибыль приносил только автомат для воздушной кукурузы. Там совершенно нечего делать.

— Я сейчас приеду.

— Через одиннадцать минут?

— Сейчас идет дождь. Через двадцать — если поведет.

Брин приехал только через час. Бульвар Санта Моника был залит водой, на бульваре Сансет образовалась грандиозная пробка. Когда он съехал на обочину, чтобы срезать путь, ему пришлось менять колесо — малоприятное занятие во время проливного дождя.

— Потти, ты похож на мокрую курицу!

— Надеюсь, мне удастся выжить.

Его переодели в халат, принадлежавший покойному мистеру Мигату, и теперь Брин сидел, потягивая горячее какао, пока миссис Мигат сушила его одежду в кухне.

— Мид...я сейчас тоже «свободен».

— Что? Ты уволился?

— Не совсем. Старина Уайли и я последние несколько месяцев постоянно расходились во мнениях — я слишком часто опирался на «фактор резонанса» в тех цифрах, которые я предлагал нашим клиентам. Конечно, прямо я это так не называл, но у него сложилось впечатление, что мои прогнозы стали слишком пессимистичны.

— Но ты был прав!

— Интересно, когда это правота помогала в отношениях с собственным боссом? Но он уволил меня совсем по другой причине — наши споры были лишь предлогом. Ему нужен человек, готовый поддержать программу Ничего-не-знающих псевдонаучными измышлениями. А я не захотел присоединяться к ним. — Он подошел к окну. — Дождь еще усилился.

— Но ведь у них нет никакой программы.

— Мне это известно.

— Потти, тебе надо было присоединиться. Это же не имеет никакого значения — я сама присоединилась три месяца назад.

— Не может быть!

Она пожала плечами.

— Ты платишь свой доллар, приходишь на пару собраний, и они оставляют тебя в покое. Благодаря этому они держали меня на работе последние три месяца. Что из того, что я вступила в их общество?

— Что? Ну, мне жаль, что ты это сделала, вот и все. Забудь об этом. Мид, вода уже заливает тротуар.

— Тебе лучше остаться здесь на ночь.

— М-м-м... Я не хочу оставлять автомобиль на улице на всю ночь. Мид?

— Да, Потти?

— Мы оба остались без работы. Как ты относишься к идее поехать на север, в сторону Моджава и поискать там сухой уголок?

— Меня бы это вполне устроило. Но послушай, Потти, это предложение или так, просто пожелание?

— Только вот не надо ставить меня в такие рамки, или-или. Это просто предложение провести вместе отпуск. Может ты хочешь взять с собой дуэнью?

— Нет.

— Тогда иди и собирай вещи.

— Хорошо. Но послушай, Поттифар, собирать вещи прямо сейчас? Ты хочешь сказать, что пришло время уносить ноги?

Он посмотрел на нее, а потом перевел взгляд на окно.

— Я не знаю, — медленно проговорил он, — но этот дождь может продолжаться довольно долго. Не бери с собой то, без чего ты можешь обойтись, но все, что может оказаться необходимым, постарайся не забыть.

Он получил назад свою одежду от миссис Мигат, а Мид отправилась собирать вещи. Она спустилась вниз, переодевая в брюки, с двумя большими сумками в руках. Под мышкой у нее болтался большой, потрепанный плюшевый медведь.

— Это Винни.

— Винни Пух?

— Нет, Винни Черчилль. Когда я чувствую себя паршиво, он обещает мне «кровь, тяжелый труд, слезы и пот»; и после этого мне всегда становится легче на душе. Ты ведь сказал, чтобы я взяла то, без чего не могу обойтись? — Она с тревогой посмотрела на Брина.

— Точно. — Он взял ее сумки. Миссис Мигат, похоже, была вполне удовлетворена их объяснением, что они собираются навестить его (мистическую) тетку в Бейкерсфилде, прежде чем заняться серьезными поисками работы. Тем не менее, она смутила Брина, когда поцеловала его на прощанье и попросила, чтобы он «заботился о ее маленькой девочке».

Бульвар Санта Моника был закрыт для автомобильного движения. Пока они стояли в длинной очереди машин на выезде из Беверли Хиллс, он включил радио и спустя некоторое время, сквозь помехи, сумел расслышать голос диктора местной радиостанции: — ... результат, — тараторил высокий взволнованный голос, — Кремль дал нам время до захода солнца, чтобы мы покинули территорию города. Вы слушаете вашего Нью-Йоркского корреспондента, который считает, что наступает такой момент, когда каждый американец должен держать свой порох сухим. А теперь послушайте обращение... — Брин включил приемник и посмотрел на Мид.

— Не волнуйся, они годами ведут подобные разговоры.

— Ты думаешь, что они блефуют?

— Этого я не говорил. Я сказал: «не волнуйся».

Однако сам он взял с собой вещи, которые были явно необходимы для выживания в полевых условиях, — консервы, всю свою теплую одежду, спортивное ружье, из которого не стрелял, наверное, уже два года, и все содержимое домашней аптечки. Бумаги со своего письменного стола он засунул в большую папку, которую пристроил на заднем сидении среди сумок, книг, консервов и одежды. Принес все одеяла, которые ему удалось найти в доме, и сложил их сверху. Потом он поднялся наверх по скрипучим ступеням, чтобы все проверить в последний раз.

— Потти, а где твои графики?

— В рулоне на заднем сиденье. Ну, кажется, все — нет, подожди минутку! — Он подошел к полке, висящей над письменным столом, и взял с нее стопку каких-то журналов. — Черт возьми, я чуть не забыл своего «Западного Астронома» и «Записки Ассоциации Переменных Звезд».

— А зачем их брать?

— Зачем? Я не читал журналы уже почти год. Возможно, теперь у меня будет время для чтения.

— Х-мм... Потти, наблюдать за тем, как ты читаешь научные журналы, не самое любимое мое занятие.

— Помолчи, женщина! Ты взяла Винни, а я беру это.

Она замолчала и помогла ему аккуратно сложить журналы. Брин бросил тоскливый взгляд на электрический калькулятор, но решил, что такой роскоши он позволить себе не может. Придется удовлетвориться логарифмической линейкой.

Когда машина выехала на залитую водой дорогу, Мид спросила:

— Потти, а как у тебя с наличными?

— Что? Да все нормально, я думаю.

— Я хотела сказать, что мы уезжаем, когда все банки закрыты и все такое. — Она показала на свою сумочку. — Вот мой банк. Здесь немного, но мы можем их тратить.

Он улыбнулся и потрепал ее по колену.

— Отважный парень! А я сижу на своей банке — с самого начала года я начал переводить свои деньги в наличные.

— А я закрыла свой банковский счет в тот день, когда мы познакомились.

— Правда? Значит, ты всерьез восприняла мои рассуждения.

— Я всегда относилась к тебе серьезно.

Минт Каньон оказался настоящим кошмаром — их машина едва ползла со скоростью пять миль в час, а видимость ограничивалась габаритными огнями ехавшего впереди грузовика. Когда они остановились, чтобы выпить кофе в Халфвее, подтвердились его худшие предположения: Каньон Пасс был закрыт, и для того, чтобы попасть на шоссе номер 66, нужно было ехать в объезд. Спустя долгое время им удалось свернуть на Викторвилль, здесь машин стало заметно меньше — что было очень кстати, так как дворники на ветровом стекле их автомобиля перестали работать. Когда подъезжали к Ланкастеру, Мид повернулась к Брину и спросила:

— Скажи, Потти, а твой автомобиль снабжен шноркелем*?

— Нет, к сожалению.

* Шноркель — устройство, позволяющее двигателю работать под водой. (Прим. перев.)

— Тогда нам лучше остановиться. Я вижу впереди свет.

Свет шел из окон мотеля. Мид решила пожертвовать приличиями ради экономии. Они сняли один номер на двоих. Брин заметил, что в номере было две кровати, стоящие рядом, но не стал обращать на это внимание Мид. В результате она забралась в постель вместе со своим медведем, даже не поцеловав Брина. К этому времени уже начало рассветать.

Они проснулись после полудня и решили провести еще один день в мотеле, а потом снова ехать на север в сторону Бейкерсфилда. Область высокого давления продолжала смещаться на юг, заливая массами воды Южную Калифорнию. Брину удалось починить дворники и купить две новые запаски вместо тех, которые он проколол прошлым вечером. Кроме того, он купил еще кое-что необходимое для ночлега под открытым небом и пистолет тридцать второго калибра для Мид. Брин немного смутился, когда отдавал его ей.

— А это еще зачем?

— Ну, у нас довольно много наличных денег.

— А я уж подумала, что он пригодится для того, чтобы защищаться от твоих приставаний.

— Но, Мид...

— Ладно, ерунда. Спасибо, Потти.

Они уже успели поесть и заканчивали укладывать вещи в машину, когда случился первый толчок. Пять дюймов осадков за двадцать четыре часа, более трех триллионов тонн дополнительной нагрузки на и без того перенапряженные пласты — это и привело к землетрясению.

Мид неожиданно села прямо на мокрую землю; Брину лишь с большим трудом удавалось удерживаться на ногах — казалось, он танцует на роликовых коньках. Когда земля немного успокоилась — это произошло тридцать секунд спустя, — он помог Мид подняться на ноги.

— С тобой все в порядке?

— У меня брюки промокли, — ответила Мид и раздраженно добавила: — Но, Потти, во время дождя никогда не трясет. Никогда!

— Ну, а в этот раз такое случилось.

— Но...

— Успокойся, пожалуйста, ладно? — Он открыл дверцу машины и включил радио, с трудом дождался, когда приемник нагреется, и начал торопливо крутить ручку настройки. — Проклятье! Ни одной Лос-Анджелеской станции не поймать!

— Может быть, толчок повредил приемник?

— Подожди, — он еще покрутил ручку, и они услышали, как приемник заговорил: — ...Солнечная студия из Риверсайда, Калифорния. Слушайте наши сообщения. Пока невозможно оценить размеры катастрофы. Прорван акведук на реке Колорадо; ничего не известно о масштабе разрушений и о том, сколько времени потребуется для того, чтобы все восстановить. Насколько нам известно, акведук в долине реки Овенс не поврежден, но всем жителям Лос-Анджелеса рекомендовано экономить питьевую воду. Лично я советую выставить кастрюли и ведра на улицу и собирать дождевую воду; рано или поздно дождь должен кончиться. Если у вас есть время, то мы запустим песню «Прохладная вода» — просто, чтобы вы поняли, о чем идет речь. А сейчас я прочитаю инструкцию о том, как надо вести себя во время стихийных бедствий, цитирую: «Всю воду необходимо кипятить. Сохраняйте спокойствие, оставайтесь в своих домах, не поддавайтесь паническим слухам. Не выходите на автострады. Помогайте полиции и оказывайте посильную...» — Джо! Джо! Возьми трубку! — «...посильную помощь пострадавшим. Не пользуйтесь телефоном, за исключением...» — Срочно! По неподтвержденным сведениям из Лонг-Бич, побережье в районе Вилмингтона и Сан-Педро находится под пятифутовым слоем воды. Я повторяю: эти сведения не подтверждены. А теперь приказ полевого генерала Марча Филда: «Весь военный персонал должен немедленно...»

Брин выключил приемник.

— Залезай в машину.

— Куда мы поедем?

— На север.

— Но мы заплатили за номер. Может быть...

— Залезай!

Они остановились в городе, и Брину удалось купить шесть пятигаллоновых канистр. На бензоколонке он их все заполнил бензином и аккуратно установил на заднем сидении, переложив одеялами. После этого они поехали дальше.

— Что мы делаем, Потифар?

— Я хочу выехать на автостраду в долине, которая ведет на запад.

— Ты хочешь попасть в какое-нибудь определенное место?

— Да. Посмотрим, что у нас из этого получится. Ты покрути настройку приемника, но не забывай посматривать на дорогу. Этот бензин на заднем сидении заставляет меня нервничать.

Пока они ехали через городок под названием Моджав и на северо-запад по шоссе номер 466 в горах Техачапи, приемник работал плохо, видимо, мешали горы, но Мид удалось поймать сообщение о том что ситуация создалась очень серьезная — даже хуже, чем во время землетрясения 1906 года в Сан-Франциско, Манагуа и Лонг-Бич вместе взятых.

Когда они спускались с гор, немного прояснилось; кое-где на небе даже проглядывали звезды. Брин свернул с автострады налево, теперь они ехали на юг по проселочной дороге, огибая Бейкерсфилд. Вскоре машина уже катила по шоссе номер 99, они выехали на него немного южнее Гринфилда. Как он и предполагал, шоссе было забито беженцами, и ему пришлось несколько миль проехать в общем потоке, прежде чем удалось свернуть на запад, в сторону Тэфта. Им удалось плотно поесть, остановившись в западном предместье Тэфта, у кафе, работающего круглые сутки.

Они уже собрались забраться обратно в машину, как вдруг, на юге, начался «восход». Зарево мгновенно окрасило небо, а потом быстро погасло; на том месте, где только что был пурпурно-красный столб света, начало медленно формироваться огромное грибовидное облако.

Брин посмотрел на него, потом бросил короткий взгляд на часы и хрипло сказал:

— Садись в машину.

— Потти, это был...это был...

— Да, это был, раньше это был Лос-Анджелес. За-лезай в машину!

Несколько минут они молча ехали вперед. Мид была в шоке — она силилась сказать что-то, но не могла. Когда до них дошел звук взрыва, Брин снова посмотрел на часы.

— Шесть минут и девятнадцать секунд — все сходится.

— Потти, мы должны были взять миссис Мигат.

— Ну, откуда я мог знать? — сердито пробормотал он. — А кроме того, ты же сама понимаешь — старое дерево невозможно пересадить на новую почву. Если она погибла, то это произошло мгновенно.

— Я надеюсь, что ей не пришлось страдать!

— Забудь об этом. Сейчас нам нужно прежде всего позаботиться о себе. Возьми фонарик и посмотри карту. У Тэфта я хочу свернуть на север, в сторону побе-режья.

— Да, Потифар.

— И попробуй поймать что-нибудь по радио.

Она немного успокоилась и сделала то, о чем он ее просил. Радио молчало, ей не удалось поймать даже радиостанцию Риверсайд — на всех диапазонах слышался какой-то странный шум, напоминающий стук дождя в оконное стекло. Когда они подъезжали к Тэфту, он замедлил ход, чтобы не пропустить поворот на север, нашел, наконец, нужное место и свернул. Почти сразу же перед ними на дорогу выскочил какой-то человек, отчаянно размахивая руками. Брин ударил по тормозам.

Человек подошел к левой дверце и постучал в окно, Брин опустил стекло. И глупо уставился на пистолет, зажатый в левой руке мужчины.

— Быстро выходите из машины, — резко приказал незнакомец. — Мне она совершенно необходима. — Он просунул правую руку в окно, пытаясь нащупать ручку двери.

Мид потянулась через голову Брина, сунула свой маленький пистолет в лицо незнакомца и, не говоря дурного слова, спустила курок. Брин скорее почувствовал, чем увидел, вспышку выстрела у себя над головой. Человек казался удивленным, на его верхней губе об-

разовалась небольшая аккуратная дырочка, в ней еще даже не было крови, а потом он медленно повалился назад.

— Поезжай вперед! — пронзительно закричала Мид. Брин перевел дыхание.

— Хорошая девочка...

— Давай! Гони!

Они поехали по шоссе через Национальный Заповедник в Лос-Падресе, остановившись лишь раз, чтобы залить в бак горючего из канистр, предусмотрительно захваченных Брином. Потом они свернули на проселочную дорогу. Мид продолжала крутить ручки настройки приемника, однажды ей удалось поймать Сан-Франциско, но помехи были такими сильными, что им ничего не удалось разобрать. Наконец, Мид нашла Солт Лейк Сити, голос диктора доносился довольно слабо, но зато помех практически не было.

«...пор не было ничего нового. Судя по всему бомба на Канзас Сити не была сброшена. Предполагается, что взрыв — дело рук террористов. Конечно, это звучит очень неправдоподобно, но...» — Они спустились в низину, и приемник смолк на полуслове.

Когда приемник снова ожил, они услышали другой, весьма энергичный голос: «Говорит Конелрэд. Мы ведем передачу объединенными усилиями всех радиостанций. Слух о том, что на Лос-Анджелес была сброшена атомная бомба, ни на чем не основан. Западное побережье действительно подверглось суровому землетрясению, но не более того. Представители Государственного Департамента и Красный Крест находятся на месте, чтобы оказать помощь пострадавшим, но — я повторяю — атомной бомбардировки не было. Держитесь подальше от автострад и слушайте...» — Тут Брин выключил приемник.

— Кто-то, — сказал он с горечью, — опять посчитал, что «Мамочка знает лучше». Они решили не сообщать плохих новостей.

— Потифар, — резко спросила Мид, — это и вправду была атомная бомба... да?

— Да, конечно. Но мы не знаем, был ли это только Лос-Анджелес и Канзас-Сити — или все крупные го-

рода страны. Единственное, в чем мы сейчас можем быть уверены, — так это в том, что они нам лгут.

— Может быть, попробовать поймать другую станцию?

— Да черт с ними. — Он сосредоточился на ведении машины. Дорога становилась все хуже.

Когда начало рассветать, она сказала:

— Потти, ты знаешь, куда мы едем? Или ты просто стараешься держаться подальше от больших городов?

— Да, у меня есть определенная цель, если только я не заблудился. — Он посмотрел по сторонам. — Нет, мы правильно едем. Видишь вон ту гору впереди, с тремя жандармами на склоне?

— Жандармами?

— Большими каменными столбами. Это надежный ориентир. Теперь мне нужно найти частную дорогу. Она ведет в охотничий домик, принадлежавший двум моим друзьям, — раньше там была ферма, но она себя не окупала.

— Понятно. А твои друзья не будут возражать, если мы воспользуемся их домом?

Он пожал плечами.

— Если они приедут сюда, мы у них спросим. Ты же должна понимать, Мид — они ведь жили в Лос-Анджелесе.

— А, тогда понятно.

Частная дорога представляла собой колею, проложенную фургонами. Она была в ужасном состоянии. Но им, в конце концов, удалось перевалить через вершину хребта — отсюда открывался замечательный вид, почти до Тихого океана. Затем, без особых приключений, они спустились в небольшую, защищенную со всех сторон горами, долину.

— Выгружаемся, мы прибыли на конечную станцию.

Мид вздохнула.

— Это похоже на рай.

— Ты сможешь приготовить завтрак, пока я разгружаю вещи? В очаге должны быть дрова. Ты сможешь с ним разобраться?

— Дай мне только развернуться.

Два часа спустя Брин стоял на перевале, курил сигарету и смотрел вниз, на запад. Кажется ему или нет, что в той стороне, где находится Сан-Франциско, поднимается ядерный гриб? Скорее всего, это лишь плод его воображения, решил Брин — уж слишком большое между ними расстояние. На юге все было чисто.

Из домика вышла Мид.

— Потти!

— Я здесь.

Она подошла к нему, отобрала сигарету и сделала глубокую затяжку, выдохнув дым, негромко проговорила:

— Я знаю, что грех так говорить, но я чувствую такой покой, какого не знала уже очень давно.

— Понимаю.

— Ты видел, сколько консервов в кладовой? Мы сможем прожить здесь всю зиму.

— Может быть, так и случится.

— Наверное. Жаль, что у нас нет коровы.

— Что бы ты стала с ней делать?

— Я каждое утро успевала подоить четырех коров, прежде чем за мной приезжал школьный автобус. А еще я умею разделывать свиней.

— Я постараюсь найти хотя бы одну.

— Если найдешь, то я сумею закоптить ее. — Она зевнула. — Мне вдруг страшно захотелось спать.

— Мне тоже — но чему же тут удивляться?

— Тогда пошли спать.

— Х-мм, Мид!

— Да, Потти?

— Мы здесь пробудем довольно длительное время. Ты ведь это понимаешь?

— Да, Потти.

— На самом деле, я думаю, что разумнее всего оставаться здесь до тех пор, пока кривые не повернут в другую сторону. А это обязательно должно произойти.

— Да. Я это уже поняла.

Он немного поколебался, а потом спросил:

— Мид... ты выйдешь за меня замуж?

— Да. — Она прижалась к нему.

Через некоторое время Брин осторожно отстранил ее от себя и сказал:

— Моя дорогая, моя любимая, мы... может быть, нам стоит спуститься вниз и найти священника в одном из этих маленьких городишек?

Она внимательно посмотрела на него.

— Но это не слишком разумно, не так ли? Я хочу сказать: сейчас никто не знает, что мы здесь, а ведь именно этого нам и надо. А кроме того, твоя машина может во второй раз не преодолеть такую дорогу.

— Да, это будет не слишком разумно. Но мне бы хотелось, чтобы у нас все было по-настоящему.

— Все в порядке, Потти. Все правда в порядке.

— Ну, тогда... встань на колени рядом со мной. Мы скажем вместе все что полагается.

— Да, Потифар. — Она опустилась рядом с ним на колени. Он взял ее за руку, закрыл глаза и начал молиться.

Немного погодя он открыл глаза и спросил:

— Что такое?

— Колениам больно стоять на камушках.

— Ну, тогда встань.

— Полушай, Потти, давай лучше пойдем в дом и скажем все необходимые слова.

— Да? Черт возьми, женщина, там мы можем о них моментально забыть. Ну-ка, повторяй за мной: Я, Потифар, беру тебя, Мид...

— Да, Потифар. Я, Мид, беру тебя, Потифара...

III

«ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ: ВСЕМ СТАНЦИЯМ, КОТОРЫЕ В СОСТОЯНИИ СЛЫШАТЬ НАС. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ НОМЕР ДЕВЯТЬ — ЗАКОНЫ О ПОВЕДЕНИИ НА ДОРОГАХ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАНЕЕ, МНОГОКРАТНО НАРУШАЛИСЬ. ВСЕМ ПАТРУЛЯМ ОТДАН ПРИКАЗ СТРЕЛЯТЬ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. НАЧАЛЬНИКАМ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ РАЗРЕШАЕТСЯ ПРИМЕНЯТЬ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВЛАДЕНИЕ БЕНЗИНОМ, ИЗДАННЫЕ РАНЕЕ ЗАКОНЫ О СОБЛЮДЕНИИ РАДИАЦИОННОГО КАРАНТИНА ДОЛЖНЫ ИСПОЛНЯТЬСЯ НЕУКОСНИТЕЛЬНО. ДА

ЗДРАВСТВУЮТ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ! ХАРЛИ ДЖ. НИЛ, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ, ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ ГЛАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА. ВСЕМ СТАНЦИЯМ СЛЕДУЕТ ПЕРЕДАВАТЬ ЭТО СООБЩЕНИЕ ДВАЖДЫ В ТЕЧЕНИЕ КАЖДОГО СЛЕДУЮЩЕГО ЧАСА».

«ГОВОРИТ СВОБОДНОЕ РАДИО АМЕРИКИ. ПЕРЕДАВАЙТЕ ЭТО СООБЩЕНИЕ ДАЛЬШЕ, РЕБЯТА! ГУБЕРНАТОР БРЭДЛИ БЫЛ ПРИВЕДЕН СЕГОДНЯ К ПРИСЯГЕ В КАЧЕСТВЕ ПРЕЗИДЕНТА. ПРИСЯГУ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА ПРИНЯЛ ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РОБЕРТС. ПРЕЗИДЕНТ ПО ИМЕНИ ТОМАС ДЬЮИ, КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ, И ПОЛ ДУГЛАС, КАК МИНИСТР ОБОРОНЫ, УЖЕ ВТОРЫМ СВОИМ УКАЗОМ ОБЪЯВИЛИ О РАЗЖАЛОВАНИИ ПРЕДАТЕЛЯ НИЛА И О НЕОБХОДИМОСТИ ЕГО НЕМЕДЛЕННОГО АРЕСТА. ПОДРОБНОСТИ БУДУТ СООБЩЕНЫ ПОЗДНЕЕ. ПЕРЕДАВАЙТЕ НАШУ ИНФОРМАЦИЮ ДАЛЬШЕ».

«ПРИВЕТ, КП, КП, КП. ЭТО В5КМР, ФРИПОРТ. КРР, КРР! КТО-НИБУДЬ СЛЫШИТ МЕНЯ? КТО-НИБУДЬ? МЫ ЗДЕСЬ МРЕМ, КАК МУХИ. ЧТО ПРОИСХОДИТ? БОЛЕЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЛИХОРАДКИ И СТРАШНОЙ ЖАЖДЫ, НО ГЛОТАТЬ НЕВОЗМОЖНО. МЫ НУЖДАЕМСЯ В ПОМОЩИ. КТО-НИБУДЬ СЛЫШИТ МЕНЯ? КК75, КК75 ЭТО В5 КИЛОМЕТРОВ РОМЕО ВЫЗЫВАЕТ КРР И КК75. КТО-НИБУДЬ... КТО-НИБУДЬ!!!»

«ЭТО «ВРЕМЯ ГОСПОДА», СПОНСОР ЛЕБЕДИНОГО ЭЛИКСИРА, ТОНИКА, КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ ПРИЯТНЫМ ОЖИДАНИЕ ПРИШЕСТВИЯ ЦАРСТВИЯ ГОСПОДНЯ. СЕЙЧАС СО СЛОВАМИ ПОДДЕРЖКИ К ВАМ ОБРАТИТСЯ СУДЬЯ БРУМФИЛД, ГЛАВНЫЙ ВИКАРИЙ КОРОЛЕВСТВА ЗЕМЛЯ. НО СНАЧАЛА ПОСЛУШАЙТЕ СЛУДУЮЩЕЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ: ПОСЫЛАЙТЕ ВЗНОСЫ НА СЧЕТ «МЕССИИ» КЛИНТА, ТЕХАС. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ОТПРАВЛЯТЬ ИХ ПО ПОЧТЕ — ЛУЧШЕ ПОСЫЛАЙТЕ ИХ ЧЕРЕЗ КОРОЛЕВСКИХ ПОСЛАНЦЕВ ИЛИ ПИЛИГРИМОВ, НАПРАВЛЯЮЩИХСЯ В НУЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ. ТЕПЕРЬ

ПОСЛУШАЙТЕ МОЛИТВЕННЫЙ ХОР, А ВСЛЕД ЗА НИМ ВЫСТУПИТ ВИКАРИЙ ВСЕЙ ЗЕМЛИ...»

«...ПЕРВЫЙ СИМПТОМ — ПОЯВЛЕНИЕ НЕБОЛЬШИХ КРАСНЫХ ПЯТЕН НА ПОДМЫШКАХ. ОНИ НАЧИНАЮТ ЧЕСАТЬСЯ. БОЛЬНОГО НУЖНО НЕМЕДЛЕННО ПОЛОЖИТЬ В ПОСТЕЛЬ И ДЕРЖАТЬ ЕГО В ТЕПЛЕ. ПОТОМ ТЩАТЕЛЬНО ПОМОЙТЕСЬ И НАДЕНЬТЕ МАРЛЕВУЮ ПОВЯЗКУ НА ЛИЦО: МЫ ЕЩЕ НЕ УСПЕЛИ УСТАНОВИТЬ, КАК РАСПОСТРАНЯЕТСЯ ЭТА БОЛЕЗНЬ. ПЕРЕДАЙТЕ ДАЛЬШЕ».

«...НЕТ СООБЩЕНИЙ О НОВЫХ ВЫСАДКАХ НА КОНТИНЕНТЕ. ТЕ ДЕСАНТНИКИ, КОТОРЫМ УДАЛОСЬ ИЗБЕЖАТЬ УНИЧТОЖЕНИЯ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЯЧУТСЯ В ПОКОНОСЕ. СТРЕЛЯЙТЕ — НО БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, ЭТО МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ТЕТЯ ТЕССИ. ЗАКАНЧИВАЕМ ПЕРЕДАЧИ ДО ЗАВТРАШНЕГО УТРА».

Кривые, наконец, повернули — у Брина уже не было ни малейших сомнений по этому поводу. Возможно, им даже не придется оставаться на зиму здесь, в горах Сьерра Мадре, хотя он понимал, что все-таки лучше перезимовать здесь. Он не случайно выбрал именно это место — оно находилось к западу от зоны выпадения большей части радиоактивных осадков; было бы глупо спуститься сейчас вниз и подхватить какую-нибудь отвратительную болезнь или попасть под пули особенно бдительного гражданина. Еще несколько месяцев, и все придет в норму.

Ко всему прочему, он успел заготовить огромный штабель дров. Брин посмотрел на свои покрывшиеся мозолями ладони — он сам проделал всю работу и, видит Бог, он намерен насладиться плодами своих трудов!

Он направлялся на перевал, чтобы дождаться заката и почитать часок. Проходя мимо машины, он бросил на нее задумчивый взгляд — не послушать ли радио? Но заставил себя отказаться от этой идеи — две трети всех запасов бензина ушло на то, чтобы подзаряжать батарею, без которой не мог работать приемник — а ведь был еще только декабрь. Нет, он должен теперь включать приемник не чаще двух раз в неделю. А для него так много значило послушать очередной выход в

эфир «Свободной Америки», а потом еще несколько минут покрутить ручку настройки в надежде поймать какую-нибудь станцию.

Последние три дня «Свободная Америка» не выходила в эфир — возможно, мешали солнечные помехи или произошла авария на электростанции. Слух, что президент Брэндли убит, пока что не подтвержден Свободным Радио... Но они и не отрицают этого факта. Его это тревожило.

И еще странная история о том, что легендарная Атлантида поднялась со дна моря во время землетрясения и что Азорские острова теперь превратились в небольшой материк — все это, конечно, было отрывкой заканчивающегося «сезона глупостей», но все равно ему захотелось знать продолжение.

С легким чувством стыда он разрешил своим ногам принести его к машине. Это уж совсем нечестно слушать радио, когда Мид нет рядом. Брин включил приемник, подождал, пока он нагреется, и начал медленно крутить ручки настройки. Ничего. Только статический шум. Так ему и надо.

Он поднялся на перевал и уселся на скамейку, которую принес сюда, — их «мемориальная скамейка», священное напоминание о том дне, когда Мид расцарапала себе коленки. Брин вздохнул, его подтянутый живот был набит оленьиной и оладьями с яблоками; чтобы чувствовать себя совершенно счастливым, ему не хватало только табака. Этим вечером закат был удивительно красивым, а погода необычайно мягкой для декабря — и то, и другое было, вероятно, вызвано вулканической пылью и атомными взрывами.

Удивительно, как быстро все рассыпалось в прах, когда процесс набрал скорость! Но еще удивительнее было то, как энергично вся система приходила в норму, судя по тем признакам, которые ему известны. Третья Мировая Война оказалась самой короткой в истории человечества — сорок городов исчезло с лица земли, считая Москву и другие славянские города, так же, как и американские. А потом обе стороны оказались неспособными продолжать войну. Конечно, во многом это объяснялось тем, что приходилось доставлять атомные бомбы через Северный полюс, преодолевать сложней-

шие погодные условия, арктический холод и прочее. Удивительно, что даже часть русских десантников сумела добраться до Америки.

Он вздохнул и достал из кармана ноябрьский номер «Западного Астронома» за 1951 год. На чем он остановился? Ах да, «Заметки о стабильности звезд класса Солнца», автор — А. Г. Динковский, Ленинский Институт, перевод Генриха Лея. Отличный парень, этот — Динковский — очень толковый математик. Неожиданное и прекрасно обоснованное рассуждение, а разложение гармонических колебаний — просто находка! Он начал листать журнал, чтобы найти то место, на котором остановился, когда на глаза ему попалось примечание — раньше не обратил на него внимания. В нем упоминалось имя самого Динковского: «Газета "Правда" почти сразу после выхода статьи в свет написала, что монография Динковского — реакционный романтизм. С тех пор никаких сведений о профессоре Динковском больше не поступало. Предполагается, что его ликвидировали».

Бедняга! Ну, к этому моменту он все равно был бы уже распылен на атомы вместе с теми подонками, которые его убили. Интересно, действительно ли удалось выловить всех русских десантников? Сам он прикончил тех, что пришлось на его долю; если бы он тогда не пристрелил оленя в четверти мили от дома и не вернулся назад, Мид пришлось бы очень нелегко. Брин был вынужден стрелять им в спину, а потом похоронил их за штабелем дров — после этого казалось постыдным свежевать и есть ни в чем не повинного оленя, в то время как эти подонки были достойно похоронены.

Убийство врага и любовь к женщине — только это дает ощущение подлинной полноты бытия. В его жизни было и то, и другое. И еще — математика. Он был богат.

Он уселся поудобнее, заранее предвкушая удовольствие: Динковский знал свое дело. Конечно, то, что звезды класса Солнца потенциально нестабильны, было известно давно; такая звезда могла взорваться, разом изменив диаграмму Русселя, и превратиться в белого карлика. Но никто до Динковского не смог сформулировать точные условия подобной катастрофы или изо-

бresti математический аппарат для анализа неустойчивости и описания ее прогресса.

Он оторвал глаза от страницы журнала и увидел, что солнце закрыло небольшое низкое облако, обеспечив редкую возможность наблюдать за светилом ничем не защищенными глазами. Наверное, вулканическая пыль была причиной такого странного эффекта — возникало ощущение, словно смотришь сквозь затемненное стекло.

Он снова поднял взгляд на солнце. Или у него потемнело в глазах, или на солнце действительно большое темное пятно. Он слышал, что подобное явление можно в определенных условиях наблюдать невооруженным глазом, но ему самому такого видеть не доводилось. Страстно захотелось заглянуть в телескоп.

Он сморгнул. Да, пятно осталось на месте, немного справа, ближе к верхнему краю. И пятно было большим — ничего удивительного, что радио так трещало.

Он снова занялся чтением, ему хотелось добраться до конца статьи до того, как солнце сядет. Сначала он просто получал удовольствие, следя за безупречной логикой математических рассуждений. Трехпроцентная неустойчивость солнечной константы — да, это были стандартные цифры; солнце превратится в сверхновую звезду, если произойдут такие изменения. Однако Динковский пошел дальше — при помощи нового математического оператора, которого он назвал «коромысло», ему удалось определить период в истории развития звезды, когда это может произойти, а потом посредством двойных, тройных и четверных «коромысел» он сумел показать, как можно вычислить наиболее вероятное время взрыва. Блестяще! Динковский даже определил пределы погрешности своего исходного оператора, как и положено делать истинному статистическому.

Однако, когда Брин вернулся назад, чтобы еще раз проследить за ходом рассуждений, его несколько отстраненный, чисто интеллектуальный интерес сменился личным. Динковский рассуждал не о звездах земного солнца вообще — в последней части его статьи речь шла о нашем солнце, солнце Бриана, об этом огромном симпатичном парне, на лице которого появилась странная веснушка.

Черт подери, это веснушка была слишком большой! Это была дыра, в которую вполне можно засунуть Юпитер. Теперь он видел ее слишком отчетливо.

Все говорят о том времени, «когда звезды постареют и наше солнце остынет» — но это некая абстракция, как и мысль о собственной смерти. Брин думал о возникшей проблеме, уже как о своей собственной. Сколько времени пройдет с того момента, когда нарушилось равновесие, до того, как ударная волна, распространяющаяся во все стороны, поглотит Землю? Без калькулятора он не мог получить ответ на этот вопрос, хотя все необходимые формулы лежали перед ним. Ну, скажем, полчаса с начала процесса до того момента, когда земля сделает «п-ф-ф!».

Его охватила печаль. И ничего больше не будет? Никогда? Колорадо прохладным летним утром... длинной, безупречно ровной дороги на Бостон, над которой поднимается легкий дымок... не распустятся больше почки весной. И не будет влажных, морских запахов рыбного рынка в Фултоне — впрочем, Фултона уже и так нет. Кофе в «Утреннем Зове». И не будет земляники на склонах холма возле Нью-Джерси, растекающейся кисло-сладким соком во рту. Не будет рассветов на южном побережье Тихого океана, когда бархатистый, нежный воздух холодит кожу под рубашкой, а в удивительной, волшебной тишине слышен лишь плеск волн о борт старой баржи — как же она называлась? Как это было давно — «С.С.Мэри Брюстер».

И луны не будет, когда исчезнет земля. Звезды — те останутся. Только вот созерцать их будет некому.

Он снова посмотрел на даты, определенные «коромыслом» Динковского. «Белоснежные стены Твоих родов...»

Он вдруг почувствовал, что ему необходимо быть рядом с Мид, и встал.

Она уже поднималась на перевал, чтобы встретить его.

— Эй, Потти! Можешь без страха возвращаться домой — я уже помыла всю посуду.

— Мне нужно было тебе помочь.

— Ты делаешь мужскую работу, а я женскую. Это честно. — Она прикрыла глаза от солнца. — Какой

закат! Вулканы должны извергаться каждый год, если это приводит к такому изумительному зрелищу.

— Садись, и мы посмотрим на него вместе.

Она села рядом с ним, и он взял ее за руку.

— Видишь это пятно на солнце? Ты можешь разглядеть его невооруженным глазом.

Она всмотрелась.

— Это и есть пятно на солнце? Такое впечатление, что кто-то откусил от него кусок.

Он сощурил глаза и еще раз внимательно взглянул на солнце. Черт возьми, пятно стало больше!

Мид вздрогнула.

— Мне холодно. Обними меня за плечи.

Брин обнял ее одной рукой, продолжая сжимать ее руки другой. Да, пятно стало больше — оно явно росло.

«Что хорошего было в людях? Обезьяны, — подумал он, — обезьяны, наделенные крохой поэзии, постепенно уничтожающие свою второсортную планету у третьесортной звезды. Однако как эффектно заканчивают!»

Мид прижалась к нему.

— Обними меня покрепче.

— Скоро будет теплее. Я хочу сказать, что сейчас я тебя согрею.

— Милый, Потти. — Она посмотрела на него. — Потти, с закатом происходит что-то странное.

— Не с закатом, дорогая — с солнцем.

— Мне страшно.

— Я здесь, дорогая.

Он посмотрел на раскрытый лежащий журнал рядом с ним. Ему уже не нужно было складывать и делить, чтобы получить ответ. Вместо этого он еще сильнее сжал ее руку, понимая с неожиданной остротой сожаления, что это и есть

КОНЕЦ!..

ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ

Боб Вилсон не видел, как вырос круг.

А кроме того, он не заметил, как из круга вышел незнакомец и остановился, глядя прямо ему в затылок. Незнакомец смотрел на ничего не подозревающего Вилсона и тяжело дышал, словно его охватило глубокое волнение.

У Вилсона не было никаких оснований подозревать, что кто-то есть в комнате; более того — он был абсолютно уверен в обратном. Он заперся в своей комнате, чтобы одним решительным броском завершить диссертацию. У него не было другого выхода — завтра последний срок сдачи, а еще вчера в его распоряжении имелось только заглавие: «Исследование Некоторых Математических Аспектов Классической Метафизики».

Пятьдесят две сигареты, четыре кофейника и тринадцать часов непрерывной работы помогли добавить к заголовку семь тысяч слов. Что же касается обоснованности его тезисов, то сейчас это меньше всего волновало Вилсона — он находился почти в бессознательном состоянии. Покончить с работой — только об этом он теперь и думал — покончить и сдать, а потом напиться как следует и целую неделю проспать.

By His Bootstraps, 1941

Он поднял взгляд и дал глазам немного отдохнуть на дверце шкафа, за которой стояла почти полная бутылка джина. «Нет, — предостерег он себя, еще один бокал — и ты никогда не закончишь диссертацию, старина Боб».

Незнакомец за спиной у Вилсона продолжал молчать.

Вилсон снова принялся печатать.

«...Не следует также считать, что истинная теорема обязательно исполнима в действительности, даже если оказывается возможным математически точно сформулировать ее. В данном случае речь идет о "Путешествии во времени". Путешествие во времени может быть воображаемым, но необходимые его условия возможно сформулировать в рамках некоторой теории времени — в виде формулы, которая разрешит все парадоксы теории. Тем не менее, мы кое-что знаем об эмпирической природе времени, что препятствует осуществлению истинной теоремы. Время есть атрибут сознания, а не реальности. Это не Ding an Sich *. Следовательно...»

В этот момент клавиша пишущей машинки запала, и Вилсон с тоской выругался. Он наклонился, чтобы попытаться исправить вконец обнаглевшую технику.

— Не трать попусту силы, — услышал Вилсон за спиной чей-то незнакомый голос. — Пустая болтовня, чушь собачья.

Вилсон подскочил на месте и медленно повернул голову назад. Он отчаянно надеялся, что там кто-нибудь есть. Иначе...

С облегчением увидел он незнакомца.

— Слава Богу, — пробормотал он себе под нос. — На мгновение мне показалось, что я окончательно свихнулся. — Тут чувство облегчения сменилось раздражением. — Какого дьявола вы делаете в моей комнате? — сердито спросил он, резко отодвинул стул и направился к двери. Ключ торчал в замке. Дверь была закрыта изнутри.

Вилсон с тоской посмотрел на окно. Оттуда незнакомец появиться никак не мог — окно располагалось

* Ding an Sich (нем.) — вещь в себе (философское понятие, введенное немецким философом Иммануилом Кантом).

прямо перед его письменным столом, а тремя этажами ниже шумели проезжающие по улице машины.

— Как вы сюда попали? — мрачно спросил Вилсон, видя, что незнакомец сохраняет полное спокойствие и не торопится с ответом.

— Через эту штуку, — ответил незванный гость, показывая пальцем на круг. Вилсон только теперь заметил его, растерянно моргнул и снова бросил на круг недоумевающий взгляд. Круг висел между ним и стеной, здоровенный диск пустоты — он имел глухой черный цвет.

Вилсон энергично затряс головой. Диск явно не собирался исчезать. «Господи, — подумал он, — кажется, я и в самом деле свихнулся. Интересно, когда я потерял связь с реальностью?» Он подошел к диску и протянул руку, чтобы дотронуться до него.

— Не трогай! — рявкнул незнакомец.

— Интересно, почему? — угрюмо осведомился Вилсон. Однако, на всякий случай, руку убрал.

— Я объясню. Но сначала давай выпьем. — Странный гость направился прямо к шкафу, открыл его и, не глядя, вытащил оттуда бутылку джина.

— Эй! — завопил Вилсон. — Что ты здесь расправляешься? Это моя выпивка.

— Твоя выпивка... — незнакомец с сомнением посмотрел на Вилсона. — Извини. Но ты ведь не станешь возражать, если я немного выпью?

— Ладно, — со вздохом согласился Боб Вилсон. — Налей и мне, раз уж ты взялся за бутылку.

— Договорились, — согласился незнакомец, — а потом я все объясню.

— И постарайся, чтобы твои объяснения были убедительными, — угрожающе проговорил Вилсон. Тем не менее, он с облегчением глотнул джину и повнимательнее оглядел незнакомца.

Перед ним был тип примерно такого же роста и возраста, как и он сам, возможно, немного старше, но такое впечатление могло возникнуть из-за трехдневной щетины, украшавшей его лицо. У незнакомца был здоровенный синяк под глазом и рассеченная верхняя губа. Вилсон решил, что ему совсем не нравится лицо незванного гостя. Однако в нем было что-то неуловимо

знакомое — Вилсона преследовало ощущение, что он знает его, что они уже не раз виделись раньше, правда, при других обстоятельствах.

— Кто ты такой? — выпалил он.

— Я? — спросил гость. — А ты меня не узнаешь?

— Я не уверен, — признался Вилсон. — Мы уже встречались?

— Ну, не совсем, — тянул время незнакомец. — Не будем об этом. Ты все равно сейчас не поймешь.

— Как тебя зовут?

— Меня? Ну...называй меня Джо.

Вилсон поставил свой стакан.

— Ладно, Джо как-тебя-там, кончай тянуть резину, рассказывай, что все это значит, и выкатывайся отсюда.

— Так я и сделаю, — охотно согласился Джо. — Эта штука, через которую я попал сюда, — он показал на круг, — называется Ворота Времени.

— Как?

— Ворота Времени. По ту и по эту сторону Ворот текут временные потоки, только вот разделяют их многие тысячи лет, сколько именно — я и сам не знаю. В течение следующих нескольких часов Ворота будут оставаться открытыми. Ты можешь попасть в будущее, сделав всего один шаг сквозь этот круг. — Незнакомец замолчал.

Боб забарабанил по столу костяшками пальцев.

— Ну, продолжай. Мне очень нравится твоя история.

— Ты не веришь, да? Я тебе покажу. — Джо встал, снова подошел к шкафу и вытащил оттуда шляпу Боба, его единственную и нежно любимую шляпу, которая приобрела нынешний заливчатый вид за последние шесть лет его обучения и работы в колледже. Джо метнул ее в сторону черного круга. Шляпа коснулась его поверхности, прошла сквозь него, не встретив ни малейшего сопротивления, и исчезла.

Вилсон встал, медленно обошел диск, внимательно разглядывая пол.

— Ловкий трюк, — вынужден был признать он. — А теперь я скажу тебе большое спасибо, если ты будешь так добр, что вернешь мою шляпу.

Незнакомец решительно покачал головой.

— Ты сможешь сам забрать ее, когда пройдешь туда.

— Чего, чего?

— Именно так. Послушай... — Незнакомец коротко повторил объяснения, касающиеся Ворот Времени. Вилсон получал возможность, которая может выпасть на долю человека один раз в миллионы лет, и все, что ему нужно сделать, — шагнуть внутрь круга. Более того, хотя сейчас Джо не может объяснить все детали, для самого Вилсона жизненно важно проникнуть в будущее.

Боб Вилсон налил себе еще джину, выпил его, а потом повторил эту незатейливую операцию. По телу растеклось приятное тепло — самое время поспорить о чем-нибудь.

— Почему? — весомо спросил он.

Джо явно начинал выходить из себя.

— Черт возьми, если ты сейчас же войдешь туда, то никакие объяснения больше не понадобятся. Однако...

Если верить Джо, то по другую сторону Ворот есть один старикан, который нуждается в помощи Вилсона. Они втроем смогут управлять некой страной. В чем именно будет заключаться помощь, Джо не мог или не хотел сказать. Вместо этого он продолжал упираться на то, что ни в коем случае нельзя отказываться от такого замечательного приключения.

— Ты ведь не хочешь остаток жизни посвятить обучению всяких пустоголовых болванов в каком-нибудь паршивом колледже, — настаивал Джо. — Это твой шанс. Непусти его!

Боб Вилсон должен был признать, что степень магистра с последующим преподаванием в колледже не были пределом его мечтаний. Однако надо же как-то зарабатывать себе на жизнь. Его взгляд опустился на бутылку с джином — уровень жидкости в ней заметно понизился. Это объясняло многое, если не все. Он пошатываясь, встал на ноги.

— Нет, мой дорогой друг, — заявил он. — Я не собираюсь залезать на твою карусель. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что я пьян. Вот почему. Тебя здесь нет. И этой штуки здесь нет. — Он широким жестом показал в сторону круга. — Здесь нет никого, кроме меня, а я напился. Слишком много работал, — извиняющимся тоном добавил он. — Я пошел спать.

— Ты не пьян.

— Нет, пьян. Карл у Клары украл кораллы. — Он двинулся в сторону постели.

Джо схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое!

Они оба резко обернулись. Рядом с крутом, глядя на них, стоял третий человек. Вилсон посмотрел на вновь прибывшего, потом перевел глаза обратно на Джо и отчаянно заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд. Эти два типа, проникших в его комнату, казались очень похожими друг на друга — они вполне могли бы быть братьями. Или у него в глазах начало двоиться. Паршивое это дело — джин. Ему давно пора перейти на ром. Отличная штука — ром. Его можно пить или в нем можно принять ванну. Нет, это был все-таки джин — то есть — Джо.

Как глупо! У Джо ведь фингал под глазом. И как он только мог все перепутать!

Тогда кто такой этот второй тип? Неужели двое друзей не могут спокойно выпить? Вечно встречаются всякие гады.

— Кто вы такой? — наконец, со спокойным достоинством спросил Боб.

Вновь прибывший повернул к нему голову, а потом сосредоточил свое внимание на Джо.

— Он меня знает.

Джо внимательно оглядел его с ног до головы.

— Да, — сказал Джо, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

— Я с этим никогда не соглашусь...

Зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — скомандовал пришелец.

Боб собрался уже возмутиться, но потом передумал. Его темперамент никогда не позволял ему игнорировать телефонный звонок.

— Алло?

— Алло, — ответил ему голос в трубке. — Это Боб Вилсон?

— Да. С кем я говорю?

— Не имеет значения. Я просто хотел убедиться, что ты дома. Я так и думал, что ты должен быть сейчас дома. Ты попал в колею, приятель, в самую колею.

Вилсон услышал смех на другом конце трубки, а потом раздались короткие гудки.

— Алло, — сказал Вилсон. — Алло! — Он несколько раз нажал на рычаг, а потом повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Джо.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора. — Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал Вилсон, поднимая трубку. — Послушай, ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным.

— Гоподи, что с тобой, Боб? — прозвучал в трубке обиженный женский голос.

— Что? А, это ты, Женевьева. Извини меня, пожалуйста, извини...

— Да уж, конечно, тебе следует извиниться!

— Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка.

— Ну, надеюсь. В особенности после того, как ты мне сказал сегодня, что мы друг для друга значим.

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?

— Конечно. Но звоню я потому, что хочу напомнить тебе: ты забыл у меня шляпу. Я заметила ее через несколько минут после того, как ты ушел, и решила сразу же позвонить. А кроме того, — добавила она

игриво, — у меня появился повод позвонить тебе и услышать твой голос.

— Конечно. Все в порядке, — механически ответил он. — Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечером, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был...

— Но как же твоя шляпа, глупый?

— Что? А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу. Пока, — он торопливо повесил трубку. Господи, — подумал Вилсон, — с этой женщиной он еще нахлебается. А тут еще галлюцинации. Он повернулся к двум своим гостям.

— Ладно, Джо. Если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой... — Вилсон и сам не понимал, почему он вдруг изменил свое решение, но в какой-то момент это все-таки произошло. Интересно, что это за наглая рожа такая — он еще смеет за него что-то решать?

— Вот и отлично, — с облегчением заметил Джо. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался вседуший незнакомец. Он встал между Вилсоном и Воротами.

Боб Вилсон исподлобья посмотрел на него.

— Послушай, ты! Сначала ты ворвался сюда, не спросив разрешения, а теперь еще указываешь, что мне делать, будто я болван какой-то. Если тебе что-нибудь не нравится — выпрыгни в окно, а если ты не знаешь, как это делается, я тебе помогу! Ну, давай!

Незнакомец протянул руку и попытался ухватить его за шиворот. Вилсон нанес удар, но получился он каким-то неловким. Незнакомец легко увернулся и сам нанес удар, который пришелся Вилсону по губам. Джо стремительно приближался — он явно шел на помощь Вилсону. Незнакомец и Джо начали с энтузиазмом обмениваться ударами, Боб присоединился к ним, впрочем, проку от него было совсем немного. Единственный удар, который достиг цели, достался Джо, его союзнику. Хотя Боб пытался врезать не ему, а наглому незнакомцу.

Этот неловкий выпад дал незнакомцу шанс нанести хорошенький прямой удар прямо в нос Вилсона. Нельзя сказать, что удар получился очень сильным, но для Вилсона и этого оказалось вполне достаточно — больше он участия в драке не принимал.

Боб Вилсон медленно приходил в себя. Он сидел на полу, который непостижимым образом медленно раскачивался. Кто-то склонился над ним.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался очередной незнакомец.

— Кажется, да, — хрипло отозвался Вилсон. Он поморщился: разбитые губы мешали говорить. Он поднес руку ко рту и увидел, что та измазана в крови. — Только вот голова болит.

— Ну, иначе и быть не может. Ты вывалился сюда головой вперед.

В голове Вилсона мысли роились, как рассерженные пчелы. Он присмотрелся более внимательно к своему собеседнику. Перед ним стоял человек средних лет с густыми, поседевшими волосами и короткой, аккуратно подстриженной бородой. Он был одет в нечто пурпурное, напоминающее свободный пляжный костюм.

Но еще больше обеспокоила Вилсона комната, в которой он находился. Она была круглой, потолок плавно переходил в купол, так что было очень трудно определить ее высоту. Мягкий рассеянный свет наполнял комнату, но Вилсону не удалось определить его источник. В комнате не было никакой мебели, кроме высокого странного предмета, стоящего у противоположной стены.

— Вывалился откуда? И куда?

— Из Ворот, естественно. — Было что-то странное в акценте этого человека. Вилсон не мог определить, какой именно это акцент, но мог бы поспорить, что его собеседнику нечасто приходится говорить по-английски.

Вилсон посмотрел в другую сторону — туда, куда смотрел незнакомец, и увидел круг.

От этого голова его заболела еще сильнее. «О Господи, — подумал он, — похоже, я окончательно тро-

нулся. Почему я до сих пор не проснулся?» Он энергично потряс головой в надежде, что она прояснится.

Конечно же, этого не стоило делать. Ему показалось, что сейчас верхняя часть его головы отвалится. А проклятый круг даже и не подумал исчезнуть и как ни в чем не бывало продолжал висеть в воздухе. Внутри него клубилась черная пустота.

— Значит, я попал сюда через него?

— Да.

— И где я теперь нахожусь?

— В Зале Ворот Священного Дворца Норкаал. Но что гораздо важнее, так это то, *когда* ты тут находишься. Ты продвинулся вперед по времени на тридцать тысяч лет.

«Вот теперь я точно знаю, что сошел с ума», — подумал Вилсон. Он встал и нетвердой походкой направился в сторону Ворот.

Незнакомец положил руку ему на плечо.

— Куда ты идешь?

— Обратно!

— Не так быстро. Ты обязательно вернешься обратно — я даю тебе слово. Но сначала дай мне обработать твои раны. Кроме того, тебе просто необходимо отдохнуть. Я тебе должен многое рассказать и объяснить, а потом у меня будет к тебе просьба, если ты ее исполнишь, то мы оба от этого выиграем. Тогда нас обоих — тебя и меня — ждет прекрасное будущее!

Вилсон в сомнении остановился. Настойчивость нового знакомого слегка смущала его.

— Мне все это не нравится.

— Ну, тогда ты, может быть, хочешь выпить перед уходом?

Вилсон, несомненно, хотел. Как раз в этот момент хорошая выпивка казалась самой необходимой вещью на свете.

— Ладно, — пробормотал он.

— Тогда пошли со мной. Они прошли мимо странно-го сооружения у стены и через дверь вышли в коридор. Вилсон едва поспевал за своим проводником.

— Кстати, — спросил Вилсон, когда они шли по длинному коридору, — как тебя зовут?

— Тебя интересует мое имя? Ты можешь называть меня Дектор — меня здесь все так называют.

— Ладно, Дектор так Дектор. А как меня зовут тебе интересно?

— Как тебя зовут? — Дектор усмехнулся. — Я знаю твое имя. Боб Вилсон.

— Да? А, наверное, Джо сказал тебе?

— Джо? Нет, я не знаю человека с таким именем.

— Не знаешь? А он, как мне показалось, тебя знает. Слушай, а может быть, ты совсем не тот человек, с которым я должен встретиться?

— Да нет, это я. В каком-то смысле можно даже сказать, что я тебя ждал. Джо... Джо — ага! — Дектор снова усмехнулся. — Я на минуточку забыл об этом. Так он сказал, чтобы ты называл его Джо?

— А разве его зовут иначе?

— Это имя ничуть не хуже любого другого. Вот мы и пришли. — Они вошли в небольшую, но очень симпатичную комнату. В ней вообще не было никакой мебели, но пол казался мягким, теплым и упругим, как человеческая плоть. — Садись. Я очень скоро вернусь.

Боб посмотрел по сторонам, надеясь найти что-нибудь хотя бы отдаленно напоминающее стул, а потом обернулся, собираясь задать вопрос Дектору. Но тот исчез, более того — дверь, через которую они вошли в комнату, тоже исчезла. Бобу ничего не оставалось, как расположиться на удобном полу и попытаться не беспокоиться.

Дектор действительно скоро вернулся. Дверь почти мгновенно возникла в стене, так что Боб не успел даже заметить, как это произошло. Дектор нес в руке графин, в котором приятно булькало, в другой руке у него была чашка.

— Ну, за твоё здоровье, — с улыбкой проговорил Дектор и щедро плеснул в чашку из графина. — Выпей.

Боб взял чашку.

— А ты со мной не выпьешь?

— Позже. Сначала я хочу обработать твои раны.

— Ладно, — Вилсон заглотил чашку с почти неприличной торопливостью — это была качественная штука, немного похожая на виски, но гораздо приятнее.

Дектор тем временем возился с какими-то мазями и примочками, которые сначала немного жгли, но потом очень быстро принесли облегчение.

— Не возражаешь, если я налью себе еще?

— Не стесняйся.

Вторую чашку Боб выпил не торопясь. Он не успел допить ее, она выскользнула из его расслабленных рук, расплескивая янтарную пахучую жидкость по полу. Боб уже храпел.

Проснувшись, Боб Вилсон чувствовал себя совершенно здоровым и прекрасно отдохнувшим. У него почему-то было прекрасное настроение. Он расслабленно полежал с закрытыми глазами еще несколько минут. Его ждет отличный день, Вилсон ни одной секунды не сомневался в этом. Слава Богу, он закончил эту трижды проклятую диссертацию. Тут-то он и вспомнил, что работа еще не закончена! Вилсон резко сел.

Вид незнакомых стен живо вернул его к действительности. Но не успел он забеспокоиться, как в стене возникла дверь и в комнату вошел Дектор.

— Ну, чувствуешь себя лучше?

— Да, намного. Что же все это значит?

— Все в свое время. Не хочешь сначала позавтракать?

Для Вилсона завтрак всегда значил больше, чем сама жизнь, — он вполне мог бы поменять возможность бессмертия на хороший завтрак. Дектор повел его в другую комнату. В ней окна были. Более того — половина комнаты находилась под открытым небом — балкон уходил прямо в чудесный сад. Легкий, теплый, летний ветерок приятно обдувал лицо. Они ели, как древние римляне, и Дектор рассказывал.

Боб Вилсон следил за повествованием не так внимательно, как следовало бы, потому что его постоянно отвлекали девушки, которые обслуживали их. Первая принесла на голове громадное блюдо с фруктами. Фрукты были великолепны. Как и девушка. Сколько он ее ни рассматривал, ему никак не удавалось найти в ней ни одного изъяна.

Тут надо заметить, что ее костюм совершенно не препятствовал подобным поискам.

Сначала она слитным грациозным движением встала на одно колено, сняла с головы блюдо и протянула его Дектору. Тот положил себе на тарелку маленький красный фрукт и жестом показал, что больше не хочет. Потом она предложила фрукты Бобу тем же непринужденным грациозным жестом.

— Как я уже говорил, — продолжал Дектор, — остается неясным, откуда пришли Исполины и куда они направились после того, как покинули Землю. Я склонен думать, что они ушли во Время. Так или иначе, но они правили Землей более двадцати тысяч лет, в результате чего та культура, которую мы знали, исчезла полностью. Что еще важнее для тебя и для меня, так это то, что они совершенно изменили человеческую природу. Человек, имеющий психику жителя двадцатого столетия, может добиться здесь чего угодно. Кажется, ты меня не слушаешь?

— Что? Да нет, слушаю, конечно. Какая красивая девушка.

Боб не спускал глаз с двери комнаты, хотя девушка уже давно ушла.

— Которая? Ах да. Ну, пожалуй, ты прав. Впрочем, она далеко не самая красивая среди местных женщин.

— В это трудно поверить. С такой девушкой любой не отказался бы провести время.

— Тебе она нравится? Прекрасно — она твоя.

— Что?

— Она рабыня. И не делай такого возмущенного лица. Они рабы по натуре. Если она тебе понравилась, я тебе ее дарю. Она будет счастлива. — В этот момент девушка вернулась. — Дектор обратился к ней на каком-то странном языке. — Ее зовут Арма, — добавил Дектор, когда закончил давать девушке указания.

Арма захихикала. Правда, потом на ее лице появилось серьезное выражение, и она, подойдя к Вилсону, встала перед ним на колени.

— Коснись ее лба, — проинструктировал его Дектор.

Боб так и сделал. Девушка встала и молча застыла рядом с Бобом. Дектор что-то сказал ей. На ее лице появилось удивленное выражение, но она повернулась и быстро вышла из комнаты.

— Я сказал ей, что она может, сохраняя свой новый статус, продолжать прислуживать нам за завтраком.

Дектор возобновил свои объяснения, а завтрак тем временем шел своим чередом. Следующее блюдо принесли Арма и другая девушка. Когда Боб увидел вторую девушку, он даже тихонько присвиснул. Тут только до него дошло, что, возможно, он немного поторопился с Армой. Или стандарты красоты существенно изменились за прошедшие тысячелетия, или Дектор подбирал свою службу с особой тщательностью.

— ...по этим причинам, — говорил в это время Дектор, — необходимо, чтобы ты немедленно отправился обратно через Ворота Времени. Твоя первая задача — привести сюда этого, другого парня. Потом ты должен будешь сделать еще кое-что, и все наши проблемы будут решены. Нам останется только насладиться плодами собственных трудов — тебе и мне. И могу тебя заверить, здесь есть чем насладиться. Да ты меня не слушаешь.

— Да все я слушаю, шеф. — Он потер указательным пальцем свой подбородок. — Скажи, у тебя здесь не найдется лишнего лезвия? Мне бы хотелось побриться.

Дектор тихо выругался сразу на двух языках.

— Перестань сейчас же глазеть на этих красоток и слушай меня! Тебе нужно проделать определенную работу.

— Конечно, конечно. Я все понимаю, только скажи, что надо делать. Когда мне нужно начать? — Вилсон уже давно принял решение — это случилось, если уж быть точным, вскоре после того, как Арма вошла в комнату с блюдом фруктов. У него было такое ощущение, что ему снится необыкновенно приятный сон. Если сотрудничество с Дектором приведет к тому, что этот сон продлится, прекрасно. И черт с ней, с его академической карьерой!

А кроме того, чего Дектор от него хочет, это, чтобы он вернулся домой, туда, где все началось, и убедить того парня пройти через Ворота. Худшее, что с ним может произойти, — оказаться снова в двадцатом столетии. Чем он в такой ситуации рискует?

Дектор встал.

— Тогда не будем больше терять времени, — коротко сказал он, — раз уж мне, наконец, удалось завладеть твоим вниманием. Иди за мной.

Он зашагал вперед быстрым шагом, Вилсон старался не отстать.

Дектор привел его в Зал Ворот и остановился.

— Все, что от тебя требуется, — начал он давать последние указания, — это пройти через Ворота. Ты окажешься в своей комнате, в том самом времени, в котором жил. Убеди человека, который находится в комнате, пройти сквозь Ворота. Нам он необходим. А потом возвращайся сам.

Боб поднял руку вверх, сложив в кольцо большой и указательный пальцы.

— Считай, что он уже у нас в кармане, босс. — Он занес ногу, чтобы войти в Ворота.

— Подожди! — скомандовал Дектор. — Ты еще не привык к путешествиям во времени. Я предупреждаю: тебя ждет ужасный шок, когда ты вернешься в свое время. Этот парень — ты его узнаешь.

— И кто же он?

— Я не могу тебе об этом сейчас сказать, ты все равно не поймешь. Но когда ты увидишь его, тебе все станет ясно. Помни об одном: с путешествиями по времени связаны очень странные парадоксы. Не дай им сбить тебя с толку. Делай то, что я тебе сказал, и все будет в порядке.

— Парадоксы меня совершенно не смущают, — уверенно заявил Боб. — Ну, это все? Я готов.

— Одну минуту, — Дектор скрылся за высокой стойкой. Через несколько секунд его голова высунулась обратно. — Я установил нужное время. Давай!

Боб Вилсон вступил в круг, который назывался Ворота Времени.

Он ничего не почувствовал во время переноса. Ему показалось, что он просто прошел из одной комнаты в другую, раздвинув плотные темные занавеси. Он постоял немного, дожидаясь, пока глаза приспособятся к более темному освещению его старой комнаты. Да, он и в самом деле оказался в своей собственной комнате.

За его письменным столом сидел человек. Тут Дектор оказался прав. Значит, это и есть тот парень,

которого Вилсон должен уговорить войти в Ворота Времени. Дектор сказал, что он его узнает. Ну что ж, посмотрим, кто же это такой.

Вилсон почувствовал легкое раздражение из-за того, что кто-то сидит за его столом, в его комнате, но потом подумал, что должен быть выше этого. В конце концов, он всего лишь снимал эту квартиру; когда он исчез, вне всякого сомнения, в нее вселился кто-то другой. Он ведь не знал, как долго его здесь не было, — черт возьми, могло пройти несколько дней или даже недель!

Парень за столом показался ему смутно знакомым, хотя пока он видел только его спину. Так кто же это такой? Должен ли он первым заговорить с ним, заставить его обернуться? Вилсону не хотелось этого делать до тех пор, пока он не сообразит, кто это. Он считал, что всегда лучше знать заранее, с кем предстоит иметь дело, в особенности, если намерен убедить человека совершить столь необычный поступок — пройти сквозь Ворота Времени.

Человек, сидящий за столом, продолжал печатать, останавливаясь только за тем, чтобы затянуться сигаретой, которая лежала рядом в пепельнице, а потом тщательно загасить ее, используя пресс-папье.

Бобу Вилсону был слишком хорошо знаком этот жест.

По его спине пробежал холодок.

«Если он зажжет следующую, — подумал Вилсон, — так, как я думаю...»

Человек, сидящий за столом, достал новую сигарету, покрутил ее между пальцами, постукал одним концом о стол, перевернул, легко провел ногтем по основанию и сунул ее в рот.

Вилсон почувствовал, как кровь застучала у него в ушах. За письменным столом, повернувшись к нему спиной, сидел он сам, Боб Вилсон!

Ему вдруг показалось, что он сейчас потеряет сознание. Он закрыл глаза и, ухватившись за спинку стула, попытался успокоиться. «Я так и знал, — подумал он. — Все происходящее — полнейший абсурд. Я спятил. Я знаю, что я спятил. Что-то вроде раздвоения личности. Не надо было столько работать».

Машинка продолжала трещать.

Вилсон, наконец, взял себя в руки и еще раз все обдумал. Дектор предупреждал, что его ждет шок, шок, который невозможно было предотвратить, потому что он бы все равно не поверил, если бы ему сказали, что случится. «Ладно, предположим, что я не безумен. Если путешествие во времени вообще возможно, то почему я не могу вернуться назад и увидеть, как я делаю что-то из того, что делал раньше. Если я, конечно, нормален». — Он вздохнул.

«Ну, а если я спятил, то тогда вообще не имеет ни малейшего значения, что я буду делать! Отсюда следует, — добавил он про себя, — что если я безумен, то, может быть, я смогу пройти обратно в Ворота! Нет, это совсем бессмысленно. Как, впрочем, и все остальное — ну и черт с ним!»

Он на цыпочках подкрался к столу и посмотрел через плечо своего двойника. «Время есть атрибут сознания, — прочитал он, — а не реальности».

«Теперь все ясно, — подумал он, — я вернулся к тому самому моменту, когда писал диссертацию».

Двойник продолжал печатать.

«Это не Ding an Sich. Следовательно...»

Клавиша машинки застряла, и двойник выругался, а потом наклонился, чтобы поправить запавшие буквы.

— Не трать попусту силы, — сказал Вилсон, повинаясь неожиданному импульсу. — Пустая болтовня, чушь собачья.

Другой Боб Вилсон подпрыгнул на месте, а потом медленно обернулся.

— Какого дьявола вы делаете в моей комнате? Как вы сюда попали? Объясните.

«Это, — подумал Вилсон, — будет совсем непросто».

— Через эту штуку, — ответил он, показывая пальцем на круг.

Его двойник посмотрел в ту сторону, куда показывал Вилсон, вскочил и начал медленно подходить к Воротам, а потом поднял руку, собираясь потрогать их.

— Не трогай! — рявкнул Вилсон.

Двойник опустил руку.

— Интересно почему? — упрямо осведомился он.

— Я объясню. Но сначала давай выпьем. — Это в любом случае была хорошая идея. Еще никогда в жизни он так не нуждался в выпивке, как в этот момент. Совершенно автоматически он направился к шкафу и достал оттуда бутылку.

— Эй! — запротестовал двойник. — Что ты здесь распоряжаешься? Это моя выпивка.

— Твоя выпивка... — Дьявольщина! Это была его выпивка! Нет, не так; это была их общая бутылка. Ну и дела! — Извини. Но ты ведь не станешь возражать, если я немного выпью?

— Ладно, — со вздохом согласился двойник. — Налей и мне, раз уж ты взялся за бутылку.

— Договорились, — согласился Вилсон, — а потом я все объясню.

— И постарайся, чтобы твои объяснения были убедительными, — мрачно предупредил двойник, с угрозой поглядывая на Вилсона, пока тот пил джин.

Вилсон наблюдал, как его второе, более молодое «я», в замешательстве изучало его. Неужели этот безмозглый болван не может узнать свое собственное лицо, которое находится на расстоянии всего нескольких футов от него? Если он даже сейчас не в состоянии понять, что происходит, то как Вилсон вообще сможет объяснить ему хоть что-нибудь?

Вилсон забыл, что в данный момент его лицо было почти неузнаваемо — разбитые губы, синяк под глазом, трехдневная щетина. К тому же, Вилсону и в голову не пришло, что человек никогда не смотрит на свое лицо в зеркале так, как он смотрит на чужие. Ни один человек в здравом уме не станет искать свои черты в лице другого.

Вилсон видел, что двойник смущен его неожиданным появлением, и не узнает его. Это было совершенно очевидно.

— Кто ты такой? — спросил двойник.

— Я? — отозвался Вилсон. — А ты меня не узнаешь?

— Я не уверен. Мы уже встречались?

— Ну, не совсем, — пытался потянуть время Вилсон. Как можно в нескольких словах объяснить, что перед одним Вилсоном стоит другой? — Не будем об этом. Ты все равно сейчас не поймешь.

— Как тебя зовут?

— Меня? Ну... — Дело принимало неприятный оборот! Да и вообще — все это становилось просто смешным. Он уже открыл рот, чтобы произнести: «Боб Вилсон», но тут же сдался, понимая всю безнадежность подобного шага. Как и многие другие до него, он вынужден был солгать, потому что правда была бы воспринята, как наглая ложь. — Называй меня Джо, — наконец, пробормотал он.

И тут же удивился собственным словам. Только сейчас Вилсон осознал, что исполняет роль того самого Джо, которого уже встречал раньше; то, что он оказался в своей комнате, как раз в тот момент, когда заканчивал работать над своей диссертацией, Вилсон уже сообразил, но у него еще не было времени как следует задуматься над тем, что происходит. Услышав, как он сам себя назвал «Джо», он с ужасом понял, что это не просто похожая сцена — а та же самая сцена! Только теперь он играл в ней роль «Джо».

Во всяком случае, Вилсону показалось, что это та же сцена. Отличалась ли она чем-нибудь от прежней? Трудно сказать — он не помнил дословно, как именно протекал первый разговор.

За полный сценарий той сцены Вилсон был готов уплатить двадцать пять долларов наличными да еще добавил бы на торговую наценку.

Нет, тут надо разобраться — ведь его никто не принуждал делать или говорить что-либо. В этом Вилсон был уверен. Все, что он сказал и сделал, было проявлением свободной воли. Даже если он и не в состоянии вспомнить весь разговор, он совершенно точно знает, чего «Джо» не говорил. Ну, например: «У Мэри есть маленькая овечка...» Он мог произнести прямо сейчас этот стишок и выйти из порочного круга. Он уже приготовился начать декламировать этот дурацкий стишок...

— Ладно, Джо как-тебя-там, — вдруг заговорило его второе «я», поставив на стол стакан, в котором еще

мгновение назад плескалась добрая четверть пинты джина, — кончай тянуть резину, рассказывай, что все это значит, и выкатывайся отсюда.

Вилсон уже открыл рот, чтобы ответить, но со стуком закрыл его. «Спокойно, старина, спокойно, — сказал он себе. — Ты обладатель свободной воли. Хочешь прочитать стишок — так прочитай его. Не отвечай ему; продекламируй стишок и выйди из этого проклятого круга».

Но под подозрительным, сердитым взглядом человека, сидящего напротив, он мгновенно забыл слова детского стишка. Все его мыслительные процессы зашли в тупик.

Вилсон капитулировал.

— Так я и сделаю. Эта штука, через которую я попал сюда, — он показал на круг, — называется Ворота Времени.

— Как?

— Ворота Времени. По ту и по эту сторону Ворот текут временные потоки... — Пока Вилсон говорил, он почувствовал, как начинает потеть; он был почти уверен, что объясняет практически теми же словами, которые он уже раньше слышал. — ...Ты можешь попасть в будущее, сделав всего один шаг сквозь этот круг. — Он замолчал и вытер пот.

— Ну, продолжай. Мне очень нравится твоя история.

Боб вдруг подумал — неужели, этот человек, сидящий за столом, он сам? Тупой, узколобый догматизм его поведения приводил Вилсона в ярость. Ну, ладно! Он ему покажет. Вилсон быстро подошел к шкафу, схватил шляпу и швырнул ее сквозь Ворота.

Его двойник посмотрел на фокус со шляпой ничего не выражающими глазами, а потом встал и, маленькими аккуратными шажками крепко выпившего человека, который старается этого не показать, обошел Ворота вокруг.

— Ловкий трюк, — зааплодировал он. — А теперь я скажу тебе большое спасибо, если ты будешь так добр, что вернешь мою шляпу.

Вилсон решительно покачал головой.

— Ты сможешь сам забрать ее, когда пройдешь туда, — заявил он.

— Чего, чего?

— Именно так. Послушай... — И Вилсон, как мог убедительно, рассказал своему прежнему «я», что требуется сделать. Ему даже пришлось льстить и уговаривать. Объяснить все, как есть, было равносильно самоубийству. Он скорее согласился бы обучать тензорному исчислению австралийского аборигена — даже при том, что и сам не слишком в нем разобрался.

Двойник ничем не хотел ему помочь. Казалось, что гораздо больше всех объяснений Вилсона его интересует стакан с джином, с которым ему ни на секунду не хотелось расставаться.

— Почему? — нетерпеливо перебил он.

— Черт возьми, если ты сейчас же войдешь туда, то никакие объяснения больше не понадобятся. Однако...

Вилсон продолжал рассказ, который завершил, коротко повторив суть предложения Дектора. Только теперь он с раздражением сообразил, что слова Дектора были весьма общими и ничего толком не разъясняли. Вилсону пришлось отбросить всякую логику и упираться на эмоциональную сторону вопроса — здесь он чувствовал себя куда увереннее, ведь ему было прекрасно известно, как осточертела этому Бобу Вилсону его научная карьера и затхлая атмосфера колледжа.

— Ты ведь не хочешь остаток жизни посвятить обучению всяких пустоголовых болванов в каком-нибудь паршивом колледже, — в заключение сказал он, — Это твой шанс. Не упusti его!

Вилсон внимательно наблюдал за своим оппонентом, и ему показалось, что тот начинает поддаваться на уговоры. Во всяком случае, выглядел он заинтересованным. Однако двойник аккуратно поставил стакан на стол, задумчиво посмотрел на бутылку, вздохнул и заговорил, стараясь тщательно выговаривать слова:

— Нет, мой дорогой друг, я не собираюсь залезать на твою карусель, и знаешь почему?

— Почему?

— Потому, что я пьян. Вот почему. Тебя здесь нет. И этой штуки здесь нет. — Он широким жестом показал на Ворота, покачнулся и едва не упал. — Нет

никого, кроме меня, а я напился. Слишком много работал, — уже совсем заплетающимся языком пробормотал он. — Я пошел спать.

— Ты не пьян, — теряя надежду, запротестовал Вилсон. «Проклятье, — подумал он. — Человеку, который не умеет пить, не следует этого делать вообще».

— Нет, пьян. Карл у Клары украл кораллы. — Двойник нетвердым шагом направился в сторону кровати.

Вилсон схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое!

Вилсон быстро обернулся и увидел третьего человека, стоящего перед Воротами. Ему стало совсем нехорошо — Вилсон сразу же узнал вновь прибывшего. Его собственные воспоминания о том, что произошло, были довольно смутными — как никак, он ведь был тогда пьян. Теперь Вилсон понял, что должен был предвидеть появление третьего действующего лица. Однако воспоминания не подготовили его к тому, кто будет их новым гостем.

Он узнал себя — еще одну точную свою копию.

С минуту Вилсон молча стоял, пытаясь сообразить, что ему теперь следует делать; он даже закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Однако события происходили так быстро, что трудно было собраться с мыслями. Ему вдруг страшно захотелось сказать парочку теплых слов Дектору.

— Кто вы такой? — Вилсон обернулся и увидел, как его пьяный двойник сурово таращится на нового незваного гостя.

Вновь прибывший повернул к нему голову, а потом перенес свое внимание на Вилсона.

— Он меня знает.

Вилсон не стал торопиться с ответом. События начинали выходить из-под контроля.

— Да, — вынужден был он признать, — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

Последняя копия Вилсона не дала ему долго говорить.

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать —

и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

Удивительная наглость самовлюбленного нахала возмутила Вилсона до глубины души.

— Я с этим никогда не соглашусь... — начал было он, но в этот момент зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — скомандовал номер Третий.

Пьяненький номер Первый хотел было возмутиться, но все-таки взял трубку.

— Алло... Да. С кем я говорю? Алло... Алло! — Он постучал по рычагам телефона и сердито бросил трубку.

— Кто это был? — спросил Вилсон, разозленный тем, что не успел сам поднять трубку.

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора. — Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал номер Первый, хватая трубку. — Послушай ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным... Что? А, это ты Женестьева. Извини меня, пожалуйста, извини... Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка... Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?.. Конечно. Все в порядке. Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечером, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был... Что?.. А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу.

Вилсону было просто противно смотреть, как его двойник унижается перед этой пристающей девицей. Почему он уже давно не повесил трубку? По сравнению с Армой она была жалкой замарашкой — и это еще больше утвердило Вилсона в намерении довести намеченный план до конца. Мало ли что говорит этот нахальный номер Третий!

Повесив трубку, номер Первый повернулся к Вилсону, демонстративно игнорируя Третьего.

— Ладно, Джо, если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой.

— Вот и отлично, — с облегчением заметил Вилсон. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался номер Третий. Он встал между Вилсоном и Воротами.

Вилсон собрался было возразить, но пьяный двойник опередил его.

— Послушай, ты! Сначала ты ворвался сюда, не спросив разрешения, а теперь еще указываешь, что мне делать, будто я болван какой-то. Если тебе что-нибудь не нравится — выпрыгни в окно, а если ты не знаешь, как это делается, я тебе помогу! Ну, давай!

Не дожидаясь особого приглашения, они начали колотить друг друга. Вилсон вздохнул и подошел к ним, выбирая подходящий момент для того, чтобы сразить Третьего одним решительным ударом.

Однако он совершенно напрасно перестал обращать внимание на своего пьяного союзника. Отчаянный, размашистый хук пришелся прямо ему в лицо. Острая боль пронзила рассеченную верхнюю губу, которая еще только начала затягиваться после предыдущей драки. Вилсона перекосило от боли, и он отскочил назад.

Послышался звук глухого удара, и сквозь туман, застилающий глаза, Вилсон увидел, как в Воротах исчезают ноги. Номер Третий, как и прежде, стоял возле Ворот.

— Ну, добился своего! — упрекнул он Вилсона, прижимая к губам костяшки пальцев левой руки.

Несправедливое обвинение возмутило Вилсона. Лицо его все еще продолжало гореть от боли.

— Я? — запротестовал он. — Это ты зашвырнул его туда. Я к нему и пальцем не прикасался.

— Верно, но все равно — ты во всем виноват. Если бы ты не встрял, мне бы не пришлось этого делать.

— Я встрял? Ах ты наглый лицемер! Это ты встрял и начал во все вмешиваться и все портить. Кстати, ты мне кое-что должен объяснить и тебе не отвертеться. Что это еще за...

Но номер Третий не дал ему договорить.

— Оставь это. Сейчас уже слишком поздно, — мрачно сказал он. — Он уже там.

— Слишком поздно для чего? — заинтересовался Вилсон.

— Поздно делать что-то, чтобы остановить эту цепочку событий.

— А зачем нам ее останавливать?

— Затем, — с горечью ответил номер Третий, — Дектор обманул меня — я хотел сказать тебя... нет, нас, как парочку последних дурачков. Послушай, ведь он обещал тебе все устроить так, что ты будешь большой шишкой там, — он указал на Ворота, — верно?

— Да, — признался Вилсон.

— Все это полное вранье. Единственное, чего он хочет, — запутать нас в этих проклятых Воротах Времени, чтобы мы до скончания веков болтались в них.

Вилсон почувствовал, что у него в душе зашевелились сомнения. Номер Третий вполне мог говорить правду. В самом деле — в том, что пришло до сих пор, было совсем немного смысла. В конце концов, зачем Дектору понадобилась его помощь, зачем ему делить все с Вилсоном пополам, когда он имел в своем далеком раю право первой руки?

— Откуда ты знаешь? — спросил Вилсон.

— Зачем тратить время на пустые разговоры? — устало ответил номер Третий. — Почему бы тебе не поверить мне на слово?

— С чего бы это?

Его собеседник в полнейшем отчаянии посмотрел на него.

— Если ты не можешь поверить мне, то кому ты вообще можешь верить?

Неоспоримая логика, прозвучавшая в словах номера Третьего, только еще сильнее разозлила Вилсона. Его почему-то ужасно раздражал этот нахальный двойник. Сама мысль о том, что он должен слепо повиноваться, возмущала Вилсона.

— Я с Миссури, — заявил он. — Пойду туда и посмотрю сам. — Он сделал движение в сторону Ворот.

— Куда это ты собрался?

— Туда! Я найду там Дектора и разберусь с ним.

— Не делай этого! — сказал двойник. — Может быть, мы сумеем разорвать цепочку событий сейчас. —

Но Вилсон ничего не хотел слушать. Видимо, на его лице была написана такая решимость, что номер Третий вздохнул и развел руками. — Ну, давай, — сдался он. — Это будут твои похороны. Я умываю руки.

Вилсон уже занес было ногу, чтобы пройти через Ворота, но в последний момент застыл на месте.

— Что? Х-м-м, как это могут быть только мои похороны?

На лице Третьего появилось бессмысленное выражение, а потом глаза его вспыхнули. Это было последнее, что увидел Вилсон, перед тем, как шагнул в Ворота.

Зал Ворот был совершенно пуст, когда Боб Вилсон вновь оказался в нем. Он поискал глазами свою шляпу, но нигде ее не нашел, а потом обошел вокруг высокой стойки, пытаясь припомнить, где была дверь. Тут он нос к носу и столкнулся с Дектором.

— А, вот и ты, — приветствовал его хозяин. — Отлично! Отлично! Теперь осталось сделать совсем немного, и все будет в порядке. Должен сказать, что очень доволен тобой, Боб, просто очень доволен.

— Ага, ты мной доволен? — Боб язвительно посмотрел на него. — К сожалению, не могу того же сказать о тебе! Я, черт подери, тобой просто возмущен! Зачем, интересно, ты заставил меня просто плутать в этой бредовой последовательности событий, ни о чем не предупредив? Что вся эта чепуха значит?

— Только не надо так волноваться. Что я тебе, собственно, мог сказать? Что ты отправляешься на встречу с самим собой? Неужели ты бы мне поверил? Ну, скажи, что я не прав?

Вилсону было нечего возразить.

— Ну вот видишь, — продолжал Дектор, пожимая плечами, — говорить тебе правду было совершенно бессмысленно. Что же мне оставалось делать?

— Так-то оно так...

— Подожди! Я не собирался обманывать тебя. Да на самом деле, я и не сказал ни одного лживого слова. Но если бы я сказал тебе правду, ты бы все равно не поверил. Гораздо лучше для тебя было увидеть все своими глазами. А иначе...

— Минуточку! Минуточку! — прервал его Вилсон. — Ты меня совсем запутал. Я готов забыть все прошлые

неприятности, если ты объяснишься со мной до конца. Зачем было вообще посылать меня обратно?

— «Забыть прошлые неприятности», — повторил Дектор. — Если бы мы могли! Но такой возможности у нас нет. Именно поэтому я и послал тебя обратно — чтобы ты вошел в Ворота Времени в первый раз.

— Что? Подожди, подожди — я ведь один раз уже входил в Ворота.

Дектор покачал головой.

— Разве? Подумай немного сам. Когда ты вернулся в свое собственное время, ты нашел там самого себя, не так ли?

— М-м-м-м, да.

— Ты — вернее, твое прежнее «я» — еще не вошло в Ворота, так?

— Не вошло. Я...

— Как ты мог попасть сюда, если бы не сумел убедить его войти в Ворота?

В голове у Боба Вилсона все перемешалось. Он перестал понимать, кто что кому сказал, кто что сделал и кто за все будет отвечать.

— Но это невозможно! Ты хочешь убедить меня, что я сделал нечто из-за того, что сделаю потом.

— Ну, а разве не именно так все и случилось? Ты ведь там был.

— Нет, я не... ну, может, и был, но этого же просто не может быть.

— Но ведь было же! Подобные представления непривычны для тебя — вот и все.

— Но... но... — Вилсон глубоко вздохнул и попытался хоть немного успокоиться. После этого, изрядно напрягшись, сумел выдать одно из своих теоретических суждений. — Происшедшее отрицает все разумные теории о причинно-следственных связях. Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что эти связи могут образовывать кольцо. Я прошел сквозь Ворота потому, что, пройдя сквозь них в первый раз, вернулся обратно и убедил себя пройти сквозь них в первый раз. Это же полнейшая глупость.

— Возможно, но ведь именно так все и случилось? Возразить было нечего. Дектор продолжал:

— Система причинно-следственных связей прекрасно работает в привычном для тебя временном поле, но само это поле лишь частный случай более общих закономерностей. Пространственно-временной континуум вовсе не должен подчиняться ограниченному человеческому восприятию времени и пространства.

Вилсон поразмышлял над услышанным. Звучало это утверждение эффектно, но было в нем что-то скользкое.

— Секундочку, — сказал он, — а как быть с энтропией? Как ее обойти?

— Господи! — запротестовал Дектор, — замолчи уж лучше. Ты напоминаешь мне одного математика, доказавшего, что самолеты не могут летать. — Он отвернулся от Вилсона и направился к двери. — Пошли. Нам еще нужно кое-что сделать.

Вилсон торопливо зашагал за ним.

— Черт возьми! Ты не должен так поступать со мной. Что произошло с двумя другими?

— Какими другими?

— Двумя другими моими «я». Где они? Как мне вообще выбраться из этого кошмара?

— А никакого кошмара нет. Ты ведь не чувствуешь раздвоения или расстроения личности?

— Нет, но...

— Ну, тогда тебе не о чем беспокоиться.

— Но я не могу не беспокоиться. Что произошло с тем, который вошел в Ворота до меня?

— А ты сам разве не помнишь? Однако... — Дектор ускорил шаг. Они прошли по коридору и остановились перед неожиданно возникшей дверью. — Загляни внутрь, — скомандовал Дектор.

Вилсон подчинился. Он увидел маленькую комнату без мебели, комнату, которую сразу узнал. На полу, сладко посапывая во сне, лежал его двойник.

— Когда ты первый раз прошел сквозь Ворота, — начал объяснять стоящий за его спиной Дектор, — я привел тебя сюда, обработал раны и дал тебе выпить. Питье содержало снотворное, которое заставило тебя крепко проспать тридцать шесть часов. Тебе этот сон был совершенно необходим. Когда ты проснулся, мы позавтракали и я объяснил тебе, что нужно сделать.

У Вилсона снова начала болеть голова.

— Хватит! Не говори о парне, который там спит, как-будто это я. Я стою здесь, рядом с тобой.

— Как хочешь, — не стал возражать Дектор. — Это тот парень, которым ты был. Теперь вспомнил, какие события с ним произойдут?

— Да, но когда я на него смотрю, у меня начинает кружиться голова. Закрой, пожалуйста, дверь.

— Ладно, — сразу согласился Дектор и выполнил просьбу Вилсона. — Мы должны спешить. Когда некая последовательность сложилась, нельзя терять времени. Пошли. — И Дектор повел Вилсона обратно в Зал Ворот.

— Я хочу, чтобы ты вернулся обратно в двадцатое столетие и раздобыл для нас кое-какие вещи, которых здесь нет, но которые могут нам очень пригодиться в будущем для развития — да, пожалуй, это самое правильное слово — для развития этой страны.

— Какие именно вещи?

— Ну, их довольно много. Я составил для тебя список — справочная литература и кое-что еще. Извини, я должен настроить Ворота. — Дектор забрался за высокую стойку. Вилсон последовал за ним и оказался внутри маленького бокса, открытого сверху и с приподнятым полом. С высокого сиденья хорошо были видны ворота.

Пульт управления Воротами произвел на Вилсона странное впечатление.

Четыре разноцветных сферы, размером в половину шарика для пинг-понга, соединялись друг с другом кристаллическими ребрами, образуя тетраэдр. Три сферы в основании тетраэдра были красного, желтого и синего цветов, а четвертая, в вершине — белого.

— Три сферы служат для изменения пространственных координат, а четвертая контролирует время, — начал объяснять Дектор. — Все очень просто. Используя настоящее время и данную точку пространства, как начало координат, мы можем перемещаться вперед и назад вдоль временной оси, так же как и в пространстве, — перемещение сферы вдоль соответствующего ребра приводит к нужному результату.

Вилсон внимательно рассматривал систему управления.

— Да, — сказал он, — но как узнать, в какой именно точке пространства находится другой конец Ворот? Или в каком он времени? Я нигде не вижу никаких шкал.

— А они и не нужны. Ты можешь увидеть, где он находится. Смотри. — Дектор коснулся выступа, находящегося под тетраэдром, на горизонтальной панели. Панель развернулась и на ней появилось миниатюрное изображение самих Ворот. Дектор нажал еще на какую-то кнопочку, и Вилсон увидел то, что находилось по другую сторону Ворот.

Он как будто заглянул в свою комнату, приложившись не к тому концу телескопа. Видны были две фигурки, но изображение было слишком мелким, и кто именно находился там — ему никак не удавалось понять. Все это произвело на него крайне неприятное впечатление.

— Выключи эту штуку, — попросил Вилсон.

Дектор убрал изображение и сказал:

— Как бы не забыть отдать тебе список. — Он вытащил из рукава листок бумаги и протянул его Вилсону. — Вот он. Возьми, пожалуйста.

Вилсон взял листок и, не глядя, засунул его в карман.

— Послушай меня, — начал он, — куда бы я не направлялся, всюду мне попадаются мои двойники. Мне это совсем не нравится. Какое-то размножение. Мне кажется, что я превращаюсь в целый выводок морских свинок. Я и наполовину не понимаю того, что здесь происходит, а ты снова хочешь загнать меня назад, ничего толком не объяснив. Хватит ходить вокруг да около. Расскажи мне все.

В первый раз на лице Дектора появилось выражение нетерпения.

— Ты глупый, невежественный, юный болван. Я рассказал тебе все, что ты был способен осмыслить. То, что происходит здесь, недоступно твоему пониманию. Пройдет не одна неделя, прежде чем ты начнешь понимать хоть что-нибудь. Я предлагаю тебе полмира в обмен на несколько часов твоей помощи, а ты стоишь здесь и споришь со мной, как последний дурак. Отложим этот разговор на потом, я ведь уже просил тебя об

этом. А теперь, решай — куда мы тебя забросим? — Дектор потянулся к рукояткам управления.

— Не трогай рукоятки! — рывкнул Вилсон. У него вдруг появились кое-какие соображения. — Кто ты, собственно, такой?

— Я? Дектор.

— Ты же прекрасно понимаешь, что я тебя не об этом спрашиваю. Откуда ты знаешь английский язык?

Дектор ничего не ответил. Его лицо стало непроницаемым.

— Ну, давай, — настаивал Вилсон. — Ты ведь не здесь ему научился, я в этом уверен. Ты из двадцатого столетия, верно?

Дектор кисло улыбнулся.

— А я все ждал, когда это до тебя дойдет.

Вилсон кивнул.

— Может быть, я соображаю и не очень быстро, но я и не так глуп, как ты думаешь. Давай, рассказывай мне все.

Дектор покачал головой.

— Это не имеет отношения к делу. К тому же мы теряем время.

Вилсон рассмеялся.

— Ты слишком часто меня торопишь. Как мы можем терять время, когда у нас есть такая штука? — Он показал на Ворота. — Если ты только не наврал мне, мы можем распоряжаться временем по собственному усмотрению. Нет, мне кажется, я начинаю догадываться, почему ты постоянно торопишь меня. Или тебе необходимо побыстрее избавиться от меня, или то дело, которое ты хочешь поручить мне, дьявольски опасно. Однако я знаю, как решить эту проблему — ты пойдешь со мной!

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, — медленно заговорил Дектор. — Это невозможно. Я должен оставаться у пульта управления.

— Ничего у тебя не выйдет. Ты ведь можешь заслать меня туда, откуда мне уже будет не вернуться. Я предпочитаю не выпускать тебя из виду.

— Об этом не может быть и речи, — отозвался Дектор. — Ты должен довериться мне. — Он снова склонился над рукоятками управления.

— Ну-ка, отойди отсюда! — закричал Вилсон. — Отойди, а не то я тебе врежу как следует. — Под злобным взглядом и высоко поднятым кулаком Вилсона Дектор отошел от консоли управления. — Вот так-то лучше, — добавил Вилсон, когда они вышли из бокса.

Наконец-то обрывки мыслей, которые уже давно не давали ему покоя, приняли определенную форму. Он знал, что в данный момент Ворота Времени были настроены на его комнату, в которой он живет — или жил — в двадцатом столетии. Судя по тому, что он успел разглядеть на дисплее управления, машина была настроена на тот самый день 1952 года, когда все началось.

— Стой здесь, — скомандовал он Дектору, — я хочу кое на что посмотреть.

Вилсон подошел к Воротам, словно бы для того, чтобы осмотреть их, но вместо того, чтобы остановиться перед ними, прошел сквозь них.

На этот раз он был гораздо лучше подготовлен к тому, что увидел в комнате, чем когда он возвратился сюда в первый раз. Тем не менее встреча с собственным двойником не могла не действовать на нервы. Особенно если их — двойников — было целых два.

Да, он снова находился в собственной комнате. Оба его двойника были так поглощены друг другом, что поначалу не обратили никакого внимания на его появление; благодаря этому у Вилсона появилась возможность немного привести свои мысли в порядок. У одного из двойников был здоровенный синяк под глазом и рассеченная верхняя губа. Кроме того, его лицо сильно заросло щетиной. Это что-то напомнило Вилсону. У другого лица было в полном порядке, но ему тоже не мешало бы побриться.

Теперь Вилсон сообразил, в какой именно момент он попал в свою комнату. Все по-прежнему оставалось дьявольски запутанным, но после известных событий он уже лучше ориентировался в этой дурацкой ситуации и понял, что снова оказался в самом начале всей истории. Теперь он положит конец этой бредовой ерунде раз и навсегда.

Его двойники тем временем спорили. Один из них, пошатываясь, направился к постели. Другой схватил его за руку.

— Ты не можешь так поступить! — закричал он.

— Оставь его в покое! — вмешался Вилсон.

Оба двойника разом обернулись. Вилсон увидел, как во взгляде более трезвого из них выражение удивления сменилось узнаванием. Номер Первый, похоже, лишь с большим трудом сохранял вертикальное положение. «Да, — подумал Вилсон, — нелегкая мне предстоит работенка. Этот тип здорово набрался.» Он подивился, как вообще можно столько выпить на пустой желудок. Это было не просто глупо — таким образом зря пропал отличный джин.

Интересно, осталось ли там что-нибудь для него.

— Кто вы такой? — с пьяной настойчивостью спросил номер Первый.

Вилсон кивнул на «Джо».

— Он меня знает, — со значением заявил он.

«Джо» внимательно оглядел его с ног до головы.

— Да, — сказал «Джо», — пожалуй, я тебя знаю. Но какого черта ты здесь делаешь? И почему ты пытаешься сорвать наш план?

Вилсон прервал его.

— Нет времени для длинных объяснений. Я знаю об этом больше, чем ты, — тебе это придется признать — и мое мнение стоит дороже. Он не должен проходить через Ворота.

— Я с этим никогда не соглашусь...

Зазвонивший телефон прервал их спор. Вилсон был рад, что их прервали, потому что он понял: начинать следовало совсем не так. Неужели он действительно такой упрямый и ограниченный, как этот тип? Неужели он производит на других людей такое же впечатление? Однако для самокопания момент был не самым подходящим.

— Возьми трубку! — скомандовал Вилсон.

Пьяный Вилсон злобно посмотрел на него, но трубку взял, когда заметил, что «Джо» сделал движение в сторону телефона.

— Алло?.. Да. С кем я говорю? Алло... Алло! — Он несколько раз нажал на рычаг, а потом повесил трубку.

— Кто это был? — спросил «Джо».

— А, так. Какой-то болван с извращенным чувством юмора. — Телефон снова зазвонил.

— Опять он, — пробормотал номер Первый, схватив трубку прежде, чем кто-нибудь успел среагировать. — Послушай ты, обезьяна с куриными мозгами! Я занятой человек, и ты займись-ка лучше чем-нибудь полезным... Что? А, это ты, Женеви́ева. Извини меня, пожалуйста, извини... Ты просто не понимаешь, дорогая. Какой-то псих морочил мне голову по телефону, и я думал, что это опять он. Ты же знаешь, что с тобой я никогда не стал бы так разговаривать, малышка... — Вилсон не обращал особого внимания на разговор — он уже не раз его слышал, к тому же, в данный момент Вилсону было о чем подумать. Номер Первый так набрался, что разговаривать с ним бесполезно. Значит, нужно направить все усилия на то, чтобы убедить в своей правоте «Джо», — иначе ему придется сражаться против двоих сразу.

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?...Конечно. Все в порядке. Послушай, малышка, у меня тут возникли кое-какие проблемы. Весь день со мной происходят всякие неприятности, и они никак не кончаются. Я загляну к тебе вечером, мы во всем разберемся. Однако я твердо знаю, что сегодня я у тебя не был... Что? А, ну да, конечно! Так или иначе, но я к тебе еще заскочу. Пока.

«Теперь самое время, — подумал Вилсон, — пока эта тупая обезьяна не успела открыть рот. Что же сказать? Как его убедить?»

Однако номер Первый успел заговорить первым.

— Ладно, Джо, — заявил он, — если ты пойдешь, то я готов последовать за тобой.

— Вот и отлично, — заметил Джо. — Тебе нужно сделать всего один шаг. Больше ничего от тебя не потребуется.

Ситуация явно выходила из-под контроля, события развивались совсем не так, как того хотелось Вилсону.

— Нет, никуда ты не пойдешь! — вмешался Вилсон. Он встал между номером Первым и Воротами. Он должен заставить их поверить ему, и немедленно.

Но у него так и не возникло подобной возможности. Пьяный номер Первый бросился на него. Вилсона вдрут

охватило радостное возбуждение — он понял, что уже довольно давно мечтает трахнуть кого-нибудь по носу. Кто они такие, чтобы шутить с его будущим?

Номер Первый никак не мог скоординировать свои движения. Поэтому Вилсон легко увернулся и нанес удар прямо ему в лицо. Такой удар, несомненно, произвел бы впечатление на трезвого человека, но номер Первый только замотал головой — он явно хотел получить добавки. С другой стороны приближался «Джо». Вилсон решил, что пора кончать с первым противником и перенести все внимание на «Джо», который был куда более опасен.

Когда его копии стали мешать друг другу, Вилсон не упустил свой шанс. Он отступил на шаг назад, тщательно прицелился и нанес мощный удар левой — наверное, это был самый сильный удар, который ему когда-либо приходилось наносить в жизни. Номер Первый даже на короткое время оказался в воздухе.

И уже нанеся удар, Вилсон заметил, где в этот момент находились Ворота, и вдруг, с тоской, понял, что вся сцена подошла к неизбежному концу.

Он остался один с «Джо», а их компаньон исчез за Воротами Времени.

Первая реакция Вилсона была совершенно не логичной, но вполне естественной: вот-посмотри-что-ты-заставил-меня-сделать.

— Ну, добился своего! — с горечью упрекнул он «Джо», прижимая к губам костяшки пальцев левой руки.

— Я? — запротестовал «Джо». — Это ты зашвырнул его туда. Я к нему и пальцем не прикасался.

— Верно, — вынужден был признать Вилсон, — но все равно — ты во всем виноват. Если бы ты не встрял, мне бы не пришлось этого делать.

— Я встрял? Ах ты наглый лицемер! Это ты встрял и начал во все вмешиваться и все портить. Кстати, ты мне кое-что должен объяснить, и тебе не отвертеться. Что это еще за...

— Оставь это, — перебил его Вилсон. Его злило, что он был неправ, и еще сильнее он раздражался от того, что был вынужден это признать. Только теперь он начал понимать, что вся его затея с самого начала была

совершенно безнадежной. — Сейчас уже слишком поздно. Он уже там.

— Слишком поздно для чего?

— Поздно делать что-то, чтобы остановить эту цепочку событий. — Вилсон начал понимать, что он постоянно опаздывает, причем не имеет ни малейшего значения, сколько сейчас времени, или какой сейчас год, или сколько раз он уже пытался изменить эту последовательность событий. Теперь он вспомнил, как уже проходил сквозь Ворота один раз и как видел себя спящим на полу в той маленькой комнате. События все равно уже произошли.

— А зачем нам ее останавливать?

Объяснять не было никакого смысла, но ему было необходимо хоть какое-то оправдание в собственных глазах.

— Затем, — сказал он, — Дектор обманул меня — я хотел сказать тебя... нет, нас, как парочку последних дурачков. Послушай, ведь он обещал тебе все устроить так, что ты будешь большой шишкой там, — он указал на Ворота, — верно?

— Да...

— Все это полное вранье. Единственное, чего он хочет, — запутать нас в этих проклятых Воротах Времени, чтобы мы до скончания веков болтались в них.

«Джо» пристально посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь? — спросил он у Вилсона.

Так как на самом деле Вилсон не был уверен в том, что говорил, то он ускользнул от прямого ответа.

— Зачем тратить время на пустые разговоры? Почему бы тебе не поверить мне на слово?

— С чего бы это?

«С чего бы это? — подумал Вилсон. — Как ты не понимаешь, я — это ты, но старше тебя и опытнее, и ты должен верить мне.» А вслух он ответил:

— Если ты не можешь верить мне, то кому ты вообще можешь верить?

«Джо» мрачно крикнул и, немного подумав, заявил:

— Я с Миссури. Пойду туда и посмотрю сам. — Тут Вилсон заметил, что «Джо» сделал движение в сторону Ворот.

— Куда это ты собрался?

— Туда! Я найду там Дектора и разберусь с ним.

— Не делай этого! — взмолился Вилсон. — Может быть, мы сумеем разорвать цепочку событий сейчас. — Но на лице «Джо» была написана такая решимость, что Вилсон вздохнул и развел руками. — Ну, давай, — сдался он. — Это будут твои похороны. Я умываю руки.

«Джо» остановился перед Воротами.

— Что? Х-м-м, как это могут быть только мои похороны?

Вилсон, онемев, смотрел, как «Джо» проходит сквозь Ворота. Чьи похороны? Он совсем не подумал об этом в таком разрезе. Ему вдруг ужасно захотелось броситься сквозь Ворота, догнать своего двойника и присмотреть за ним. Этот дурачок может натворить там дел. А если его убьют? Что тогда будет с Бобом Вилсоном? Он тогда тоже умрет!

Но может ли такое быть? Может ли смерть человека в будущем, которое отделяют от настоящего тысячи лет, убить его в 1952 году? Вдруг он увидел всю абсурдность этой ситуации и почувствовал большое облегчение. Действия «Джо» не могут подвергнуть его опасности — Вилсон вспомнил все, что «Джо» сделал, точнее, еще только должен будет сделать. Он поспорит с Дектором и, в свое время, вернется обратно через Ворота Времени. Ведь «Джо» это он сам. Трудно было поверить в это.

Да, он был «Джо». Точно так же, как он был номером Первым. Они пройдут путь вслед за ним и окажутся на месте. Во всяком случае, должны оказаться.

Одну минуточку — значит, вся эта безумная история на том и закончится? Он сумел ускользнуть от Дектора, разобрался со своими двойниками и теперь остался при своих — если не считать выросшей щетины и, вероятно, шрама на верхней губе. Ладно, пора и честь знать. Теперь нужно побриться и снова приниматься за работу.

Пока Вилсон брился, он рассматривал в зеркале свое лицо и размышлял о том, почему не узнал себя в первый раз. Пришлось признать, что он никогда не разглядывал внимательно свое лицо. Вилсон всегда при-

нимал его, как некую данность, не представляющую особого интереса.

Теперь он чуть не свернул себе шею, пытаясь разглядеть свой профиль.

Когда он вышел из ванны, на глаза ему попались Ворота. Почему-то Вилсон решил, что к этому моменту они должны были исчезнуть. Однако они оставались на прежнем месте. Он внимательно осмотрел Ворота, обойдя их несколько раз кругом, стараясь при этом их не касаться. Неужели эта проклятая штука никогда не уберется из его комнаты? Ворота уже сыграли свою роль; почему Дектор до сих пор не закрыл их?

Вилсон встал перед ними, и им овладело странное ощущение, напоминающее то, которое тянет людей прыгнуть с огромной высоты вниз. Что произойдет, если он еще раз войдет туда? Что он там найдет? Он подумал об Арме. И той, другой — как ее звали? Возможно, Дектор так и не назвал ее имени.

Однако Вилсон заставил себя не думать о них и сел за стол. Если он собирается оставаться здесь — а у него нет никаких оснований сомневаться в этом — он должен завершить свою диссертацию. Нужно же что-то есть, ему просто необходимо получить степень — тогда он сможет рассчитывать на приличную работу. Так на чем же он остановился?

Двадцать минут спустя Вилсон пришел к выводу, что диссертацию необходимо переписать с самого начала до самого конца. Ее основная тема — применение эмпирических методов к решению задач сравнительной метафизики и выражение решения в четких математических формулах — была сделана вполне грамотно, но теперь у него появилась масса новых сведений, которые требовали серьезного осмысления и обработки. Перечитывая диссертацию, Вилсон ужасно удивлялся своему догматизму. Раз за разом впадал он в картезианские софизмы, путая понятные рассуждения с верными.

Он попытался набросать новые тезисы, но оказалось, что существуют две проблемы, которые до сих пор остаются для него открытыми: проблема эго и проблема свободной воли. Когда они находились в комнате втроем, кто из них обладал эго — кто был

им самим? И почему получилось так, что он не мог изменить ход событий?

Ответ на первый вопрос поразил Вилсона своей абсурдной простотой. Это — это и есть он сам. Я есть я — недоказанное и недоказуемое утверждение, которое можно испытать непосредственно. Кем же тогда были двое остальных? Несомненно, они были также твердо уверены в том же самом — он это хорошо помнил. Вилсон стал думать о том, как это можно поточнее сформулировать: это есть некая черта, присущая сознанию, последняя отметка в постоянно развивающейся последовательности воспоминаний. Это звучало, как некое обобщение, но Вилсон не был до конца уверен в его правильности; ему было просто необходимо перевести эти слова в математические символы. Слова содержали в себе такие странные ловушки.

Зазвонил телефон.

Вилсон механически поднял трубку.

— Алло.

— Это ты, Боб?

— Да, а с кем я говорю?

— Ну, дорогой, это же Женестьева. Что с тобой сегодня происходит? Ты уже второй раз подряд не узнаешь мой голос.

В Вилсоне вдруг стало подниматься разочарование и раздражение. Вот еще одна проблема, которую ему никак не разрешить, — что ж, придется решить ее сейчас. Он проигнорировал ее жалобу.

— Послушай, Женестьева, я ведь говорил тебе, чтобы ты не звонила мне по телефону, когда я работаю. До свидания!

— Ну знаешь... после того... ты не имеешь права так разговаривать со мной, Боб Вилсон! Во-первых, ты сегодня не работаешь. Во-вторых, что заставляет тебя думать, что ты можешь говорить мне разные ласковые слова, а уже через два часа рычать на меня? Теперь я уже совсем не так уверена, что хочу выйти за тебя замуж.

— Ты думаешь, что я собираюсь на тебе жениться? С чего это тебе в голову пришла такая дурацкая мысль?

Несколько секунд трубка страшно верещала. Когда шум начал потихоньку стихать, он твердо сказал:

— А теперь успокойся. Сейчас не те времена, когда стоило парню несколько раз пригласить девушку на свидание, как он уже должен был на ней жениться.

Последовало короткое молчание.

— Значит, ты решил поиграть со мной? — Голос ее стал таким холодным, жестким и пронзительным, что Вилсон едва узнавал его. — Ну что ж, есть разные способы разобраться с таким, как ты. Слава Богу, в нашем Штате закон защищает женщину!

— Ты это должна хорошо знать, — со злостью ответил он, — ведь ты болтаешься в студенческом городке достаточно долго.

В трубке раздалась короткая гудки.

Он отер пот со лба. Эта дамочка, тут у него не было никаких сомнений, могла устроить кучу неприятностей. Вилсона предупреждали об этих ее способностях еще до того, как он начал с ней встречаться, но он всегда был уверен в том, что сумеет позаботиться о себе. Следовало быть поосторожнее, но он никак не ожидал, что ситуация может так обостриться.

Он попробовал вернуться к работе над диссертацией, но обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться. Ему вдруг показалось, что последний срок сдачи работы — 10 часов завтрашнего утра — надвигается на него стремительно и неотвратимо. Вилсон бросил взгляд на ручные часы. Они встали. Он поставил их по будильнику — четыре пятнадцать. Даже если он просидит всю ночь, ему все равно не довести диссертацию до конца.

А тут еще эта история с Женеьевой...

Снова зазвонил телефон. Вилсон не стал брать трубку. Пусть себе звонит. Однако телефон продолжал названивать. Он не выдержал, поднял трубку, а потом снова опустил ее на рычаг. Больше он с ней разговаривать не будет.

Вилсон подумал об Арме. Вот такая девушка ему вполне подходит. И ведет себя достойно. Он подошел к окну и посмотрел на пыльную, шумную улицу. Невольно Вилсон сравнил ее с видом, который открывался с балкона у Дектора — прекрасная зеленая лужайка, тишина и напоенный ароматами воздух. А здесь был

тесный, душный мир. Вилсон в очередной раз пожалел, что Дектор не был с ним до конца откровенным.

И вдруг его осенило. Ведь Ворота все еще открыты! Зачем ему беспокоиться о Декторе? Он сам хозяин своей судьбы. Нужно вернуться и попытаться что-нибудь сделать — терять ему в общем-то нечего, а приобрести он может целый мир.

Он подошел к самым Воротам и в раздумье остановился перед ними. Разумно ли он поступает? В конце концов, что ему вообще известно о будущем?

Он услышал приближающиеся шаги, кто-то шел по коридору мимо его квартиры, нет — человек остановился возле двери. Вилсон был убежден, что это Женеваева. Тогда он, наконец, решился и сделал шаг вперед.

В Зале Ворот никого не было. Он обошел вокруг платформы, на которой находилась консоль управления Воротами и, приближаясь к двери, услышал: «Пошли. Нам еще нужно кое-что сделать». Две фигуры выходили в коридор. Вилсон сразу же их узнал и застыл на месте.

Да, он чуть-чуть не попался. Теперь нужно будет подождать, пока они уйдут. Вилсон осмотрелся, пытаясь разыскать место, где можно было бы спрятаться, но не нашел ничего подходящего, кроме бокса с консолью управления. Это ничего не давало — они должны были скоро вернуться. Однако...

Когда Вилсон входил в бокс, план действий уже начал смутно формироваться у него в голове. Если он сможет разобраться с управлением Ворот, то у него появится шанс решить все проблемы сразу. Если только он сумеет включить отражатель, благодаря которому можно видеть, куда выходят Ворота Времени. Вилсон пытался вспомнить, что делал Дектор, когда включал это устройство. Совершенно машинально он полез в карман за спичками.

Однако вместо спичек ему в руку попал листок бумаги. Это был список Дектора. В нем перечислялись вещи, которые Вилсону нужно было принести из двадцатого столетия. События развивались так стремительно, что Вилсон так до сих пор и не посмотрел, что там перечислялось.

По мере того, как он читал, брови его все выше поднимались. Это был очень странный список. Вилсон предполагал, что там перечислены разные научные книги, образцы современных приборов и устройств, оружие. Однако ничего подобного в списке не было. И все же все предметы в списке объединяла какая-то безумная логика. В конце концов, Дектор хорошо знал здешних людей. Возможно, им требовалось именно это.

Вилсон еще раз обдумал свой план, который основывался на том, что он сможет разобраться с управлением Воротами. Теперь он решил вернуться назад и сделать все закупки по списку Дектора — только вот принесет он их сюда не для Дектора, а для себя. В полумраке бокса он пытался найти способ включить отражатель. Вдруг его рука наткнулась на что-то мягкое. Тихонько вскрикнув, он схватил эту штуку и вытащил ее на свет. Это была его собственная шляпа.

Вилсон надел ее на голову, решив, что сюда шляпу засунул Дектор, и снова начал осторожно ощупывать все вокруг. На сей раз он нашел маленькую записную книжку. Похоже, что ему, наконец, повезло — очень может быть, там содержались указания по управлению Воротами. Вилсон начал нетерпеливо перелистывать странички.

Нет, это было совсем не то, на что он рассчитывал. Все странички аккуратно исписаны Дектором. На каждой — по три колонки: английские слова составляли первую, во второй использовались международные фонетические символы, а в третьей были совершенно незнакомые значки. Не требовалось особого ума, чтобы сообразить: у него в руках оказался словарь. С широкой улыбкой он сунул книжечку в карман; Дектору наверняка потребовался не один месяц, может быть, даже годы ушли у него на то, чтобы составить этот словарь. Теперь Вилсон сумеет воспользоваться плодами его трудов.

С третьей попытки ему удалось нажать на нужную кнопку — отражатель включился. Вилсон снова ощутил странную неловкость — он опять видел свою комнату — в ней, как и прежде, находилось два человека. Ему совсем не хотелось участвовать в этой сцене в

четвертый раз — в этом он был уверен. Очень осторожно Вилсон коснулся одной из цветных сфер.

Сцена на экране отражателя мгновенно изменилась. Теперь Ворота зависли над студенческим городком на высоте третьего этажа. Он был очень доволен, что ему удалось убрать Ворота из своей комнаты, но высота в три этажа его не устраивала — так можно и шею свернуть. Повозившись немного с двумя другими сферами, Вилсон обнаружил, что одна из них позволяет приближать или удалять место выхода из Ворот, а другая перемещает выход вверх или вниз.

Вилсон хотел расположить Ворота так, чтобы они не привлекали постороннего внимания. Тут ему пришлось немного повозиться: идеального места попросту не существовало, поэтому, в конце концов, Вилсон выбрал глухую аллею, выходящую на маленький дворик, образованный трансформаторной будкой подстанции и задней стеной библиотеки. Осторожно и не слишком ловко он все-таки сумел переместить Ворота в выбранное место, опустив их между глухими, без окон, стенами двух зданий. Должно сойти!

Выскользнув из бокса, Вилсон подошел к Воротам и без долгих колебаний шагнул обратно в свое время.

В результате он чуть не разбил нос о кирпичную стену. «Еще немного и дело бы закончилось для меня печально», — подумал он, вылезая из узкого промежутка между стеной и Воротами. Крут висел дюймах в пятнадцати над землей, почти параллельно стене. Немного подумав, Вилсон решил, что между кругом и стеной достаточно места и ему можно не возвращаться обратно, чтобы чуть отодвинуть Ворота. Он быстро вышел из дворика и направился напрямик в местное отделение банка. За окном сидела его знакомая кассирша.

— Привет, Боб.

— Привет, Плакса. Возьмешь чек?

— На сколько?

— На двадцать долларов.

— Ну, могу рискнуть. А чек-то надежный?

— Не очень. Мой собственный.

— Тогда я могу вложить в него деньги, как в раритет, — она протянула ему деньги.

— Так и сделай, — посоветовал Вилсон. — Мои автографы станут большой редкостью, за ними будут охотиться коллекционеры. — Он взял деньги и направился в книжный магазин, который находился в том же здании. Большинство книг из списка нашлись на полках. Десять минут спустя он купил следующие книги:

«Принц» Никколо Макиавелли,

«Оборотная сторона выборов» Джеймса Фарлея,

«Майн Кампф» Адольфа Шикльгрубера,

«Как заводить друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги.

Остальных книг в магазине не было. Вилсон направился в университетскую библиотеку, где он раздобыл «Недвижимость — пособие для брокеров», «Историю музыкальных инструментов» и толстый том «Эволюция моды». Последняя книга была роскошно издана, с многочисленными цветными иллюстрациями. Библиотекарь долго не хотел давать ее на дом, Вилсону лишь с большим трудом удалось его уговорить выдать ему книгу на двадцать четыре часа.

К этому моменту он был уже довольно солидно нагружен, поэтому зашел в небольшой магазинчик и купил две здоровенные подержанные сумки, в одну из которых сложил книги. Оттуда он направился в крупнейший музыкальный магазин города и провел там сорок пять минут, выбирая пластинки, стараясь, чтобы они обладали максимальным эмоциональным воздействием; при этом он не пренебрегал ни джазом, ни классикой. В результате у него получился довольно-таки странный набор: от Марсельезы и «Болеро» Равеля до Кола Портера и «Послеполуденного отдыха фавна».

Потом Вилсон купил самый дорогой механический проигрыватель, хотя продавец всячески уговаривал его выбрать электрический. Выписав чек, он упаковал все покупки в сумки и попросил продавца вызвать ему такси.

У Вилсона возникло неприятное чувство, когда он расплачивался чеком. Это был чистой воды обман — у него на счету не осталось ни гроша. Он сразу стал настаивать, чтобы они обязательно позвонили в банк, — ведь ему так хотелось, чтобы они этого не делали. И сработало! Вилсон подумал, что установил мировой ре-

корд по выдаче фиктивных чеков — на тридцать тысяч лет.

Когда такси остановилось неподалеку от той аллеи, где находились Ворота, Вилсон, горя от нетерпения, выскочил из машины и поспешил во дворик.

Ворота исчезли.

Он постоял несколько минут, тихонько насвистывая. Теперь он рассматривал свою хитроумную деятельность совсем под другим углом — ответственность за выдачу фиктивных чеков вдруг перестала быть чисто гипотетической.

Он почувствовал, как его потянули за рукав.

— Послушай, старина, тебе нужна машина или нет? Счетчик-то не выключен.

— Что? А, конечно. — Он последовал за шофером и забрался обратно в машину.

— Куда поедем?

Ясности с этим вопросом у Вилсона не было. Он посмотрел на часы, но тут же сообразил, что его часы просто не могут показывать правильное время.

— Который час?

— Дванадцать, — ответил шофер. Вилсон переставил стрелки на часах.

Сейчас в его комнате идет такое веселье, что ему туда лучше нос не совать. Нет, домой он не поедет, во всяком случае, не сейчас. Подождет, когда его кровные братья закончат свои веселые игры с Воротами.

Ворота!

Они еще были в его комнате в четверть пятого. Если он правильно рассчитает время...

— Поехали на угол Четвертой и Маккинли, — сказал Вилсон, назвав перекресток, ближайший к своему дому.

Там он расплатился с шофером и оставил сумки на хранение на заправочной станции. Теперь ему нужно было убить два часа. Вилсон боялся уходить далеко от дома, чтобы не произошло какой-нибудь накладки.

В этот момент Вилсон вспомнил, что у него осталось одно незаконченное дельце, — времени более чем достаточно, чтобы разобраться с ним. Весело насвистывая, он прошел пару кварталов и остановился перед дверями квартиры номер 211.

В ответ на его стук дверь осторожно приоткрылась, а потом и совсем распахнулась.

— Боб, милый. А я думала, что ты сегодня целый день работаешь.

— Приветик, Женестьева. Ничего подобного — у меня образовалось свободное время.

Она бросила взгляд через плечо.

— Вот уж не знаю, следует ли мне пускать тебя — у меня даже посуда не вымыта и кровать не застелена — я ведь тебя никак не ждала. Я еще только начала краситься.

— Не будь такой скромницей. — Он шагнул мимо нее в квартиру.

Выходя от Женестьева, Вилсон посмотрел на часы. Полчетвертого — еще полно времени. Он шел по улице, а на лице у него было выражение, как у канарейки, которая только что пообедала кошкой.

Вилсон поблагодарил служащего бензоколонки, дал ему четверть доллара за беспокойство, после чего у него остался одинокий десятицентовик. Он посмотрел на монетку, усмехнулся, подошел к телефону-автомату и набрал свой собственный номер.

— Алло, — услышал он в трубке знакомый голос.

— Алло, — ответил он. — Это Боб Вилсон?

— Да. С кем я говорю?

— Не имеет значения. Я просто хотел убедиться, что ты дома. Я так и думал, что ты должен быть сейчас дома. Ты попал в колею, приятель, в самую колею. — Широко улыбаясь, Вилсон повесил трубку.

В десять минут пятого Вилсон стал так нервничать, что больше уже не мог ждать. Пошатываясь под тяжестью двух набитых сумок, он зашагал к дому. Поднявшись по лестнице, он остановился перед дверью квартиры и услышал, как в комнате зазвонил телефон. Вилсон посмотрел на часы — пятнадцать минут пятого. Подождав три невыносимо долгих минуты, он открыл дверь и вошел в свою квартиру.

В комнате было пусто. Ворота были на месте.

Не останавливаясь, опасаясь только того, что Ворота могут в любой момент исчезнуть, пока он идет к ним, Вилсон крепче перехватил сумки и шагнул в круг.

В Зале Ворот, к его несказанному облегчению, никого не было. Наконец-то ему повезло, с облегчением подумал Вилсон. Теперь ему нужно всего пять минут. Пять минут — больше он ничего не просит. Он оставил сумки рядом с Воротами, на тот случай, если ему придется быстро уносить ноги. Тут-то Вилсон и заметил, что у одной из сумок не хватает целого угла и из дыры торчит половина книги, перерезанной, словно гильотиной. Присмотревшись, Вилсон понял, что это «Майн Кампф».

Он не стал особенно жалеть о потере книги, но по спине у него пробежал холодок — Вилсон вдруг представил себе, что было бы, если бы на месте книги оказался он сам! Человек, разрезанный надвое, — и никаких тебе иллюзий!

Он отер лоб и направился к боксу, где помещалась консоль управления Воротами. Вспомнив объяснения Дектора, он свел все четыре сферы вместе. Выглянув из бокса, обнаружил, что Ворота исчезли. «Вот так! — подумал он. — Все на нуле — и Ворот нет». Он слегка подвинул белую сферу. Ворота появились. Включив отражатель, Вилсон убедился в том, что теперь Ворота выходят в Зал. Пока все хорошо — но как ему узнать, сколько времени прошло? Глядя в Зал, ничего не узнаешь. Он чуть дотронулся до сферы, при помощи которой происходило перемещение в горизонтальной плоскости. Теперь Ворота оказались висящими за стенами дворца. Вернув белую, временную сферу на ноль, он начал очень медленно перемещать ее. На отражателе солнце описало стремительную огненную дугу и скрылось за горизонтом; дни начали мелькать один за другим, периодически озаряя экран отражателя огненными дугами солнца. Вилсон увеличил скорость и увидел, как побурела, побелела, а потом снова позеленела земля.

Действуя с величайшей осторожностью, придерживая правую руку левой, он заставлял год за годом маршировать перед ним на экране. Вилсон успел насчитать десять зим, когда слышались голоса. Он застыл на месте, прислушиваясь, а потом торопливо свел три сферы, соответствующие пространственным координатам, на ноле, оставив время как было — на десять лет смещенным в прошлое — и выскочил из бокса.

Вилсон едва успел схватить сумки, поднять их и проскочить в Ворота. Правда, на этот раз он постарался не задеть края круга.

Как Вилсон и предполагал, он оказался в Зале Ворот, причем если ему удалось ничего не напутать, то теперь он переместился во времени на десять лет назад. Вилсон намеревался получить еще большую фору перед Дектором, но не успел. Однако, судя по словам Дектора и его черному блокнотику, тот сам пришел из двадцатого столетия, из чего следовало, что десяти лет должно было вполне хватить. Возможно, что Дектора в этом времени вообще не было. А если и был, то Вилсон в любой момент может сбежать при помощи Ворот Времени. А сейчас вполне разумно все здесь разведать, прежде чем совершать новые перемещения во времени.

Вилсону вдруг пришло в голову, что Дектор может попытаться разыскать его при помощи отражателя Ворот Времени. Не сообразив, что быстрота в данном случае его все равно не спасет — ведь с экрана отражателя можно было заглянуть в любое время, — он торопливо потащил обе сумки в бокс. Оказавшись за спасительными стенами, он удовлетворенно вздохнул. Теперь он сам мог проследить за своим соперником. Все сферы были установлены на ноль; пользуясь уже знакомой техникой, Вилсон начал путешествие во времени — на десять лет вперед, после чего начал менять пространственные координаты, осторожно сводя их к нулю. Задача была очень трудной — нужно было проверить промежуток времени в несколько месяцев, который проскакивал на отражателе с такой быстротой, что его глаз не успевал следить за происходящим. Несколько раз ему показалось, что он заметил скользящие по экрану тени, которые вполне могли бы быть людьми, но ему никак не удавалось увидеть их, когда он останавливал сферу, контролирующую время.

Вилсон с раздражением подумал, что конструктор Ворот Времени мог бы обеспечить их более удобной временной шкалой и чувствительной системой каких-нибудь реле, чтобы можно было медленнее изменять время. Только немного позднее он сообразил, что создателю Ворот Времени, вполне возможно, совсем и не

требовалось такой точности. Вилсон уже готов был сдаться, когда в самый последний момент, по чистой случайности, его усилия были вознаграждены: появилась фигура.

Это был он сам с двумя тяжелыми сумками в руках. Вилсон увидел, как его фигура приближается к экрану отражателя, все больше растет и, наконец, исчезает. Он выглянул на площадку перед Воротами, ожидая, что сейчас из круга появится его очередной двойник.

Однако перед Воротами никто не появился. Сначала это его удивило, но потом он сообразил, что в том времени, в котором он находится, это событие уже произошло несколько минут назад. Теперь Вилсону оставалось только сидеть и наблюдать за тем, что произошло в Зале Ворот после того, как он ускользнул оттуда. Почти сразу же в Зале появились Дектор и очередной Вилсон. Он сразу вспомнил эпизод, который проигрывался сейчас на экране отражателя. Перед ним был Боб Вилсон номер Третий — сейчас он начнет спорить с Дектором, а потом ускользнет от него в двадцатое столетие.

Ничего другого Вилсону и не требовалось — Дектор не видел его и даже не предполагал, что Вилсон воспользовался без спросу Воротами Времени и прячется сейчас в прошлом. Значит, и искать Вилсона Дектор не станет. Он вернул все сферы на ноль и выкинул Дектора из головы.

Теперь у него возникли новые проблемы — прежде всего нужно было поесть. Тут только Вилсон удивился, почему он не позаботился о том, чтобы захватить с собой продуктов хотя бы на пару дней. Да и пистолет ему бы не помешал. Пришлось признать, что он не проявил необходимой предусмотрительности. Однако вряд ли следовало всерьез упрекать себя в чем-нибудь — события развивались с такой быстротой и непредсказуемостью, что он едва поспевал за ними.

— Что ж, старина Боб, — громко подбодрил он себя, — посмотрим, так ли приветливы и безобидны местные жители, как это утверждал Дектор.

Осторожное изучение покоев дворца убедило Вилсона, что в нем никто не живет — нигде ему не удалось найти ни души. Повсюду царила стерильная чисто-

та — никаких следов жизни. Он даже один раз крикнул, просто чтобы услышать звук собственного голоса. Пронзительное эхо заставило его вздрогнуть; больше он кричать не стал.

Архитектура дворца смущала Вилсона. Дело было даже не в том, что она была довольно странной — другого он и не ждал — просто возникало ощущение, что дворец абсолютно не приспособлен для того, чтобы в нем жили человеческие существа. Огромные залы, в которых могли бы поместиться, наверное, десять тысяч человек, если бы им было на чем стоять. Во многих помещениях не было пола — в общепринятом смысле этого слова: Вилсон шел по коридору и неожиданно оказался перед входом в таинственное необъятное пространство, он чуть не свалился вниз, прежде чем сообразил, что пол под его ногами резко обрывается. Вилсон опустился на четвереньки, осторожно подполз к краю и заглянул вниз. Прямо впереди была глухая стена, которая так круто уходила в пустоту, что глаз даже не мог нащупать вертикальной поверхности. Далеко внизу стена начинала постепенно загигаться внутрь, пока на огромной глубине, под каким-то странным углом, не сходилась с дном.

Таких круто обрывающихся проходов, по которым невозможно было пройти человеку, Вилсон потом насчитал не один десяток. «Исполины», — прошептал он, с благоговением глядя в открывшуюся перед ним бездну. Вся его храбрость исчезла. По своим следам, едва заметным на тонком слое пыли, он вернулся в уже хорошо знакомый Зал Ворот и только тут перевел дух.

Во второй раз Вилсон старался идти только по тем проходам, которые были явно предназначены для людей. Про себя он решил, что это, вероятно, та часть дворца, где должны были жить слуги, а может быть, и рабы. Здесь к нему постепенно вернулось мужество. Хотя тут тоже было совершенно пусто, эта часть дворца казалась приятной и даже веселой — особенно по сравнению с огромными помещениями, где, как он предположил, жили сами «Исполины». Вилсона несколько беспокоили немеркнущий, яркий свет, источник которого он никак не мог определить, и мертвая тишина, нарушаемая лишь звуком его шагов.

Он почти потерял всякую надежду найти выход из дворца и уже собирался снова вернуться в Зал Ворот, когда коридор, по которому он шел, резко повернул и Вилсон вышел на яркий солнечный свет.

Он стоял на вершине широкого крутого спуска, веерообразно уходявшего вниз к основанию дворца. Далеко впереди и ниже, не менее чем в пятистах ярдах, твердое, каменное покрытие спуска переходило в гладкий зеленый газон. Далее Вилсон увидел тот самый прекрасный пейзаж, который открывался с балкона, где они с Дектором завтракали — несколько часов назад и десять лет спустя.

Он некоторое время постоял на месте, наслаждаясь теплыми лучами солнца, погружаясь в изумительную прелесть этого чудесного летнего дня.

— Все будет хорошо! — не удержавшись, воскликнул Вилсон. — Это замечательное место!

Он начал медленно спускаться вниз, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках людей. Вилсон находился на середине спуска, когда заметил маленькую фигурку, вышедшую из-за деревьев на поляну, к которой вел спуск. Он радостно закричал и замахал руками. Ребенок — а это, несомненно, был еще совсем маленький ребенок — посмотрел наверх, а потом стремглав бросился за деревья.

— Нельзя быть таким импульсивным, Роберт, — выругал Вилсон сам себя. — Не надо их так путать. Веди себя поспокойнее.

Однако он не особенно расстроился — там, где дети, обязательно должны быть и их родители, некое сообщество людей, где обязательно предоставляются прекрасные возможности для молодого способного человека, умеющего во всем видеть положительный момент. Дальше Вилсон пошел еще медленнее.

В том самом месте, где исчез ребенок, появился мужчина. Вилсон остановился. Мужчина посмотрел на него, а потом сделал два несмелых шага вперед.

— Подойди ко мне, — ласково сказал Вилсон, — я не причиню тебе вреда.

Человек вряд ли его понял, но начал медленно подходить. Там, где кончался каменный спуск, он остановился. Было очевидно, что дальше он не пойдет.

Его манера поведения заставила Вилсона вспомнить то, что он видел во дворце, и то небольшое, что успел рассказать ему Дектор. «Если только все, что я проходил, изучая курс антропологии, имеет хоть какой-то смысл, — сказал он себе, — то дворец для него — табу, спуск, на котором я стою, — табу, и, наконец, как следствие этого, я сам — табу. Ну, сынок, теперь нужно грамотно разыграть свою карту!»

Он подошел к самому краю каменного спуска, но сходить с него не стал. Человек мгновенно встал перед Вилсоном на колени, сложив перед собой руки и опустив голову. Без малейших колебаний Вилсон коснулся его лба. Человек поднялся на ноги с сияющим лицом.

— Ну, это совсем неинтересно, — пробормотал Вилсон. — По правилам мне полагалось пристрелить его в тот момент, когда он поднимался с колен.

Его Пятница склонил голову набок, с некоторым удивлением посмотрел на Вилсона и ответил низким мелодичным голосом. Речь его была плавной и странной, напоминающей пение.

— Тебе бы записывать рекламные ролики, — с восхищением заметил Вилсон. — У многих наших звезд голоса намного хуже. Однако сейчас я хочу перекусить. Еда. — Вилсон показал на свой рот.

Человек непонимающе посмотрел на него и снова заговорил. Боб достал из кармана записную книжечку Дектора. Полистав ее, он нашел слово «еда», а потом разыскал «пищу». Оказалось, что эти слова совпадают.

— Блеллан, — медленно произнес Вилсон.

— Блеллааан?

— Блеллааааан, — согласился Вилсон. — Прошу извинить за мой акцент. А теперь поторопись. — Он поискал в словарики слово «быстрее», но его там не было. Либо это понятие просто отсутствовало в их языке, либо Дектор посчитал, что он вполне может обойтись без него. «Ну, — подумал Вилсон, — эту проблему мы решим быстро — если у них нет такого слова, я его для них изобрету».

Человек ушел.

Вилсон уселся по-турецки и стал ждать. Чтобы не терять даром времени, он принялся изучать записную книжку. Быстрота, с которой он сумеет подняться в

этом обществе, зависит от того, как скоро он сумеет овладеть местным языком. Однако он успел познакомиться только с несколькими самыми общими понятиями, как новый знакомец вернулся. Вернулся не один.

Во главе процессии шел очень старый, седой, но безбородый человек. Да и все остальные мужчины были безбородые. Седовласый старик шествовал под балдахином, который несли четверо совершенно голых мужчин. Только на старике было достаточно одежды, чтобы появиться где-нибудь в приличном обществе, — остальным место было разве что на пляже. Старик явно чувствовал себя неуютно в своем одеянии, напоминающем римскую тогу. То, что он был главным среди всех, не вызывало сомнения.

Вилсон принялся торопливо искать слово «вождь».

Это понятие обозначалось словом «Дектор».

Вилсон слегка оторопел. Было бы совершенно естественным предположить, что слово «Дектор» — скорее титул, нежели имя, но Вилсону это даже не приходило в голову.

Дектор — его знакомый Дектор — написал рядом небольшое примечание: «Одно из нескольких слов, — прочитал Вилсон, — которое ведет свое происхождение от мертвых языков. Это слово и несколько дюжин других, а также сама грамматическая структура языка — единственное звено, связывающее язык "Покинутых" и английский».

Вождь остановился перед Вилсоном, не вставая, однако, на каменное покрытие спуска.

— Ну, Дектор, — приказал Вилсон, — на колени. Тут не может быть никаких исключений. — Он указал на землю. Вождь встал на колени. Вилсон коснулся его лба.

Они принесли более чем достаточно всякой еды, причем она оказалась весьма вкусной. Вилсон ел медленно, стараясь соблюдать важность и достоинство — положение обязывало. Пока он насыщался, вся компания начала для него петь. Вилсон должен был признать, что пели они просто великолепно. Мелодии показались ему довольно странными и немного примитивными, но голоса были кристально чистыми и мелодичными. У Вилсона создалось впечатление, что они сами получают удовольствие от своего пения.

Концерт навел Вилсона на одну мысль. Удовлетворив голод, он при помощи своей замечательной записной книжки объяснил вождю, что тот вместе со всей компанией должен подождать его на этом месте. Сам же сходил в Зал Ворот и принес оттуда дюжину пластинок и проигрыватель. И устроил им концерт «современной» музыки.

Их реакция превзошла все его ожидания. «Зарождение влюбленности» вызвало поток слез из глаз старого вождя. Музыка первого фортепьянного концерта Чайковского ошеломила их. Они задрожали, обхватили головы руками и начали стонать. А когда стихли последние звуки, завопили от восторга. После этого Вилсон поставил «Болеро».

— Дектор, — задумчиво сказал Вилсон, и он обращался вовсе не к старому вождю, по лицу которого все еще текли слезы, — Дектор, старина, ты здорово все рассчитал, когда послал меня за этими покупками. Только учти — к тому времени, когда ты покажешься, если только это вообще произойдет, я буду здесь хозяином положения.

Подъем Вилсона к власти скорее напоминал триумфальное шествие, нежели борьбу с равными ему противниками; все произошло просто и естественно. После нескольких тысячелетий, проведенных человечеством под властью расы Исполинов, оно так изменилось, что сходство с прежними людьми осталось чисто внешним. Кроткие доброжелательные дети, с которыми пришлось иметь дело Вилсону, невероятно отличались от хвастливой, вульгарной, динамичной и агрессивной расы, которая гордо называла себя гражданами Соединенных Штатов.

Примерно так кошки отличались от пантер, а коккер-спаниели от волков. Дух агрессии не был им присущ. И дело было не в том, что они деградировали интеллектуально или утратили способность к искусствам. У них пропал дух конкуренции, воля к победе.

Тут у Вилсона была монополия.

Но и ему быстро наскучила игра, в которой он всегда побеждал. Утвердив себя в качестве главы племени и устроив свою резиденцию во дворце, он тем самым доказал, что является прямым наследником власти ушедших Исполинов. Первое время он был очень

занят организацией сразу нескольких проектов, направленных на то, чтобы «возродить» культуру — вновь изобрести старые музыкальные инструменты, моду, моды; он даже издал указ, запрещающий следовать одной и той же моде более одного сезона. На этот указ Вилсон возлагал особые надежды. Он рассчитывал, что проснувшийся у женщин интерес к одежде заставит мужчин начать соревноваться между собой. Этой культуре прежде всего не хватало духа соревнования, поэтому она и вырождалась. Вилсон попытался возродить этот дух.

Подданные Вилсона охотно выполняли все его желания, но делали это весьма своеобразно, как собака, выполняющая некий трюк не потому, что она понимает его, а просто от того, что так желает господин.

Вскоре Вилсону это все надоело.

Однако тайны Исполинов, а в особенности их Ворота Времени, продолжали занимать его. Вилсон был человеком действия только наполовину, другая его половина была склонна к философии. Теперь пришла ее очередь.

Для него было интеллектуальной необходимостью понять психоматематические принципы феномена Ворота Времени. В конце концов ему удалось придумать некую модель — может быть, не слишком удачную, но зато удовлетворяющую всем требованиям. Представьте себе плоскую поверхность, лист бумаги, или, еще лучше, шелковый платок — шелковый потому, что он мягкий и легко складывается, сохраняя при этом все свойства двумерного пространства на своей поверхности. Пусть нити ткани будут линиями времени; пусть искривления нитей представляют собой все три пространственных измерения.

Пятнышко чернил на платке станет Воротами Времени... Складывая платок, можно добиться того, что пятнышко окажется прижатым к любой точке на шелке. Сожмите эти две точки между большим и указательным пальцами, управление Воротами приведено в действие — Ворота открылись и микроскопическая пылинка может перейти с одной поверхности платка на другую, не коснувшись его ни в какой другой точке.

Модель, конечно, несовершенна; картинка статична — но физическое восприятие неизбежно ограничено чувственными возможностями субъекта, наблюдающего за экспериментом.

Он никак не мог решить: необходимо ли выходить в новое измерение для того, чтобы сложить четырехмерный континуум — три пространственных измерения и одно временное — и «открыть» Ворота? Так, во всяком случае, ему казалось, но это могло быть лишь следствием ограниченности возможностей человеческого мозга. Для того чтобы произошло «складывание», не требуется ничего, кроме пустого пространства, но само понятие «пустого пространства» было начисто лишено всякого смысла — он достаточно знал математику, чтобы понимать это.

Если пятое измерение необходимо для того, чтобы «держат» четырехмерный континуум, тогда совершенно очевидно, что число пространственных и временных измерений бесконечно; каждый следующий континуум требовал нового измерения, и так до бесконечности.

Но «бесконечность» — это еще один лишенный всякого смысла термин. «Открытые серии» звучат чуть лучше, но не более того.

Еще одно соображение заставляло его предполагать, что существует еще хотя бы одно измерение, кроме тех четырех, которые он способен воспринять, — сами Ворота Времени. Вилсон научился довольно уверенно управляться с ними, но у него не возникло даже самого смутного представления о том, как они работают, или о том, как их удалось построить. Ему казалось, что существа, построившие Ворота, должны были обладать некими сверхвозможностями, выходящими за рамки его понимания. Таким образом, он был вынужден признать, что понять природу Ворот ему не дано.

Вилсон подозревал, что, работая с консолью управления, он использует лишь минимальную часть колоссальных возможностей Ворот, часть, доступную его восприятию. Да и сам дворец мог быть всего лишь одним из трехмерных элементов некой огромной, многомерной структуры. Такая предпосылка могла помочь в его обреченных в противном случае на провал попытках понять удивительную архитектуру дворца.

Вилсона захватило непреодолимое желание узнать побольше об этих странных существах, но «Исполины», которые покорили расу людей и долгие годы управляли ими, построили дворец и Ворота, а потом ушли навсегда. Вилсон оказался здесь, вырванный из своего времени на многие тысячелетия вперед. А для людей, живущих тут, «Исполины» превратились в священный миф, в массу противоречивых традиций и не более того. Не осталось ни одной картины, никаких следов их письменности. Ничего, кроме дворца Норкаал и Ворот Времени, да еще чувства невосполнимой утраты в сердцах расы, которой они управляли, чувства, так хорошо отраженного в том, как они сами называли себя, — Покинутые.

При помощи четырех сфер и отражателя он путешествовал по времени, разыскивая Строителей. Дело было весьма трудоемким. Быстро мелькающие тени, долгие поиски — и бесконечные неудачи.

Однажды он был уверен, что видел тень, на миг появившуюся на экране отражателя. Вилсон перевел время достаточно далеко назад, чтобы наверняка захватить нужный период, затем попросил принести ему побольше еды и стал ждать.

Он ждал три недели.

Возможно, тень проскочила в тот момент, когда он спал. Однако Вилсон был уверен, что находится в нужном временном отрезке; он продолжал свою вахту.

Наконец, он увидел.

Что-то двигалось в сторону Ворот.

Когда Вилсон сумел заставить себя хоть немного успокоиться, оказалось, что он успел пробежать половину длинного коридора, ведущего к выходу из дворца. Он понял, что громкими отчаянными криками почти сорвал себе голос. Его все еще трясло.

Много позднее Вилсон заставил себя вернуться в Зал, не глядя на экран, войти в бокс и быстро вывести все четыре сферы на ноль. Потом он стремительно выскочил из Зала Ворот и направился в свои комнаты. Более двух лет он не входил в Зал Ворот и не прикасался к управляющим сферам.

Что же произвело на Вилсона такое впечатление? Существа на экране не были какими-то слишком ужас-

ными — более того, он даже не мог вспомнить, как именно они выглядели. Однако лишь один раз взглянув на них, Вилсон испытал такое чувство скорби, отчаяния и безнадежности, неизбывной тоски и потери, что даже вспоминать об этом ему было больно. Его эмоциям был нанесен такой сокрушительный удар, что он даже и помыслить не мог о повторении опыта. Скорее устрица научится играть на скрипке, чем Вилсон сможет долго испытывать подобные чувства.

Он осознал, что сумел узнать об «Исполинах» все, что мог узнать человек и не сойти при этом с ума. У него пропало любопытство. Тень тех переживаний на долгие годы разрушила сон Вилсона, наполнив его невообразимыми кошмарами.

Вилсона беспокоила еще одна проблема — его собственные путешествия во времени. Он никак не мог до конца свыкнуться с мыслью, что встречался сам с собой, разговаривал с собой и даже дрался.

Так кто же из них был им самим?

Он знал, что был каждым из них, помнил все эпизоды. Но как быть с теми случаями, когда в комнате находилось более одного Боба Вилсона?

Вилсон был просто вынужден расширить понятие принципа неидентичности — «Ничто не идентично ничему, включая и самое себя», — включив в него понятие эго. В четырехмерном континууме всякое событие абсолютно оригинально, у него есть пространственные и временные координаты. Боб Вилсон, которым он является в данный момент, это совсем не тот же самый Боб Вилсон, которым он был десять минут назад. Каждый был отдельным элементом четырехмерного пространства. Один был во многих отношениях похож на другого, как два ломтя хлеба. Однако они не были одним и тем же Бобом Вилсоном — их разделяло время.

Когда у него появились двойники, эта разница стала хорошо заметной, ведь теперь различие было уже в пространстве, а он устроен так, что мог увидеть это различие, в то время как различие во времени он лишь помнил. Думая о прошлом, он вспоминал превеликое множество разных Бобов Вилсонов: маленький ребенок, подросток, молодой человек. И все они, несомнен-

но, были разными. Единственное, что их связывало в одно «я» — память Вилсона.

Аналогичным образом связаны между собой три — нет, четыре Боба Вилсона, появившиеся в его квартире в один странный суматошный день; он помнил, как был каждым из них. Таким образом, удивительным в результате оказывался лишь сам факт путешествия во времени.

Ну, и еще кое-какие детали — природа «свободной воли», проблема энтропии, закон сохранения энергии и массы. Теперь он понимал, что последние два закона обязательно должны быть распространены на все случаи, в которых Ворота, или нечто вроде них, позволяли перемещаться массе и энергии из одного пространственно-временного континуума в другой. Ведь при переходе они продолжали сохранять все свои свойства. А вот со свободной волей дело обстояло иначе. От этого Вилсон не мог отмахнуться — ведь он сам непосредственно испытал все это — однако его свободная воля раз за разом воссоздавала одну и ту же сцену. Очевидно, воля человека должна рассматриваться, как один из факторов, определяющих процессы в данном континууме — свободная — для отдельного эго, предопределенная — для внешнего мира.

И все же тот факт, что он сумел ускользнуть от Дектора, видимо изменил ход событий. Вилсон находился здесь и управлял страной уже много лет, а Дектор так и не появился. Может быть, каждый акт истинного проявления свободной воли приводит к появлению нового варианта будущего? Многие философы считают именно так.

Создавалось впечатление, что в будущем вообще не будет Дектора — нигде и никогда.

К концу первого своего года, проведенного в будущем, Вилсон начал все больше и больше нервничать и терять уверенность. «Проклятье, — думал он, — если Дектор вообще собирается появиться, то сейчас самое время это сделать». Вилсону не терпелось вступить в схватку с ним и раз и навсегда выяснить, кто же из них будет боссом.

По всей стране Покинутых он велел выставить посты. Патрульные получили строжайшие инструкции аре-

стовывать любого человека с волосами на лице и немедленно доставлять его во дворец. За Залом Ворот Вилсон наблюдал сам.

Он пытался найти Дектора в будущем, но ему не везло. Трижды он успевал заметить тень, но после долгих поисков всякий раз оказывалось, что это он сам. От скуки и любопытства он решил проследить за другой стороной процесса и попытаться найти свой прежний дом, находящийся в тридцати тысячах лет назад.

Задача оказалась нелегкой. Чем дальше от настоящего момента уходила сфера времени, тем труднее было ею управлять. Однажды во время этих экспериментов ему посчастливилось найти то, что он пытался разыскать когда-то: дополнительный верньер, предназначенный для более точной настройки. Оказывается, нужно было не перемещать сферу, а просто крутить ее.

Теперь он легко нашел двадцатое столетие, а нужный год ему помогли найти модели автомобилей, архитектура и другие бросающиеся в глаза детали. В конце концов нашел, как полагал, 1952 год. Аккуратная работа с тремя пространственными координатами позволила ему найти университетский городок; на это тоже ушло немало времени — изображение на экране было довольно мелким и разглядеть надписи на дорожных указателях не удавалось.

Он нашел свой дом, а потом расположил ворота в собственной комнате. Там было совсем пусто, кто-то вынес из комнаты всю мебель.

Тогда Вилсон перенесся на год назад. Теперь его ждал успех — мебель в комнате стояла так, как раньше, когда он в ней жил, но людей в ней не было. Вилсон стал вращать сферу, надеясь заметить тень.

Вот! Он остановил сферу. В комнате находилось три человека, но изображение было слишком мелким, чтобы он мог что-нибудь разглядеть. Он приблизил лицо к экрану отражателя и принялся внимательно наблюдать за происходящим.

Тут послышался какой-то негромкий звук за стенками бокса. Вилсон выпрямился и выглянул наружу.

На полу неподвижно распростерлась фигура. Рядом с ней валялась мятая, потрепанная шляпа.

Он долго стоял и молча смотрел на шляпу и неподвижного человека, а в голове его с безумной скоростью вращались колесики. Ему не нужно было осматривать неподвижное тело, чтобы узнать кто это. Он знал... он знал — это был он сам, только моложе на десять лет. Тот, кого он когда-то называл номер Первый.

Сам по себе этот факт не слишком удивил его. Он, конечно, не ожидал ничего подобного, ведь ему уже давно казалось, что он живет в ином, альтернативном будущем, несовместимом с тем, в котором он прошел через Ворота Времени. Однако Вилсон понимал, что подобное вполне могло произойти, — поразился он совсем другому факту.

Когда Вилсон номер Первый попал в Зал Ворот, единственным свидетелем этого события оказался сам Вилсон!

А из этого неопровержимым образом следовало, что он и есть Дектор. А другого Дектора никогда не было!

Ему не придется разбираться с Дектором, и бояться его не следовало. Потому что никакого другого Дектора не существовало!

Теперь, задним числом, он понимал, что только он и мог быть Дектором. Множество мелких фактов указывало на это. Однако раньше он не мог связать их между собой. Его сходство с Дектором было вызвано вполне объективными причинами — ему хотелось получить превосходство перед своим потенциальным соперником и бессознательно Вилсон пытался на него походить. Именно по этой причине он и жил в тех самых комнатах, где жил Дектор.

То, что все здесь называли его Дектором, не удивляло Вилсона — они так называли всякого, кто управлял ими, даже тех вождей, которые от его имени управляли дальними провинциями.

Он отрастил бороду — точно такую же, как у Дектора, частично потому, что так выглядел тот Дектор, а еще из-за того, что все мужчины Покинутого народа не имели на лице никакой растительности. Это поднимало престиж, усиливало табу. Он поскреб свой бородатый подбородок. И все же очень странно, что он не соотнес свою нынешнюю внешность с внешностью того Дектора. Но тот Дектор казался совсем пожилым чело-

веком, на вид ему было лет сорок пять, а Вилсону сейчас было тридцать два, а тогда — двадцать два.

С другой стороны, если взглянуть на Вилсона глазами непредвзятого свидетеля, то ему вполне можно было дать больше сорока. В волосах и бороде поблескивала седина — она появилась после того, как он сумел-таки выследить «Исполинов». Лицо испещряли морщины. Управлять страной, даже такой мирной и счастливой, как эта, было совсем непросто — не одну ночь он провел без сна, пытаясь разумно разрешить встающие перед правителем проблемы.

Нет, Вилсон не собирался жаловаться — у него была хорошая жизнь, прекрасная жизнь, много лучше той, что могла быть в далеком прошлом.

Так или иначе, но тогда он смотрел в лицо человека, которому было за сорок и чье лицо за прошедшие десять лет он успел забыть. И ему даже в голову не приходило сравнить свое лицо с тем, давно забытым.

Но были еще и другие детали. Например, Арма. Он выбрал подходящую девушку около трех лет назад и сделал ее одной из своих служанок, переименовав ее в Арму в память о той девушке, которую он тогда здесь встретил. В результате оказалось, что существует одна-единственная Арма.

Однако теперь ему казалось, что «первая» Арма была куда красивее.

Х-ммм, скорее всего это просто изменилось его собственное восприятие. Нельзя было не признать, что у него имелось куда больше возможностей любоваться на прекрасных женщин, чем у его юного друга, лежащего перед ним на полу. Он со смешком вспомнил, как ему пришлось окружить себя сложной системой табу, чтобы избавиться от домогательств прекрасных дочерей своего народа — не насовсем, конечно! Он даже издал указ о том, что в одном из небольших озер неподалеку от дворца не разрешалось купаться никому, кроме него — в противном случае ему было бы не отбиться от многочисленных русалок.

Человек на полу застонал, но глаз не открыл.

Вилсон, он же Дектор, наклонился над ним, но не сделал попытки привести его в чувство. В том, что этот человек не получил серьезных ранений, он не сомне-

вался. Прежде чем он придет в себя, Вилсону необходимо было привести свои мысли в порядок.

Потому что ему нужно было кое-что сделать, причем сделать это тщательно, без ошибок. «Каждый, — подумал он с кривой улыбкой, — должен позаботиться о собственном будущем.»

Ему же необходимо навести порядок в своем прошлом.

Нужно было настроить Ворота Времени с тем, чтобы послать номер Первый обратно. Он подключился к своей прежней комнате в тот самый момент, когда номер Третий вмазал номеру Первому, после чего тот влетел в Ворота Времени. Прежде, чем послать его обратно, Вилсон должен сделать так, чтобы номер Первый попал в свою комнату около двух часов того же дня. Задача довольно легкая — достаточно будет найти момент, когда Боб Вилсон сидит в комнате один и работает.

Однако Ворота Времени появились в его комнате гораздо позже — он сам их туда отправил несколько минут назад. «Что-то все у меня перепуталось», — подумал Вилсон.

Нет, одну минуточку! Если он изменит время, то Ворота появятся в комнате раньше, останутся там, а там просто сольются с теми, которые появились позже. Да, пожалуй, все верно. Для того, кто находится в комнате, получится, что все это время Ворота оставались на месте начиная с двух часов.

Так собственно и было. Уж он об этом позаботится.

Хотя он уже много лет был знаком с явлениями, возникающими при использовании Ворот Времени, требовались заметные интеллектуальные усилия, чтобы думать о подобных ситуациях с позиции Вечности.

Ага, вот шляпа. Он поднял ее и примерил. Немножко маловата, ничего удивительного нет: теперь он носит гораздо более длинные волосы. Шляпу нужно поместить туда, где ее будет легко найти. Ах да, на панель управления в боксе. И записную книжку тоже.

Записная книжка, записная книжка... Тут что-то странное. Украденная записная книжка совсем замусолилась от беспрестанного использования. Около четырех лет назад он самым тщательным образом переписал

ее содержимое в новую, скорее для того, чтобы вспомнить английский — остальное Вилсон уже давно выучил наизусть. Старую записную книжку он уничтожил — что ж, молодой Вилсон получит новую, значит, можно считать, что записная книжка была только одна.

Две эти книжки были разными аспектами одного и того же процесса, необходимого для того, чтобы все события — следствия действия Ворот Времени — шли своим чередом.

Вилсон пожалел, что выбросил старую книжку. Если бы она была под рукой, он бы мог их сравнить и убедиться в том, что они идентичны, если не считать того, что одна совсем разваливается.

Но когда же он изучил язык настолько, что мог составить подобный словарь? Можно не сомневаться, что когда он начал переносить его в новую книжку, ему она была совершенно не нужна — ведь язык-то он уже давно успел выучить.

Однако он перенес все записи в новую книжку.

Вилсон сумел выстроить физический процесс, последовательность событий стала ему, в основном, ясна, но вот интеллектуальная сторона проблемы представляла собой нерасторжимый, замкнутый круг. Будучи «Дектором», он научил своего более молодого двойника языку, который «Дектор» узнал благодаря молодому двойнику, который, научившись языку, стал «Дектором», после чего сумел научить языку более молодого Боба Вилсона.

Но с чего же все это началось?

Что было вначале: курица или яйцо?

Ты кормишь кошек крысами, свежуешь кошек, скармливаешь их крысам, которых, в свою очередь, съедают кошки. Бесконечный процесс производства кошачьих шкур.

Если Бог создал мир, то кто создал Бога?

Кто заполнил эту книжечку в первый раз? Кто был первым звеном в цепи?

Вилсон почувствовал интеллектуальное бессилие, которое, рано или поздно, охватывает всякого честного философа. Он знал, что у него есть примерно столько же шансов понять происходящие процессы, сколько у колли, задумавшейся над тем, как собачья еда попадает

в консервные банки. Вот прикладная психология ему по силам — тут Вилсон подумал, что ему нужно обязательно включить соответствующие книги в список, который он потом отдаст своему более молодому «я». Они ему очень пригодятся при решении проблем, возникающих у всякого главы государства.

Человек на полу зашевелился и сел. Вилсон знал, что пришло время, когда он должен обеспечить свое прошлое. Однако он не слишком беспокоился — у него было ощущение игрока, которому начало везти, и теперь он точно знает, как в следующий раз упадут кости.

Он склонился над своим молодым «я».

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Кажется, да, — хрипло отозвался молодой Вилсон. Он провел рукой по перепачканному кровью лицу. — Только вот голова болит.

— Ну, иначе и быть не может, — попытался утешить его Вилсон. — Ты вывалился сюда головой вперед.

Молодой Вилсон явно плохо понимал, что ему говорят. Он ошеломленно оглядывался по сторонам, пытаясь сообразить, куда он попал. Наконец, он спросил:

— Вывалился откуда? И куда?

— Из Ворот, естественно, — ответил Вилсон. Он кивнул в сторону Ворот, надеясь, что их вид поможет сориентироваться молодому Бобу.

Тот посмотрел через плечо в указанном направлении, вздрогнул и закрыл глаза. Когда он через некоторое время открыл их, Вилсону показалось, что молодой Боб начинает поцемногу приходить в себя.

— Значит, я попал сюда через него? — спросил молодой Боб.

— Да, — уверил его Вилсон.

— И где я теперь нахожусь?

— В Зале Ворот Священного Дворца Норкаал. Но что гораздо важнее, так это то, *когда* ты тут находишься. Ты продвинулся вперед по времени на тридцать тысяч лет.

Эта информация, судя по всему, не слишком подбодрила молодого Боба. Он встал и нетвердой походкой направился в сторону Ворот.

Вилсон положил руку ему на плечо.

— Куда ты идешь?

— Обратно!

— Не так быстро. — Вилсон не мог отпустить его сейчас, пока он не запрограммировал Ворота заново. Кроме того, Боб все еще был сильно пьян — от него несло, как из пивной бочки. — Ты обязательно вернешься обратно — я даю тебе слово. Но сначала дай мне обработать твои раны. Кроме того, тебе просто необходимо отдохнуть. Я тебе должен многое рассказать и объяснить, а потом у меня будет к тебе просьба. Если ты ее исполнишь, то мы оба от этого выиграем. Тогда нас обоих — тебя и меня — ждет прекрасное будущее!

Прекрасное будущее!

КОЛУМБ БЫЛ ОСТОЛОПОМ

— Хочу обмыть сделку, — радостно воскликнул толстяк, перекрыв голосом гудение кондиционера. — Пейте, профессор, я вас уже обогнал на две порции.

Дверь лифта напротив них открылась, толстяк повернул голову. В прохладный полумрак бара шагнул человек и остановился, моргая, словно секунду назад стоял под слепящим солнцем пустыни.

— Эй, Фред! Фред Нолан! — позвал толстяк. — Шагай сюда! — Он повернулся к своему гостю. — Я с Фредом познакомился, когда летел сюда из Нью-Йорка. Присаживайся, Фред. Пожми руку профессору Эплби, главному инженеру звездолета «Пегас» — или будущему главному инженеру, когда его построят. Я только что продал профессору партию стали для его колымаги. Давай за это выпьем.

— Рад за вас, мистер Барнс, — согласился Нолан. — А мы с доктором Эплби знакомы. Правда, по делу — я из приборной компании «Климакс».

— Что?

— «Климакс» поставляет нам точные измерительные приборы, — пояснил профессор.

Барнс сперва удивился, потом улыбнулся:

Columbus was a Dope, 1947

— Тогда я угощаю. Я принял Фреда за чиновника из правительства или за одного из ученых умников. Что будешь пить, Фред? Стаканчик выдержанного? И вам тоже, профессор?

— Годится. Только, прошу вас, не называйте меня профессором. Никакой я не профессор, к тому же это меня старит. Я все-таки еще молодой.

— И еще какой молодой, э-э... док. Пит! Два выдержанных и еще один двойной «манхэттен»! Признаюсь, я ожидал увидеть вместо вас эдакого ученого из комикса — знаете, с длинной бородой. Но вот смотрю я на вас сейчас и никак в толк не возьму.

— Что именно?

— Ну... в вашем возрасте, да торчать в этой Богом забытой дыре...

— Мы не можем построить «Пегас» на Лонг-Айленде, — заметил Эпплби, — а это место идеально подходит для старта.

— Да, конечно, но не только это. Словом... я продаю сталь. Вам нужны были специальные сплавы для звездолета — я их вам продал. Но, опять-таки, скажите мне теперь, когда с делами покончено, зачем вам это нужно? Ради чего пытаться долететь до Проксимы Центавра или другой звезды?

Эпплби изумился.

— Такое объяснить невозможно. Ради чего люди взбираются на Эверест? Что погнало Перри на Северный полюс? Почему Колумб уговорил испанскую королеву заложить драгоценности, чтобы финансировать его экспедицию? На Проксиме Центавра еще никто не бывал — потому мы туда и отправляемся.

Барнс повернулся к Нолану:

— Ты понял, Фред?

— Я продаю точные приборы. Кто-то выращивает хризантемы, кто-то строит звездолеты. Я продаю приборы.

На приветливом лице Барнса отразилось удивление. Бармен поставил перед ними стаканы.

— Слушай, Пит, — обратился Барнс к бармену, — ответь мне на один вопрос. Подвернись тебе такая возможность, полетел бы ты с экспедицией на «Пегасе»?

— Нет.

— Почему?

— Мне и здесь хорошо.

Эпплби кивнул.

— Вот вам и ответ, Барнс. У кого-то есть дух Колумба, а у кого-то его нет.

— Про Колумба-то можно что хошь говорить, — не унимался Барнс, — но он-то собирался вернуться. А вы, ребята, — нет. Шестьдесят лет — вы мне сами говорили, что на это уйдет шестьдесят лет. Вам, пожалуй, и не дожить.

— Нам — нет, но наши дети доживут. А наши внуки вернутся.

— Но... Послушайте, а вы, что — *женаты*?

— Разумеется, женат. В экспедицию отправляются только семейные пары. Полет продлится два-три поколения. И вы это знаете. — Эпплби достал бумажник. — Вот мои жена и дочка. Ей три с половиной года.

— Симпатичная малышка, — восхитился Барнс и передал фотографию Нолану. Тот улыбнулся и вернул ее Эпплби. — А с ней что будет?

— Разумеется, она отправится с нами. Не в сиротский же приют ее отправлять, верно?

— Да, но... — Барнс одним глотком допил свой стакан. — Все равно не понял, — признался он. — Кто-нибудь еще выпьет?

— Спасибо, мне на сегодня хватит, — отказался Эпплби, медленно допивая свою порцию и вставая. — Пора домой. Женатый человек, сами понимаете, — улыбнулся он.

Барнс не стал его удерживать. Пожелав Эпплби спокойной ночи, он посмотрел ему вслед.

— Моя очередь ставить, — сказал Нолан. — Повторяем?

— Что? А, да, конечно. — Барнс поднялся. — Перейдем лучше к стойке — там хоть можно выпить по-человечески. Душа еще штук шесть просит.

— Ладно, — согласился Нолан, вставая. — Что, неприятности?

— Неприятности? Ты фотографию видел?

— Ну и что?

— А что *ты* при этом чувствовал? Я тоже торговец, Фред. Я продаю сталь. Мне все равно, куда покупатель

ее употребит, — мое дело продать. Я и веревку могу человеку продать, чтобы он на ней повесился. Но я люблю детей. И как подумаю, что прелестная малышка скоро отправится вместе с родителями в эту... безумную экспедицию!..

— А почему бы и нет? С родителями ей будет лучше. И к стальным палубам она привыкнет ничуть не хуже, чем другие дети к тротуарам.

— Но послушай, Фред. Неужели ты согласен с тем, что их дурацкая затея окажется успешной?

— Вполне возможно.

— Так вот, ни черта у них не выйдет. У них нет ни единого шанса. Я знаю. Перед отлетом я поговорил с нашими технарями. Девять шансов из десяти за то, что они сгорят при взлете. И это лучшее из того, что с ними может случиться. Если они даже выберутся из солнечной системы, что маловероятно, у них все равно ничего не получится. До звезд им не добраться.

Пит поставил перед Барнсом новый стакан. Он тут же осушил его и сказал:

— Сваргань еще один, Пит. Ничего у них не получится. Это теоретически невозможно. Они просто замерзнут... или поджарятся... или умрут от голода. Но до цели им не добраться.

— Может, и так.

— Никаких «может». Они просто лсихи. Поторопись, Пит. И налей себе.

— Уже иду. И от кружечки не откажусь, спасибо. — Пит смешал коктейль, налил себе пива и присоединился к ним.

— Вот Пит у нас умный человек, — доверительно произнес Барнс. — Уж его не уговоришь свалить дурака и отправиться во всякие там путешествия к звездам. А Колумб... тьфу! Колумб был остолопом. Дрыхнул бы лучше дома.

— Вы меня неправильно поняли, мистер Барнс, — покачал головой бармен. — Если бы не такие люди, как Колумб, нас бы здесь сегодня не было — разве я неправ? Во мне просто нет этой исследовательской жилки. Но я из тех, кто верит. И я вовсе не против экспедиции «Пегаса».

— Но ведь и тебе не нравится, что они берут с собой детей, разве не так?

— Ну... на «Мэйфлауэре»*, насколько я знаю, тоже были дети.

— Это вовсе не одно и то же. — Барнс взглянул на Нолана, потом на бармена. — Если бы Господь хотел, чтобы мы отправились к звездам, он снабдил бы нас реактивными двигателями. Смешай мне еще стаканчик, Пит.

— По-моему, вам на сегодня хватит, мистер Барнс. Толстяк собрался было возразить, но передумал.

— Поднимусь-ка я наверх. Может, кто захочет со мной потанцевать, — объявил он. — Спокойной нчи.

Слегка покачиваясь, он направился к лифту. Нолан посмотрел ему вслед.

— Бедняга Барнс, — пожал плечами Нолан. — Кажется, мы с вами, Пит, оказались слишком жестоко-сердчными.

— Нет. Просто я верю в прогресс. Помню, мой отец хотел, чтобы приняли закон против летающих машин — ради блага тех дураков, которые на них летают и сворачивают себе шею. Он заявлял, что никому нельзя позволять летать и правительство должно положить этому безобразию конец. Но он оказался неправ. Сам я не из тех, кто жить не может без разных приключений, но я за свою жизнь повидал немало людей и знаю, что рано или поздно всегда отыщется смельчак, готовый рискнуть ради чего-то нового. Именно так и делается прогресс.

— По вам не скажешь, что вы помните те времена, когда люди еще не умели летать.

— Не так уж мало я прожил. В одном этом баре уже десять лет торчу.

— Неужели десять лет? А вас никогда не тянуло на такую работу, где можно подышать свежим воздухом?

— Нет. Я обходился без свежего воздуха, подавая напитки в баре на 42-й улице, так что не скучаю по нему и здесь. Мне тут нравится. Здесь всегда затевается что-то новенькое — сперва атомные лаборатории,

* «Мэйфлауэр» — название корабля, на котором прибыли в Америку первые колонисты из Англии. (Прим. пер.)

потом большая обсерватория, теперь звездолет. Но это не главная причина. Мне тут нравится. Здесь мой дом. Посмотрите-ка.

Он взял ингалятор для бренди — большой хрупкий хрустальный шар — раскрутил его и подбросил к потолку. Шар медленно и грациозно поднялся, завис на несколько долгих секунд, потом медленно-медленно, как ныряльщик при специальной киносъемке, начал опускаться. Пит пропустил его мимо лица, легко ухватил большим и указательным пальцами за трубочку и водворил на место.

— Видите? Сила тяжести в шесть раз меньше. Когда я вкалывал в баре на Земле, пальцы ног у меня болели, как проклятые. А тут я вешу всего тридцать пять фунтов. И Луна мне по душе.

ЛИФТ НА НЕБЕСА

— Всем пилотам-факельщикам! Немедленно явиться к коммодору! — разнеслось по станции.

Джо Эпплби даже выключил душ, чтобы послушать.

«Ко мне это не относится, — сказал он себе. — Я уже в отпуске. Но лучше побриться, пока не передумали».

Он оделся и быстро пошел по коридору. В данный момент он находился в наружном кольце станции; она медленно вращалась, похожая на гигантское колесо в небе, создавая искусственную силу тяжести, которая и прижимала ноги Джо к полу. Когда он вернулся в свою комнату, громкоговоритель повторил:

— Всем пилотам-факельщикам явиться к коммодору! Лейтенанту Эпплби явиться к коммодору!

Джо оставалось лишь вырваться.

Кабинет коммодора был набит битком. У всех присутствующих, кроме самого коммодора Беррио и полетного врача, на одежде было нашито изображение факела; у коммодора на нашивке были изображены реактивные струи ракеты. Беррио бросил короткий взгляд на Эпплби и продолжал:

— ...ситуация. Чтобы спасти станцию «Прозерпина», необходимо срочно лететь к Плутону. Вопросы есть?

Никто не сказал ни слова. Эплби хотел было, но решил не напоминать Беррио, что опоздал.

— Очень хорошо, — продолжал Беррио. — Джентльмены, это дело для факельщиков. Мне нужны добровольцы.

«Хорошо, — подумал Эплби, — пусть желающие идут в добровольцы, а я пойду к себе». Он решил, что еще может успеть на ближайший челнок к Земле. Но коммодор продолжал:

— Добровольцев прошу остаться. Остальные свободны.

«Отлично, — решил Эплби. — Не бросайся к двери, сохраняй достоинство. Постарайся проскользнуть между двумя самыми высокими из тех, кто будет выходить».

Но никто не вышел. Джо Эплби почувствовал себя обманутым, но у него не хватило духу встать и выйти. Коммодор спокойно сказал:

— Благодарю вас, джентльмены. Подождите, пожалуйста, в приемной.

Эплби вышел вместе со всеми. Вообще-то он хотел слетать на Плутон, но не сейчас, когда у него уже оформлены все документы для отлета на Землю.

У него было особое представление о громадных расстояниях, свойственное всем пилотам-факельщикам. Пилоты постарше, летавшие на ракетных кораблях, мерили межпланетные расстояния по-своему - в годах, тогда как теперь факельные корабли, двигающиеся с постоянным ускорением, покрывали такие расстояния в считанные дни. Полет на ракетном корабле до Юпитера и обратно занимал пять лет, до Сатурна — вдвое больше, до Урана — еще вдвое больше; до Нептуна было еще дальше. Ни один ракетный корабль еще не долетал до Плутона — полет до него и обратно занял бы девяносто лет. Однако факельные корабли добрались даже туда: станция «Прозерпина»: криогенная лаборатория, станция изучения космического излучения, обсерватория параллаксов, физическая лаборатория — все это пряталось от невообразимого холода Плутона под куполообразным сводом.

На расстоянии почти четырех миллиардов миль от станции «Прозерпина» Эплби проследовал за своими товарищами в приемную.

— Эй, Джерри, скажи, куда это я только что вызвался добровольцем?

Джерри Прайс оглянулся.

— А, это опоздавший Джо Эпплби. О'кей, угости выпивкой.

Джерри рассказал, что со станции «Прозерпина» пришла радиограмма, сообщавшая об эпидемии: болезнь Ларкина. Эпплби присвистнул. Болезнь Ларкина вызывалась мутирующим вирусом, возможно, марсианского происхождения: число красных кровяных телец жертвы быстро падало, и вскоре наступала смерть. Единственным способом лечения было массированное переливание крови, пока еще болезнь не развилась.

— Поэтому, дорогой, кому-то придется лететь к Плутону с запасом консервированной крови.

Эпплби нахмурился.

— Мой папочка предупреждал меня. «Джо, — говорил он, — держи рот на замке и никогда не лезь в добровольцы».

Джерри усмехнулся.

— Мы еще и не влезли в добровольцы.

— Сколько туда лететь? Дней восемнадцать? У меня поручения на Земле.

— Восемнадцать дней — это при одном «g». А здесь будет больше. У них кончается донорская кровь.

— На сколько больше? Полтора?

Прайс мотнул головой.

— Я думаю, два.

— Два «g»!

— А что такого? Люди выдерживают и больше.

— Конечно — недолго. Но не в течение же нескольких дней. Если ты попробуешь встать при двух «g», у тебя будет разрыв сердца.

— Не хнычь, тебя не выберут. Я больше похож на героя. Пока будешь в отпуске, вспоминай, как я несусь там в пустоте, печальный ангел милосердия. Угости меня еще выпивкой.

Эпплби решил, что Джерри прав: нужны только два пилота, и у него еще есть хороший шанс успеть на челнок до Земли. Он достал свою маленькую черную записную книжку и стал просматривать телефонные номера, когда появился посыльный.

— Лейтенант Эплби, сэр?

— Да.

— Коммодор просит вас явиться к нему.

— Уже иду. — Джо посмотрел на Джерри. — Ну, так кто похож на героя?

Джерри ответил:

— Я могу взять на себя твои поручения на Земле.

— Не стоит.

— Ну ладно, желаю удачи!

Кроме коммодора Беррио в кабинете находились полетный врач и еще один лейтенант. Беррио сказал:

— Садитесь, Эплби. Вы знакомы с лейтенантом Ключером? Он будет вашим капитаном. А вы вторым пилотом.

— Слушаюсь, сэр.

— Эплби, мистер Ключер — самый опытный пилот-факельщик из тех, кто находится здесь. А вас выбрали потому, что медицинские обследования выявили у вас исключительную приспособляемость к перегрузкам. Это будет полет с большими перегрузками.

— С какими, сэр?

Беррио заколебался.

— Три с половиной «g».

Три с половиной «g»! Это уже не перегрузка — это прессование. Тут запротестовал врач:

— Прошу прощения, сэр, но я не могу дать разрешение больше, чем на три «g».

Беррио нахмурился:

— По закону это прерогатива капитана. Но от его решения зависят триста жизней.

Ключер сказал:

— Доктор, давайте посмотрим графики.

Полетный врач разложил на столе бумаги. Ключер подвинул их к Эплби: «Смотрите».

График начинался высоко, медленно шел вниз, потом делал резкий перегиб и круто падал. Врач указал пальцем на место перегиба.

— Это точка, — сказал он, — в которой доноры страдают от потери крови в той же степени, что и больные. Дальше уже все бесполезно, если не доставить консервированную кровь.

— А как вы получили эту кривую? — спросил Джо.

— Это эмпирическое уравнение болезни Ларкина, рассчитанное для двухсот восьмидесяти девяти человек.

Эпплби заметил вертикальные линии, около которых были написаны величины перегрузок и время. Самая правая была обозначена: «одно "g" — 18 суток». Это стандартный полет и прибытие уже после того, как эпидемия уничтожит всех. Два «g» снижали время полета до 12 суток 17 часов; даже в этом случае умрет половина колонии. Три «g» было уже лучше, но все равно плохо. Теперь Джо понял, почему коммодор настаивал на перегрузке в три с половиной «g»: эта линия как раз проходила через точку перегиба при времени девять суток пятнадцать часов. В этом случае можно спасти почти всех — но, Господи! — какой ценой!

Время полета убывало обратно пропорционально квадрату перегрузки. При одном «g» требовалось восемнадцать суток, при четырех — только девять, а чтобы долететь за четверо с половиной суток, требовалась фантастическая перегрузка в шестнадцать «g». Но кто-то провел эту линию: «16 "g" — 4,5 суток».

— Эге! Да это ведь ускорение для робота-факельщика — вот в чем дело! А есть у нас хоть один?

Ему ответил Беррио:

— Да, есть. Но какова вероятность?

Джо заткнулся. Даже при перелетах между внутренними планетами роботы часто сбивались с курса. А при расстоянии в четыре с чем-то миллиарда миль вероятность того, что хоть один из них сможет провести корабль на дальности от станции, доступной для радиоконтроля, была ничтожной.

— Мы попробуем, — пообещал Беррио. — Если у нас получится, я немедленно свяжусь с вами. — Он посмотрел на Ключера. — Капитан, время дорого. Что вы решили?

Ключер повернулся к врачу.

— Доктор, почему недопустимо еще пол-«g»? Я вспоминаю один отчет, как шимпанзе пробыл в центрифуге при очень больших перегрузках удивительно долгое время.

— Шимпанзе не человек.

Вмешался Джо:

— Доктор, сколько выдержал тот шимпанзе?

— При трех с четвертью «g» — двадцать семь суток.

— И в каком состоянии он находился после опыта?

— Ни в каком.

Клюгер посмотрел на график, на Джо, затем обратился к коммодору:

— Перегрузка составит три с половиной «g», сэр.

— Очень хорошо, сэр, — просто ответил Беррио. — Поспешите в лазарет. Времени у вас мало.

Через сорок семь минут они уже погрузились в разведывательный факельный корабль «Саламандра». Он располагался рядом со станцией: Джо, Клюгер и их сопровождающие добрались до него по трубе, соединяющей центр станции со шлюзом корабля. После осмотра, интенсивного мытья и инъекций Джо чувствовал слабость и сонливость. Хорошо, думал он, что управление будет передано автопилоту.

Корабль был построен для полетов при больших перегрузках: управление было подведено непосредственно к саркофагам, в которых располагались пилоты, так что они могли управлять кораблем в прямом смысле одним движением пальца, даже не поднимая руки. Полетный врач и его ассистент уложили Клюгера в один из саркофагов, а еще двое помощников устроили Джо во втором. Один из них спросил:

— Белье мягкое? Складок нет?

— Надеюсь, нет.

— Я проверю.

Он проверил, затем установил все необходимое для человека, которому предстоит пробыть в одном положении в течение нескольких суток.

— В шланге слева вода, в тех, что справа, — раствор глюкозы и бульон.

— Твердой пищи нет?

На это ответил полетный врач:

— Вам она не нужна, да вы ее и не захотите. И глотайте поосторожней.

— Я уже летал при перегрузках.

— Конечно, конечно. Но все равно будьте осторожны.

Саркофаги представляли из себя большие ванны, заполненные жидкостью большей плотности, чем вода. Сверху ванна была накрыта эластичной простыней, закрепленной по краям. Во время полета пилоты будут плавать на поверхности жидкости, а эластичная простыня повторит все изгибы их тел. Но пока «Саламандра» находилась на орбите в полной невесомости, простыня не давала жидкости разлетаться по кораблю. Помощники расположили Джо по центру простыни и прикрепили к ней липкой лентой, затем надели на него перегрузочный воротник и застегнули на затылке. Подошел полетный врач и спросил:

— Вы в порядке?

— Да.

— Не забываетесь, когда будете глотать, — и добавил: — О'кей, капитан. Разрешите покинуть корабль.

— Разрешаю. Спасибо, доктор.

— Желаю удачи, — и доктор вышел вместе с помощниками.

Помещение не имело иллюминаторов, да они и не были нужны. Все пространство перед глазами Джо было заполнено экранами, циферблатами, приборами, радаром, дисплеями; надо лбом располагался окуляр целостата. Когда захваты соединительной трубы распались, замигал зеленый сигнал. Ключер посмотрел на Джо в зеркало, установленное над ними.

— Докладывай.

— Минус семь минут ноль четыре. Слежение есть. Факел разогрет и на холостом ходу. Для старта дан зеленый.

— Следи, пока я проверю ориентацию. — Ключер уткнулся в свой окуляр целостата. Спустя некоторое время он сказал: — Проверь меня, Джо.

— Есть, сэр. — Джо надавил на кнопку, и его окуляр приблизился к его лицу. Он нашел три звезды, с абсолютной точностью лежавшие в перекрестиях. — Лучше быть не может, капитан.

— Запроси разрешение.

— «Саламандра» — центру управления. Дайте разрешение на «Прозерпину». Старт автоматический. Сигнал зеленый.

— Центр управления — «Саламандре». Старт разрешаю. Желаю удачи.

— Разрешение есть, капитан. Минус три два нуля, — Джо с сожалением подумал, что сейчас бы он уже был на пути к Земле. Почему, черт возьми, военные всегда всех спасают?

Когда на табло пошел отсчет последних тридцати секунд, Джо забыл о своем несостоявшемся путешествии на Землю. Его охватило стремление лететь. Неважно куда, но лететь!

Когда факел дал вспышку, он улыбнулся.

Потом на него навалилась перегрузка.

При перегрузке в три с половиной «g» он весил шестьсот тридцать фунтов. Ощущение было такое, будто на него навалили груз песка, который сдавливал грудную клетку, делал его беспомощным, прижимал голову к воротнику. Джо постарался расслабиться, чтобы поддерживающая жидкость охватила всю поверхность тела. Можно напрячься во время старта, но для длительного полета при перегрузках необходимо расслабиться. Дышал он неглубоко и редко, так как атмосфера состояла из чистого кислорода. Но даже дышать было трудно. Джо чувствовал, как его сердце с трудом гонит его вдруг ставшую тяжелой кровь по сосудам, спрессованным перегрузкой. «Ужасно! — признался он себе. — Не знаю, вынесу ли я все это». Однажды он перенес перегрузку в четыре «g» в течение девяти минут, но уже забыл, как ему было тогда плохо.

— Джо! Джо!

Джо открыл глаза и попытался кивнуть.

— Да, капитан?

Он видел Клюгера в зеркале: лицо его было перекошено, на нем застыла невеселая усмешка, вызванная большой перегрузкой.

— Проверь ориентацию.

Джо расслабил руки и управлял только пальцами, будто налитыми свинцом.

— Железно, капитан.

— Хорошо. Вызови Луну.

Земля была засвечена их собственным факелом, но Луна находилась впереди по курсу. Эплби вызвал лунную станцию слежения и получил от нее данные

для наведения, а также данные, переданные с Земли. Он назвал Ключеру все цифры, и тот ввел их в компьютер. Тут Джо обратил внимание на то, что, пока он был занят, он забыл про свой огромный вес. Теперь тяжесть казалась еще более непереносимой. У него болела шея, и ему почудилось, что под икрой левой ноги образовалась складка. Джо слегка поерзал на своем ложе, но стало только хуже.

— Как дела, капитан?

— О'кей. Расслабься, Джо. Я возьму первую вахту.

— Хорошо, капитан.

Джо попытался отдохнуть — как будто можно отдохнуть, лежа под мешками с песком. У него болели все кости, а складка стала раздражающей помехой. Шея заболела еще сильнее: он явно повредил ее при старте. Джо попытался повернуть голову, но обнаружил, что существуют только два положения — плохо и еще хуже. Тогда он закрыл глаза и попытался заснуть. Спустя десять минут он все еще не спал, а его внимание сосредоточилось на трех вещах: на боли в шее, на складке под ногой и на давящей перегрузке.

Приятель, сказал он себе, тебе предстоит долгий полет. Постарайся не волноваться, а не то адреналин в крови доконает тебя. Как написано в книге: «Идеальный пилот всегда расслаблен и спокоен. Сангвиник по темпераменту, он никогда не принимает неприятности близко к сердцу». Эй, вы, кабинетные черви, так вас растак! Попробовали бы написать такую белиберду при трех с половиной «g».

Прекрати, сказал он себе. Он попытался думать о приятном — о девушках, Боже их всех благослови. К подобному самогипнозу Джо часто прибегал во время долгих одиноких перелетов на миллионы миль. Но вскоре он понял, что его воображаемый гарем ускользает от него. Тогда он перестал о них думать, а просто лежал и страдал.

Проснулся он в поту. Ему приснился кошмар, будто он с огромной скоростью летит прямо к Плутону.

Боже мой! Так оно и есть!

Казалось, тяжесть еще увеличилась. Пошевелив головой, Джо ощутил резкую боль в боку. Он тяжело дышал, и пот лился с него ручьями, застилая глаза. Джо

попытался его смахнуть, но обнаружил, что рука его не слушается, а пальцы занемели. Тогда он дюйм за дюймом стал двигать руку вдоль тела, пока не достиг глаз. Но это не помогло.

Джо смотрел на циферблат, показывающий время полета, и пытался вспомнить, когда его вахта. Ему понадобилось некоторое время, чтобы понять, что с момента старта прошло уже шесть с половиной часов. Затем он вдруг сообразил, что ему уже давно следовало принять вахту. Лицо Ключера в зеркале все еще искажала усмешка; глаза его были закрыты.

— Капитан! — закричал Джо.

Ключер не пошевелился. Джо потянулся было к кнопке тревоги, но передумал. Пусть бедняга поспит.

Но кому-то надо быть начеку. Поэтому прочь пелену с глаз. Акселерометр показывал ровно три с половиной; приборы факела в пределах нормы; радиометр показывал утечку менее 10% от опасного уровня.

Приборы интегрального акселерографа показывали время полета, скорость и пройденный путь. Под ними были расположены три других, показывающие те же самые полетные характеристики, но рассчитанные предварительно: по ним контролировались параметры факела. Сравнив их друг с другом, Джо мог видеть, насколько результат соответствует расчетам. Факел горел менее семи часов, скорость составляла почти два миллиона миль в час, и они уже находились на расстоянии свыше шести миллионов миль от места старта. Третий экран корректировал показания двух предыдущих в соответствии с гравитационным полем Солнца; Джо не обратил на него внимания, так как вблизи Земли притяжение Солнца составляло примерно одну тысячную от притяжения Земли — ошибка, вполне допустимая при расчетах. Джо просто отметил про себя, что расчетные и измеренные характеристики совпадают. Теперь нужно было провести наружные наблюдения.

И Луна и Земля теперь были скрыты факелом. Джо стал вращать радар, пока тот не оказался направленным на Марс, и тогда он отправил сигнал: «Где я нахожусь?». Ответа он не ждал: радиоволны будут лететь до Марса восемнадцать минут. Затем Джо обратился к целостату. Перекрестия слегка сместились, но ошибка была слишком мала, чтобы исправлять ее.

Потом Джо продиктовал в бортовой журнал все, что проделал, после чего ему стало хуже. Ребра болели, а каждый вздох давался с трудом. От затрудненного кровообращения руки и ноги как будто кололи тысячи иголок. Джо слегка подвигал ими, но только больше устал. Тогда он замер и стал наблюдать, как растёт скорость. Каждую секунду скорость увеличивалась на семьдесят семь миль в час; это более четверти миллиона миль в час за каждый час. Впервые он позавидовал ракетным пилотам! На то, чтобы долететь хоть куда-нибудь, у них уходила вечность, зато они летели с комфортом.

Без факельных кораблей человек никогда бы не выбрался дальше Марса. $E = Mc^2$, масса превращается в энергию. Фунт песка эквивалентен одиннадцати миллиардам киловатт-часов. Атомные ракеты используют лишь доли процента от этой энергии, в то время как факельные корабли извлекают до 80% ее. Камера, в которой происходит превращение массы в энергию, представляет собой маленькое солнце: частицы вылетают из нее со скоростью, близкой к скорости света.

Прежде Эплби гордился, что он факельщик, но не сейчас. Голова у него раскалывалась от боли, он хотел согнуть колени, но не смог, его тошнило от постоянной тяжести в желудке. Кажется, Клюгер способен проспать весь полет, черт бы его побрал! Как человек может выдержать все это? Прошло лишь восемь часов, а он уже готов. Как же он продержится девять суток?

Позже — время перестало для него существовать — он услышал свое имя: «Джо! Джо!»

Почему нельзя умереть спокойно? Он поискал глазами зеркало, нашел его и попытался сфокусировать взгляд.

- Джо! Смени меня — я обессилел.
- Есть, сэр.
- Сделай проверку, Джо. Я ничего не соображаю.
- Уже сделал, сэр.
- Когда?

Джо искал глазами циферблат полетного времени. Чтобы разглядеть его, пришлось закрыть один глаз.

- Ого, около шести часов назад.
- Что? Сколько сейчас времени?

Джо не ответил. Он с досадой пожелал, чтобы Ключер куда-нибудь исчез. Но Ключер настаивал:

— Я, наверное, потерял сознание. Каково наше положение? Ответь мне, мистер.

— Что? Ох, у нас все в порядке — летим по нака-танной дорожке. Капитан, посмотри, моя левая нога не вывернулась? Мне не видно.

— Как? Забудь про свою ногу! Какие там цифры?

— Какие цифры?

— «Какие цифры»! Очнись, мистер. Ты на посту.

Приятно с ним поговорить, недовольно подумал Джо. Если он и дальше собирается так себя вести, я просто закрою глаза и наплюю на него.

Но Ключер настаивал:

— Цифры, мистер.

— Что? Проиграй их из журнала, если очень нужно.

Джо ожидал взрыва, но его не последовало. Когда он в следующий раз открыл глаза, глаза Ключера были закрыты. Джо не мог вспомнить, прослушал капитан цифры или нет. А может, он их и не записывал? Джо решил, что пора опять делать проверку, но почувствовал смертельную жажду. Сначала надо попить. Пил он осторожно, но все-таки капля попала в дыхательное горло: от кашля все тело охватила сильная боль, и он почувствовал такую слабость, что пришлось отдышаться.

Все-таки Джо смог сосредоточиться и посмотреть на приборы. Двенадцать часов и... Нет, постой! Одни сутки и двенадцать часов... Но этого не может быть! Однако скорость была выше десяти миллионов миль в час, и они находились на расстоянии более девяноста миллионов миль от Земли — уже за орбитой Марса!

— Капитан! Эй! Лейтенант Ключер!

Лицо капитана было похоже на усмехающуюся маску. В слепой панике Джо попытался определить положение корабля. Целостат показал, что он устойчиво держится курса: то ли корабль сам вернулся на курс, то ли Ключер внес корректировку. А может, он сам? Джо решил прослушать журнал. Ощупав кнопки, он нашел перемотку назад.

Так как он забыл остановить магнитную проволоку, она прокрутилась назад до самого старта, потом начала проигрывать, проскакивая пустые места и воспроиз-

водя лишь разговор. Джо прослушал свою запись первой проверки, потом услышал, как станция «Фобос» на Марсе дала благоприятный ответ, но чей-то голос добавил: «Ничего не вижу».

Да, Ключер внес корректировку много часов назад. Магнитная проволока перескочила через пустое место, затем опять притормозила: Ключер диктовал кому-то послание. Оно было бессвязным и осталось неоконченным. Один раз Ключер крикнул ему: «Джо! Джо!», и Джо услышал свой ответ: «Заткнись!» Этого он не помнил.

Необходимо было что-то сделать, но Джо слишком устал, чтобы об этом думать, и у него болело все тело — кроме ног, которых он не чувствовал. Джо закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Когда он снова их открыл, с момента старта прошло уже трое суток. Джо закрыл глаза, и из них потекли слезы.

Казалось, звонок звенит вечно. Джо осознал, что это тревога, но его интересовало только, как выключить звонок. Найти выключатель было трудно, пальцы совсем онемели. Однако ему это удалось, и он уже собрался было передохнуть, как Ключер позвал его: «Джо!»

— Да.

— Джо, не засыпай, а то я снова включу тревогу. Ты меня слышишь?

— Да. — Значит, это сделал Ключер, черт бы его побрал.

— Джо, мне надо с тобой поговорить. Я больше этого не вынесу.

— Не вынесешь чего?

— Перегрузок. Я больше не могу — они меня доконают.

— Черт! — Надо же, включил этот звонок, чтоб его.

— Я умираю, Джо. Я ничего не вижу — я ослеп. Джо, я должен выключить перегрузки. Я должен.

— И что тебя останавливает?

— Разве ты не понимаешь? Ты должен меня поддерживать. Мы попробовали, но не смогли. Мы оба это запишем, тогда все будет о'кей.

— Запишем что?

— Черт возьми! Джо, соберись. Я не могу много говорить. Ты должен сказать... сказать, что напряжение стало невыносимым и ты попросил меня выключить факел. Я соглашусь, и все будет в порядке. — Его шепот был едва слышен.

Джо не мог понять, о чем Ключер говорит. Он даже не помнил, зачем Ключер вообще включил этот факел. — Поспеши, Джо.

Вот разуделся! Сначала разбудил, а теперь надоедает приставаниями — к черту его! Джо опять отключился, и снова сигнал тревоги разбудил его. Теперь он уже знал, где выключатель, и быстро отключил звонок. Ключер опять его включил, а Джо снова выключил. Наконец Ключер оставил свои попытки, и Джо впал в забытие.

Когда Джо снова очнулся, он пребывал в состоянии невесомости. Сначала его охватил экстаз, но потом он вспомнил: он же на борту «Саламандры» и направляется к Плутону. Разве они уже долетели? Нет, циферблат показывал четверо суток и несколько часов. Может, вышел из строя автопилот? Сбой в программе? Затем он вспомнил, что произошло, когда он в последний раз был в сознании.

Ключер выключил факел!

Натянутая усмешка исчезла с лица Ключера, лицо казалось дряблым и старым. Джо позвал: «Капитан! Капитан Ключер!» Веки Ключера задрожали, а губы чуть раскрылись, но Джо не услышал ничего. Тогда он выбрался из саркофага, приблизился к Ключеру и повис над ним.

— Капитан, ты меня слышишь?

Сухие губы шепнули:

— Я должен был. Я спас нас обоих. Ты способен вернуться назад, Джо? — Ключер приоткрыл глаза, но они ничего не видели.

— Капитан, послушай меня. Я должен снова зажечь факел.

— Нет, Джо, нет!

— Я должен.

— Нет! Это приказ!

Эплиби некоторое время смотрел на него, затем ударил больного человека в челюсть. Голова Ключера

безвольно дернулась. Джо добрался до саркофага, нашел трехпозиционный переключатель и повернул его из положения «пилот и второй пилот» в положение «второй пилот». Теперь все рукоятки управления Ключера были отключены. Джо посмотрел на Ключера, заметил, что его голова неправильно лежит в перегрузочном воротнике, и поправил ее, затем вернулся в свой саркофаг. Потом он улегся поудобнее и потянулся к выключателю, запускающему автопилот. По какой-то очень важной причине необходимо было долететь до конца — но даже ради спасения собственной жизни Джо не смог бы вспомнить, что это за причина. Он нажал на выключатель, и перегрузка вдавила его в ложе.

Проснулся Джо от какого-то головокружения, которое добавилось к ощущению перегрузки. Это состояние длилось несколько секунд, но за это время Джо вырвало. Когда головокружение прекратилось, Джо посмотрел на циферблаты. «Саламандра» только что закончила переход от ускорения к замедлению. Они уже пролетели половину пути — около тысячи восьмисот миллионов миль. Их скорость составляла теперь свыше тридцати миллионов миль в час и начала уменьшаться. Джо решил доложить об этом капитану — он не помнил, что произошло.

— Капитан! Эй! — Ключер не пошевелился. Джо позвал снова, потом включил тревогу.

Звонок разбудил — не Ключера, нет! — а память Джо.

Он вдруг почувствовал себя очень плохо. К физическому недомоганию прибавились стыд, боль и паника, когда он восстановил в памяти все события. Ему казалось, что необходимо записать все происшедшее в журнал, но не находил слов. Чувствуя себя полностью разбитым и подавленным, Джо попытался отдохнуть.

Он очнулся позже от какой-то занозы в мозгу... от чего-то такого, что должен сделать для капитана... что-то, касающееся транспортного робота...

Вспомнил! Если робот-факельщик достиг Плутона, то можно остановиться. Так, посмотрим — со старта прошло пять суток. Значит, если он добрался туда, то...

Джо прокрутил проволоку журнала назад и прослушал сообщение: «"Станция Земля" — "Саламандре". Очень сожалею. Робот не вышел на randevu. Все зависит от вас. Беррио».

Слезы разочарования и бессилия потекли по щекам Джо, влекомые силой тяжести, в три с половиной раза превышающей земную.

На восьмой день Джо понял, что Ключер умер. Не из-за запаха — его невозможно было различить среди собственных густых «ароматов» Джо. И не потому, что с момента стычки капитан не пошевелился, — ощущение времени настолько притупилось у Джо, что он не замечал этого. Но ему приснилось, будто Ключер кричит ему, чтобы он встал, поднялся со своего ложа: «Скорее, Джо!» Однако перегрузка отбросила его назад.

Но сон был так реален, что Джо попытался ответить. Он посмотрел на Ключера в зеркало: лицо его не изменилось, и Джо с ужасом понял, что капитан мертв. Все-таки Джо попытался разбудить его сигналом тревоги, но через некоторое время оставил эту затею. Теперь пальцы Джо стали синими, а ниже пояса он уже не чувствовал ничего. Джо размышлял, не умирает ли он, и надеялся, что так оно и есть. Потом он снова впал в летаргию, ставшую уже его обычным состоянием.

Джо не пришел в сознание даже тогда, когда более чем через девять суток с момента старта автопилот выключил факел. Сознание пришло к нему уже тогда, когда он плавал посреди кабины, выбравшись каким-то образом из саркофага. Он чувствовал восхитительную легкость и зверский голод: последний, в конце концов, и разбудил его.

Обстановка кабины заставила Джо вспомнить происшедшие события. Он подтянулся к своему ложу и обследовал приборы. О, Боже! Корабль уже два часа пребывал в свободном полете. По плану было намечено рассчитать параметры сближения перед окончанием программы, после наступления невесомости ввести поправки и задать автопилоту новую программу на сближение. Он же ничего этого не сделал и уже потерял два часа.

Джо вполз в пространство между саркофагами и приборами управления, обнаружив при этом, что ноги его не слушаются. Неважно — ни в невесомости, ни в саркофаге ноги не нужны. Руки тоже слушались плохо, но слушались. Джо несколько расстроился, заметив тело Ключера, но быстро успокоился и приступил к работе. У него не было никакого представления, где он находится: Плутон мог быть в миллионах миль или совсем рядом — может быть, они даже обнаружили его и уже посылают ему данные для сближения. Он решил прослушать журнал.

И сразу же нашел сообщение: «"Прозерпина" — "Саламандра". Слава Богу, вы долетели. Сообщаем параметры сближения...» — потом шел ряд цифр: моменты и длительность включений двигателя, величины доплеровских смещений и прочее.

И опять: «Сообщаем уточненные цифры. "Саламандра", спешите!»

И, наконец, всего несколько минут назад: «"Саламандра", почему задержка с зажиганием? Ваш компьютер в порядке? Можем рассчитать для вас баллистику».

Мысль, что не только факельщик может рассчитать параметры факельной баллистики, не отложилась у Джо в мозгу. Он старался работать быстро, но руки плохо слушались: он нажимал не на те клавиши, и приходилось исправлять ошибки. Через полчаса Джо понял, что дело не в руках. Баллистика, раньше ясная, как шашки, теперь стала ему непонятной.

Он не мог рассчитать баллистику.

«"Саламандра" — "Прозерпине". Запрашиваю баллистику для захода на посадочную орбиту вокруг Плутона».

Ответ пришел мгновенно, и Джо понял, что на «Прозерпине» не дожидались его согласия. Он осторожно выдрал кусок ленты с цифрами и ввел ее в автопилот. И только тогда увидел, какая необходима перегрузка — четыре запятая ноль три.

Для сближения была необходима перегрузка в четыре «g»...

Он рассчитывал, что сближение будет происходить нормально. Так бы оно и было, если бы он не потерял три часа.

Но это же нечестно! Это уж слишком. Джо выругался, но все же расположился поудобнее, приладил перегрузочный воротник и нажал на кнопку, передавая управление автопилоту. У него еще оставалось несколько минут: он провел их, что-то раздраженно бормоча. Они могли бы рассчитать для него баллистику и получше. Нет, он сам должен был все рассчитать. Всегда его оттирают. Добрый старина Джо! Все тебя пинают. Этот Клюгер, так его растак, разлегся там, улыбается, а всю работу спихнул на него.

Тут на Джо навалилась перегрузка, и он потерял сознание.

Когда причалил челнок, в корабле нашли одного мертвеца, одного почти мертвеца и груз консервированной крови в целости и сохранности.

Транспортный корабль доставил пилотов для «Саламандры» и забрал Эпплиби. Пока его не отправили для лечения на Луну, он оставался в лазарете. По прибытии он явился к коммодору; там же был и полетный врач. Коммодор сообщил Джо, что он отлично справился с заданием, просто отлично! Аудиенция закончилась, и врач помог Джо подняться.

— Коммодор? — произнес Джо.

— Да, сынок?

— Я не понимаю одного: почему меня отправляют в гериатрическую клинику в Луна-Сити? Она же для стариков, да? Я правильно понял?

— Я уже говорил тебе, Джо, — вмешался врач. — У них самая лучшая физиотерапия. Мы добились для тебя специального разрешения.

Джо выглядел озадаченным.

— Это правда, сэр? Разве не смешно, что меня направляют в госпиталь для стариков?

— Это правда, сынок.

Джо кротко улыбнулся.

— Ну, если вы так говорите...

Они направились к выходу.

— Доктор, останьтесь. Рассыльный, помогите мистеру Эпплиби. Джо, ты можешь передвигаться сам?

— Конечно. Ноги у меня уже лучше. Посмотрите, — и он вышел, опираясь на рассыльного.

— Доктор, скажите прямо, Джо поправится? — спросил Беррио.

— Нет, сэр.

— Но ему будет лучше?

— Возможно, до некоторой степени. Лунная сила тяжести поможет восстановить многое из того, что утратил больной.

— Но его умственные способности восстановятся?

Доктор заколебался.

— Дело обстоит так, сэр. Большие перегрузки ускоряют процесс старения. Ткани разрушаются, капилляры рвутся, сердце совершает гораздо большую работу. Кроме того, гипоксия из-за того, что в мозг не поступает достаточно крови.

Коммодор в сердцах ударил кулаком по столу.

— Сэр, не воспринимайте это слишком близко к сердцу, — мягко сказал доктор.

— Черт возьми, вы только вспомните, каким он был! Еще мальчишка, кровь с молоком. А посмотрите на него сейчас — это же дряхлый старик!

— Смотрите на все это по-другому, — настаивал доктор. — Вы потеряли одного человека, зато спасли двести семьдесят.

— Потерял одного человека? Если вы о Ключере, то его наградили медалью посмертно, а его жена получила пенсию. Это лучшее, на что может надеяться любой из нас. Я не имел в виду Ключера.

— Я тоже, — ответил полетный врач.

АКВАРИУМ С ЗОЛОТЫМИ РЫБКАМИ

Над горизонтом неподвижно висело облако, которое словно шапкой накрывало невиданных размеров водяные колонны, известные как Гавайские Столбы.

Капитан Блейк опустил бинокль.

— Они там, джентльмены.

Кроме вахтенной команды, на мостике гидрографического корабля «Махан» военно-морского флота США находились двое штатских. К ним и были обращены слова капитана. Один из них, постарше и поменьше ростом, пристально смотрел в подзорную трубу, взятую им на время у рулевого.

— Нет, не вижу, — пожаловался он.

— Попробуйте разглядеть в бинокль, — предложил Блейк, потом повернулся к вахтенному офицеру и добавил: — Будьте добры, поставьте людей к дальнему переднего обзора, мистер Мотт.

Лейтенант Мотт кинул взгляд на помощника боцмана, следившего издали за их разговором, и поднял вверх большой палец.

Старшина шагнул к микрофону, пропела боцманская дудка, и металлический голос громкоговорителя разнесся по кораблю.

— Кома-а-а-нду к дальномеру один! Готовься!

— Так лучше видно? — спросил капитан.

— Думаю, теперь я вижу их, — ответил Джекобсон Грейвз. — Две темные вертикальные полосы, идущие из облака к горизонту.

— Это они.

Второй штатский, Билл Айзенберг, взял подозрную трубу, которую Грейвз сменил на бинокль.

— Я тоже их вижу, — заявил он. — С трубой все в порядке, док. Но я ожидал, что они значительно больше.

— Они все еще скрыты за горизонтом, — объяснил Блейк. — То, что вы видите, — лишь верхняя их часть. Высота их около одиннадцати тысяч футов от поверхности воды до облака. Если только ничего не изменилось.

Грейвз быстро взглянул на него.

— А почему вы сделали эту оговорку? Они что, уже менялись?

Капитан Блейк пожал плечами.

— Конечно. Их ведь там вообще не должно быть. Четыре месяца назад они просто не существовали. Откуда мне знать, что с ними произойдет сегодня или завтра?

Грейвз кивнул.

— Я понимаю вас. А можем мы оценить их высоту на расстоянии?

— Посмотрим, — Блейк заглянул в рубку. — Арчи, есть показания?

— Минутку, капитан, — штурман приблизил лицо к переговорной трубе и крикнул: — Дальномер!

Приглушенный голос ответил:

— Дальномер один — за пределом чувствительности.

— Расстояние больше двадцати миль, — ободряюще сказал Грейвзу Блейк. — Придется подождать, доктор.

Пробило три склянки; капитан покинул мостик, оставив распоряжение известить его, как только корабль достигнет критического расстояния в три мили до Столбов. Грейвз с Айзенбергом неохотно спустились вниз вслед за ним. Нужно было еще успеть переодеться к обеду.

Капитан Блейк был человеком со старомодными манерами. Он никогда не позволял заводить разговоры на профессиональные темы до тех пор, пока обед не переходил в заключительную стадию — с кофе и сигарами.

— Ну, джентльмены, — сказал он, закуривая, — какие будут предложения?

— Разве вам ничего не сообщили из вашего министерства?! — спросил Грейвз, коротко взглянув на него.

— Почти ничего. Я получил приказ предоставить корабль и команду в ваше распоряжение для проведения исследований, связанных с Гавайскими Столбами. Да еще — депешу два дня назад, в которой сообщалось, что вас нужно принять на борт сегодня утром. Без всяких подробностей.

Грейвз неуверенно посмотрел на Айзенберга, потом перевел взгляд на капитана, прочистил горло и сказал:

— Э-э, мы предлагаем, капитан, подняться по Столбу Канака и спуститься по Уахини.

Блейк резко вскинул на него глаза, начал что-то говорить, передумал и начал говорить снова:

— Доктор, я надеюсь, вы извините меня. Не хочу быть грубым, но то, что вы предлагаете, — полнейшее безумие. Весьма своеобразный способ совершить самоубийство.

— Это, возможно, немного опасно...

— Х-м-м!

— ...но у нас есть способ сделать это. Если, конечно, верно наше предположение, что вода, поднимаясь вверх, формирует столб Канака, а на обратном пути — столб Уахини.

И Грейвз изложил суть способа.

У них с Айзенбергом за плечами двадцатипятилетний опыт погружений в батисфере: у Айзенберга — восемь, а у него, Трейвза, — семнадцать. С ними вместе на борт «Махана» прибыла улучшенная модель батисферы, которая сейчас находится на корме, упакованная в ящик. Снаружи это обычная батисфера без якорного устройства, а изнутри она больше похожа на одно из тех сложных сооружений, в которых любители острых ощущений проделывают зрелищный, но бессмысленный трюк — спуск с Ниагарского водопада.

Батисфера могла нести 48-часовой запас воздуха; запас воды и концентрированной пищи, рассчитанный на такой же срок; необходимые средства гигиены.

Но самая главная особенность батисферы заключалась в наличии противоударного механизма, «спасательного жилета», который с помощью стальных пружин и сетки из гидеонового шнура позволял тому, кто находился внутри батисферы, висеть, не касаясь стен. «Жилет» надежно защищал при огромных ударных нагрузках. Батисферу можно было выстрелить из пушки, сбросить с горы — человек все равно выжил бы, избежав переломов и повреждений внутренних органов.

Блейк ткнул пальцем в рисунок, которым Грейвз иллюстрировал свое описание.

— Вы действительно намереваетесь подняться по Столбам в этой штуковине?

Айзенберг ответил:

— Не он, капитан. Я.

Грейвз покраснел.

— Ах вы, чертов карьерист...

— ...с помощью вашей команды, — добавил Айзенберг. — Видите ли, капитан, Грейвзу не занимать храбрости, но у него неважное сердце, слабые сосуды и больные уши от частого пребывания под водой. Поэтому институт направил меня присматривать за ним.

— Но послушайте, Билл, — запротестовал Грейвз. — Не будьте занудой. Я старый человек, такого шанса мне никогда больше не представится.

— Ничего не выйдет, — отрезал Айзенберг. — Капитан, я должен поставить вас в известность, что Институт передал право владения аппаратом мне, чтобы эта «старая боевая лошадка» не натворила глупостей.

— Дело ваше, — раздраженно ответил Блейк. — Мне приказано обеспечить исследования, проводимые доктором Грейвзом. Итак, один из вас желает совершить самоубийство в этом стальном гробу. Как вы намерены добираться до Столба Канака?

— Это ваша работа, капитан. Вы доставите батисферу к подножию колонны с восходящим водным потоком и поднимете аппарат на борт, когда он опустится вниз по другой колонне.

Блейк сжал губы и медленно покачал головой.

— Я не могу этого сделать.

— Но почему?

— Я не стану подводить корабль к Столбам ближе, чем на три мили. «Махан» — крепкое судно, но он не рассчитан на движение с большой скоростью. Мы можем делать не более двенадцати узлов. В некоторых местах трехмильной зоны скорость течения превышает это значение. Я абсолютно не горю желанием узнать, что это за места, потеряв свой корабль. За последнее время в этом районе пропало невероятное количество рыболовных судов. Не хочу, чтобы «Махан» пополнил их список.

— Вы полагаете, что они были затянуты в колонну?

— Да.

— Но послушайте, капитан, — предложил Билл Айзенберг. — Вам не придется вести туда корабль. Можно запустить батисферу с катера.

Блейк покачал головой.

— Об этом не может быть и речи, — мрачно сказал он. — Даже если бы корабельные шлюпки и были приспособлены для этого, я никогда не соглашусь подвергнуть риску членов своей команды. Мы все же не на войне.

— Может быть, и нет, — тихо сказал Грейвз.

— Что вы имеете в виду?

Айзенберг усмехнулся.

— У дока есть романтическая идея, что все таинственные события, происшедшие в последнее время, составляют единое целое и вызваны к жизни одной зловещей силой. Все — от Столбов до шаров Лагранжа.

— Шаровые молнии Лагранжа? Но какое отношение они имеют к делу? Это же просто статическое электричество, тепловая молния. Я сам их видел.

Оба ученых с интересом посмотрели на него, забыв про свои разногласия.

— В самом деле? Где? Когда?

— В прошлом году, в марте, на площадке для гольфа в Хило. Я был...

— Это тот случай, связанный с исчезновением!

— Верно. Но дайте мне рассказать. Я стоял на песке у тринадцатой лунки и случайно взглянул вверх...

Был ясный теплый денек. Никаких туч, барометр показывал нормальное давление, дул легкий бриз. Ничто не предвещало необычных атмосферных явлений — не было ни повышенной солнечной активности, ни радиопомех. Внезапно в небе появилось с поддюжины гигантских шаров — шаровых молний невиданных размеров. Они пересекли площадку для гольфа, выстроившись цепью, как идущие в атаку солдаты. Некоторые наблюдатели говорили потом, что между ними были математически точные интервалы. Впрочем, не все с ними соглашались. Одна из игравших — женщина, туристка с материка — закричала и бросилась бежать. Ближайший к ней шар, нарушив линию построения, покачиваясь, двинулся за ней. Неизвестно, коснулся он женщины или нет. Блейк не разглядел. Но когда шар прошел мимо, женщина лежала на траве без признаков жизни.

Местный врач, известный бонвиван, настаивал, что он обнаружил в организме умершей следы коагуляции и электролиза, но жюри, рассматривавшее это дело, предпочло последовать совету коронера и вынести вердикт, что смерть была вызвана сердечным приступом. Решение было горячо одобрено местной торговой палатой и туристским бюро.

Человек, который исчез, не пытался бежать. Судьба сама нашла его. Это был подносчик мячей для гольфа, парень смешанного японско-португальско-канакского происхождения. Родственников его так и не удалось разыскать. Благодаря этому факту имя его могло вообще не попасть в сводки новостей, если бы не один дотошный газетчик.

— Он стоял на площадке не более чем в двадцати пяти ярдах от меня, — рассказывал Блейк, — когда шары приблизились к нам. Два из них прошли слева и справа от меня. Я почувствовал зуд на коже, волосы встали дыбом. Запахло озоном. Я стоял неподвижно...

— Это спасло вас, — заметил Грейвз.

— Чепуха, — сказал Айзенберг. — Его спасло то, что он стоял на сухом песке.

— Билл, не говорите ерунды, — устало возразил Грейвз. — Эти шары действуют, как разумные существа.

Блейк прервал рассказ.

— Почему вы так думаете, доктор?

— Неважно, потом объясню. Продолжайте.

— М-м-м. Шары прошли рядом со мной. Тот парень стоял прямо на пути одного из них. Думаю, он не заметил опасности, потому что находился к ним спиной. Шар подплыл к нему, обволок, — и парень исчез.

Грейвз кивнул.

— Ваш рассказ совпадает с отчетами, которые я читал. Но почему ваше имя не упоминалось в списке очевидцев?

— Я предпочел остаться в тени, — коротко ответил Блейк. — Не люблю репортеров.

— Гм-м. Скажите, вы можете что-нибудь добавить к опубликованным сообщениям? Может быть, там были ошибки?

— Насколько я помню, ошибок не было. А в отчетах упоминалась сумка с клюшками, которая была у парня?

— По-моему, нет.

— Ее нашли на берегу в шести милях от места исчезновения.

Айзенберг оживился.

— Это новость, — сказал он. — Скажите мне, можно ли предположить, с какой высоты они упали? Хотя бы по степени повреждений.

Блейк покачал головой.

— На песке не осталось никаких следов. Клюшки — без единой царапины, но холодные как лед.

Грейвз ожидал продолжения рассказа, но, увидев, что капитан не собирается продолжать, спросил:

— И что вы обо всем этом думаете?

— Я? Ничего.

— А как вы это можете объяснить?

— Никак. Незвестное науке электрическое явление. У меня есть одна догадка — очень грубая гипотеза. Шар представляет собой статическое поле высокого напряжения. Оно накрыло парня, поджарило, как на электрическом стуле, и зашвырнуло невесту куда, словно мячик. А когда заряд рассеялся, парень упал в море.

— Вы так считаете? Но описан аналогичный случай в Канзасе, а это довольно далеко от моря.

— Тело, возможно, просто не смогли найти.

— Их никогда не находят. Но даже если вы правы, как объяснить, что клюшки так аккуратно были спущены вниз? И почему они были холодными?

— Черт возьми, я не знаю! Я не теоретик. Я морской инженер по профессии и эмпирик по характеру. Может, вы мне объясните?

— Хорошо. Но вы должны учитывать, что мои гипотезы очень приблизительны и являются лишь базой для дальнейшего исследования. Во всех феноменах я вижу свидетельства вмешательства разума. Это и Столбы, и гигантские шаровые молнии, и другие непонятные явления, включая случай, происшедший к югу от Боулдера, штат Колорадо, когда сама по себе вдруг стала плоской вершина горы. — Он пожал плечами. — Назовем это разумное начало икс-фактором. Его поисками я как раз и занимаюсь.

Айзенберг изобразил на лице сочувствие.

— Бедного старого дока прорвало, наконец, — вздохнул он.

Никто не обратил внимания на его остроту.

— Но вы же ихтиолог по специальности, да? — спросил Блейк.

— Да.

— А почему вы начали заниматься этими вопросами?

— Не знаю, наверное из любопытства. Мой юный невежливый друг, например, считает, что все ихтиологи ужасно любопытны...

Блейк повернулся к Айзенбергу.

— Вы разве не ихтиолог?

— Черт возьми, конечно, нет! Я океанограф. Занимаюсь экологией.

— Он уходит от ответа, — заметил Грейвз. — Расскажите капитану Блейку про Клео и Пата.

Айзенберг покраснел.

— Они ужасно милые создания, — сказал он смущенно.

У Блейка был озадаченный вид. Грейвз объяснил:

— Он смеется надо мной, но его тайной страстью являются две золотые рыбки. Золотые рыбки! Они сейчас плавают в раковине у него в каюте.

— Научный интерес? — невозмутимо спросил Блейк.

— О, нет. Просто он считает, что они ему преданы.

— Они очень милые, — настаивал Айзенберг. — Не лают, не кусаются, не царапаются, не переворачивают все вверх дном. А Клео вообще ведет себя как разумное существо.

Несмотря на первоначальное сопротивление, Блейк принял живейшее участие в поиске возможностей проведения предложенного эксперимента так, чтобы не подвергать риску команду или корабль. Он любил этот корабль, любил своих людей. Блейк хорошо понимал присущую им безоглядную смелость, которую они удивительным образом сочетали с крайней осторожностью, как и он сам. Они были профессионалами в высоком смысле этого слова. Материальные стимулы не имели для них первостепенного значения.

Для проверки снаряжения Блейк предложил ученым помощь опытного мичмана-водолаза и его команды.

— А знаете, — сказал он, — я склоняюсь к мысли, что ваша батисфера способна совершить круговое путешествие — если, конечно, исходить из предположения, что то, что поднимается по одному столбу, опускается по другому. Вы знаете историю «Ви-Джей-14»?

— Это гидросамолет, который исчез в самом начале исследований?

— Да, — Блейк поманил юнгу. — Пусть мой секретарь принесет папку с материалами о «Ви-Джей-14», — приказал он.

Первые попытки провести воздушную разведку странного неподвижного облака и колоссальных водяных столбов были предприняты вскоре после их появления. Однако узнать удалось очень мало. Самолет проникал в облако, и у него тут же отказывали двигатели. Как только он вылетал наружу, целый и невредимый, двигатели начинали работать. Снова в облако — двигатели глохли. Верхняя граница облака находилась на высоте, превышающей возможности любого из самолетов.

— «Ви-Джей-14», — рассказывал Блейк, время от времени заглядывая в принесенную ему папку, — проводил воздушную разведку Столбов 12 мая в сопровождении корабля «Пеликан» военно-морских сил США. Кроме пилота и радиста, на борту находились кинооператор и специалист по атмосферным явлениям. М-м-м... К делу относятся только две последних записи. «Меняем курс. Летим между Столбами. 14» и «9.13. Самолет теряет управление. 14». Наблюдение с «Пеликана» показало, что самолет сделал полтора восходящих витка по спирали вокруг Столба Канака, потом его затянуло внутрь колонны. Падения самолета зафиксировано не было. Пилот, лейтенант... м-м-м... да, лейтенант Маттсон, был посмертно признан невиновным следственной комиссией. Да, вот еще одна запись, которая может вас заинтересовать. Выдержка из судового журнала «Пеликана»: «17.09. Подобрали обломки крушения, которые были опознаны как части «Ви-Джей-14». Детальное описание смотри в приложении». Приложение мы смотреть не будем. Скажу только, что обломки были обнаружены в четырех милях от основания Уахини со стороны, противоположной Столбу Канака. Вывод очевиден: ваша схема может сработать. Но это не значит, что вам удастся уцелеть.

— Я попытаюсь, — заявил Айзенберг.

— М-м-м, да, конечно. Но я хотел бы предложить вам отправить сначала «мертвый груз», скажем, ящик яиц, упакованный в бочку.

Раздался звонок с мостика.

— Да? — сказал капитан Блейк, в переговорную трубу, расположенную у него над головой.

— Восемь часов, капитан. Габаритные огни включены, огонь на камбузе погашен, все по местам.

— Спасибо, сэр, — Блейк поднялся. — Мы обсудим детали утром.

Пятидесятифутовый катер монотонно покачивался за кормой «Махана», соединенный с корпусом корабля девятидюймовым канатом из кокосового волокна. По канату была проложена телефонная линия, закрепленная на нем через промежутки длиной в морскую сажень. На кормовом настиле катера сидел сигнальщик в наушниках, подключенных к линии связи. На банке рядом с ним лежали пара сигнальных флажков и подзорная труба. Рабочая блуза сигнальщика задралась вверх, из-под нее виднелась кричащая обложка приключенческого журнала «Динамик Тейлз», тайком пронесенного им на катер, чтобы не скучать.

На борту уже находились рулевой, моторист и командир катера, а также Грейвз с Айзенбергом. В передней части катера располагались бочонок с водой, две канистры с бензином емкостью по пятьдесят галлонов и большая бочка. В бочке был не только аккуратно упакованный ящик с яйцами, но еще и дымовые шашки, которые должны были сработать через восемь, девять и десять часов. Взрыватели управлялись по радио с корабля; электрическая цепь устройства замыкалась под действием обычной морской воды. Торпедист, руководивший подготовкой, надеялся, что хоть один из сигналов будет замечен, и тогда они смогут установить местонахождение бочки, а это, в свою очередь, поможет оснастить батисферу более надежным средством обнаружения.

Командир катера сообщил на мостик о готовности. Из мегафона слышалась команда: «Трави понемногу!» Катер медленно двинулся в направлении Столба Канака, находящегося в трех милях от корабля.

Столб, до которого оставалась целая миля, мрачной громадой вставал перед ними. Казалось, его вершина,

уходящая в облако, висит прямо у них над головами, грозя рухнуть в любой момент. Колонна в пятьсот футов толщиной поблескивала темным пурпуром, больше похожая на сооружение из полированной стали, чем на массу воды.

— Попробуйте еще раз завести двигатель, рулевой.

— Есть, сэр!

Двигатель кашлянул, прибавил обороты, моторист осторожно выжал педаль сцепления, и катер рванулся вперед, натянув буксирный канат.

— Ослабьте натяжение, сэр.

— Выключить двигатель, — командир катера повернулся к пассажирам. — Что случилось, мистер Айзенберг? Бойтесь?

— Да нет же, черт возьми. Морская болезнь. Ненавижу эти маленькие лодки.

— Плохо дело. Вряд ли нам удастся раздобыть рассол там, куда мы направляемся.

— Спасибо. Рассол мне все равно не помогает. Не беспокойтесь, я потерплю. Офицер пожал плечами, отвернулся и скользнул взглядом по колонне, уходящей в небо на головокружительную высоту. Он присвистнул, как делал каждый раз, глядя на Гавайские Столбы. Айзенбергу, измученному приступами тошноты, этот свист уже начал казаться вполне достаточной причиной для убийства.

— Н-да! Вы действительно собираетесь подняться вверх по этой штуковине, мистер Айзенберг?

— Собираюсь!

Офицер, пораженный тоном его ответа, натянуто усмехнулся и сказал:

— Я думаю, вас ждет там нечто похуже морской болезни.

Никто не поддержал этот разговор. Грейвз, зная темперамент своего друга, постарался сменить тему.

— Запускайте двигатель, рулевой.

Старшина выполнил распоряжение и доложил:

— Стартер не работает, сэр.

— Помогите мотористу разобраться с маховиком. Я возьму румпель.

Двое мужчин крутили рукоятку, но двигатель не заводился. Прозвучала команда заправить его. Никаких результатов.

Командир катера бросил бесполезный румпель и прыгнул в моторный отсек, чтобы помочь завести мотор, бросив через плечо приказ сигнальщику известить корабль.

— «Катер три» вызывает мостик, «Катер три» вызывает мостик. Мостик — прием! Проверка связи... проверка связи.

Сигнальщик снял наушники.

— Телефон молчит, сэр.

— Передайте флажками. Пусть возьмут нас на буксир!

Офицер вытер с лица пот, выпрямился и с беспокойством посмотрел на волны, плещущиеся о борт судна.

Грейвз коснулся его руки.

— А как быть с бочкой?

— Бросьте ее за борт, если вам нужно. Я занят. Сигнальщик, удалось ли связаться с кораблем?

— Я пытаюсь, сэр.

— Пошли, Билл, — сказал Грейвз Айзенбергу.

Они начали пробираться в носовую часть катера мимо двигателя и трех человек, возившихся с маховиком. Грейвз освободил бочку от удерживавших ее веревок, и они с Айзенбергом попытались подвести рычаг под неудобный груз. Бочка вместе с ее легким содержимым весила не более двухсот фунтов, но справиться с ней было трудно, тем более что палуба под ногами ходила ходуном.

Наконец они ухитрились перевалить бочку через борт. Айзенберг при этом придавил палец, а Грейвз сильно ушиб голень. Бочка с тяжелым всплеском упала в воду, обдав их солеными брызгами, и, покачиваясь, поплыла за корму, уносимая быстрым течением в направлении Столба Канака.

— Есть связь с кораблем, сэр!

— Хорошо. Передайте им, чтобы взяли нас на буксир — только осторожно.

Командир катера быстро вылез из моторного отсека и бросился проверять надежность крепления каната, связывавшего их с кораблем. Грейвз положил руку ему на плечо.

— А нельзя нам пока остаться здесь, чтобы увидеть, как бочка входит в колонну?

— Нет! Сейчас вам лучше думать не о бочке, а помолиться, чтобы выдержало крепление. Иначе нас самих туда затянет. Сигнальщик, на корабле подтвердили принятие сигнала?

— Только что, сэр.

— А почему вы использовали канат из кокосового волокна, мистер Паркер? — спросил Айзенберг, забыв от волнения про морскую болезнь. — Я бы предпочел стальной трос или старую добрую манильскую пеньку.

— Потому, что кокосовое волокно плавает, а любое другое — нет, — раздраженно ответил офицер. — Канат длиной в две мили утащил бы нас на дно. Сигнальщик! Передайте, чтобы ослабили натяжение. Мы черпаем воду.

— Есть, сэр!

Бочке понадобилось менее четырех минут, чтобы достичь подножия колонны. Грейвз наблюдал за ней в подозрную трубу, которую одолжил у сигнальщика. Командир катера недовольно посмотрел на него.

Несколько минут спустя, когда катер удалился примерно на пятьсот ярдов от места, где была сброшена бочка, внезапно ожил телефон. Тут же была сделана попытка завести двигатель, и он взревел, готовый к работе.

На обратном пути к кораблю катер шел с малой скоростью, маневрируя, чтобы провисший канат не захлестнул винт.

Одна из дымовых шашек сработала. В двух милях к югу от Столба Уахини появилось облачко дыма — через восемь часов после того, как бочка достигла колонны Столба Канака.

Билл Айзенберг сидел в седле тренажера, предназначенного для профилактики кессонной болезни. Полчаса напряженной работы для усиления циркуляции крови с одновременным вдыханием смеси кислорода и гелия. Этого времени было достаточно, чтобы азот, растворенный в крови, почти полностью заменился гелием. Тренажер был сделан из старого велосипеда, установленного на стационарную платформу.

Блейк посмотрел на него.

— Зачем вы тащили тренажер с собой? У нас на борту есть свой, значительно лучше этого. Водолазы теперь обязательно пользуются тренажером перед погружением.

— Мы не знали, — ответил Грейвз. — Во всяком случае, этот нас вполне устраивает. Все готово, Билл?

— Думаю, да. — Айзенберг посмотрел через плечо туда, где лежал стальной корпус батисферы. Батисфера была распакована, проверена и снабжена всем необходимым, готовая к погружению в воду с помощью бортового крана. — У вас есть герметик для швов?

— Конечно. «Железная Дева» в полном порядке. Мы с торпедистом задраим люк, как только вы влезете внутрь. Вот ваша маска.

Айзенберг взял дыхательную маску, начал застегивать ремень и остановился. Грейвз поймал на себе его взгляд.

— В чем дело, сынок?

— Док, э-э...

— Да?

— Вы позаботитесь о Клео и Пате?

— Да, конечно. Но им ничего не понадобится до того момента, когда вы вернетесь.

— М-м-м, полагаю, нет. Но вы присмотрите за ними?

— Конечно.

— О'кей.

Айзенберг надел маску и махнул торпедисту, ожидавшему его сигнала у газовых баллонов. Торпедист открыл клапаны, и газ со свистом потек по трубкам. Айзенберг налег на педали, как велосипедист во время многодневной гонки.

В течение получаса делать было нечего, и Блейк пригласил Грейвза на бак — покурить и прогуляться. Они сделали почти двадцать кругов, когда Блейк остановился у люка, вынул сигару изо рта и сказал:

— А знаете, я считаю, что у Айзенберга есть хороший шанс успешно завершить путешествие.

— Да? Рад это слышать.

— Успех эксперимента с «мертвым грузом» убедил меня. Хочу вас заверить, что вне зависимости от того,

сработает сигнальное устройство или нет, если батисфера спустится по Столбу Уахини, я найду ее.

— Я знаю. Вы подали отличную идею выкрасить батисферу в желтый цвет.

— Это должно помочь нам в поисках. Но не думаю, что Айзенберг что-нибудь узнает. В иллюминаторы он не увидит ничего, кроме воды, с того момента, как поднимется по колонне, до момента, когда мы подберем его.

— Возможно.

— А что еще можно увидеть?

— Ну, не знаю. Например, тех, кто создал Столбы.

Прежде чем ответить, Блейк выбросил окуроч сигары через поручень.

— Доктор, я не понимаю вас. По-моему, Столбы — естественное, хотя и непонятное явление природы.

— А по-моему, столь же очевидно, что они искусственного происхождения. Явное вмешательство разума в силы природы, не хватает только фирменного знака изготовителя.

— Почему вы настаиваете на этом? Колонны не могут быть творением рук человека.

— Вы правы.

— Тогда кто же построил их?.. Если они вообще были искусственно созданы.

— Не знаю.

Блейк открыл рот, но промолчал, пожав плечами. Они продолжили прогулку. Грейвз повернулся, чтобы выбросить за борт окуроч, посмотрел вверх и вдруг застыл на месте:

— Капитан Блейк!

— Да? — Капитан посмотрел в указанном Грейвзом направлении. — Великий Боже! Шары!

— Вот об этом я и думал, когда мы говорили о Столбах.

— Они еще далеко, — сказал Блейк скорее себе, чем Грейвзу, и решительно повернулся. — На мостике! — прокричал он. — Эй, на мостике!

— Мостик слушает!

— Мистер Уимз, объявите аврал. Всем вниз. Задрать иллюминаторы и люки. Мостик закрыть ставнями! Общая тревога!

— Есть, сэр.

— Живо!

Повернувшись к Грейвзу, Блейк добавил:

— Пойдемте внутрь.

Грейвз последовал за ним. Капитан остановился, чтобы запереть дверь, через которую они вошли, и, стуча ботинками, поднялся по трапу, ведущему на мостик. Корабль наполнился звуками боцманской дудки, хриплым голосом громкоговорителя, топотом бегущих ног и монотонным, зловещим сигналом общей тревоги.

Вахтенные на мостике пытались закрыть последний тяжелый стеклянный ставень, когда появился капитан Блейк и сразу кинулся к ним.

— Я принимаю командование, мистер Уимз, — бросил он на ходу и, пройдя по рубке, скользнул взглядом по задней части левого борта, баку и правому борту. Наконец, взгляд его остановился на шарах — они явно приближались, направляясь прямо к кораблю. Блейк выругался и повернулся к Грейвзу: — Ваш друг! Мы же забыли предупредить его!

Ухватившись за рукоятку, капитан потянул в сторону ставень, закрывавший рубку с правого борта. Грейвз оглянулся и сразу понял, о чем шла речь. На кормовой части палубы не осталось никого, кроме Айзенберга, продолжавшего крутить педали тренажера. Шары Лагранжа достигли корабля.

Ставень заклинило. Блейк, оставив попытки открыть его, метнулся к селектору громкоговорителя и включил общую трансляцию, не желая тратить время на выбор нужного переключателя: «Айзенберг, спускайтесь вниз!»

Айзенберг, должно быть, услышал свое имя, повернул голову, и в ту же секунду — Грейвз ясно это видел — один из шаров настиг его, прошел насквозь — и седло тренажера опустело.

Когда шары исчезли, Грейвз с Блейком осмотрели тренажер. Никаких повреждений. Резиновый шланг дыхательной маски гладко срезан. Ни единой капельки крови. Билл Айзенберг просто исчез.

— Я отправляюсь в батисфере.

— Доктор, вы не можете сделать этого по состоянию здоровья.

— Вопрос моего здоровья вне вашей компетенции, капитан Блейк.

— Это мне известно. Отправляйтесь, если хотите, но сначала мы займемся поисками тела вашего друга.

— К черту поиски. Я сам разыщу его.

— Вы? Но как?

— Если верна ваша гипотеза и он мертв, то незачем искать. Но если прав я, то Айзенберг должен быть там, наверху. И я найду его.

Грейвз указал на шапку облака над Столбами.

Блейк медленно оглядел его и повернулся к старшим водолазам.

— Мистер Харгрейв, найдите маску для доктора Грейвза.

В течение получаса Грейвз работал на тренажере, готовясь к путешествию. Блейк наблюдал за ним в глубоком молчании. У капитана был такой вид, что вся команда корабля — и «синие блузы», и офицеры — притихла, боясь громко ступить.

Когда подготовка закончилась, группа водолазов помогла Грейвзу одеться и быстро поместила его в батисферу, чтобы не подвергать воздействию азота. Перед тем, как окончательно задраить входной люк аппарата, Грейвз сказал:

— Капитан Блейк!

— Да, доктор?

— Вы присмотрите за рыбками Билла?

— Конечно, доктор.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Вы готовы?

— Готов.

Блейк шагнул вперед и пожал руку Грейвзу.

— Удачи вам. — Он убрал руку и скомандовал: — Задраивайте.

Матросы спустили батисферу на воду, и два катера полмили толкали ее перед собой, пока течение не стало достаточно сильным, чтобы подхватить батисферу и понести ее в направлении Столбов. Затем катера вернулись назад и были подняты на борт.

Блейк, стоя на мостике, наблюдал за происходящим в бинокль. Батисфера медленно двигалась вперед, потом ее движение ускорилося, и она стремительно преодолела последние несколько сотен ярдов. Блейк успел заметить мелькнувший над поверхностью воды ярко-желтый корпус аппарата, и батисфера исчезла из поля зрения.

Прошло восемь часов — никаких следов дыма. Девять, десять часов — ничего. Спустя сутки непрерывного патрулирования окрестностей Столба Уахни Блейк послал радиogramму в Бюро.

После четырех дней наблюдения Блейк уже был уверен, что Грейвза нет больше в живых! Как он погиб — утонул, задохнулся, взорвался вместе с батисферой — не имело значения. Блейк доложил о ситуации и получил приказ продолжать выполнение ранее полученного задания. Команда корабля собралась на корме, и капитан глухим, суровым голосом отдал последние почести погибшим, бросив за борт увядшие цветы гибискуса — единственное, что смог разыскать на корабле стюард. После этого Блейк отправился на мостик, чтобы проложить курс на Перл Харбор. Заглянув по дороге в свою каюту, он вызвал стюарда и приказал:

— В каюте мистера Айзенберга вы найдете золотых рыбок. Подберите подходящую емкость и перенесите их ко мне.

— Есть, сэр, капитан.

Придя в себя, Билл Айзенберг обнаружил, что находится в Замкнутом Пространстве. Более подходящего определения придумать было невозможно, поскольку это место не имело никаких признаков. То есть не совсем, конечно. Там было светло, тепло, не слишком тесно и воздух был пригоден для дыхания. И все же место было настолько безлико, что Билл Айзенберг не мог определить его размеры. Объемное зрение, благодаря которому мы оцениваем размеры предметов, действует на расстоянии не более двадцати футов или около того. При больших расстояниях мы пользуемся

нашим предыдущим опытом, исходя из реальных размеров известных нам предметов, производя оценку подсознательно. Например, если человек кажется такого-то роста, то он находится на таком-то расстоянии от нас, и наоборот.

В месте, где очутился Билл Айзенберг, не было знакомых предметов. Потолок располагался довольно высоко над головой, во всяком случае, допрыгнуть до него было нельзя. Пол изгибался, соединяясь с потолком, позволяя сделать не более дюжины шагов в ту или другую сторону. Билл обнаружил это, неожиданно потеряв равновесие. (На глаз отклонение от горизонтали не было заметно — отсутствовали ориентиры. Кроме того, у него было нарушено чувство равновесия из-за повреждения внутреннего уха, вызванного долгим пребыванием на больших глубинах.) Сидеть было удобнее, чем ходить, да и некуда было идти.

Биллу казалось, он находится внутри гигантской яичной скорлупы, подсвеченной снаружи мягким янтарным светом. Эта бесформенная неопределенность вызвала беспокойство. Билл потряс головой, закрыл глаза, снова открыл — никаких изменений.

Он постепенно вспомнил, что случилось с ним перед тем, как он потерял сознание: огненный шар, плывущий прямо на него, его неуклюжие попытки увернуться, мгновение перед контактом, длившееся, казалось, целую вечность, промелькнувшую у него мысль: «Снимите шляпы, ребята!»

Билл Айзенберг попытался найти объяснение происшедшему. Вероятно, он перенес шок, и это вызвало паралич глазного нерва. Что, если он ослепнет навсегда? Во всяком случае, его не могут оставить в таком беспомощном состоянии. «Док! — крикнул он. — Док Грейвз!»

Никакого ответа. Только его собственный голос, одиноко прозвучавший в глухом безмолвии, не нарушаемом даже теми случайными посторонними шорохами, которые всегда сопровождают «мертвую» тишину. Неужели слух тоже поврежден?

Но он же слышал свой голос. Внезапно он осознал, что видит свои руки. Значит, с глазами все в порядке. Он оглядел себя. Одежды на нем не было.

Через некоторое время ему в голову пришла мысль, что он умер. Это было единственно возможное объяснение, которое соответствовало фактам. Будучи убежденным агностиком, он не верил в загробную жизнь. Смерть означала для него внезапную потерю сознания и кромешную тьму. Но ведь он подвергся электрическому разряду, более чем достаточному, чтобы убить человека; положение, в котором он оказался, вновь обретя сознание, настолько не отвечало его жизненному опыту, что не могло быть ничем иным, кроме смерти. Следовательно — он мертв. Q.E.D.*

Да, конечно, ему казалось, что он ощущает свое тело, но ведь существует же субъективно-объективный парадокс. В памяти человека наиболее сильно закрепляется восприятие собственного тела. И пока память окончательно не угасла, чувственный образ тела будет восприниматься как материальный, реально существующий объект.

Не имея возможности хоть чем-нибудь занять себя, Айзенберг заснул в конце концов с мыслью, что смерть — дьявольски скучная штука.

Проснулся он отдохнувшим, испытывая сильный голод и еще более сильную жажду. Его перестали интересовать вопросы жизни и смерти, вся эта теология с метафизикой. Он хотел есть.

Более того, пробуждение сопровождалось феноменом, лишившим его умозаключения о собственной смерти — не достигшее к тому же уровня эмоциональной убежденности — всякого основания: кроме него, в Пространстве появились вполне материальные объекты, к которым можно было прикасаться и которые даже, как он понял позднее, можно было есть. Последнее обстоятельство, впрочем, не было очевидным. Появившиеся предметы были двух типов: аморфная масса непонятного качества, напоминающая серый сыр, слегка жирная на ощупь и совершенно несъедобная на вид; и дюжина очень красивых небольших шариков одинакового размера. Они напомнили Биллу Айзенбергу тот шарик из бразильского горного хрусталя, который он купил ког-

* Quod erat demonstrandum — Что и требовалось доказать (лат.). Здесь и далее примечания переводчика.

да-то и контрабандой провез домой. Он мог часами разглядывать его, любуясь совершенной красотой.

Айзенберг потрогал один из шариков. Он был гладкий и прохладный, как хрусталь, но в отличие от него мягкий. От прикосновения шарик задрожал, как желе, в глубине его заплясали огоньки, потом он принял первоначальную форму.

Красивые шарики явно не годились в пищу, и Айзенберг решил попробовать серую массу. Он отщипнул кусочек, понюхал, положил в рот и тут же с отвращением выплюнул. Тошнотворная кислятина, гадость какая-то! И зубы, как на грех, почистить нечем. Нет, даже если это и пища, то нужно очень сильно проголодаться...

Айзенберг вернулся к изучению маленьких блестящих сфер. Он подбрасывал их на ладони, ощущая гладкую, мягкую упругость. В глубине шариков он видел свое миниатюрное отражение. Его вдруг поразила спокойная, совершенная красота человеческого тела — почти любого, если, конечно, воспринимать его как целое, а не как сочетание коллоидных образований. Но в тот момент Биллу Айзенбергу было не до самолюбования. Очень хотелось пить. Ему пришла в голову мысль положить один из шариков в рот. Возможно, это вызовет слюноотделение. Но когда Билл продельвал эту операцию, шарик задел за нижние зубы, и по губам и подбородку потекла вода. Сферы сплошь состояли из воды. Ни целлофановой оболочки, ничего, что могло бы сойти за сосуд. Только вода, удерживаемая непонятным образом за счет сил поверхностного натяжения. Айзенберг схватил еще один шарик и постарался осторожно засунуть его в рот, не задев зубами; фокус удался; рот наполнился чистой холодной водой — так быстро, что Билл едва не захлебнулся. В конце концов ему удалось приноровиться, и он выпил воду еще из четырех сфер.

Утолив жажду, он принялся гадать, каков может быть непонятный принцип упаковки воды. Сферы оказались очень прочными. Во всяком случае, их невозможно было раздавить или разбить, бросив на пол. Они скакали, как мячики для гольфа. Тогда Билл Айзенберг защемил ногтями поверхность одной из сфер. Вода

потекла между его пальцами, не оставив оболочки или какого-либо инородного вещества. Никаким другим способом нарушить равновесие сил поверхностного натяжения не удавалось. Даже увлажнение не действовало: можно было положить сферу в рот, а потом высушить на ладони.

Айзенберг решил больше не экспериментировать, чтобы не тратить понапрасну оставшиеся шарики, поскольку запас воды был ограничен.

Все сильнее давало о себе знать чувство голода, и Билл обнаружил, что уже способен проглотить немного серой студенистой массы. Может, это не еда, может, это даже отравы, но голодные спазмы в желудке прекратились, да и неприятный привкус во рту исчез после того, как он выпил немного воды.

Поев, Билл попытался привести в порядок свои мысли. Итак, он не умер, а если умер, то, значит, разница между жизнью и смертью весьма несущественна и условна. О'кей, стало быть, он жив. Он заперт в каком-то непонятном помещении и кто-то явно об этом знает, таинственным образом доставляя ему воду и пищу.

Ergo *, его держат здесь в качестве пленника. Значит, должны быть и тюремщики.

Но кто мог взять его в плен? Он был захвачен огненным шаром и очнулся в этой камере. Похоже, док Грейвз был прав и шары управлялись какими-то разумными существами, которые к тому же пользовались неизвестными методами захвата и содержания пленников.

Айзенберг был храбрым человеком, ибо он был представителем рода человеческого — рода не менее безрассудного, чем китайские мопсы. Такая храбрость свойственна большинству людей: человек способен осознать, что такое смерть, но при этом он достаточно легко относится к постоянно существующей опасности погибнуть — в автомобильной катастрофе, на операционном столе, в сражении, в разбившемся самолете, — и в конце концов смиряется с неизбежностью собственного конца.

* Следовательно (лат.).

Билл был обеспокоен, но не поддавался панике и даже находил свое приключение чрезвычайно интересным. Ему больше не было скучно. Он — пленник, а значит, те, кто захватил его, рано или поздно должны дать о себе знать. Изучать его, задавать вопросы, попытаться использовать тем или иным способом. Тот факт, что ему сохранили жизнь, позволяет предположить, что в отношении него существуют какие-то планы.

Прекрасно. Он сумеет подготовить себя к любым неожиданностям. А пока все равно невозможно предпринять что-либо для своего освобождения. Такая тюрьма поставила бы в тупик самого Гудини *. Совершенно гладкие стены. Ни единой зацепки.

Вначале, правда, Айзенберг полагал, что ему удастся выбраться из камеры. Здесь явно были какие-то санитарные устройства для удаления отходов его жизнедеятельности. Но позднее Биллу пришлось отказаться от этой идеи. Похоже, камера представляла собой самоочищающуюся систему. Как это происходит, он не мог понять.

Вскоре он снова заснул.

Когда Билл проснулся, все было по-прежнему, за исключением одной детали: ему снова доставили пищу и воду. «День» прошел в бесплодных размышлениях, без всяких неожиданностей. Следующий «день» тоже. И следующий.

Чтобы узнать, каким образом пища и вода попадают в камеру, Айзенберг решил не спать как можно дольше. Он отчаянно боролся со сном — кусал губы, язык, яростно дергал себя за мочку уха, пытался решать в уме сложные задачи. Но сон все равно одолел его. А проснувшись, он увидел, что его дневной рацион доставлен.

Жизнь в заточении не отличалась разнообразием. Сон, пробуждение, утоление голода и жажды и снова сон. Проснувшись в шестой или седьмой раз, Билл подумал, что нужно вести календарь, чтобы сохранить душевное равновесие. В его положении существовал лишь один способ измерения времени — подсчет ко-

* Гарри Гудини (настоящее имя Эрих Вайс) — американский иллюзионист; показывал трюки с освобождением из оков и т. п.

личества промежутков между бодрствованием и сном. Такой промежуток можно было условно принять за день. Но как вести записи? Ведь у него ничего нет, кроме собственного тела. Айзенберг решил эту проблему, обломив кусок ногтя на большом пальце руки. Получилось что-то вроде иглы для нанесения татуировки. Если несколько раз провести по одному месту на бедре, останется царапина, которая, правда, заживет через пару дней. Но всегда можно ее обновить. Семь таких царапин составляют неделю.

Отмечая недели на пальцах рук и ног, можно было получить календарь, рассчитанный на двадцать недель. А уж за это время обязательно что-нибудь произойдет.

И вот, когда уже вторая семерка бедренных царапин была увековечена царапиной на безымянном пальце левой руки, произошло событие, нарушившее одиночество пленника. Проснувшись в очередной раз, Билл с удивлением увидел, что он не один. Рядом с ним спал человек. Когда Айзенберг окончательно убедился в реальности происходящего — ему часто снились друзья, — он схватил человека за плечо и начал трясти:

— Док! Док Грейвз, проснитесь!

Грейвз открыл глаза, огляделся, сел и протянул руку.

— Привет, Билл, — сказал он. — Ужасно рад вас видеть.

— Док! — Айзенберг хлопнул старика по спине. — Черт возьми! Знали бы вы, как я рад.

— Могу себе представить.

— Послушайте, док, где вы были все это время? Как попали сюда? Вас тоже прихватил шар?

— Все в свое время, сынок. Давай-ка сначала позавтракаем.

На «полу» возле них лежала двойная порция воды и пищи. Грейвз поднял шарик и ловко выпил воду, не уронив ни единой капли. Айзенберг понимающе посмотрел на него.

— Вы здесь довольно давно.

— Верно.

— Столько же, сколько и я?

— Нет. — Грейвз потянулся к еде. — Я поднялся по Столбу Канака.

— Что?!

— Я говорю правду. Вообще-то я разыскивал вас.

— Этого не может быть!

— И все же это так. Похоже, моя безумная гипотеза подтвердилась. Столбы и шары Лагранжа — разные проявления деятельности одного и того же икс-фактора.

Казалось, можно было услышать, как крутятся шарики в голове у Айзенберга.

— Но, док... Послушайте, ведь это означает, что ваша гипотеза была верна. Кто-то действительно создал все это и держит нас взаперти.

— Так и есть. — Грейвз медленно жевал. Он выглядел усталым и постаревшим. — Все говорит о вмешательстве разумных сил. Иного объяснения быть не может.

— Но что это за силы?

— Не знаю.

— Представители иностранной державы с новым вооружением? — Гм-м-м! Вы думаете, что русские, к примеру, стали бы снабжать нас водой таким способом? — Он взял блестящий шарик.

— Тогда кто?

— Не могу сказать. Будем в дальнейшем условно называть их марсианами.

— Почему марсианами?

— А почему бы и нет? Надо же их как-то называть.

— И все же?

— Потому что они явно не принадлежат к человеческой расе. Вместе с тем это и не животные, поскольку они умнее нас. Стало быть, марсиане.

— Но... подождите. Почему вы так уверены, что ваши икс-существа — не люди? Почему вы отвергаете мысль о неизвестном нам научном открытии?

— Справедливый вопрос, — сказал Грейвз, удаляя пальцем с зубов остатки пищи. — Но так уж устроен наш мир, что мы знаем более или менее точно, над чем работают самые выдающиеся умы человечества. Подобные открытия невозможно держать в тайне в течение долгого времени. Кроме того, Икс продемонстрировал

нам принципиально новые технологии, значительно превосходящие уровень нашего развития. *Ipso facto* *, подобные технологии не могут быть созданы людьми. Если же, — продолжал Грейвз, — вы настаиваете на существовании ученого-маньяка и секретной лаборатории, я не стану спорить с вами, но лучше оставьте это для воскресных приложений.

Айзенберг долго молчал, обдумывая услышанное. Потом, наконец, признал:

— Вы правы, док. Черт возьми! В наших спорах вы всегда оказываетесь правы. Это марсиане. Я имею в виду, конечно, не обитателей Марса, а вообще пришельцев с других планет.

— Возможно.

— Как? Но вы же сами сказали!

— Я сказал, что мы принимаем это название условно, для удобства рассуждений.

— Но методом исключения мы придем именно к такому выводу.

— Метод исключения — не самый лучший способ доказательства.

— Тогда скажите, какова ваша точка зрения.

— Я пока не совсем готов. Скажу только, что мы не упомянули психологический аспект, тоже указывающий на вмешательство нечеловеческого разума.

— Что вы имеете в виду?

— Икс обращается с пленниками совсем не так, как это принято у людей. Подумайте-ка об этом.

Им нужно было о многом поговорить, несмотря на то что все их разговоры неизбежно сводились к Иксу. Грейвз дал Биллу краткий отчет о своем путешествии в батисфере. Он умолчал об истинной цели путешествия, но Айзенберг все понял и был тронут до глубины души. Глядя на своего постаревшего, осунувшегося друга, он подумал, что недостойн такой жертвы.

— Док, вы плохо выглядите.

— Ерунда, пройдет.

* В силу самого факта (лат.).

— Вам трудно далось это путешествие. Зря вы его затеяли.

— И все же я справился.

Но Билл видел, что старику с каждым днем становится все хуже.

Проходили дни. Они спали, ели, разговаривали и снова спали. Вдвоем, конечно, легче было переносить унылую монотонность их жизни. Но Грейвз медленно угасал.

— Док, нужно что-то делать с этим.

— С чем?

— Я имею в виду наше положение. То, что случилось с нами, возможно, представляет опасность для всего человечества. Мы не знаем, что творится там, внизу.

— Почему вы говорите «внизу»?

— Потому что вы поднялись в батисфере вверх по колонне.

— Да, это верно. Но мне неизвестно, когда меня вытащили из батисферы и куда отправили после этого. Так что вы хотели сказать?

— Э-э... Ну да, мы не знаем, что могло случиться с людьми за то время, пока мы здесь. Шары могут забирать их по одному, не давая возможности противостоять этому или хотя бы понять, что происходит. Мы с вами, вероятно, знаем, в чем дело. Мы должны выбраться отсюда и предупредить людей об опасности. Должен же существовать способ бороться с этим злом. От нас, возможно, зависит будущее всего человечества.

Грейвз так долго молчал, что Айзенберг почувствовал смущение от чрезмерного пафоса своего высказывания.

Наконец Грейвз сказал:

— Я думаю, вы правы. Мы не можем знать наверняка, но раз существует возможность угрозы человечеству, наш долг — предупредить его. Я и раньше догадывался об опасности, но не имел достаточного количества фак-

тов, чтобы поделиться с кем-нибудь своими подозрениями. Но как мы пошлем предупреждение?

— Мы должны убежать.

— Но как? У вас есть предложения?

— Возможно. Нам не удалось найти ни входа, ни выхода из этого помещения, но они должны быть: нас ведь каким-то образом поместили сюда и каждый день доставляют пищу и воду. Я однажды пытался бороться со сном, чтобы посмотреть, как это делается, но в конце концов заснул...

— Я тоже.

— Ага. Но это и неудивительно. Зато нас теперь двое. Мы могли бы установить дежурство по очереди.

Грейвз кивнул.

— Стоит попробовать.

Поскольку у них не было приборов для измерения времени, они установили такой порядок: один из них дежурил, пока мог бороться со сном, потом будил другого. Однако ничего не происходило. Еда закончилась. Воду они расходовали очень экономно, но в конце концов остался всего один шарик, который они так и не использовали. Каждый хотел уступить последний глоток воды другому.

Неизвестно, сколько времени длилась эта изнурительная вахта. Однажды Айзенберг проснулся, услышав, как кто-то окликнул его по имени. Он сел, шурясь, ничего не понимая со сна.

— А? Кто? Что такое?

— Я, должно быть, задремал, — виновато сказал Грейвз. — Простите, Билл.

Айзенберг огляделся. Обычный дневной рацион был доставлен в камеру.

Билл не стал настаивать на продолжении эксперимента. Во-первых, пришельцы оказались достаточно умны и легко разгадали их хитрость, а во-вторых, Грейвз явно был болен, и у Билла не хватило духу заставлять его продолжать дежурство.

Им так и не удалось узнать что-либо. Не имея под рукой инструментов или материалов для их изготовления, человек становится совершенно беспомощным. Айзенберг пожертвовал бы вечным блаженством ради дрели с алмазным сверлом, ацетиленовой горелки или хотя

бы ржавой стамески. Он подумал, что у них не больше шансов выбраться отсюда, чем у Клео и Пата — прогрызть стенки аквариума.

— Док!

— Да, сынок.

— Мы избрали неверный путь. Если этот Икс разумен, мы должны установить с ним контакт, а не пытаться бежать.

— Но как это сделать?

— Я не знаю. Должен быть какой-то способ.

Пусть даже пришельцы видят и слышат их. Как показать им, что их пленники — разумные существа? Есть ли хотя бы теоретический шанс, что пришельцы воспримут человеческую речь как проявление разума? Ведь люди, находясь в значительно более выгодном положении, так и не научились понимать язык животных. Чем можно вызвать интерес пришельцев? Декламировать «Воззвание Геттисберга» или таблицу умножения? Можно использовать язык жестов, хотя, возможно, азбука глухонемых будет значить для пришельцев не больше, чем сигнал матросского рожка.

— Док.

— Слушаю, Билл, — Грейвз сильно ослаб и разговаривал в последнее время очень мало.

— Зачем нас держат здесь? Вначале я думал, что наши тюремщики в конце концов извлекут нас отсюда и попытаются вступить в контакт. Но, похоже, этого не произойдет.

— Вы правы.

— Тогда зачем мы им? Почему за нами продолжают ухаживать?

Грейвз ответил, помедлив немного:

— Я думаю, они ждут, что мы начнем размножаться.

— Что?! Но это просто смешно!

Грейвз пожал плечами.

— Конечно. Но откуда им знать об этом.

— Они же разумные существа.

Грейвз улыбнулся, наверное, в первый раз за время их пребывания в заточении.

— Вы помните стишок Роланда Янга про блоху?

Чем отличается у блох
Самец от самки — вот загадка.
Но лишь для нас, а не для блох.

Мужчины и женщины прекрасно знают, чем они отличаются друг от друга, хотя внешне эта разница не очень заметна.

Биллу мысль доктора явно пришлась не по душе.

— Но, док, даже поверхностное обследование покажет, что человеческая раса состоит из особей разного пола. В конце концов, мы не первые, кого они изучают.

— Я не уверен, что они нас изучают.

— Тогда что им нужно от нас?

— Может быть, они держат нас, как... домашних животных.

Домашние животные! Мужество Билла Айзенберга не поколебалось перед лицом опасности и неопределенности, но этот удар оказался более чувствительным. Домашнее животное! Он привык думать о себе и Грейвзе как о пленниках или, на худой конец, подопытных. Но домашнее животное!

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, — сказал Грейвз, наблюдая за Айзенбергом. — С антропоцентрической точки зрения все это весьма унижительно. Тем не менее, возможно, дело обстоит именно так. У меня есть одна теория о том, что собой представляет икс-фактор, и о его отношении к людям. Это всего лишь предположение, но оно соответствует известным нам фактам. Дело в том, что наши марсиане могут иметь очень смутное представление о роде человеческом, да и не особенно им не интересоваться.

— Но они же охотятся за нами.

— Возможно. Но возможно также и то, что мы попали к ним совершенно случайно. Многие люди мечтали о встрече с вездомным разумом, представляя себе эту встречу либо как вторжение и войну, либо как исследование и сотрудничество. В обоих случаях предполагалось, что пришельцы достаточно на нас похожи,

чтобы с нами воевать или вступать в контакт: так или иначе, воспринимать нас как равных. Я не верю, что наши существа Икс в достаточной степени заинтересованы в людях, чтобы стремиться поработить или уничтожить их. Вряд ли они нас изучают, даже если заметили факт нашего существования. Может быть, им не свойствен исследовательский дух, то обезьянье любопытство, которое заставляет рассматривать любой движущийся предмет. Но разве сами мы способны наладить контакты с другими формами жизни, существующими на Земле. Вы пытались когда-нибудь расспросить своих золотых рыбок об их взглядах на поэзию и политику? Или узнать мнение термита о роли женщины в его жизни? Или спросить бобра, кого он предпочитает — брюнеток или блондинок?

— Вы шутите.

— Вовсе нет. Нам не дано понять, о чем думают животные и думают ли вообще. Так и в нашей ситуации. Икс вряд ли считает нас разумными существами.

Подумав немного, Билл спросил:

— Но откуда взялись эти пришельцы? С Марса? Или вообще из другой солнечной системы?

— Не обязательно. И даже весьма маловероятно. Скорее всего, они с нашей планеты.

— Но, док...

— Да-да. И нечего так смотреть на меня. Я хоть и нездоров, но пока еще в своем уме. *На сотворение мира ушло восемь дней.*

— А?

— Я использую язык Библии. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле»*. Так и произошло. Но в Библии ничего не сказано о стратосфере.

— Док, вы хорошо себя чувствуете?

— Черт возьми, да бросьте вы свой психоанализ! Это всего лишь аллегория. Я хотел сказать, что мы не

* «Бытие», гл. 1, стих 28.

последняя ступень эволюции. Жизнь зародилась в океане, потом началось развитие: от рыб к земноводным и далее от животных до человека. Но разве эволюция на этом закончилась? Думаю, нет. Для рыб воздух — глубокий вакуум. В свою очередь, мы считаем вакуумом верхние слои атмосферы. Однако там все же есть кислород и солнечная энергия. Так почему бы не развиться разумной жизни? Человечество ничего об этом не знает — оно само существует для этого недостаточно долго. Когда наши пращуры еще раскачивались на деревьях, там уже существовала цивилизация.

Айзенберг глубоко вздохнул.

— Подождите, доктор. Я не отрицаю теоретической возможности того, о чем вы говорите, но почему эта цивилизация никак не проявляет себя? Почему мы не видели их?

— А разве муравей видит человека?

— Но люди — не муравьи. Их зрение более совершенно.

— Смотря для чего. Более совершенно для человеческих надобностей. Предположим, существа Икс находятся слишком высоко, или движутся слишком быстро, или имеют прозрачную структуру. Даже столь заметная и материальная вещь, как самолет, поднявшись достаточно высоко, становится недоступна человеческому взгляду. Если наши марсиане хотя бы полупрозрачны, их просто невозможно увидеть. Хотя описаны случаи, когда на фоне луны появлялись какие-то странные тени.

Айзенберг поднялся и принялся прохаживаться взад-вперед.

— Вы хотите сказать, что прозрачные существа, живущие почти в полном вакууме, могут построить сооружения типа Столбов?

— А как люди построили Эмпайр Стейт Билдинг?

Билл покачал головой.

— Нет, это выше моего понимания.

— Вы и не пытаетесь понять. — Грейвз взял шарик с водой. — Я считаю, что жизнь на планете развивалась в трех независимых направлениях, которые почти не соприкасались друг с другом. Океанская культура, земная культура и так называемая стратокультура. Возможно, существует еще одна форма жизни — под

землей. Нам известно кое-что о жизни в океане. Но знают ли обитатели глубин о нашем существовании? Несколько десятков погружений в батисферах еще не означают массового вторжения. Какая-нибудь рыба, увидев подводный аппарат, скорее всего отправится домой и ляжет спать с головной болью, но никому не расскажет об увиденном. Ей просто не поверят. Если же целая стая рыб заявит то же самое, вызовут рыбупсихолога, которая объяснит все массовой галлюцинацией. Нет, отдельные проявления непонятных сил не способны разрушить ортодоксальные представления о жизни на Земле. Для этого нужно что-нибудь типа Гавайских Столбов.

Айзенберг с трудом сдерживал эмоции.

— Нет, я не могу в это поверить! — сказал он, будто желая убедить себя самого.

— Во что?

— В вашу теорию. Ведь если вы правы, это означает нашу полную несостоятельность и беспомощность.

— Не думаю, что существа Икс захотят воспользоваться этим. Во всяком случае, до сих пор они такой попытки не делали.

— Дело не только в этом. Мы всегда гордились своей принадлежностью к человечеству. Мы стремились к прогрессу и многого достигли. Даже если нас постигали неудачи, оставалось горькое утешение от сознания, что как бы то ни было, мы — самая высоко-развитая форма жизни на Земле. Мы верили в себя и свои достижения в будущем. Но если мы стоим на низкой ступени развития, к чему все эти достижения? Могу ли я заниматься наукой, если я всего лишь рыба, притаившаяся на дне? Моя работа бессмысленна.

— Возможно, так оно и есть.

— А возможно, и нет! Я не сдамся. Не важно, откуда явились эти икс-существа, но они представляют угрозу для человечества. Значит, мы должны выбраться отсюда и предупредить об опасности.

— Как?

Перед смертью Грейвз почти не приходил в сознание. Билл не отходил от него, лишь изредка забываваясь

беспокойным сном. Он уже ничем не мог помочь своему другу, но его забота и участие скрашивали старику последние часы жизни.

Сквозь сон Айзенберг услышал, как Грейвз окликнул его по имени, и тут же проснулся.

— Да, док?

— Мне уже трудно говорить, сынок. Спасибо за заботу.

— Не стоит, док.

— Помните о своей миссии. Когда-нибудь ваше заточение кончится. Будьте готовы к этому и не упустите свой шанс. Людей нужно предупредить.

— Я сделаю это, док. Обещаю вам.

— Хороший мальчик, — и Грейвз добавил чуть слышно. — Спокойной ночи, сынок.

Айзенберг неподвижно сидел у тела Грейвза, пока оно не начало холодеть. Потом, обессиленный долгим дежурством, Айзенберг провалился в глубокий сон. Когда он проснулся, тела не было.

После смерти Грейвза Биллу так и не удалось обрести душевное равновесие. Как ни важна была стоящая перед ним задача — предупредить человечество о грозящей опасности, — порой ему казалось, что он начинает сходить с ума от унылого однообразия бесконечной череды дней, проведенных в одиночестве. Айзенберг не знал даже, сколько времени он находится в заточении. Он был лишен даже такого средства борьбы с монотонностью, которое доступно любому осужденному — отсчета дней, оставшихся до казни. Ведь его календарь — всего лишь результат подсчета периодов сна.

Большую часть времени теперь он был не в себе — вдвойне трагичном состоянии, когда рассудок убеждал его в собственной ненадежности. Периоды душевного подъема чередовались с глубокой депрессией: будь у него хоть какая-нибудь возможность, он бы покончил с собой. В моменты просветления надежда возвращалась к нему, и тогда он строил планы борьбы с существами Икс. Он лично возглавит «крестовый поход». Ракеты и атомные бомбы посыпятся на Столбы. Они будут преследовать чужаков по всей Земле и уничтожат их. Земля снова будет принадлежать людям.

Когда горькая ясность сознания возвращалась к нему, Билл начинал осознавать, что человечество беспомощно перед силой разума существ, сумевших построить Столбы и захвативших их с Грейвзом столь таинственным способом. Могут ли рыбы напасть на Бостон? Что толку обезьянам из джунглей Гватемалы строить планы уничтожения военно-морского флота?

Человечество бессильно что-либо предпринять. Оно достигло высочайшей ступени в своем развитии — и вдруг оказалось, что на Земле есть куда более могущественная цивилизация. Само по себе знание об этом означало конец, оно уничтожит человечество, как уничтожало сейчас Билла Айзенберга. Айзенберг — homo piscis *. Жалкая рыба!

Его изнемогающий рассудок искал возможности предупредить человечество. Ясно, что, если ничего не изменится, он не сможет вырваться отсюда. С этим он уже смирился и даже перестал метаться взад-вперед по своей камере. Но ведь тело Грейвза исчезло. Похоже, существа Икс сбрасывают предметы, не представляющие для них интереса, по Столбу Уахини. Значит, и его мертвое тело в конце концов тоже окажется внизу. Нужно этим воспользоваться. Но как? У него нет никаких средств, чтобы написать послание... И тут ему в голову пришла мысль использовать для этого собственное тело. Куском ногтя, которым он вел календарь, можно нанести татуировку. Если не позволять царапинам зарастать, обновляя их снова и снова, появятся устойчивые шрамы. Послание должно быть коротким, написанным крупными буквами. Будь он полностью в своем уме, может быть, ему и удалось бы составить вразумительное послание.

Айзенберг похудел и ослаб, царапины зарастали плохо, и через некоторое время грудь его была покрыта татуировкой, достойной вождя племени бушменов.

Тело Билла Айзенберга было обнаружено в Тихом океане рыбаком-португальцем, который и доставил его в береговую полицию Гонолулу. Там тело сфотографи-

* Человек рыбий (лат.).

ровали и сняли отпечатки пальцев. Данные отправили в Вашингтон. Так Билл Айзенберг — ученый и член многих научных обществ — был признан погибшим во второй раз. То, что произошло с ним, осталось загадкой.

Капитан Блейк получил официальное извещение о смерти Айзенберга в одном из портов Южной Атлантики. К извещению прилагались фотографии и короткое письмо с просьбой изложить свои соображения по этому поводу.

Капитан Блейк в десятый раз просматривал фотографии. На груди Билла Айзенберга ясно читались буквы, из которых была составлена простая фраза:

БЕРЕГИТЕСЬ! НА СОТВОРЕНИЕ МИРА УШЛО ВОСЕМЬ ДНЕЙ.

Что это могло означать?

Одно было несомненно: у Айзенберга не было этих шрамов к моменту его исчезновения с борта «Махана». Он явно умер не в тот момент, когда был унесен огненным шаром, а значительно позже. И ему удалось что-то узнать. Но что?

Блейк заметил, что в послании содержался намек на Книгу Бытия, но это ни на шаг не приблизило его к пониманию.

Он сел за письменный стол и начал писать отчет в Бюро.

«...Послание мало что объясняет. Лично у меня есть основания полагать, что Гавайские Столбы и шары Лагранжа каким-то образом связаны. Нужно усилить наблюдение за Столбами. Если появятся новые возможности или методы для изучения природы этого явления, они должны быть немедленно использованы. К сожалению, я не могу предложить...»

Поднявшись из-за стола, Блейк подошел к маленькому аквариуму, который был подвешен к внутренней переборке, и сунул туда палец. Измерив уровень воды, он повернулся к двери.

— Джонсон! Я же просил не наполнять аквариум доверху. Пат снова будет выпрыгивать!

— Я сейчас все исправлю, капитан, — стюард вышел из подсобного помещения с небольшой кастрюлей в руках, думая про себя: «Зачем старик держит этих чертовых рыб? Они же его явно не интересуют». Вслух он сказал: — Пату, похоже, не хочется сидеть в аквариуме, капитан. Все время пытается выпрыгнуть. К тому же, я ему не нравлюсь.

— Что вы сказали? — спросил Блейк, мысли которого были заняты таинственным посланием.

— Я сказал, что не нравлюсь ему, капитан. Он пытается укусить меня за палец каждый раз, когда я чищу аквариум.

— Не говорите глупостей, Джонсон.

ОПЕРАЦИЯ «КОШМАР»

— Тебе-то всего и нужно четыре очка... Бросай же!

— Спорю на интерес, что выброшу две двойки!

Никто не отозвался на предложение. Пожилой солдат побренчал костями в стакане и швырнул их о стенку галюна. Один кубик сразу же лег двойкой кверху, другой продолжал кувыркаться. Кто-то заорал: «Пятерка! Ей-Богу, пятерка! Ну, давай же, Фиб!»

Кубик остановился. Двойка. Пожилой солдат сказал:

— Я ж говорил, что со мной лучше не связывайся. Ну, кому еще охота заработать деньжонок на сигареты?

— Хватит, папаша! Мы не такие... Атас!!!

В дверях галюна стояли человек в штатском, полковник и капитан. Штатский сказал:

— Верни деньги, Пистолет!

— О'кей, проф. — Пожилой солдат вытащил две бумажки по доллару. — А остальные — мои.

— Как бы не так, — возмутился капитан. — Я конфискую все как вещественное доказательство. А вы, ребята...

Его прервал полковник:

— Майк, забудьте хоть на минуту, что вы адъютант. Рядовой Эндрюс, следуйте за нами.

Он вышел, остальные потянулись за ним. Они прошли через помещение клуба для рядового состава и оказались на плацу под яростным солнцем пустыни.

Гражданский сказал:

— Пистолет, какого черта...

— Чепуха, проф, попрактиковался немножко.

— А почему бы тебе не практиковаться с Бабулей Уилкинс?

Солдат засопел:

— Вы что, меня за дурака держите?

Вмешался полковник:

— Ты заставил дожидаться себя целую кучу генералов и других важных лиц. Вряд ли это свидетельствует о большом уме.

— Полковник Хэммонд, мне было приказано дожидаться в клубе.

— Но не в галюне же. А ну, подтянись!

Войдя в помещение штаба, они оказались в холле, где часовые проверили их документы, прежде чем пропустить дальше. Какой-то штатский заканчивал вступительное слово: «...На этом можно и закончить рассказ об исторических опытах в университете Дьюка. А вот и доктор Рейнолдс вернулся. Сейчас он приступит к демонстрации...»

Офицеры сели в заднем ряду. Доктор Рейнолдс подошел к председательскому столу. Рядовой Эндрюс подсел к группе людей, державшихся особняком в толпе генералов и важных штатских, заполнявших комнату. В этой группе был человек, похожий на профессионального игрока (таковым он и был в действительности), сидевший рядом с двумя очаровательными рыжими девицами — явно близняшками; за ними развалился на стуле негритенок лет четырнадцати, который, казалось, спал; еще дальше — в высшей степени бодрствующая миссис Энн Уилкинс вязала кружева, бросая быстрые взгляды по сторонам. Во втором ряду сидели студенты и весьма неряшливо одетый пожилой мужчина.

На столе лежали доска для игры в кости, колоды карт, альбомчики для рисования, счетчик Гейгера и свинцовая коробочка. Рейнолдс облокотился на стол.

— Внечувственные восприятия, или ВЧВ, — название, объединяющее ряд малоизученных явлений — те-

лекинез, ясновидение, дальнослышание, умение предсказывать грядущие события, телепатию. Все они существуют. Мы умеем их измерять. Мы знаем, что некоторые люди обладают такими способностями. Но мы ничего не знаем о внутреннем механизме их действия. В Индии, во время первой мировой войны англичане обнаружили кражу военных секретов, произведенную с помощью телепатии. — Видя на лицах аудитории недоверие, Рейнолдс добавил: — Нет ничего невероятного в предположении, что в данную минуту какой-нибудь шпион, находящийся от нас на расстоянии пятисот миль, извлекает из ваших умов сверхсекретную информацию.

Недоверие стало еще более явным. Генерал ВВС с четырьмя звездами произнес:

— Минуточку, доктор... Если то, что вы говорите, верно, какие меры предосторожности нам следует предпринять?

— Никаких.

— Это не ответ. Может быть, нужно обшить помещение листовым свинцом?

— Мы пробовали, генерал. Никакого эффекта.

— Глушение токами высокой частоты? Или еще чем-то на частотах мозговых излучений?

— Возможно, хотя я и сомневаюсь. Если ВЧВ приобретут военное значение, вам придется иметь дело с теми фактами, которые точно установлены на данный момент. Однако вернемся к нашей программе. Эти леди и джентльмены в полной мере наделены даром телекинеза, то есть даром контролировать массу на расстоянии. Намеченный на завтра эксперимент может оказаться неудачным, но мы все же постараемся убедить неверующих, — он улыбнулся кому-то в заднем ряду, — что попытаться провести его все же стоит.

Мужчина в заднем ряду, на которого смотрел Рейнолдс, встал.

— Генерал Хэнби!

Один из пехотных генерал-майоров повернулся в его сторону.

— Да, доктор Уитерс?

— Я просил освободить меня от этой затеи. Мой письменный стол ломится от важнейших материалов, а подобные игры меня совершенно не интересуют.

Командующий генерал хотел было что-то ответить, но четырехзвездный гость положил руку ему на локоть.

— Доктор Уитерс, мой письменный стол в Вашингтоне, вероятно, загружен не меньше вашего, но я прибыл сюда по распоряжению Президента. Не будете ли вы добры остаться? Мне необходим взгляд скептика, чтобы корректировать собственные выводы.

Кипя от возмущения, Уитерс сел на место. Рейнолдс продолжал:

— Но начнем мы все же с других проявлений ВЧВ — не с телекинеза, а с чего-то отличного от него по механизму действия. — Он повернулся к одной из рыжеволосых девиц. — Джейн, пройди сюда.

— С удовольствием, — отозвалась девушка, — только я — Джоан.

— Ладно, пусть будет Джоан. Генерал Ла Мотт, не нарисуете ли вы что-нибудь в этом альбомчике?

Четырехзвездный летчик поднял бровь.

— Что именно?

— Что хотите, только не слишком сложное.

— Ладно, доктор. — Генерал немного подумал и сначала нарисовал девушку, потом ухмыльнулся и добавил к ней пучеглазого волка. Спустя несколько мгновений он поднял глаза от альбома. — Готово.

Пока он рисовал, Джоан возилась со своим альбомом. Рейнолдс протянул его генералу. Рисунки были идентичны, кроме того, что Джоан пририсовала волку погоны с четырьмя звездами. Генерал взглянул на нее, и она ответила преувеличенно невинным взглядом.

— Уверовал, — сухо сказал генерал. — Что дальше?

— То, что мы показали, может рассматриваться и как ясновидение, и как телепатия. Сейчас мы покажем вам чистую телепатию. — Рейнолдс подозвал вторую близняшку и попросил: — Доктор Уитерс, не можете ли вы нам?

— Смотря как...

— Так же, как генерал в прошлом опыте, только Джейн будет смотреть на рисунок из-за вашего плеча, а Джоан попытается воспроизвести его. Нарисуйте что-нибудь посложнее.

— Ладно... О'кей...

Уитерс взял альбом и стал набрасывать сложную радиосхему; Джейн внимательно наблюдала. Вместо подписи Уитерс поставил столь любимую радиолюбителями фигурку Клема — человечка, заглядывающего через забор.

— Отлично, — сказал Рейнолдс. — Ты кончила, Джоан?

— Да, доктор.

Рейнолдс забрал у нее альбом. Чертеж был выполнен безукоризненно точно, но Клему Джоан сделала лукаво подмигивающий глаз.

Шумок, возникший в зале, Рейнолдс прекратил словами:

— Я не стану вам демонстрировать опыты с картами, а перейду прямо к телекинезу. Нет ли у кого-нибудь в зале игральных костей? — Так как никто не отозвался, он продолжал: — У меня есть несколько штук, которые мне предоставила лаборатория физики. Игральная доска и пакет с костями опечатаны печатью лаборатории.

Он вскрыл пакетик и высыпал из него дюжину кубиков.

— Пистолет, как насчет программы по собственному выбору?

— Попробую, проф.

— Генерал Ла Мотт, будьте добры, выберите пару костей и положите их в стаканчик.

Генерал повиновался и передал стаканчик Эндрюсу.

— Сколько выбросишь, солдат?

— Шестьдесят пять генерала устроят?

— Устроят, если они у тебя выпадут.

— Не пожелает ли генерал поставить пятерку просто ради интереса? — Эндрюс ждал, глаза широко открыты, взгляд самый что ни на есть невинный.

Ла Мотт усмехнулся.

— Смотри, не продуйся, солдат.

Он положил на стол пятидолларовый банкнот. Эндрюс накрыл его своей пятеркой, потряс стаканчик и выбросил кости. Одна упала на банкноты — пятерка. Другая ударилась о спинку стула — шестерка.

— Продолжим, сэр?

— Не считай меня таким уж олухом. Покажи еще что-нибудь.

— Как прикажете, сэр. — Пистолет собрал деньги, а затем выбросил 6-1, 5-2, 4-3 и те же цифры, но в обратном порядке. Затем несколько раз подряд выбросил 6-1, а потом вдруг получил «змеиные глаза»*. Попытался еще раз — вышла двойка с единицей, солдат сердито поглядел на пожилую даму. — Мэм, — сказал он, — если хотите играть в кости, то почему бы вам не выйти сюда и не заняться этим делом?

— Что вы! Да как вы можете говорить такое, мистер Эндрюс!

Рейнолдс поспешил прервать спор.

— Ваша очередь подойдет, миссис Уилкинс.

— В толк не возьму, о чем это вы, джентльмены, — сказала она и снова занялась вязанием.

Полковник Хэммонд подсел к рыженьким близняшкам.

— Вы ведь «январские близнецы», не так ли?

— Никак поклонник! — взвизгнула одна радостно.

— Наша фамилия Браун, — ответила другая.

— Пусть будет Браун, — согласился полковник, — но как насчет сеанса для наших ребят?

— Доктору Рейнолдсу это может не понравиться, — отозвалась первая.

— Беру его на себя. Нас ведь управление по культурному обслуживанию армии не обеспечивает — слишком строгий режим секретности. Ну, так как, Джоан?

— Я — Джейн. О'кей, если договоритесь с профом.

— Молодцы. — И он вернулся к Бабуле Уилкинс, которая демонстрировала «селекцию» — каскад шестерок на доске для игры в кости. Доктор Уитерс глядел на это зрелище с весьма мрачным видом.

— Что скажете, док? — спросил Хэммонд.

— Эти опыты меня смущают, — признался тот, — но все идет на молярном уровне и законов элементарных частиц не нарушает.

— А как насчет рисунков?

* Две единицы.

— Я физик, а не психолог. А вот на базовые частицы — электроны, нейтроны, протоны — воздействовать невозможно, для этого нужна аппаратура, сконструированная с учетом законов радиоактивности.

Услышав замечание Уитерса, доктор Рейнолдс сказал:

— Спасибо, миссис Уилкинс. А сейчас, леди и джентльмены, еще один эксперимент. Норман!

Негритенок открыл глаза.

— Чего, проф?

— Подойди ко мне. И попрошу сюда же всю лабораторную группу. У кого-нибудь есть часы со светящимся циферблатом?

Штабные техники присоединили счетчик Гейгера к усилителю, и аудитория услышала негромкие редкие щелчки, говорившие о фоновой радиоактивности; затем к счетчику поднесли часы с радиоактивными цифрами на циферблате. Редкие щелчки сменились градом ударов, сливающихся в барабанный бой.

— Выключите свет, — приказал Рейнолдс.

— Пора, проф?

Тишина нарушалась лишь трескотней усилителя, считывающего уровень радиоактивности пылающих цифр.

— Давай, Норман!

Горящие цифры исчезли. Град щелчков сменился редкими тихими ударами.

В бункере, расположенном на расстоянии многих миль в глубине пустыни, собралась та же компания. Еще дальше находился испытательный полигон — в его сторону выходило окошко с перископом, углубленное в железобетон и снабженное специальным стеклом-фильтром толщиной не менее фута. Доктор Рейнолдс беседовал с генерал-майором Хэнби. Капитан флота с радионаушниками и портативным динамиком принимал сообщения. Он повернулся к командующему:

— Планеры прибыли, сэр.

— Спасибо, Дик.

— Станция «Чарли» — Контролю, — громко зарычал динамик. — Все готово.

Моряк снова обратился к Хэнби.

— Все станции готовы. Цель тоже.

— Начинайте отсчет времени.

— Всем станциям подготовиться к отсчету. Готовность минус семнадцать минут. К контролю времени приступить. Пошел отсчет. Повторяю, пошел отсчет.

Хэнби сказал Рейнолдсу:

— Расстояние для вас значения не имеет?

— Мы могли бы находиться в Солт-Лейк-Сити, раз моим коллегам известны все обстоятельства. — Он поглядел на часы. — Мои, должно быть, стоят.

— Это всегда так кажется. Вспомните хотя бы метроном при первом испытании на Бикини. Я тогда чуть не спятил.

— Могу себе представить. Хм-м, генерал, кое-кто из моих людей явно нервничает. Может, я что-нибудь симпровизирую?

Хэнби мрачно усмехнулся:

— У нас тут заготовлен конференс для зрителей. Доктор Уитерс, вы готовы выйти на просцениум?

Главный физик стоял, склонившись над приборами. Выглядел он очень утомленным.

— Сегодня очередь не моя, — отозвался он скучным голосом. — Этим займется Саттерли.

Саттерли вышел вперед и, поглядев на высших офицеров, штатских шишек и членов группы Рейнолдса, усмехнулся.

— Я тут заготовил для зрителей шуточку, однако она предназначена лишь для очень узкого круга. И все же... — Он взял блестящий металлический шар и поглядел на операторов ВЧВ. — Во время вашей утренней поездки вы уже видели такой. Он был заряжен плутоном. Находится он сейчас там же, где был и тогда, и готов к тому, чтобы сделать «бух» через... через одиннадцать минут. Этот шар стальной, так что прошу ошибок не делать. Хорошенькая получилась бы шуточка — нас буквально на клочки разнесло бы от смеха.

Никто не засмеялся, и он продолжал:

— Впрочем, он весит слишком мало, так что с нами все будет в порядке. Этот макет изготовлен для того, чтобы люди доктора Рейнолдса имели перед собой нечто, что поможет им сконцентрироваться. На атомную бомбу он похож меньше, чем я на Сталина, но изображает (если бы там был плутоний) то, что физики

называют «подкритической массой». Со времени процессов по делам атомного шпионажа всем прекрасно известно, как устроена атомная бомба. Плутоний излучает в единицу времени постоянное число нейтронов. Если масса мала, большая часть нейтронов уходит наружу. Но если она достаточно велика и достигает критических размеров, нейтроны поглощаются в количестве, необходимом для начала цепной реакции. Вся хитрость в том, чтобы создать критическую массу быстро, а потом бежать, спасая свою шкуру. Это занимает буквально считанные микросекунды, а сколько времени именно — умолчу, не желая огорчать офицеров из отдела безопасности.

Сегодня мы намерены выяснить, может ли мысль влиять на масштабы эмиссии плутония. Теория, достаточно надежная, чтобы разрушить два крупнейших города Японии, гласит, что эмиссия каждого отдельно взятого нейтрона — дело случайное, но суммарная эмиссия неизменна, как неизменно движение звезд. А если бы дело обстояло иначе, то изготовить атомную бомбу было бы вообще невозможно.

Согласно стандартной теории, то есть теории, которая подтверждена опытом, эта подкритическая масса имеет шансов взорваться не больше, чем обыкновенная тыква. Наша опытная группа попробует доказать, что это не так. Мои люди сконцентрируют свои силы и постараются увеличить нейтронную эмиссию, благодаря чему шар взорвется, как настоящая атомная бомба.

— Доктор Саттерли, а вы-то сами считаете это возможным? — спросил вице-адмирал с «крылышками».

— Я полагаю это *абсолютно невозможным*. — Саттерли повернулся к членам группы Рейнолдса. — Только, ради Бога, не обижайтесь, ребята.

— Пять минут, — объявил капитан флота.

Саттерли кивнул Рейнолдсу:

— Ваш выход. Желаю успеха.

— Одну минуточку, молодой человек, — затрещала миссис Уилкинс, — эти штучки... нервы...

— Нейтроны, мадам.

— Ну, я же так и говорю... Так вот, мне кое-что непонятно. Вероятно, их изучают в старших классах, а я ушла из восьмого. Так обидно...

Саттерли тоже огорчился, но все же попытался выправить положение.

— ...И каждое из этих ядер потенциально способно испустить вот такой м-а-а-ленький нейтрончик. В этом шаре, — он поднял макет, — помещается примерно пять тысяч миллиардов триллионов ядер, каждое из которых...

— Это ведь ужас сколько получается, верно?

— Мадам, вы совершенно правы. Теперь...

— *Две минуты!*

— Миссис Уилкинс, не волнуйтесь, — вмешался Рейнолдс. — Сосредоточьте внимание на металлическом шаре, что находится там, далеко, и думайте об этих нейтронах, каждый из которых готов вот-вот сорваться с орбиты. Когда я подам команду, я хочу, чтобы вы все, а особенно ты, Норман, думали бы о том шаре, представляли бы, как из него летят искры, словно от светящегося часового циферблата. Постарайтесь сделать так, чтобы этих искр стало больше. Просто постарайтесь. Если ничего не получится, вас никто бранить не будет. Так что — не бойтесь.

Миссис Уилкинс кивнула.

— Постараюсь. — Она отложила вязание и устремила в пространство отсутствующий взгляд.

В ту же минуту всех ослепила неправдоподобно яркая вспышка, прорвавшаяся через массивный стеклянный фильтр. Она осветила каждого присутствующего, а затем исчезла.

Капитан флота воскликнул: «Что за черт!», кто-то закричал: «Она взорвалась! Взорвалась!» Заревел динамик: «Взрыв произошел на отсчете минус одна минута тридцать семь секунд. Контроль, имела место какая-то ошибка... эта штуковина выглядела как *водородная бомба!*»

Накатила взрывная волна и заглушила все прочие звуки. Свет погас, потом со щелчком зажглось аварийное освещение. Бункер качался, как корабль в штормовом море. Яркая вспышка ослепила всех, в ушах стоял рев звуковой волны, а физики уже отталкивали локтями офицеров от перископа. В эту-то минуту на весь бункер и раздалось пронзительное сопрано:

— О Боже!

— В чем дело, Бабуля? Вы-то в порядке?

— Я? О да, да... но мне так жаль... Я же не нарочно...

— Что не нарочно?

— Я как раз начала нащупывать, представляя себе эти крохотные противные нервы, готовые соскочить... Но я не собиралась ничего взрывать... во всяком случае, пока вы не скажете...

— Ох! — Рейнолдс повернулся к остальным. — Еще кто-нибудь спускал курок?

Никто не сознался. Миссис Уилкинс сказала виновато:

— Извините, доктор. Может, у них найдется вторая? Уж на этот раз я буду поосторожнее.

Рейнолдс и Уитерс сидели в офицерском клубе, перед ними стояли чашки кофе, причем физик про свою начисто забыл. Его глаза горели, лицо нервно подергивалось.

— Предела не существует! Расчеты показывают, что более девяноста процентов массы превращается в энергию. Вы понимаете, что это значит?! Если мы примем... впрочем, неважно! Скажем проще: мы можем делать бомбы размером с горошину! Никаких мер предосторожности! Никаких сложных запасных цепей! Ничего, кроме... — Он помолчал. — К месту бомбежки их будут доставлять небольшие сверхскоростные реактивные самолеты с пилотом, инженером-оружейником и одним из ваших операторов. А бомб сколько угодно! Ни одно государство на Земле не сможет...

— Полегче, — произнес Рейнолдс, — у нас слишком мало операторов. Мы не сможем рисковать ими, сажая их в самолеты.

— Но...

— Впрочем, это и не нужно. Покажите им бомбу, дайте фотографии целей, свяжите по радио с инженером-оружейником... Мы разместим их по всей стране, а сами начнем новый поиск людей, обладающих ВЧВ. По моим расчетам, таких примерно один на тысячу восемьсот.

— Разместить по стране, — повторил Уитерс. — Миссис Уилкинс одна может управиться с несколькими бомбами... верно ведь?

— Думаю, да. Испытаем.

— Обязательно испытаем! — Уитерс наконец вспомнил о кофе и выпил его одним глотком. — Извините меня, доктор, я лезу прямо напролом. Слишком много старых представлений приходится пересматривать.

— Это мне понятно. Я сам в прошлом бихевиорист.

Вошел капитан Майклер, огляделся и быстрыми шагами двинулся к их столику.

— Генерал ждет вас обоих, — сказал он тихо. — Поторопитесь.

Их провели в охраняемый часовыми кабинет. Кроме генерала Хэнби тут присутствовали еще генерал Ла Мотт и вице-адмирал Кейтли. Лица военных были суровы. Хэнби протянул какую-то бумагу. Рейнолдс увидел на ней штамп «Совершенно секретно» и вернул ее генералу.

— Генерал, у меня не тот уровень секретности.

— Заткнитесь и читайте!

Рейнолдс пропустил несколько предваряющих кодовых групп:

«Расшифровка. СЕГОДНЯ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВРУЧИЛО НАМ УЛЬТИМАТУМ: ТРЕБОВАНИЕ ПРЕОБРАЗОВАТЬ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В «НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ» ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ КОМИССАРОВ, НАЗНАЧАЕМЫХ СССР. ТРЕБОВАНИЕ ПОДКРЕПЛЯЕТСЯ ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ. В НОТЕ СООБЩАЕТСЯ, ЧТО В ВАЖНЕЙШИХ ГОРОДАХ США (СПИСОК ПРИЛАГАЕТСЯ) ЗАЛОЖЕНЫ АТОМНЫЕ БОМБЫ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ ПО РАДИО, ЕСЛИ США НЕ КАПИТУЛИРУЮТ К ШЕСТНАДЦАТИ НОЛЬ-НОЛЬ БЛИЖАЙШЕЙ ПЯТНИЦЫ».

Рейнолдс перечитал документ дважды. Шестнадцать ноль-ноль в пятницу означало два часа дня послезавтра по местному времени. В наших городах заложены атомные бомбы? Неужели им это действительно удалось? Он с трудом осознал, что генерал Ла Мотт что-то говорит.

— Следует рассматривать эту угрозу как совершенно реальную. Наша децентрализованная организационная структура делает нас естественным объектом нападения.

— А может, они блефуют? — засомневался адмирал. Генерал ВВС покачал головой:

— Они знают, что Президента на испуг не возьмешь. Не следует считать русских дураками.

Рейнолдс все еще не мог понять, по какой причине ему разрешается быть участником подобного совещания. Но тут Ла Мотт взглянул на него.

— Адмирал Кейтли и я немедленно убываем в Вашингтон. Я задержался только для того, чтобы спросить вас: если ваши люди могут взорвать атомную бомбу, *так не могут ли они предотвратить ее взрыв?*

Рейнолдсу показалось, что время растягивается так, будто у него впереди чуть ли не год на то, чтобы обдумать все детали, касающиеся миссис Уилкинс, Нормана и других.

— Могут, — ответил он.

Ла Мотт встал.

— Тогда это ваша забота, Хэнби. Пошли, адмирал.

— Постойте, — запротестовал Рейнолдс. — Дайте мне бомбу и миссис Уилкинс, и я смело усядусь на эту бомбу. Но сколько там городов?

— Тридцать восемь.

— Значит, тридцать восемь бомб, а может быть, и больше. Где они спрятаны? Как выглядят? На какой срок все это может растянуться? Нет, это совершенно невозможно!

— Разумеется. Но делать-то надо! Или хотя бы попытаться. Хэнби, известите, что мы вылетели, ладно?

— Конечно, генерал.

— Прощайте, доктор. Или, возможно, до свидания.

Рейнолдс внезапно сообразил, что эти двое отправляются, чтобы «сесть» на одну из бомб и продолжать выполнять свои обязанности, пока она их не уничтожит. Он торопливо проговорил:

— Мы постараемся. Мы обязательно постараемся.

Тридцать восемь городов... сорок три часа... семнадцать операторов. Были, конечно, и другие, найденные за предыдущие годы исследований, но они разбросаны по сорока одному штату. В стране с диктаторским режимом секретная полиция отыскала бы их в одну минуту и доставила бы в нужное место со сверхзвуковой скоростью. Но ведь это — Америка!

Разыскать! Доставить сюда! Немедленно! Хэнби поручил полковнику Хэммонду выполнение распоряжений Рейнолдса и приказал офицеру секретной службы передать свои обязанности кому угодно, а самому сесть на телефон и, пользуясь личными связями в ФБР и с другими офицерами безопасности, а через них и с полицией, объявить общую тревогу и найти этих обладателей ВЧВ. Найти, убедить, используя любые формы давления, и заставить лететь, как на крыльях, в нужном направлении. К вечеру нашли двадцать три, из них одиннадцать ублажили или обманули, двое уже прилетели. Хэнби позвонил Рейнолдсу и застал его жующим на ходу сандвич.

— Говорит Хэнби. Только что звонил Президент.

— Президент?

— Ла Мотт к нему пробился. Он, конечно, весь в сомнениях, но все же распорядился оказать нам всемерную поддержку, разумеется, кроме той, что может снизить готовность обычных оборонительных средств. Один из его помощников уже час назад вылетел из Национального аэропорта реактивным самолетом, чтобы помочь нам здесь. В общем, мы продвигаемся.

Продвигались они, конечно, медленно, зато, поскольку русские передачи не глушились, разразившийся кризис немедленно стал всеобщим достоянием. Ровно через тридцать минут Президенту пришлось выступить по телевещанию. Рейнолдс его не слышал — дел было по горло. Он имел всего двадцать человек и мог спасти только двадцать городов, а ведь надо было спасать всю страну. Но как? Рейнолдс был уверен, что миссис Уилкинс сможет обезвредить любую атомную бомбу, если ей ее показать. Он надеялся, что на это же способны и другие, но ведь бомбы спрятаны в далеких-далеких городах — их следует сначала отыскать мысленно, потом все обдумать, потом обезвредить, и все это не за микросекунду, которая требуется для взрыва, а за миллиарды микросекунд, потребных на обнаружение бомбы. Возможно ли это?

Как помочь своим людям? Конечно, есть наркотики — кофеин, бензедрин. Ведь людям нужен и покой, верно? Он повернулся к Хэммонду.

— Мне нужна комната с ванной для каждого человека.

— Так это у них уже есть.

— Нет, сейчас в каждой комнате по двое, а все ванны — общие.

Хэммонд пожал плечами.

— Будет сделано. Придется дать под зад кое-кому из генералитета.

— Пусть кухня работает круглые сутки. Спать им не придется, а есть надо. И чтоб все время свежий кофе, кока, чай — все, чего они потребуют. Можно поставить в каждую комнату телефон и подключить его к отдельному коммутатору?

— О'кей. Что еще?

— Пока не знаю. Надо спросить у них.

О русском ультиматуме было уже всем известно, а о том, каковы наши планы, не знал никто. Речь Рейнолдса была выслушана в неловком молчании. Рейнолдс повернулся к Эндрюсу.

— Что ты скажешь, Пистолет?

— Кусок-то больно велик, проф, как бы в горле не застрял.

— Верно. А может, все же сжует?

— Полагаю, придется.

— Норман?

— Ну, босс... как же быть, ежели я их «не вижу»?

— Миссис Уилкинс сегодня утром тоже «не видела» бомбу. И радиацию часового циферблата ты тоже «не видел» — она слишком мала. Ты видел только циферблат и думал лишь о нем. Ну, так как?

— Думать о блестящем шаре где-то в городе?

— Да. Нет, постой! Полковник Хэммонд, им нужно иметь представление о внешнем виде объекта, а он будет совсем другим. Здесь ведь есть наши атомные бомбы — им надо на них посмотреть.

Хэммонд задумался.

— Американская бомба предназначена для сбрасывания или запуска с ракетой, она не может быть похожа на русскую, которую нужно где-то спрятать, чтобы потом «разбудить» радиосигналом.

— А как выглядят те?

— Отдел G-2, надо полагать, знает. Мы попробуем получить от них рисунок или чертеж. И пусть готовят

макет. Придется обратиться к Уитерсу и генералу. — Он вышел.

Миссис Уилкинс сказала деловито:

— Доктор, дайте мне Вашингтон. О'кей?

— Хорошо, миссис Уилкинс, вы единственная, кто прошел испытание практикой, хотя тогдашнее задание было прямо противоположным. Значит, Вашингтон за вами. Этот объект исключительно важен.

— Да я не потому. Его я «вижу» лучше остальных.

— В этом что-то есть, — отозвался Эндрюс. — Тогда я возьму Сизла.

К полуночи Рейнолдс распихал всех своих подопечных (их стало уже двадцать шесть) по комнатам офицерского клуба. Хэммонд и он сам по очереди дежурили у коммутатора, развернутого в верхнем холле. Дежурства операторов должны начаться незадолго до истечения срока ультиматума. Усталость ослабляла ВЧВ, иногда сводя их на нет. Рейнолдс надеялся, что последнюю ночь перед вахтой им удастся поспать как следует.

В каждой комнате был установлен микрофон, селекторная связь позволяла слышать, что происходит у жильцов. Рейнолдсу это было не по душе, но Хэммонд переспорил его.

— Разумеется, это вторжение в частную жизнь. Но разве бомба не вторгается в нее? — Он нажал на клавишу. — Слышите? Этот парнишка — Норман — что-то выпиливает из фанеры. — Он нажал на другую. — Рядовой Эндрюс тоже еще копошится. Мы не можем разрешить им спать во время вахты, когда она начнется, поэтому придется шпионить.

— Возможно, вы правы.

Наверх пришел Уитерс.

— В чем-нибудь еще нуждаетесь?

— Полагаю, что нет, — ответил Рейнолдс. — Как там с макетом бомбы?

— Будет готов на рассвете.

— Насколько он надежен?

— Трудно сказать. Их агенты, надо думать, изготовили спусковые устройства из частей, закупленных

здесь, но они могут сильно различаться между собой. Что же касается основы... что ж, пришлось прибегнуть к настоящему плутонию.

— Пойдет. Покажем им сразу же после завтрака.

Дверь комнаты Пистолета приоткрылась.

— Привет, полковник. Проф, она там.

— Кто?

— Да бомба же. Под Сизтлом. Я ее чувствую.

— Где она находится?!

— Глубоко. И там мокро, как мне кажется. Может, они ее в Саунд * запихали?

Хэммонд вскочил.

— Она в гавани, чтобы залить город радиоактивным дождем! — Он говорил и одновременно набирал номер. — Дайте мне генерала Хэнби!

— Говорит Моррисон, — ответил чей-то голос. — В чем дело, Хэммонд?

— Насчет бомбы в Сизтле. Прикажите поискать ее драгами. Она либо в Саунде, либо поблизости от него под водой.

— Откуда это известно?

— Один из колдунов Рейнолдса. Начинайте! — И он положил трубку.

— Проф, я ее «не вижу», я же не ясновидящий. Почему бы не вызвать сюда кого-нибудь из них? Например, эту крошку Брентано?

— Боже мой! Ясновидящие! Да ведь они нам просто необходимы!

— Доктор, вы считаете... — воскликнул Уитерс.

— Ничего я не считаю, иначе давно бы подумал об этом. А как отыскиваются бомбы? Какими-нибудь приборами?

— Приборами? Бомба защищена так, что даже счетчик Гейгера ни черта не покажет. Их надо вскрывать и смотреть.

— И сколько на это нужно времени? Скажем, на Нью-Йорк?

— Подождите! — сказал Хэммонд, — Рейнолдс, где эти ясновидящие?

Рейнолдс пожевал губами.

* Пьюджет-Саунд — залив, на берегу которого стоит Сизтл.

— Они попадают очень редко.

— Куда реже, чем игроки в кости, — добавил Пистолет, — но если говорить об этой девочке Брентано... Она нашла ключи, которые я потерял, когда рыл окоп. А ведь они оказались под трехфутовым слоем земли. Я тогда всю казарму чуть не перерыл.

— Да, да, миссис Брентано! — Рейнолдс полез за своей записной книжкой.

Хэммонд потянулся к коммутатору.

— Моррисон? Сейчас мы продиктуем вам несколько имен, разыскать этих людей еще важнее, чем прежних.

Важнее, но и труднее: началась паника. Президент уговаривал население сохранять хладнокровие и не покидать дома, но тем не менее больше тридцати миллионов людей бежали из городов. Телетайп в офисе командующего отстукивал:

«НЬЮ-ЙОРК, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК. ЧТОБЫ РАСЧИСТИТЬ ОТ ОБЛОМКОВ ПОСЛЕ АВАРИИ ЧАСТЬ ТУННЕЛЯ ХОЛЛАНД, ВЕДУЩУЮ ИЗ ЦЕНТРА К ПЕРИФЕРИИ, ПРИШЛОСЬ ПЕРЕКЛЮЧИТЬ ДВИЖЕНИЕ НА ЧАСТЬ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩУЮ ВСТРЕЧНЫЙ ПОТОК ТРАНСПОРТА. ПОЛИЦИЯ ОТКАЗАЛАСЬ ОТ НАМЕРЕНИЯ ОСТАНОВИТЬ ЭВАКУАЦИЮ. БУЛЬДОЗЕРЫ ПРОБУЮТ ВОССТАНОВИТЬ ДВИЖЕНИЕ ПО ТРИБОРО-БРИДЖ, СБРАСЫВАЯ ПРЯМО В РЕКУ ИСКОРЕЖЕННЫЕ АВТОМОБИЛИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТРУПЫ. ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ИЗВЕСТИЕ О КАТАСТРОФЕ С ПАРОМОМ В УИХОКЕН, НО СПИСКА ПОГИБШИХ ПОКА НЕТ. СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ: МОСТ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА РУХНУЛ ТО ЛИ ИЗ-ЗА ПЕРЕГРУЗКИ, ТО ЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДИВЕРСИИ. ЕЩЕ ОДНО СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ... ЕЩЕ...»

Подобная обстановка царила повсюду. На автостраде Денвер—Колорадо-Спрингс к полуночи было зарегистрировано 135 смертельных исходов в результате аварий, потом подобная информация уже просто не поступала. Тяжелый ДС-7 врезался в Бербанке в толпу, прорвавшую ограждение. Движение по автостраде Балтимор—Вашингтон забито пробками в обоих направлениях. Все пять выездов из Лос-Анджелеса намертво закупорены горами столкнувшихся автомашин. В че-

тыре утра по восточному времени Президент ввел военное положение. Немедленных результатов этот приказ не принес.

К утру у Рейнолдса был уже тридцать один волонтер, их распределили по двадцати четырем городам. Ему пришлось принять крайне тяжелое решение, разрешив своим людям «держаться» лишь знакомые им города. Все решилось окончательно, когда игрок Кэрш Деньги-Ваши-Будут-Наши сказал: «Док, у меня предчувствие — Миннеаполис *должен* быть моим». Рейнолдс сдался, хотя один из его только что прибывших подопытных был уроженцем этого города. Он посадил на Миннеаполис обоих и молился, чтобы хоть у одного из них предчувствие сработало. Прибыли двое ясновидящих — один совершенно слепой киоскер из Чикаго, которому тут же был поручен поиск бомбы в этом городе, другой же — циркачке-чтецу мыслей просто дали список городов и велели заняться свободным поиском. Миссис Брентано вторично вышла замуж, переехала, и ее разыскивали по всему Норфолку.

В час пятнадцать пополудни, то есть за сорок пять минут до истечения срока ультиматума, все сидели в своих комнатах, вооруженные планами городов, их аэрофотоснимками и фотографиями макетов атомной бомбы. Клуб был полностью очищен от обычных посетителей. Тем несколькими служащим, которые должны были обеспечивать необходимым бригаду операторов ВЧВ, приказали соблюдать полнейшую тишину. На шоссе перекрыли движение, самолетам было запрещено летать в определенном воздушном коридоре. Все должно было создавать условия, чтобы теперь уже сорок два человека могли бы сидеть и *думать*.

У коммутатора находились Хэммонд, Рейнолдс и Мак-Клинтон — помощник Президента. Рейнолдс оторвал взгляд от списков:

— Время?

— Час тридцать семь, — ответил Хэммонд, — осталось двадцать три минуты.

— Час тридцать восемь — поправил его Мак-Клинтон. — Рейнолдс, как у вас с Детройтом? Нельзя же оставить его без защиты!

— Мне некого на него поставить. Каждый прикрывает тот город, который он знает.

— А близняшки? Я слышал, как они упоминали Детройт.

— Так они повсюду выступали, но их родной город — Питтсбург.

— Одну из них переведите на Детройт.

Рейнолдсу очень хотелось послать его подальше.

— Они работают только в паре. Вы что, хотите сбить их с толку и потерять два города?

Не отвечая на вопрос, Мак-Клинтон спросил:

— А кто на Кливленде?

— Норман Джонсон. Он оттуда родом, а по своим способностям занимает среди операторов второе место.

Их разговор был нарушен звуком голосов на нижней площадке. По лестнице поднимался мужчина с чемоданом в руках. Увидев Рейнолдса, он воскликнул:

— О, хелло, доктор! Что случилось? Я занят важнейшим делом — изготавливаю танки, а меня вдруг волокут в ФБР! Это ваши штучки?

— Да. Пошли.

Мак-Клинтон хотел было что-то сказать, но Рейнолдс уже увел приезжего.

— Мистер Нельсон, вы прибыли со всем семейством?

— Нет, они все еще в Детройте. Если бы я знал...

— Погодите. Выслушайте меня внимательно. — Рейнолдс объяснил ситуацию и показал план города и макет атомной бомбы, находившийся в той комнате, куда они прошли. — Вы все поняли?

Желваки на скулах Нельсона ходили ходуном.

— Неужели это возможно?

— Да, возможно. Все, что надо, — это *думать* о бомбе или о бомбах. Войти с ними в соприкосновение, зажать их, не дать взорваться. Придется попотеть.

Нельсон тяжело перевел дух.

— Постараюсь не заснуть.

— Если вам что-нибудь потребуется, звоните по телефону. Желаю удачи.

Рейнолдс возвращался мимо двери слепого яснови-
дящего. Она была приоткрыта.

— Гарри, это проф. Что-нибудь получается?

Владелец комнаты повернулся на голос:

— Она в Лупе*. Я мог бы провести к ней, если б
был там. Дом шестиэтажный.

— А более определенно сказать нельзя?

— Передайте, пусть пошарят на чердаке. Когда я
«поднимаюсь» вверх, становится теплее.

— Передам немедленно. — Вернувшись почти бе-
гом, он увидел, что прибыл Хэнби. Рейнолдс набрал
номер узла связи. — Говорит Рейнолдс. Чикагская бом-
ба в шестиэтажном доме в Лупе, вероятно, на чердаке.
Нет, это все. Будьте здоровы.

Хэнби начал что-то говорить, но Рейнолдс, отрица-
тельно качнув головой, взглянул на часы. Генерал, так
ничего и не сказав, взял трубку.

— Говорит командующий. Любые срочные сообще-
ния передавайте сюда. — Он положил трубку на рычаг
и тоже посмотрел на часы.

Долгие пятнадцать минут прошли в полном молча-
нии. Генерал прервал его, подняв трубку.

— Говорит Хэнби. Есть какие-нибудь новости?

— Нет, генерал. На проводе Вашингтон.

— Вашингтон?

— Да, сэр. Генерал у телефона, мистер Секретарь.
Хэнби вздохнул.

— Говорит Хэнби, мистер Секретарь. У вас все в
порядке? Вашингтон... в норме?

Остальные слушали разговор через усилитель.

— Разумеется, разумеется. Срок ультиматума ис-
тек. Но я хотел бы сказать... Радио Москвы сообщило,
что наши города в огне.

Хэнби искал нужные слова.

— А на самом деле?

— Конечно, ничего подобного. Я напрямую связан с
Генеральным штабом, у которого постоянная связь с
каждым городом в списке. Все они в полном порядке. Не
знаю, был ли толк от ваших ненормальных, но так или
иначе, тревога оказалась ложной... — Голос умолк.

* «Луп» (Петля) — район в центре Чикаго, охватываемый
петлей железной дороги.

Лицо Хэнби помертвело. Он в бешенстве ударил по клавише.

— Нас прервали!

— Это не у нас, сэр... Никак не могу добиться соединения.

— Продолжайте попытки.

Прошло чуть больше минуты, хотя казалось, время тянулось бесконечно, наконец связист доложил:

— Связь восстановлена.

— Это вы, Хэнби? — раздался голос. — Надо полагать, нарушения на линии, подобные тому, что только что имело место, возможны и в будущем. Так вот, насчет этих ВЧВ... Мы им, конечно, благодарны и все такое прочее, но я советую не посвящать в это дело газетчиков. Могут понять все не так, как хотелось бы, знаете ли.

— Вот как? Это приказ, мистер Секретарь?

— О, нет, нет... Просто дела такого рода обычно проходят через мой офис...

— Понятно, сэр, — Хэнби осторожно положил трубку.

— Не следовало вам прерывать разговор, генерал, — сказал Мак-Клинтон. — Я хотел узнать, считает ли шеф продолжение нашей работы необходимым.

— Давайте обговорим это у меня. — Генерал увлек его за собой, но перед этим успел послать Рейнолдсу тоскливый взгляд через плечо.

В шесть часов у дверей комнат были выставлены подносы с едой, вечером многие попросили кофе. Миссис Уилкинс заказала чай. Дверь в ее комнату была постоянно открыта, и она болтала со всеми, кто проходил мимо.

Гарри-киоскер обследовал Милуоки. Из Чикаго ответ на его сообщение еще не поступил. Миссис Экстейн, или «Княгиня Катя» — таков был ее сценический псевдоним, — заявила, что «ощущает» передвижной домик в Денвере, а теперь занялась планами Нового

Орлеана. После того, как срок ультиматума истек, паника немного улеглась, а положение с коммуникационными системами — улучшилось. Американцы говорили друг другу, что все время были уверены в том, что проклятые красные просто блефуют.

В три утра Хэммонд и Рейнолдс потребовали еще кофе. Когда Рейнолдс наливал чашку, рука его слегка дрожала. Хэммонд сказал:

— Вы уже две ночи без сна. Прилягте вон на том диванчике.

— Как будто вы себя чувствуете намного лучше!

— Я посплю, когда вы проснетесь.

— Не могу спать. Меня волнует то, что может случиться, если заснут они. — Он показал на шеренгу закрытых дверей.

— Меня тоже.

В семь утра в коридор вышел Пистолет.

— Та бомба... ее больше нет. Чувство такое, будто разжал кулак, а в нем пусто!

Хэммонд схватил трубку.

— Дайте мне Сиэтл. Местное отделение ФБР.

Пока его соединяли, Пистолет спросил:

— А что теперь, проф?

Рейнолдс попытался сосредоточиться.

— Может, отдохнешь чуток?

— Пока все не кончится, лучше не стоит. У кого Толидо? Мне он знаком.

— Хм... У молодого Барнеса.

Хэммонда соединили. Он назвал себя и задал вопрос. Потом тихонько опустил трубку.

— Они нашли ее, — сказал он шепотом. — В озере.

— Я ж говорил, что там мокро, — буркнул Пистолет. — Так как насчет Толидо?

В семь тридцать пять ворвался Мак-Клинтон, за ним спешил Хэнби.

— Доктор Рейнолдс! Полковник Хэммонд!

— Ш-ш-ш-ш! Тихо! Вы им мешаете!

Мак-Клинтон понизил голос.

— Извините... Переволновался. Но это очень важно. В Сиэтле нашли бомбу и...

— Да, рядовой Эндрюс нас уже известил.

— А? Да откуда он-то мог знать?

— Неважно, — вмешался Хэнби. — Важно, что бомбу нашли с *задействованным* спусковым механизмом. Теперь мы уверены, что именно *ваши люди* спасают города.

— А разве тут могли быть сомнения?

— Ну, в общем... да...

— Но больше их нет, — добавил Мак-Клинток. — Теперь я все беру на себя. — Он наклонился к коммутатору. — Связь? Дайте мне Белый дом.

— Что вы хотите сказать, — медленно начал Рейнолдс, — этим «беру все на себя»?

— Что? Да просто-напросто беру на себя руководство операцией от имени Президента. Будьте добры принять меры, чтобы эти люди ни на минуту не покидали своих постов.

— А вы что собираетесь делать?

— Да ничего, доктор, — быстро вмешался Хэнби. — Просто с этой минуты мы будем находиться в непрерывном контакте с Вашингтоном.

Они продолжали нести вахту вместе. Рейнолдс буквально кипел от ярости и ненависти к Мак-Клинтоку. Ему захотелось выпить еще чашечку кофе, но он решил заменить ее таблеткой бензедрина. Рейнолдс надеялся, что его люди последуют его примеру, но не слишком переусердствуют. Возбуждающими средствами пользовались все, кроме Бабули Уилкинс, которая не желала к ним даже притрагиваться. Ему очень хотелось проверить всех, но он знал, что не вправе — каждая бомба висела на тоненькой ниточке человеческой мысли — отвлекись на секунду — и все...

Загорелся огонек внешнего вызова. Трубку снял Хэнби.

— Конгресс распустили на каникулы, — объявил он, — и Президент вручил контргуарантию русским: найти и обезвредить все бомбы, иначе мы начнем бомбардировку их территории.

Снова вспыхнул огонек внешнего вызова. Хэнби ответил. Лицо его просветлело.

— Найдены еще две. Одна в Чикаго — именно там, где установил ваш парень. Другая в Кемдене.

— В Кемдене? А каким образом?

— Они проводят превентивные аресты коммунистов. Одного из них привезли обратно в Кемден для допроса,

что ему ужас как не понравилось — знал, что находится всего лишь в миле от бомбы. А кто у нас на Кемдене?

— Мистер Димуиди.

— Старикашка? Тот, что прихрамывает?

— Именно. Почтальон на пенсии. Генерал, мы уверены, что в каждом городе только одна бомба?

Ему ответил Мак-Клинтон:

— Нет, конечно. Эти люди должны...

Хэнби опять вмешался:

— Си-Ай * полагает, что так. Исключения — Нью-Йорк и Вашингтон. Считается, что если бы бомб было больше, то список городов был бы длиннее.

Рейнолдс ушел, чтобы снять с дежурства мистера Димуиди. Мак-Клинтон, кипел он, не способен понять, что человек сделан из плоти и крови.

Димуиди ничуть не удивился.

— Знаете, недавно внезапно исчезло ощущение давления, и я испугался, что по-настоящему задремал. Решил, что «отпустил» бомбу и она взорвалась, но тут же понял, что ошибаюсь.

Рейнолдс велел ему отдохнуть, а затем быть готовым прийти на помощь кому-нибудь из товарищей. Они остановились на Филадельфии — Димуиди там жил некоторое время.

Вахта продолжалась. Миссис Экстейн выдала целых три предположения, но ответов на них пока не было, так что Рейнолдсу пришлось продолжать держать все эти три города под неусыпным наблюдением. И тут миссис Экстейн заявила, что ее «зрение» притупилось. Рейнолдс сходил к ней в комнату и уложил спать, даже не посоветовавшись с Мак-Клинтоком.

Подносы с завтраком появились и исчезли. Рейнолдс трудился изо всех сил, стремясь добиться того, чтобы его операторы могли отдохнуть. Сорок три человека и тридцать пять городов — ах, если бы иметь хоть по двое на каждый город! Конечно, возможно, что каждый из них способен контролировать любой город. Нет, проверка подобного предположения может обойтись слишком дорого!

* Разведывательное управление.

Проснулся Барнес и снова взялся за Толидо. Теперь Пистолет был свободен. Может, поручить ему Кливленд? Норман работал бесшумно, а Пистолет как-то раз проезжал через Кливленд на поезде. Цветной мальчуган был просто уникален, хотя и склонен к истерике, тогда как Пистолет... Короче, Рейнолдс был уверен, что, проводи Пистолет даже неделю без сна, он будет последним, кто сойдет с рельс.

Нет! Нельзя доверить Кливленд человеку, который всего лишь раз проехал через него. Но когда Димуиди возьмет на себя Филадельфию, а когда Мэри Клиффорд проснется, он сможет посадить ее на Хьюстон, что даст возможность Хэнку поспать, прежде чем его пересадят на Индианаполис, и тогда...

Настоящая шахматная задача, только все пешки в ней — ферзи, а ошибки недопустимы!

Мак-Клинтон забавлялся переключением селектора, вслушиваясь в то, что происходит в комнатах. Внезапно он заорал:

— Кто-то дрыхнет!

Рейнолдс взглянул на номер.

— Естественно. Это комната близняшек. Они работают поочередно. Вы можете услышать храп еще в двадцать первой, тридцатой, восьмой и девятнадцатой комнатах. Там все о'кей. Они спят после вахты.

— Ну, ладно, ладно. — Мак-Клинтон явно чувствовал себя уязвленным.

Рейнолдс снова склонился над своими списками. Вскоре Мак-Клинтон опять взревел:

— Кто в двенадцатой?

— Что? Подождите-ка... Там Норман Джонсон, Кливленд.

— Вы хотите сказать, что он на вахте?!

— Да. — Рейнолдс услышал астматическое дыхание мальчугана, и это его успокоило.

— Он храпит!

— Нет, он не спит.

Но Мак-Клинтон уже мчался по коридору. Рейнолдс бросился ему вслед, Хэнби и Хэммонд — за ним. Рей-

нолдс успел добежать до двенадцатой комнаты как раз в тот момент, когда Мак-Клинтон в нее ворвался. Норман полулежал в кресле, глаза по обыкновению закрыты. Мак-Клинтон схватил его за ворот и ударил по лицу.

— Продери глаза!

Рейнолдс схватил Мак-Клинтока.

— Проклятый идиот!

Норман открыл глаза и тут же отчаянно разрыдался.

— Она взорвалась!

— Спокойнее, Норман! Все в порядке!

— Нет! Нет! Она взорвалась, и мамми погибла!!!

Мак-Клинтон рывкнул:

— А ну, сконцентрируйся, парень! Принимайся за дело!

Рейнолдс повернулся к нему:

— Убирайся! Убирайся отсюда, пока я тебе морду не набил!

Хэнби и Хэммонд стояли в дверях. Генерал опомнился первым:

— Замолчите, доктор, и займитесь мальчиком.

На командном пункте уже горел сигнал внешнего вызова. Хэнби взял трубку, а Рейнолдс пытался успокоить негритенка. Хэнби выслушал в мрачном молчании, потом сказал:

— Он прав. Кливленда больше нет.

— Он спал! — резко выкрикнул Мак-Клинтон. — Убить его мало!

— Заткнитесь, — ответил Хэнби.

— Но...

— Какие будут приказания, генерал? — спросил Рейнолдс.

— А разве они нужны?

— А весь этот галдеж? Наверняка не менее десятка людей выбиты из колеи.

— Проверим. — Генерал снова вызвал Вашингтон, затем вздохнул с облегчением. — Нет, только Кливленд. Можно сказать... нам повезло.

— Генерал, — стоял на своем Мак-Клинтон, — он спал!

Хэнби посмотрел на него.

— Сэр, может, вы и помощник Президента, но военной властью не располагаете. Вон из моего командного пункта!

— Но я направлен Президентом, чтобы...

— Вон из командного пункта, сэр! Возвращайтесь в Вашингтон. Или в Кливленг!

Мак-Клинтон окаменел. Хэнби добавил:

— Вы хуже заразы. Вы — дурак!

— Я буду жаловаться Президенту!!!

— Вмешайтесь еще раз, и Президент вряд ли доживет до той минуты. Пошел вон!

К ночи ситуация резко осложнилась. Угроза все еще висела над двадцатью семью городами, а операторы Рейнолдса выбывали из строя быстрее, чем успевали обнаруживать новые бомбы. Кэрш Деньги-Ваши-Будут-Наши даже после отдыха был не в силах встать на вахту.

— Пуст, как пересохший колодец. Все.

После этого Рейнолдс проверил всех, кто должен был заступить на вахту, и обнаружил, что некоторые из них безнадежны — короткий сон ничего изменить не смог — они были «пусты».

К ночи осталось только восемнадцать операторов на девятнадцать городов. Близняшкам со слезами пришлось расстаться — и ничего ужасного не произошло. Миссис Уилкинс «держала» Балтимор и Вашингтон — она взяла на себя Балтимор, когда там не оказалось замены.

Но теперь у Рейнолдса уже не было резервов для подмены, и три оператора — Нельсон, Пистолет и Бабуля Уилкинс — работали бессменно. Рейнолдс слишком вымотался, чтобы волноваться. Он просто знал, что если хоть один из них достигнет предела своих возможностей, Соединенные Штаты потеряют город. Паника после гибели Кливленда вспыхнула снова. Дороги были забиты. Развал затруднял поиски бомб, но изменить ситуацию Рейнолдс ничем не мог.

Миссис Экстейн все еще жаловалась на свое «зрение», но работу все же продолжала. У Гарри-киоскера с Милуоки дело не сдвинулось с мертвой точки, но подменять его смысла не было — другие города были для него «белым пятном». За ночь миссис Экстейн обнаружила бомбу в Хьюстоне. Она, — сказала миссис Экстейн, — находится в ящике под землей. Гроб? Да, там есть и могильная плита, но прочесть на ней имя она не может.

Из-за этого покой многих недавно опочивших в Хьюстоне был потревожен. В девять часов воскресного утра Рейнолдс пошел к Мэри Клиффорд, чтобы сказать ей, что она может лечь спать или сменить оператора по Уилмингтону, если у нее еще есть силы. Он обнаружил Мэри в глубоком обмороке, уложил ее в постель, гадая, знает ли она, что бомба в Хьюстоне обезврежена.

Одиннадцать городов и восемь людей. Бабуля Уилкинс «держала» четыре города. Никто, кроме нее, не мог взять на себя даже два. Рейнолдс тупо подумал, какое это чудо, что они все же держатся, — это чудо намного превосходило все, что операторы демонстрировали когда-либо.

Когда он вернулся, Хэммонд поднял на него глаза.

— Заменяли кого-нибудь?

— Нет. Эта девочка Клиффорд выбыла надолго. Значит, в конце концов мы потеряем не меньше полудюжины городов.

— Наверняка некоторые из них уже обезлюдели.

— Будем надеяться. Еще бомбы найдены?

— Пока нет. А как вы, доктор, себя чувствуете?

— Как покойник трехнедельной давности.

Рейнолдс устало рухнул на стул. Он подумал, не стоит ли разбудить кого-нибудь из спящих и посмотреть, в каком они состоянии, но тут внизу раздался шум. Рейнолдс выбежал на лестничную площадку.

По лестнице поднимался капитан военной полиции.

— Приказано доставить ее к вам.

Рейнолдс поглядел на женщину, шедшую за капитаном.

— Дороти Brentano!!!

— Ныне Дороти Смит!

Сдерживая дрожь нетерпения, он объяснил ей, чего от нее ждут. Она кивнула.

— Все это я еще в самолете усекла. Карандаш есть? Тогда пишите: Сент-Луис — в прибрежном складе с вывеской «Барлетт и сын. Оптовая торговля». Ищите на чердаке. В Хьюстоне... нет, ее уже нашли. Балтимор — на корабле в доках, название «Золотой берег». Какие там еще города? Я потеряла уйму времени, вынюхивая там, где ни черта нет.

Рейнолдс уже во весь голос вызывал Вашингтон.

Последней от вахты освободилась Бабуля Уилкинс. Дороти обнаружила еще одну бомбу в Потوماке; миссис Уилкинс грубовато велела ей не лениться. В Вашингтоне всего было четыре бомбы, что миссис Уилкинс, оказывается, знала с самого начала. Дороти нашла их за одиннадцать минут.

Спустя три часа Рейнолдс, который никак не мог заснуть, зашел в гостиную офицерского клуба. Несколько членов его команды закусывали и слушали радиопередачу о нашем воздушном налете на Россию. Рейнолдс даже слушать не стал — ну, разбомбят там Омск или Томск, Минск или Пинск — ему сегодня не до этого. Медленными глотками он пил молоко и думал о том, что никогда в жизни больше не прикоснется к кофе. К его столику подошел капитан Майклер.

— Вас вызывает генерал. Быстро!

— Чего это он?

— Я сказал — быстро! А где тут Бабуля Уилкинс... о, вот она! А кто такая Дороти Смит?

— Та, что сидит рядом с миссис Уилкинс.

Майклер ввел их в кабинет Хэнби. Тот кивнул.

— Садитесь вон там. Вы, леди, тоже. Постарайтесь держаться в фокусе.

Рейнолдс обнаружил, что он находится как раз против экрана телевизора, на котором возникло изображение Президента. Выглядел Президент таким же усталым, каким чувствовал себя Рейнолдс, но все же улыбался.

— Вы доктор Рейнолдс?

— Да, мистер Президент.

— А эти дамы — миссис Уилкинс и миссис Смит?

— Да, сэр.

Президент тихо сказал:

— Вы трое и все ваши коллеги получите благодарность от имени республики. И мою личную — тоже. Но это подождет. Миссис Смит, бомбы еще есть, только они в России. Не может ли ваш удивительный дар обнаружить их там?

— Господи, откуда же мне знать... Можно попробовать...

— Миссис Уилкинс, а вы можете взорвать эти бомбы, хоть они и находятся от вас далеко?

Ко всеобщему удивлению, глаза Бабули блестели так же ярко, как обычно; она была оживлена в высшей степени.

— Мистер Президент!

— Сможете?

Взгляд Бабули устремился в неизвестные дали.

— А вы дайте нам с Дороти тихонькую комнатку подальше отсюда... да чайник с хорошей заваркой. Только чтоб чайник был побольше.

ВОДА ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ КУПАНИЯ

Ему казалось, что жара в долине сильнее обычного, но жарко здесь всегда. Долина Империял — это естественная парилка: она расположена на 250 футов ниже уровня моря, отделена от Тихого океана горами у Сан-Диего, а от Калифорнийского залива — возвышенностью на юге. На востоке между долиной и бурной рекой Колорадо стеной встали Шоколадные горы.

Он остановил машину у отеля «Барбара Уорт» в Эль-Сентро и вошел в бар.

— Шотландского.

Бармен налил ему стакан виски, а рядом поставил стакан с ледяной водой.

— Спасибо. Выпьете со мной?

— Не откажусь.

Посетитель отхлебнул виски, запил его глотком воды.

— Вот как раз нужное количество воды в нужном месте. У меня гидрофобия.

— Чего?

— Я не люблю воду. В детстве я чуть не утонул, с тех пор боюсь воды.

— Да, воду пить противно, — согласился бармен, — но поплавать я люблю.

— Это не для меня. Именно за то я и люблю долину, что здесь нет оросительных каналов, тазов, лоханей и стаканов. Всегда с ужасом возвращаюсь в Лос-Анджелес.

— Если вы боитесь утонуть, — ответил хозяин, — то вам лучше быть в Лос-Анджелесе, чем в долине. Мы здесь находимся ниже уровня моря. Вокруг нас вода, мы на самом донышке. А что, если кто-нибудь вытащит пробку?

— Пугайте этим свою бабушку. Береговая линия — не пробка.

— А землетрясение?

— Чепуха. Землетрясения не сдвигают горы.

— Ну, не обязательно землетрясение. Вы слышали о наводнении 1905 года? Колорадо тогда вышла из берегов и образовалось Салтонское море. Да и насчет землетрясений слишком уж не обольщайтесь: долины ниже уровня моря не образуются сами по себе. Сан-Андреасский разлом огибает эту долину наподобие знака вопроса. Только представьте себе, какой должен был быть толчок, чтобы тысячи квадратных миль земли оказались ниже уровня моря.

— Не пытайтесь меня напугать. Это было тысячи лет назад. Получите, — он положил банкноту на стойку и вышел. Ну и зануда! С таким характером нечего лезть в бармены.

Термометр в затененном проеме двери показывал 118 градусов *. Зной был почти осязаемым — он жег глаза, иссушал легкие, хотя приезжий и шел по теневой стороне дорожки. К машине будет невозможно притронуться: надо было поставить ее в гараж. Он обошел вокруг машины и увидел, что кто-то нагнулся над левой дверцей.

— Черт возьми, что вы здесь делаете?

Человек вздрогнул и обернулся, показав бесцветные хитрые глаза. На нем была пиджачная пара, грязная и неглаженная, без галстука. На руках и под ногтями —

* 118° по Фаренгейту равняются 48° по Цельсию.

грязь, но не трудовая: мозолей не было. Безвольный рот портил его не лишенное приятности лицо.

— Я не делал ничего плохого, — извинился он. — Я только хотел прочитать вашу регистрационную карточку. Вы из Лос-Анджелеса? Не подбросите меня туда?

Владелец автомобиля быстрым взглядом осмотрел салон.

— Хотел посмотреть, откуда я? Тогда зачем открыл бардачок? Следовало бы тебя посадить, — он кивнул в сторону двух помощников шерифа в форме, околавшихся на другой стороне улицы. — Проваливай, бездельник.

Человек посмотрел в сторону полицейских и быстро исчез в противоположном направлении. Владелец машины забрался внутрь, проклиная жару, и проверил бардачок. Не хватало фонарика.

Мысленно списав фонарик в убыток, он поехал в сторону Броули, расположенного пятнадцатью милями севернее. Жара была угнетающей даже для долины Империял. Погода как раз для землетрясения, подумал он, давая волю обычному калифорнийскому предрасудку, потом отбросил эту мысль — ведь ему ее подал тот безмозглый бармен. Обычный день для долины, ну, может быть, немного жарче, чем всегда.

Дела занесли его на несколько отдаленных ранчо между Броули и Салтонским морем, а теперь он возвращался по разбитой проселочной дороге к шоссе. Неожиданно машина затряслась, как будто ехала по булыжникам. Он остановился, но тряска продолжалась, сопровождаемая низким отдаленным гулом.

Землетрясение! Он выскочил из машины, охваченный неосознанным первобытным стремлением выбраться на открытое пространство, убежать от рушащихся башен и падающих кирпичей. Но здесь не было зданий; ничего, кроме пустыни и орошаемых полей.

Он вернулся к машине, вздрагивая при каждом новом толчке. Правое переднее колесо спустилось. Очевидно, шину проткнул острый камешек, когда машина затряслась от первого сильного толчка. Пока он снимал

колесо, ему чуть не стало плохо. Он выпрямился, бледный от жары и усталости.

Еще один толчок, не такой, как первый, но тоже очень сильный, поверг его в панику, и он побежал, но упал, сбитый с ног дикими скачками земли. Потом он поднялся и побрел назад к машине.

Она стояла наклонившись, как пьяница, домкрат из-под нее выбило землетрясением. Он хотел было плюнуть и идти пешком, но от толчков все небо вокруг было в пыли, как в тумане, без той благословенной прохлады, которую дает туман. Он был в нескольких милях от города и сомневался, что сможет дойти туда пешком.

Тогда он снова взялся за работу, потел и тяжело дыша. Спустя полтора часа после первого толчка он поставил запасное колесо. Земля все еще гудела и тряслась время от времени. Он решил ехать помедленнее, чтобы при следующем толчке не потерять управления. В любом случае, пыль не позволяла ехать быстро.

Он понемногу успокоился, приближаясь к шоссе, и тут услышал вдали поезд. Звук поезда нарастал, перекрывая шум мотора. Экспресс, решил он. В глубине его сознания занозой сидела мысль, которую он долго не мог поймать, — что-то с этим звуком не то. И, наконец, понял: после землетрясения поезда не несутся — они еле ползут, а бригада высматривает разошедшиеся рельсы.

Но звук нашел отклик в его сознании. *Voga!* Этот отклик всплыл из самых кошмарных глубин подсознания, из детских страхов. Он помнил этот звук с тех пор, когда в детстве чуть было не утонул в потоках воды, прорвавших плотину. Вода! Высокая стена воды, скрытая где-то в пыли и охотящаяся за ним, *за ним!*

Его нога сама собой вдавила педаль газа в пол; машина дернулась и стала. Он снова завел ее и постарался успокоиться — без запаски по такой дороге опасно ехать слишком быстро. Он заставил себя ехать не быстрее тридцати пяти миль в час и постарался опреде-

лить расстояние до воды и направление ее движения. Теперь ему оставалось только молиться.

Неожиданно перед самым радиатором из пыли появилось шоссе, и он чуть не налетел на большой автомобиль, пронесшийся на север. Через секунду вслед за ним промелькнул грузовик, груженный овощами, затем трактор с прицепом.

Все ясно: он повернул на север.

Через некоторое время он обогнал тот грузовик с овощами, потом какую-то развалюху, в которой ехала семья сельскохозяйственных рабочих. Они что-то кричали ему, но он не обратил внимания. Более мощные машины обгоняли его, а он, в свою очередь, обогнал несколько грузовиков, набитых сезонными рабочими. После этого дорога опустела — с севера не показался никто.

Звук, похожий на шум поезда позади него, все нарастал. Он старательно всматривался в зеркало заднего вида, но в пыльной мгле ничего не мог разглядеть.

У обочины плакал ребенок — девочка лет восьми. Он проехал мимо, почти не заметив ее, потом ударил по тормозам. Он уговаривал себя, что, должно быть, у нее где-нибудь здесь родные и что это не его дело. Проклиная себя, он сначала поехал задним ходом, потом развернулся. Чуть не проскочил в пыли мимо нее, развернулся снова и остановился около ребенка: «Залезай!»

Она повернула к нему свое грязное, мокрое, испуганное лицо, но не двинулась с места.

— Не могу, у меня болит нога.

Он выскочил из машины, схватил ее в охапку и запихнул на переднее правое сиденье. Правая нога ее опухла.

— Как тебя угораздило? — спросил он, выжимая сцепление.

— Когда случилось *это самое*. Нога у меня сломана? — она уже не плакала. — Вы отвезете меня домой?

— Я позабочусь о тебе. Не задавай вопросов.

— Хорошо, — ответила она с сомнением.

Рев позади них все усиливался. Ему хотелось увеличить скорость, но пыльная мгла и ненадежное колесо не позволяли это сделать. Неожиданно перед машиной вынырнул из пыли маленький японский мальчик. Девочка рядом с ним закричала:

— Это же Томми!

— Ну и что? Просто какой-то япошка.

— Это Томми Хаякава. Он из моего класса. Наверное, он ищет меня.

Он опять вырвался про себя, резко повернул назад, едва не перевернув машину, и поехал прямо в нарастающий рев потока.

— Вот он! — закричала девочка. — Томми! Томми!

— Залезай! — скомандовал он, останавливаясь рядом с мальчиком.

— Томми, залезай! — повторила маленькая пассажирка.

Мальчик заколебался; тогда водитель перегнулся через девочку и втащил его за рубашку внутрь.

— Хочешь утонуть?

Только он перешел на вторую передачу, как прямо впереди показалась фигура, машущая руками. Он едва успел заметить лицо человека — это был давешний бродяга-воришка.

Относительно него совесть моя чиста, подумал он. Пусть себе тонет!

Потом на него нахлынули воспоминания детства, и перед его мысленным взором встало охваченное ужасом лицо бродяги. Тот боролся с водой, налитые кровью глаза его повылезали из орбит, а рот был перекошен от крика.

Водитель опять затормозил. На этот раз он не стал разворачиваться; он просто подал машину задним ходом: расстояние было невелико, да и бродяга бежал за ними.

Дверца открылась рывком, и бродяга ввалился внутрь.

— Спасибо, приятель. Давай выбираться отсюда.

— Даю, — ответил он и посмотрел в зеркало. Сквозь пыльный туман он увидел свинцово-черную стену трид-

цати — а может, и ста — футов высотой, летящую прямо на них. Рев воды отдавался в ушах.

Он сразу включил вторую скорость, переключил на третью и выжал из машины все, на что она была способна, плюнув на покрышки.

— Что там? — закричал он.

Бродяга смотрел в заднее окошко.

— Отрываемся. Так и держи.

Они выскочили на неисправный участок дороги, и он немного снизил скорость, понимая, что, если машина сломается окончательно, всем им придет конец. Девочка начала плакать.

— Замолчи! — прикрикнул он.

— Что это? — спросил маленький японец тихим от ужаса голосом.

Бродяга ответил:

— Это прорвался Тихий океан.

— Не может быть! — закричал водитель. — Наверное, это река Колорадо.

— Это не река, приятель. Это океан. Я торчал в пивной в Сентро, когда из Калексико передали по радио, что к югу земля провалилась и идет приливная волна. Потом станция замолкла.

Водитель не ответил. Бродяга продолжал:

— Один тип подбросил меня до Броули, а потом остановился заправиться и уехал без меня, — бродяга оглянулся назад. — Я больше ее не вижу.

— Мы оторвались?

— Черт, нет. Ее все еще слышно. Просто я не вижу ее сквозь мглу.

Они продолжали мчаться вперед. Дорога немного отклонилась вправо, затем почти незаметно пошла под уклон. Бродяга посмотрел вперед и вдруг заорал:

— Эй, куда вы едете?

— Как куда?

— Нам надо свернуть с шоссе! Мы же едем к Салтонскому морю — самому низкому месту в долине.

— Больше некуда ехать. Не можем же мы повернуть назад.

— Нельзя ехать вперед. Это самоубийство!

— Мы ее обгоним. К северу от Салтона опять идет подъем.

— Ничего не выйдет. Посмотрите на указатель топлива.

Стрелка болталась в левой части циферблата. Два галлона, может, даже меньше. Хватит, чтобы доехать до Салтонского моря. В нерешительности он смотрел на трясущуюся стрелку прибора.

— Надо свернуть влево, — продолжал бродяга. — На боковую дорогу. И ехать по ней к горам.

— Где?

— Сейчас покажу. Я знаю эти места.

Когда он свернул на боковую дорогу, то с ужасом осознал, что теперь они едут почти параллельно потоку. Однако дорога шла вверх. Он посмотрел налево и попытался разглядеть черную стену воды, звук которой бился у него в ушах, но дорога не позволяла отвлекаться.

— Видишь ее? — крикнул он бродяге.

— Вижу! Поддай газу, приятель.

Он сосредоточился на горах, маячивших впереди. Горы должны быть выше уровня моря, уговаривал он себя. Они мчались и мчались вперед, сквозь бесконечную пыль, жару и грохот. Подъем стал более крутым. Неожиданно машина перескочила через бугор и попала в старое русло ручья, которое должно было быть сухим, но оказалось наполненным водой. Прежде чем он успел среагировать, машина оказалась в воде по самые оси, даже выше. Он ударил по тормозам, затем врубил задний ход. Мотор кашлянул и заглох.

Бродяга рывком распахнул дверцу и, схватив детей под мышки, зашлепал к берегу. Водитель попытался запустить двигатель, потом с ужасом увидел, что вода поднимается выше уровня пола. Тогда он выпрыгнул из машины, упал на колени, погрузившись по пояс в воду, поднялся на ноги и бросился вдогонку за бродягой.

Бродяга уже поставил детей на небольшом возвышении и теперь оглядывался вокруг.

— Надо выбираться отсюда, — сказал водитель.

Бродяга помотал головой.

— Не имеет смысла. Оглянитесь вокруг.

С юга к возвышенности, на которой они стояли, подбиралась стена воды. Между ними и горами струился небольшой поток, заполняя старое русло, в котором

стояла брошенная машина. К востоку от них основной поток накрыл шоссе и устремился к Салтонскому морю.

Пока водитель оглядывался вокруг, небольшой поток соединился по руслу с основным. Они были отрезаны, окружены водой со всех сторон. Ему захотелось кричать, броситься в поток и переплыть его. Наверное, он и кричал. Он понял это, когда бродяга стал трясти его за плечо.

— Успокойся, приятель. Мы пока еще не утонули.

— Что нам делать?

— Я хочу к маме, — сказала девочка.

Бродяга машинально протянул руку и погладил ее по голове. Томми Хаякава обнял девочку за плечи.

— Я позабочусь о тебе, Лаура, — сказал он храбро.

Вода уже накрыла машину целиком и все продолжала прибывать. Пенящаяся голова потока давно минула их, и рев стал тише. Теперь вода поднималась спокойно — но поднималась.

— Нам нельзя оставаться здесь, — настаивал водитель.

— Придется, — ответил бродяга.

Их жизненное пространство сузилось до площадки тридцать на пятьдесят футов. Они уже были здесь не одни. Койот, кролики, ящерицы, змеи, мыши — все эти бедные родственники пустыни пытались спрятаться от наводнения на маленьком пятачке суши. Койот не обращал никакого внимания на кроликов, а кролики на койота. Самая высокая точка островка была увенчана бетонным столбом с латунной табличкой на боку. Водителю пришлось прочитать ее дважды, прежде чем до него дошел смысл.

Это был знак, указывающий широту и высоту, а ниже шла выгравированная строчка, что данное место «располагается на уровне моря». Когда до него дошло, он показал табличку своему сотоварищу.

— Эй, посмотри! Вода не поднимется выше!

Бродяга ответил:

— Знаю. Я уже его видел. Это ничего не значит. Уровень моря тут был до землетрясения.

— Но...

— Теперь он может быть выше... или ниже. Скоро увидим.

Вода все прибывала. Когда солнце садилось, она доходила им почти до щиколоток. Вокруг простиралась гладкая водная пустыня — от Шоколадных гор до горной гряды на западе. Кроликов и прочих мелких животных унесло потоком. Койот сначала жался около их ног, как это делают собаки, потом, очевидно, передумал, соскользнул в воду и поплыл к горам. Они долго еще видели его торчащую из воды голову, пока она не пропала во тьме.

Когда вода дошла им до колен, каждый взял на руки по ребенку. Они стояли, опершись о столб, и ждали, слишком усталые, чтобы паниковать. И совсем не разговаривали.

Быстро темнело. Неожиданно бродяга спросил:

— Вы знаете молитвы?

— Не очень хорошо.

— О'кей. Тогда я попробую. — Бродяга глубоко вздохнул и начал: — Милосердный Боже, чей взор замечает даже ласточку на лету, смилостивись над Твоими недостойными рабами и избавь их от опасности, если будет на то воля Твоя. — Он сделал паузу и добавил: — Пожалуйста, поспеши. Аминь.

Спустилась ночь, непроглядная и беззвездная. Воды не было видно, но они ее слышали и ощущали. Она была теплой, поэтому, даже когда она дошла им до подмышек, они не замерзли. Дети теперь сидели у них на плечах, прижавшись спиной к столбу. Течение было слабым.

В какой-то момент в них что-то уткнулось: весло, бревно или труп — определить было невозможно. Один раз ему показалось, что он видит свет, и он спросил у бродяги:

— Тот фонарик, что вы украли у меня, все еще с вами?

Наступило долгое молчание, потом приглушенный голос ответил:

— Так вы узнали меня?

— Конечно. Где фонарик?

— Я отдал его за выпивку в Сентро. Если бы я не позаимствовал его тогда у вас, он бы все равно остался в машине. А если бы даже он и остался у меня в кармане, он бы промок и не смог работать.

— Забудьте о нем.

— Ладно. — Бродяга помолчал, затем продолжил: — Приятель, вы сможете некоторое время поддержать обоих детей?

— Думаю, да. А зачем?

— Вода все еще прибывает. Скоро она будет выше головы. Вы поддержите детей, а я залезу на столб, сяду сверху, и вы передадите их мне. Так мы выиграем дюймов восемнадцать или даже два фута.

— А что будет со мной?

— Вы будете плавать, держась за меня, а голова у вас будет над водой.

— Хорошо, давайте попробуем.

Они так и сделали. Дети ухватились за бродягу и висели на нем, а хозяин машины держался сначала за его пояс, потом, когда вода поднялась еще выше, за ворот. Пока все они были живы.

— Уж лучше бы было светло. В темноте хуже.

— Да, — ответил бродяга. — Если бы было светло, может быть, кто-нибудь нас бы заметил.

— Каким образом?

— С самолета. Когда наводнение, всегда высылают самолеты.

Водителя вдруг затрясло: он вспомнил об ужасе того наводнения, когда не было спасательных самолетов. Бродяга резко спросил:

— Приятель, что с вами? Вам плохо?

— Нет, все в порядке, просто я ненавижу воду.

— Может, поменяемся? Вы поддержите детей, а я буду держаться за вас.

— Мы можем их уронить.

— Не уроним. Давайте меняться. — Бродяга потряс детей. — Эй, малыши, проснитесь! Держитесь крепче.

Водитель обхватил столб коленями, а дети перебрались к нему на плечи. Бродяга поддерживал его

рукой. Затем бродяга слез со столба, а он взгромоздился на столб сверху. Бродяга держался за него одной рукой.

— Вы в порядке? — спросил он бродягу.

— Да. Пришлось глотнуть воды.

— Держитесь.

— Обо мне не беспокойтесь.

Водитель был ниже ростом, чем бродяга: чтобы держать голову над водой, ему приходилось сидеть прямо. Дети крепко вцепились в него, а он старался приподнять их над водой.

Спустя некоторое время бродяга спросил:

— У вас есть ремень?

— Есть. А зачем?

— Сидите тихо. — Он почувствовал, как бродяга шарит рукой у него по поясу, потом вытягивает ремень из брюк. — Я привяжу вас к столбу, и вам не придется напрягать ноги. Держитесь крепче, я ныряю.

Он почувствовал, как бродяга ощупывает под водой его ноги. Потом ремень сдавил ноги под коленями и сидеть стало легче: больше не нужно было напрягать мускулы.

Неожиданно бродяга ударил рукой по воде где-то рядом.

— Вы где? — в его голосе слышалась паника.

— Здесь! Я здесь! — закричал он, тщетно вглядываясь в чернильную тьму. — Сюда!

Всплески, казалось, стали ближе. Он снова закричал, но бродяга не отозвался. Он кричал опять и опять, кричал и напряженно слушал. Долго после того, как всплески прекратились, ему казалось, что кто-то бьет по воде руками вдали.

Кричать он перестал только тогда, когда окончательно охрип. Маленькая Лаура рыдала ему в плечо, Томми пытался ее успокоить. Из их разговора он выяснил, что они не понимают, что произошло, и не стал объяснять.

Когда вода опустилась до пояса, он пересадил детей на колени. Руки его устали почти непереносимо, так как спадающая вода больше не помогала ему держать детей. Она продолжала спадать, и к рассвету оказалось, что земля под ними если и не сухая, то, во всяком случае, без воды.

Тогда он разбудил Томми.

— Малыш, я не могу слезть. Развяжи меня.

Мальчик моргнул и протер глаза. Огляделся вокруг, вспомнил все, что случилось, но, похоже, не испугался.

— Хорошо, отпускайте меня.

Мальчику удалось ослабить ремень, и мужчина осторожно высвободился из пут. Когда он спустился и попытался встать, ноги подогнулись, и он упал вместе с девочкой прямо в грязь.

— Не ушиблась?

— Нет.

Он огляделся. Становилось светло, и он уже мог видеть горы на западе: оказалось, что между ними и горами больше нет воды. На востоке картина была другой: Салтонского моря больше не существовало. С севера на юг до самого горизонта простиралась спокойная водная гладь.

Потом он увидел свою машину. Старое русло было сухим, только кое-где остались небольшие лужицы. Он пошел к машине — в основном чтобы размять ноги, а заодно и посмотреть, нельзя ли ее запустить. И там он увидел бродягу.

Тело бродяги лежало около правого заднего колеса, прибитое к нему потоком. Он пошел к детям.

— Не подходите к машине, оставайтесь здесь. Мне надо кое-что сделать.

Ключи все еще торчали в замке зажигания. Он с трудом открыл багажник и вынул короткую лопатку, которую держал там на всякий случай.

Получилась не совсем могила, а скорее неглубокая канавка, только чтобы положить туда тело и присыпать его сверху. Он поклялся, что вернется и сделает все как следует. А сейчас некогда: с приливом вода могла вернуться. Надо было идти в горы.

Засыпав тело, он позвал детей. Нужно было сделать еще одну вещь. Вокруг валялись обломки деревьев, какие-то палки. Он подобрал два шеста разной длины, в машине среди инструментов нашел моток проволоки.

Этой проволокой он примотал короткий шест к длинному, чтобы получился крест, и воткнул этот крест в землю около могилы.

Он отошел и оглянулся назад. Какое-то время губы его беззвучно шевелились, затем он произнес вслух:

— Пошли, ребята. Надо выбираться отсюда.

Он поднял девочку на плечо, взял мальчика за руку, и они двинулись на запад, а солнце сияло им в спину.

Содержание

Назначение в вечность

Бездна, пер. Г. Усовой	7
Иноздесь, пер. М. Пчелинцева	97
Утраченное наследие, пер. Т. Тихоновой	140
Джерри — человек, пер. И. Гуровой	241

Угроза с Земли

Год Резонанса, пер. В. Гольдича	275
По собственным следам, пер. В. Гольдича	321
Колумб был остолопом, пер. А. Волнова	387
Лифт на небеса, пер. Б. Иванова	393
Аквариум с золотыми рыбками, пер. А. Паллерштейна	412
Операция «Кошмар», пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер	450
Вода предназначается для купания, пер. Б. Иванова	481

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

В двадцати пяти книгах

Книга двадцать четвертая

Составитель А. Новиков

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы А. Александрова, И. Васильева,

М. Катаева, М. Проворова, Л. Шилова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Н. Лебедева, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки А. Дашкевич

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзаца: А. Кириллов

Оформление шмуцтитлов: В. Ковалев

ЛР № 062455 от 03.10.94.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.10.94

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 27,04. Уч.-изд. л. 26,74.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-382.

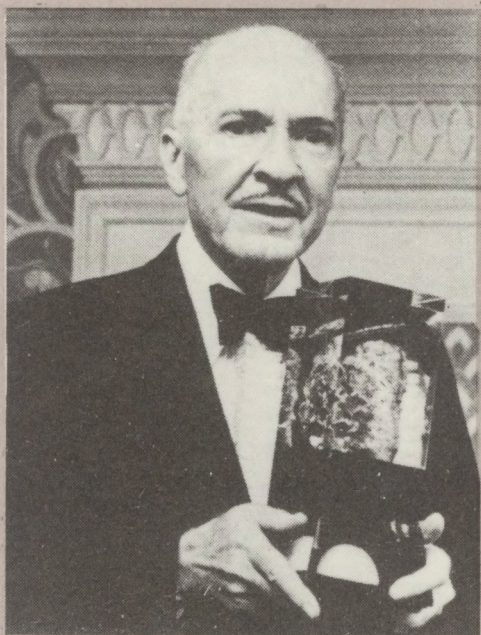
Издательская фирма «Полярис»,

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,

310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publinter